

А-23

ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ

Ф. А. Арсеньева.

15278

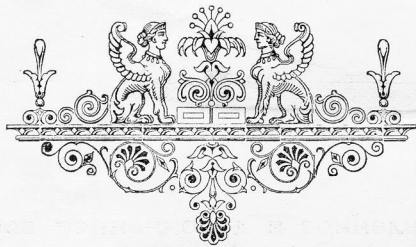
Второе исправленное и дополненное восемью новыми рассказами издание

Н. Магшеева.

МОСКВА.

1885.

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Малкіеля.

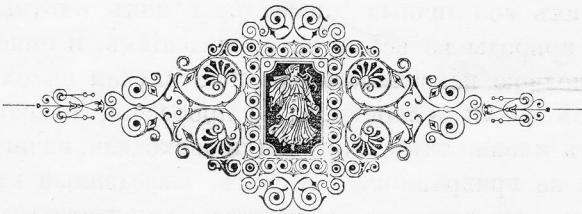
ОТЪ АВТОРА.

Мои охотничьи рассказы не есть руководство для молодых начинающих охотниковъ. Я въ нихъ не говорю о технической части охоты, не даю совѣтовъ выбирать ружья, натаскивать собаку, отыскивать дичь и т. п. Я излагаю въ нихъ мои личныя впечатлѣнія какъ охотника, какъ любителя природы во всѣхъ ея проявленіяхъ. Я описываю въ нихъ съ полною искренностію разные случаи на охотѣ и со мною, и съ моими товарищами по профессіи, стараясь передавать ихъ именно такъ, какъ они происходили, ничего не присочиняя и не прикрашивая. Абрамъ, выведенный въ рассказахъ моихъ, есть личность дѣйствительно существующая и дѣйствующая на охотничьемъ поприщѣ до сихъ поръ неутомимо.

Выпуская въ свѣтъ мои охотничьи рассказы, я рассчитываю на читателей преимущественно изъ кружка охотниковъ. Отъ нихъ однихъ дорого для меня порицаніе или одобреніе. Въ долгіе зимніе вечера, когда завываютъ сѣвѣжные вьюги или трещать морозы, когда охота невозможна и душа охотника томится въ ожиданіи весны или лѣта, возьмите мою книгу, дорогой товарищъ, и побесѣдуйте съ нею: она, быть можетъ, развлечетъ Васъ, перенося Ваши мысли то въ темные лѣса нашего дальняго сѣвера, то на широкія воды шекснинскихъ разливовъ, на эти излюбленные для дичи мѣста, гдѣ приволье и просторъ для охотника господствуютъ еще и донинѣ во всей своей силѣ.

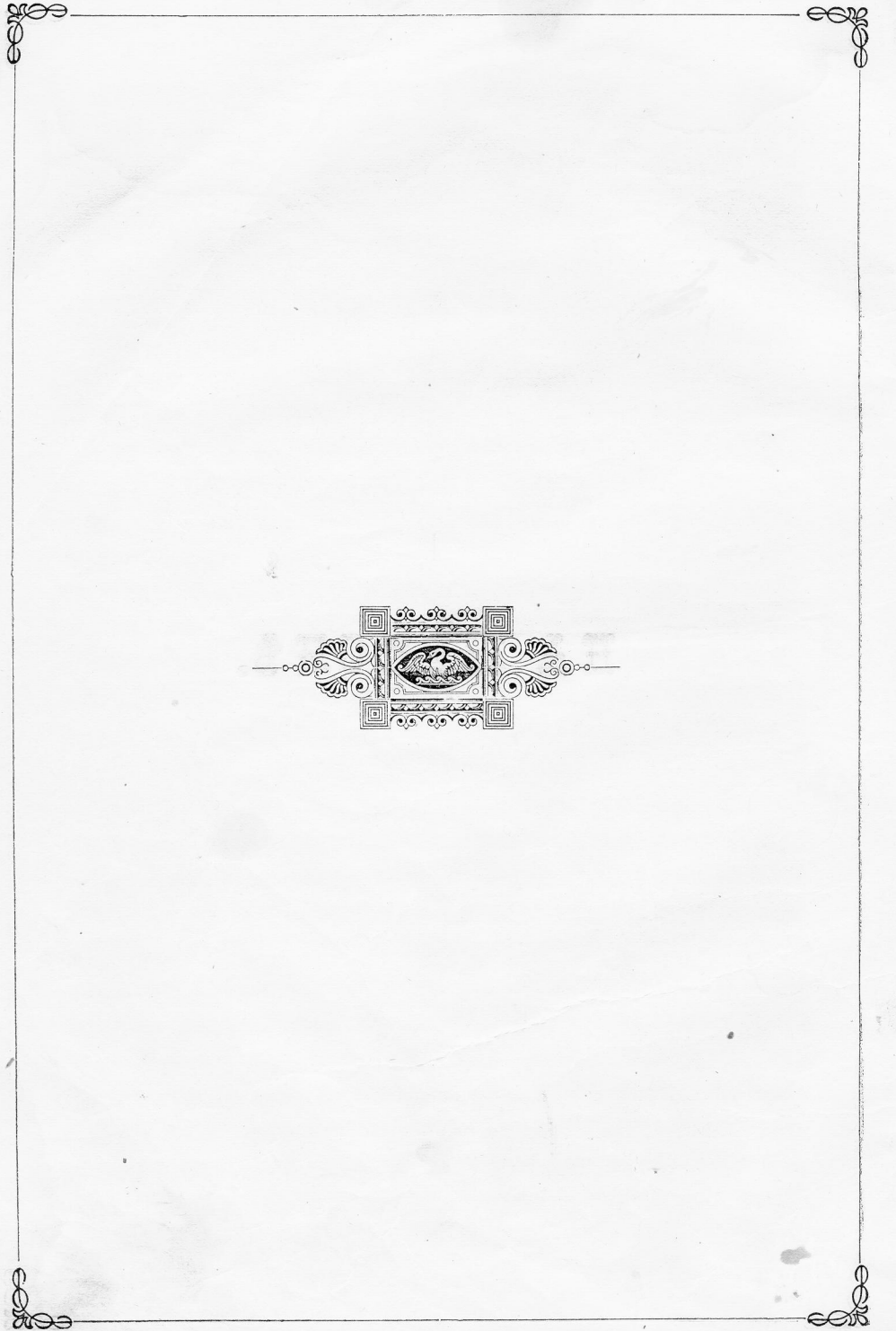

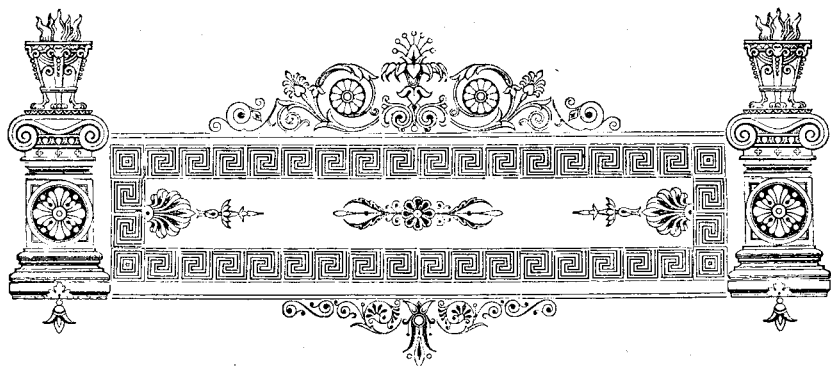
OTF ABTOTA

I.

НА ШЕКЦХЪ.

I.

Охота пуще неволи.

Это было вскорѣ послѣ успеньяго дня. Я заказалъ Абраму разбудить меня до солнечнаго восхода, съ первыми брызгами свѣта. Къ охотѣ все приготовлено было съ вечера: ружье вычищено, патроны начинены, попутники: яйца въ густую, сочни, пирожки съ свѣжею капустою, соль въ бумажкѣ, фляжка водочки—все это завернуто въ салфетку и положено въ ягдташъ; охотничье платье подъ руками, около постели, собака накормлена и уложена подъ кровать; даже двери, въ избѣжаніе скрипучаго завыванія, смазаны свѣчнымъ саломъ; словомъ все на чеку, для того, чтобъ на утренней зарѣ, въ самый сладкій спень, безъ шуму и хлопотъ, не тревожа домашнихъ, встать, одѣться и поскорѣе отправиться на облюбованныя мѣста, о которыхъ обсуждено было тоже съ вечера. Предположено начать поле съ Кершинскихъ росчистей и обойдти около полось, засѣянныхъ овсомъ: не попадутся-ли тетеревишки: они обыкновенно сдаются въ эту пору въ яровые хлѣба. Потомъ пройти болотной дорогой и нивами на ручей Вязовицъ, гдѣ предполагалась охота на утокъ. Оттуда на рѣку

Шуйгу, на Барскую заводь, на Кривосскія озера и на другія мѣста. Всего предстояло выходить версть двадцать. Впрочемъ, какъ усчитать версты охотнику: тутъ захочется обойти болото, тамъ озеро, индѣ придется вернуться назадъ версты полторы, а индѣ, кружась на одномъ мѣстѣ, не замѣтно выходить версты двѣ, три, отыскивая разбившійся по одиночкѣ тетеревиный или курапатичій выводокъ.

Въ три часа утра растолкалъ меня Абрамъ отъ глубокаго (что въ ожиданіи охоты, надо оговориться, рѣдкость) и, помнится, очень пріятнаго сна. Миѣ снилось, что я богатъ, что у меня много денегъ и красавица жена.

— А что погода? спросилъ я Абрама.

— Да такъ себѣ, отвѣчалъ онъ; дождичекъ накрапываетъ, вѣтерокъ.

Я началъ одѣваться. Армида вылезла изъ подъ кровати, отряхнулась и зѣвнула заунывнымъ зѣвкомъ; потомъ потянулась, пристально посмотрѣла на меня и, догадавшись къ чему я готовлюсь, начала выражать свою радость виляніемъ хвоста, прыжками и тихимъ визгомъ. Черезъ десять минутъ мы вышли.

Погода была прескверная, небо заволокло тучами, въ воздухѣ сыро и холодно, вѣтеръ какой-то непостоянный, то подуетъ съ одной стороны, то съ другой. Дождикъ брызгалъ вяло, съ промежутками и вовсе не походилъ на дождикъ, а на что-то такое, въ родѣ вспрыскиванія нѣсколькими каплями, какъ-бы нечаянно оторванными отъ облаковъ и заносимыми вѣтромъ... Изъ-за лѣсу поднималось черное облако и толстымъ слоемъ расплзлось по небу. Его клочковатая форма и темносиній цвѣтъ стращали серьезнымъ дождемъ.

— Дрянъ—погода! Оттуда будетъ большой дождикъ, сказалъ я Абраму. Не воротиться-ли домой, да не залечь-ли спать? А? Какъ ты думаешь?

— Что дождикъ: не сахарные, не растаемъ. Какова пора—

ружья въ чехлы уберемъ, а сами подь стогъ. А не то, пожалуй, и домой. Какъ сами знаете...

Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, не сахарные, не растаемъ. Отчего же не идти, коли есть еще возможность.

Каждому истинному охотнику понятно чувство, начинающее по своему беспокоить его съ той поры, какъ онъ задумалъ идти на охоту; въ особенности же съ того часа, когда уже онъ собрался на нее и вынужденъ еще пережить цѣлую ночь до ея начала. Это какое-то особенное, строптивное чувство: его мудрено объяснить. Я, по крайней мѣрѣ, не берусь подводить его подъ психическія начала, хорошо зная, впрочемъ, что оно имѣетъ свой особенный характеръ, что оно тревожно, докучливо, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно и доступно только душѣ охотника. Охотничья страсть начинаетъ разбираться еще съ вечера; тутъ разсчитаешь удачу, даже всѣ мѣткіе выстрѣлы, весь ходъ охоты со всѣми ея удовольствіями такъ и рисуется въ воображеніи. Ляжешь пораньше спать, чтобы заpastись силами: не тутъ-то было, — сонъ наступаетъ трудный, безсвязный; его нельзя даже назвать сномъ; это какой-то полу-сонъ: то и дѣло открываешь глаза. Иногда и никакого сна нѣтъ: тревожно ворочаешься съ боку на бокъ, да прислушиваешься, въ ожиданіи желаннаго времени, къ бою стѣнныхъ часовъ, и считаешь качаніе маятника. Вотъ, наконецъ, дождался, вышелъ изъ дому и что же?—холодно, вѣтеръ, дождикъ; погода скверная, вовсе неудобная для охоты. Планы разрушаются, а не хочется, чтобы они разрушились. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Чтобы не ворочаться, начинаешь природу объяснять по своему: находить что холодно потому именно, что еще утро; что солнце еще низко, поднимется повыше—обогрѣетъ; что изъ этихъ облаковъ дождика не будетъ — ихъ пронесетъ вонъ туда, вѣтеръ затихнетъ, день долженъ разгуляться. Словомъ, какая-бы погода ни была, непременно най-

дется возможность отправиться въ поле, если ужь собрался. Такъ ужь это бываетъ съ охотниками всегда, такъ было и съ нами въ ту пору. Объяснивъ настоящее состояніе погоды въ свою пользу и найдя ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже весьма благоприятною для отысканія дичи, мы нахлобучили фуражки, подхватили ружья замками подь мышку, чтобы не замekli, и рѣшительно отправились на мѣста.

Армида бѣжала впереди шагахъ въ сорока. Она искала довольно усердно, но ничего не могла причуять. Обойдя яровой хлѣбъ и два небольшихъ болотца, мы повернули въ некошенныя нивы. Погода дѣлалась хуже, вѣтеръ дулъ сильнѣе, черное облако росло и быстро подвигалось къ намъ; дождикъ крупнѣлъ.

Намъ пришлось идти высокимъ пыреемъ. Пожелтѣвшіе листья его и обсоломѣвшіеся стебли смотрѣли осенью. Собака занскала. Слѣдъ былъ горячій. Она быстро бросалась то на ту, то на другую сторону, круто поворачивалась и дѣлала прыжки. Подобный безпокойный искъ бываетъ по увертливой, бѣгучей дичи: по коростелю, или по болотной курочкѣ. Эта дичь чрезвычайно утомляетъ собаку и портитъ ее стойку.

— Видно сову по полету: по дергачу щцетъ проклятая. Армида, назадъ! назадъ, Армида! свирѣпо закричалъ Абрамъ.

— Не трогай ее, братецъ! «На безрыбьи и ракъ рыба,» — убьемъ хоть дергача, сказалъ я Абраму, излаживаясь стрѣлять.

— Стоитъ терять зарядъ на этакую дрянъ, еслибъ...

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ коростель, всунутый собакою, взлетѣлъ изъ высокой травы и отвѣсивъ неуклюжія ноги, торопливо потянулъ къ лѣсу. Я выстрѣлилъ, коростель упалъ, Армида подала его.

— Ну вотъ хорошо — начинъ полю есть, сказалъ Абрамъ уже совсѣмъ другимъ тономъ, бережно укладывая коростеля въ ягдташь.

— А не самъ-ли говорилъ: дичь дрянная, выстрѣла не стоитъ?

— Штука-то не въ томъ, а что пуделя по первой не дало — вотъ это хорошо! На все, батюшка, своя примѣта есть, вотъ что!

Между тѣмъ дождикъ становился все сильнѣе и сильнѣе. По чрезвычайному шуму съ той стороны, гдѣ растянулось большое, темное облако, можно было догадываться о скоромъ прибытіи ливня.

— Каковъ дождикъ лупить. Насъ вымочить до послѣдней нитки, надобно бѣжать вонъ подъ тотъ стогъ, сказалъ я Абраму, вбивъ послѣдній пыжъ въ ружье, и накладывая пистонъ.

— Управляйтесь скорѣе, да и побѣжимъ: а то и впрямь вымочить.

Стогъ былъ саженьхъ въ пятидесяти. Мы скоро до него добѣжали и усѣлись со стороны, противоположной дождю, натеребивъ сперва подъ сидѣнье побольше сѣна. Армида помѣстилась между нами, крѣпко свернувшись въ клубокъ и прижавшись къ стогу. Черезъ минуту спустился ливень.

— Экъ жарить; точно изъ ведра! замѣтилъ Абрамъ, глядя на дождикъ.

— Да, большой дождикъ. Хорошо, что мы во время убрались.

— А вѣдь этакой дождикъ лучше: скорѣй очистить. Не то, что жмычка сѣть себѣ какъ въ сито. Ужъ тогда не жди, чтобъ прояснило: ненастье на весь день; а здѣсь духомъ все пронесетъ.

— Да, это правда.

— Бывало маленькіе, заговорилъ Абрамъ голосомъ воспоминанія, въ такой дождикъ бѣгаемъ босикомъ по лужамъ, да поемъ:

Дождикъ, дождикъ—пуще,
На улицѣ—гуще...
Дождикъ, дождикъ перестань,
На улицѣ—горностай...

— Перегрязнился—горя мало. Изъ лужъ вонъ неидемъ, пока matka прутомъ не пугнетъ.

— Да, мало ли чего не бывало!

Я задумался. Простое воспоминаніе Абрама навело на меня воспоминанія довольно запутанныя и сложныя о прошломъ. Какъ хороши беззаботныя, дѣтскіе годы! недаромъ ихъ называютъ золотымъ временемъ: тогда каждая затѣя заманчива, каждая игра—радость. Послѣ же, когда вступишь въ жизнь, сколько чувствъ и мыслей истратишь по напрасну, сколько обидъ и оскорбленій перенесешь ни-за-что, какой длинный итогъ неудачъ и ошибокъ накопится изъ разныхъ отношеній съ людьми!

И почему это такъ неловко живется на свѣтѣ? Немного намъ дано времени для жизни, а мы и это-то немногое не умѣемъ прожить удобно и покойно...

Дождикъ шелъ. Тучки быстро переносились по небу. Съ востока прояснялось. Вдали, надъ лѣсомъ зачернѣла какая-то движущаяся точка. Я сталъ ее наблюдать. Точка все болѣе росла и приближалась; вскорѣ не трудно было разсмотрѣть стадо журавлей, клиномъ тянувшихъ на югозападъ. Они летѣли на высотѣ виѣ ружейнаго выстрѣла, тяжело размахивая брыльями.

— Вотъ и журавли въ отлетъ держать; что - то рано нынѣшній годъ: видно раннюю зиму чувствуютъ.

— А куда высоко летять. Что, если бы такое ружье, чтобъ оттоль спустить? сказалъ Абрамъ, разсматривая стадо журавлей, летѣвшихъ въ это время прямо надъ нами.

— Пулей можно, кто хорошо стрѣляетъ.

— На лету-то?... пулей-то? да не ужто есть такіе стрѣлки?

Ярославлѣ на пятачекъ купилъ и кажинный разъ съ собой бралъ, пока вся не вышла. Говорять, отъ призору-то она больно пользительна.

— Окурился, да и за рябчиками?

— Нѣтъ, ужъ было поздно; да къ тому же и проголодался сильно, не до рябчиковъ!.. Сѣли съ братомъ за кашницу—медовымъ кушаньемъ показала: такъ на пузырились, что на поди...

— Гдѣ же журавль?

— Вы погодите! Вотъ, думаю, завтра будетъ утро важное; на сушу слетятся токовать тетеревьѣ, робѣтъ нечего—сдѣлать шалашъ въ пригодномъ мѣстѣ, да и забратъся въ него на ночевку. Въ Сосновицахъ широко, да и лѣсно; дай поѣду на Оленьевскіе сугривки! Петря остался въ Сосновицахъ, а я нарубилъ ельнику для шалаша, да и маршъ — прямо на тотъ островокъ, что на которомъ нива - то, да еще по среднѣ три большія осины. Промежъ ихъ сдѣлалъ я себѣ важнѣющій шалашъ и завалился спать. Долго-ли, коротко-ли я спалъ, ужъ не знаю; только ранехонько еще, лишь занялась заря, разбудилъ меня тетеревъ: какъ чувывкнетъ, проклятый, надъ самымъ ухомъ—я такъ и вскочилъ. Осмотрѣлъ: вижу, — сидитъ на дорожкѣ (отъ шалаша вдоль гривы шла прямая дорожка) и началъ керкать... Керкалъ, керкалъ и затоковалъ, близехонько отъ меня, сажени съ три. Я не билъ: зачѣмъ, молъ, его бить: токовикъ, можетъ — назоветь много. Опять прилегъ; не сплю, слушаю — не прилетятъ ли къ токовику. Вдругъ захопотало; тетеря... да и угораздилъ ее прахъ сѣсть на мой шалашъ. Что тутъ дѣлать? Боюсь пошевелиться, — шалашъ низехонный — услышитъ, улетитъ... И случись же грѣхъ такой: захотѣлось мнѣ на ту пору чихнуть. Я крѣпнись... Нѣтъ, приспичило, не въ терпежъ. Я мизинцы въ ноздри заткнулъ наплотно. Не тутъ-то было: свербитъ въ носу, да и конецъ

дѣлу. Бился, бился, — чтожь бы вы могли думать? — вѣдь не могъ утерпѣть: чихнулъ-таки-чихнулъ, проклятая сила!.. Улетѣла тетеря. А токовикъ жаромъ жарить. Прилетѣлъ тетеревъ, сѣлъ на осину — этого срѣзалъ, мой! Потомъ еще тетеря, на осину же; тоже моя. Вдругъ, откуда ни возьмись, два журавля — бухъ къ самому шалашу: одинъ за осину — не видать; другой на дорожку — весь на-чистѣ! Въ ту пору со мной были два ружья: мое, да ваше персидское, съ боченкомъ, что казна въ серебрѣ. Ружье харчистое, бьетъ славно. Дай, думаю, цапну изъ этого смертодава. Приложился вѣрно; да и что тутъ не вѣрно: цѣлая мостина сажень въ двѣнадцать: чему тутъ быть, разражу, думаю. Бацъ! палъ жаравъ. Другой полетѣлъ. Потомъ воротился назадъ и началъ летать вокругъ; а самъ кричить въ одну душу! Самецъ должно быть. Разъ пять облетѣлъ во-кругъ гривы и потянулъ къ Сосновицамъ. Токовикъ мой не слетѣлъ: знай себѣ наяриваетъ, только отдался отъ шалаша-то подальше. Я высматриваю, какъ бы мнѣ и его убить. Нельзя, за кустомъ пришелся; чуть видно — чернѣть... Жаравъ трепещется. Началъ вставать, а силы-то нѣтъ: встанетъ, да падетъ, встанетъ, да падетъ... Бился, бился — поднялся кое-какъ на одну ногу, стоитъ, ощипывается своимъ длиннымъ-то носомъ. Тѣмъ временемъ тетеревъ выбрался на дорожку. Я изъ Персидскаго-же, поминовавъ жаравля, бацъ въ тетерева, — перевернулся! А того, проклятаго, вдругъ какъ будто кто сзади-то кнутомъ дернулъ: замахалъ, замахалъ крыльями, да и поднялся, да и полетѣлъ и полетѣлъ... только я его и видалъ. Я такъ и остолбенѣлъ: ну, молъ, оказія!.. не даровое это! нечисто!

— Ужь не лѣшій-ли, по твоему, былъ журавль?

— Грѣшникъ, что таить: этакъ и подумалъ...

— Такъ и улетѣлъ?

— И улетѣлъ!

— Досадно было?

— Какъ же не досадно? Дѣло-то вышло диковинное, небывалое. Сами посудите — сколько времени лежалъ чуть живъ и улетѣлъ! Ну, хоть бы я стрѣлялъ его далеко, ранилъ; а то близехонько и изъ какого ружья!.. Вѣдь тетерева-то я убилъ шаговъ въ семьдесятъ—не совстрепенулся!

— Что же зѣвалъ? ну, другой бы разъ въ него.

— Не чаялъ я въ проклятомъ такой совѣсти; а то гдѣ-бы не хватить? Не въ-домекъ дураку, что крылья цѣлы: гдѣ, моль, улетѣть: мой, да и все тутъ! а убѣжать некуда. Ужъ такая оплошка.

— Дрянъ дѣло, Абрамъ; часто случаются съ тобой такія оплошки.

— Ну, случись въ другой разъ — не дамъ маха. Съ недѣлю или съ полторы послѣ этого, сидѣлъ я въ шалашѣ на току у озера. Передъ солнечнымъ восходомъ густой туманъ сдѣлался: такъ и стелется по озеру. Вотъ въ туманѣ и вижу, что-то шагаетъ большое такое. Знать, думаю, жаравъ... Попался же проклятый! я изъ одного ствола — баць! Палъ, потомъ справился и ну бѣжать. Я изъ другого—свалился. Подхожу брать: что за чудо? Такой диковинный птицы отродясь не видывалъ: жаравъ не жаравъ, цапля не цапля; вся искрасна, словно ржавчиной покрыта; носина большущій и долгоногая, а на груди нѣ борода. Принесъ домой—говорять—зыпь кабая-то.

— Кабая зыпь! Выпь развѣ?

— Выпь, что-ли; кто ее знаетъ. Такая чудная птица. Степанъ Иванычъ говоритъ: зажарьте — ѣсть стану, самое скусное мясо. Стали потрошить; а въ ней ящерицы, лягушки и всякая гадина. Нашу Ѳедору съ души смутило. Такъ и бросили.

— Такъ не задача тебѣ на журавлей.

— Да, не задается. Но чтобы нарочно за ними ходить—

и вѣдь не хаживаль. Сами знаете,—у насъ ихъ малость; да и охота-то трудна больно за ними: сторожки, проклятые, никакимъ манеромъ подобраться нельзя. Вотъ, въ романовскомъ уѣздѣ, подѣ Никольскомъ, въ осеннее время ихъ тма — тмущая; примѣни — овецъ. Мѣсто эдакое широкое, плоское; они и стануютъ тутъ. Романовскіе охотники давно точать на нихъ зубы; да тоже ничего не могутъ подѣлать. Разъ какъ-то человекъ десять ѣздило, и Ѳедоръ Павлычъ тутъ же, и ружья у кого картечами, у кого пулей заряжены были; да плохо—ни одного не убили.

— Что же? Не допускали что-ли?

— Говорять, не допускали. А и то сказать, кто ихъ знаетъ, можетъ плохо стрѣляли. Ѳедоръ Павлычъ передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ поле, для пробы стрѣлялъ пулей въ мѣту. Мѣта-то сдѣлана была на овинѣ; онъ не то чтобы въ мѣту, и въ овинъ-то не попалъ. Ему и говорятъ: гдѣ тебѣ убить журавля—въ овинъ не могъ попасть! Хоть и баринъ, а пришло же на него такое затмѣніе, что онъ на это отвѣчалъ...

— Что отвѣчалъ?

— Вотъ, говоритъ, что сказали: овинъ-то одинъ, а журавлей-то много! Всѣ такъ и покатались! Что смѣху было!

— Вотъ какъ. Неужели по твоему нѣтъ возможности стрѣлять журавлей?

— Можно, да осторожно! а ловко придется, такъ гдѣ же не убить. Вотъ Васька кузнецъ дробью за одинъ разъ нару убилъ. А бушинскій доѣзжачій какую штуку мнѣ сказывалъ: былъ, говоритъ, я на охотѣ. Вотъ, и вижу, говоритъ, нара журавлей ходитъ въ кустахъ, въ рагитникѣ. Я и началъ, говоритъ, около ихъ кружить, да всё съ кажиннымъ разомъ къ нимъ ближе, да ближе. Знаете, винтомъ эдакимъ ѣздишь. А они ничего, говоритъ; сидятъ себѣ, да посматриваютъ. А лошадь-то, говоритъ, удалая. Вотъ, какъ

больно-то близко подѣхалъ къ нимъ, да какъ толпу, говоритъ, лошадь изо всѣхъ силъ прямо на нихъ... Они летѣтъ; а, вишь, съ разу-то подняться не могутъ, съ разбѣгу все; я говорить, одного лѣвой рукой подхватилъ за крыло, а другаго захлестнулъ арапинкомъ.

— Ну, братъ, это не любо не слушай, лгать не мѣшай.

— Божится; правда, говорить.

— Не всему вѣрь. Наскажутъ тебѣ турусы на колесахъ. Однако-жъ, пойдемъ-ка; дождикъ пересталъ: нечего тратить золотое время. Армида, вставай! Заспалась.

Погода разгулялась. Облака съ дождемъ протацило къ западу. Стихло. Лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій трепеть листьевъ березы и всегда живой осины. Поднялось солнце и на умывшуюся дождемъ природу бросило яркіе лучи изъ-за лѣсу; а на противоположной ему сторонѣ загорѣлась радуга самыми отчетливыми и рѣзкими цвѣтами. Длинные тѣни отъ высокихъ деревьевъ полосами легли по сѣверо-южному пространству, и на листочкахъ растений, какъ алмазныя блестки, заиграли дождевыя капли. Весело смотрѣть на природу послѣ ненастья; на душѣ дѣлается свободнѣе, легче; чувствуешь себя крѣпче и здоровѣе: какая-то особенная благодать распространяется въ воздухъ и чѣмъ-то добрымъ, неизъяснимо прекраснымъ дѣйствуетъ эта благодать на человѣка.

— Вотъ какъ погодка-то разгулялась! сегодня день славный будетъ, солнценѣнь, мѣшкать нечего, пойдемте-ка пошибче, на хорошія мѣста придемъ скорѣй.

— Пойдемъ, пойдемъ поскорѣй, прибавляй шагу, отвѣчалъ я на слова Абрама, который и безъ того съ необыкновеннымъ рвеніемъ торопился на завѣтныя мѣста.

Мы перешли Раминскую чащинуцу, потомъ болотной дорогой перебрались черезъ ольшину и углубились въ нивы. Онѣ почти всѣ были скошены; некошенныхъ оставалось очень

мало, да и тѣ съ рѣденькой, посохшей и пожелтѣвшей отъ жаровъ травой. Негдѣ тутъ прятаться ни молодому тете-реву, ни даже коростелю. Такъ прошли мы нивъ десять. Абрамъ, который вообще молчать не любилъ, началъ разговоръ.

— Походили мои поженъги осенесь по этимъ нивамъ. Вдоль и понерегъ ихъ извѣдалъ, и все-то по ночамъ.

— Чего же ты искалъ по ночамъ?

— А за *земляными* все ходилъ. Отужинаемъ, мужики спать, а я свисну Злобному, да Проворку и маршь за земляными. Цѣлыя ночи прохаживалъ, такъ въ-плоть отъ заридо-зари, устатку не знавалъ. Вотъ оно что охота-то значить.

— Ну, тутъ не одна охота и прибыль есть.

— Есть и прибыль: рублевъ десятка на два наохотничаль, на нуждишгю.

— Не весела эта охота, сказалъ я.

— Кому какъ, а мнѣ весело и за земляными ходить. Вотъ, видите эту большую дуилистую иву, что промежъ двухъ березъ-то; подъ этой ивой, по разъ, нашель я хоря: помучилъ же онъ меня проклятый.

— Какъ помучилъ?

— Да такъ, задалъ надзолу: всю ноченьку за нимъ промаялся; на силу взялъ. Въ тотъ день за работой что-ли долго провозился, задержало-ли что, теперь не помню, только больно поздно вышелъ я на охоту. Ружье съ собой взято было. Не успѣлъ я свернуть въ эти нивы, Злобный залааялъ по земляному, слышу, и Проворко подоспѣлъ, себѣ стономъ—стопуть. Я къ нимъ на голосъ, да все въ пробѣгъ. Теметь такая; только и свѣту, что отъ звѣздъ, да отъ мѣсяца, и то не постоянный былъ свѣтъ: облака тащились; застилало; безперечь спотыкаюсь за кочки, да падаю. Подбѣгаю. Собаки вонъ у той ивы, что давя показывалъ; корень такой раскидистый у ней, растеть на большомъ коблюху. Вижу—

мон собаки горячатся, такъ и рвутъ коренья. Хорь звѣрь
вонючій: жарко чуютъ. Вотъ разрубилъ я въ коблюхѣ боль-
шую дыру. Злобный въ нее весь залѣзь, визгомъ—визжитъ
тамъ, — видно близко слышалъ. Проворко обострожился;
смотреть, не выскочить-ли гдѣ земляной. Славная была со-
бака этотъ Проворко, съ соображеніемъ. Такъ, ни за что
довели ее у меня. Ужъ какъ жалко было. Хорошая собака
для меня нуше Богъ знаетъ чего. Ну, вотъ, хорошо. Началъ
я въ коблюхъ палкой тыкать то съ той, то съ другой сто-
роны; нѣтъ, затаился проклятый; даже не отзовется. Иной
разъ сейчасъ-же застрекочеть; точно скажется, что вотъ,
моль, я здѣсь. Тутъ же возлся, возлся — ничего нѣтъ.
Давай опять рубить коблюхъ; вездѣ понадѣлалъ дыръ—
хоть человѣкъ полѣзай, не то-что собака: нѣтъ пути, ни-
чего не слышно. А собаки не отстаютъ: возятся около ко-
блюха, лаютъ, визжать, грызутъ коренья, да и конецъ дѣлу.
Что за чудо! Вотъ началъ я опять рубить; цѣлаго мѣста
не оставилъ, весь коблюхъ разворотилъ; не только хорьку,
мышѣ бы негдѣ усидѣть. Нѣтъ ничего. Ума не приложу,
гдѣ затаился. Часа три такъ дармя промучился. Неужто со-
баки облаялись? Плюнулъ, заткнулъ топоръ за поясъ, взялъ
ружье и хотѣлъ ужъ прочь идти. Вдругъ Злобный какъ за-
визжитъ благимъ матомъ и, слышу, хорь застрекоталъ. А!
ужаю, вотъ поймалъ. Подбѣгаю. Покинь, покинь! кричу.
Нѣтъ, обмишурился, не тутъ-то было. Собаки царапаютъ
лапами, да грызутъ самый корень-то у ивы. Ужъ тутъ ве-
селѣе стало водиться: узналъ, что не даромъ—хорь есть.
Подсунулъ палку подъ корень, а въ ивѣ-то, въ стволѣ, было
дупло большое. Онъ, проклятый, дуй его горой, со страсти
и забился туды на-туго. Никакимъ манеромъ ни взадъ, ни
впередъ: сидитъ—себѣ какъ въ печуркѣ. Еще одна мину-
точка, такъ бы и просидѣлъ; спасся бы окаянный. Совсѣмъ
прочь хотѣлъ идти, ужъ было и собакъ сталъ откликать;

да Злобный потянулъ видно его за задъ, онъ и отозвался. Какъ теперь быть, какъ его достать оттоль. Думалъ, думалъ: дай, вытащу рукой за хвостъ, брошу собакамъ и дѣло съ концомъ. А голой-то рукой взять боюсь: онъ зубомъ такой ѣдовой, больно можетъ укусить. Со мной ужъ было по разъ: извился какъ змѣя, да такъ вцапился въ рукавъ,—на силу могъ оторвать. Вотъ, надѣлъ я рукавицу, ощупалъ дупло, такъ руку-то не могу просунуть, и собаки-то никакъ не могутъ забить морду подальше, чтобы къ нему-то подобраться; по той причинѣ, что все толстые корни, ну, и не допускаютъ. Прибились они сердечныя,—въ грошъ: все грызли да рыли. Проворко до того уморился, что ужъ легъ оподля каблюха. Разрубилъ я еще корни—рука пролезла, я схватилъ хоря за задъ,—тащу; а онъ упирается, цывкаетъ; собаки вслушались, бросились опять къ каблюху, обострожились. Выбросилъ я его: Проворко, Злобный! вотю! возьми, возьми! Собаки засовались, стали хватать... прахъ вѣдаетъ,—какъ прометались, ускользнулъ! такая напастъ! чего ужъ, въ рукахъ былъ, да и тутъ... Ну, да и то сказать, темно было, хоть глазъ выколи: время близилось къ полуночи, мѣсяцъ закатился, а отъ лѣсу-то мракъ такой!.. Вотъ начали собаки розыскивать. Долго таково нюхрили: то въ коблюхъ сунутся то опять назадъ, то въ кочку. Такая кочка тутъ была; видно, и тутъ надушилъ. Нюхрили, нюхрили, — попали на слѣдъ и бросились съ лаемъ, съ визгомъ: знамо дѣло, по горячему слѣду гонять и по хору, какъ по зайцу. Повели собаки, да все болотомъ-то, ольшиной-то. Я вслѣдъ за собаками, чтобъ безъ меня не задавили. Задавятъ—покинуть,—что толку, въ прокъ не пойдетъ. А тутъ такое мѣсто гадкое: кочки, кубринникъ, хламъ; бѣжать неспособно; да и ночь-то глухая: спотыкаюсь, вадаю; наказанье да и только; а все охота!.. слышу, мои собаки повели на берегъ. Славно, думаю, хоть изъ болота-то выберусь. Нива случилась; съ

нивы на берегъ дорога; я по ней. Вотъ, выбѣжалъ къ рѣкѣ. Что за чудо! ужь собаки на той сторонѣ, такъ стономъ и стонуть на одномъ мѣстѣ: либо хорь опять забрался въ коблюхъ, либо въ берегъ, въ трещину. Это часто бываетъ. Что дѣлать? Шексна вчера только что встала, ледъ не надежный. Да и ночь-то—зги не видно. Ну, какъ въ полночь юркнешь? А охота такъ и подмываетъ, такъ и подталкиваетъ... Охъ, охота, охота! взяло меня раздумье. А собаки-то тамъ рвутъ и мечуть, рвутъ и мечуть! Ну, думаю, была, не была: гдѣ суждено умереть, того мѣста не обойдешь, не объѣдешь. Сотворилъ молитву, перекрестился—угодникъ божій, Никола Чудотворецъ, спаси!.. Спустился ко льду, попробовалъ топоромъ у берега—крѣпокъ. Я и разсудилъ: собаки, моль, бѣжали вмѣстѣ; двѣ-то будутъ противъ одного меня: ихъ подняло, такъ авось и я не провалюсь. Опять перекрестился, простился съ батюшкой, съ матушкой, со всѣмъ бѣлымъ свѣтомъ и побѣжалъ на ту сторону. Ледъ трещать, я бѣжать; ледъ трещать, я бѣжать! Такъ и гнется, такъ и визжитъ подъ ногами; а не проламывается: осенній ледъ не то, что вешній—прочнѣе. Перебѣжалъ благополучно. Чья-то молитва до Бога дошла? Вотъ оно что значить вдаться человѣку въ охоту: всякое разсужденье потеряетъ, совсѣмъ безъ ума. Ну, чортъ ли соваль въ такую пропасть изъ-за хорька? Сгибъ-бы ни за что и исхать было бы негдѣ. Выбѣжалъ я въ гору. Не слышно монхъ собакъ, смолкли. Опять досадно: видно задавили; пропадетъ хорь. Вотъ, слышу, что-то въ кусточкѣ, близехонько, шевелится. Я туда. Ко мнѣ на встрѣчу Проворко. Смотрю, гдѣ Злобный? Нѣтъ его. Я смѣтилъ дѣломъ-то, да въ кусточикъ. Вглядываюсь, а Злобный стоитъ у пня, да что-то лижетъ. А это онъ хоря. Онѣ безъ меня его обработали. Вижу, лежитъ задавленный около пня окочурился. Ну, вотъ, и ладно, безъ хлопотъ; шкурка, кажись, цѣла, не попорчена. Онѣ у меня такія собаки вѣж-

ливия: не пстреплють, не изорвуть. Ужь назад побоялся ночью черезъ рѣку; проходилъ до утра по той сторонѣ; еще взялъ одного хоря; а на зарѣ убилъ тетерева полиника. Славная была заря: тишь, туманъ такой, морозъ. Вылетъ тетеревей былъ большой, можно бы поохотиться еще, да ужъ мнѣ не до того было; всю ноченьку проходилъ, усталъ; ко сну такъ и клонить. Нашелъ большой шестъ — оно съ шестомъ-то по льду безопаснѣе — и насупротивъ дома хорошонько перебрался на свою сторону.

— Хороши хорьки были?

— Одинъ, первый-то, знатный, чистый хорь былъ; до послѣдней шерстинки весь выкунѣлъ. Ну, а другой-то не такъ чтобы.

— Что, изъ окружныхъ-то деревень ходять сюда за хорьками?

— Гдѣ же не ходить, ходять. Только на нашей-то сторонѣ чужимъ не позволяемъ: народецъ, вѣдь, бархатный, — обчистять все, хоть шаромъ покати. Собаки же у нихъ добрыя, время праздное.

— Смотри, Абрамъ — вѣдь, глухарка?

— Глухарка и то! съ молодыми, должно быть. Выводокъ. Гдѣ Армида-то?.. вонъ она гдѣ. Смотрите, смотрите — причуяла, занскала.

Пока Абрамъ рассказывалъ о своихъ подвигахъ за хорьками, мы шли мѣстами самыми пустыми, гдѣ рѣшительно нельзя и подумать отыскать какую-либо дичь. Въ скошенныхъ нивахъ не могло мѣститься ничего; въ лѣсу, въ которомъ начищены эти нивы, хоть и держались черныши и вальдшнепы, но ходить въ немъ не было возможности: съ лѣвой стороны ужаснѣйшая крѣнь изъ перепутавшейся между собой молодой подрости липняка, дуба, вяза, черемхи, шиповника и другихъ деревьевъ лиственной породы; съ правой же глухое болото съ кочками, съ трясинами, полное воды

и хламу, гдѣ чортъ ногу переломить и куда, по этой причинѣ, собака не смѣла даже и сунуться. Ружья были за плечами, Армида рыскала свободно и мы шли тѣмъ скорымъ шагомъ, тою нетерпѣливою походкою, какія обыкновенно бываютъ у охотниковъ, напрямикъ идущихъ на мѣста, на которыхъ думалось добычливо поохотиться. Поэтому насъ обоихъ поразило, когда неожиданно, нежданно, сама по себѣ, вдругъ поднялась глухарка съ мѣста, вовсе несоответственнаго этой породѣ дичи, и пересѣла на другую сторону нивы, въ кустъ мелкаго осинника.

— Вы пойдете за собакой; а я тетерю-то ударю: подберусь краемъ, лѣсомъ-то. Я примѣтилъ, она сѣла въ полдерева, вонъ, на ту сухую осину, проговорилъ торопливо Абрамъ. Не перерядить-ли ружье? мелкой дробью заряжено.

— Когда тутъ перерядать; близко подберешься убьешь и этой.

Мы подошли къ тому мѣсту, съ котораго поднялась глухарка. Тутъ нива какъ-то уцѣлѣла отъ покоса, и высокая осока, быльникъ и краснвый паноротникъ густо разрослись въ мелкомъ кустарникѣ. Отъ влажности почвы солнце на этомъ мѣстѣ не высушило травы,—сочная и зеленая, она достигла здѣсь очень большого роста, такъ что почти со всѣмъ скрывала собаку. Абрамъ отправился къ тетергѣ, а я остался съ Армидой. Она заискала. По всѣмъ ея движеніямъ, по внимательному неку, крутымъ поворотамъ, наконецъ по измятой и перепутанной травѣ, можно было безошибочно заключить, что тутъ бродилъ выводокъ. Вотъ собака подняла морду, сильно потянула въ себя воздухъ, и медленно, шагъ-за-шагомъ, начала подвигаться впередъ; уши немного приподнялись, хвостъ выпрямился, въ глазахъ напряженное вниманіе—дичь близка. Вотъ переступила она еще три, четыре раза, выровнялась и остановилась. Блаженная минута для охотника! Люблю я видѣть собаку на глубокой,

твердой стойкѣ, когда она, вся вытянувшись, приподнявъ немного правую переднюю ногу, стоитъ какъ вкопанная, замреть, какъ говорится, надъ дичью. Ни за что не продамъ я этой минуты! Съ готовымъ ружьемъ, изловчившись, какъ слѣдуетъ, въ полномъ настроеніи страстнаго охотника—нетерпѣливо стоишь за собакою; а сердце между тѣмъ бьетъ тревогу, и ждешь — не дождешься, что-то взлетитъ. Думаешь — дупель, думаешь — бекасъ. Да какъ-то онъ потянетъ? Да не сблать-бы промаха? на этотъ разъ я думалъ: какъ-то велики молодые тетерева. Глухари въ августѣ должны быть ужъ очень большіе. Много-ли ихъ? Не поднялись бы всѣ вмѣстѣ.

— Пиль, Армида!

Собака сблала движеніе, переступила и снова погрузилась въ стойку.

— Пиль!

— Вдругъ, въ эту самую минуту раздался выстрѣлъ Абрама. Собака моя порвалась, и изъ высокой осоки медленно поднялся глухаренокъ. Я выстрѣлилъ изъ праваго ствола и повалилъ его; съ выстрѣла поднялся другой и положень былъ изъ лѣваго.

— Вотъ такъ славно! одобрительно вскрикнулъ Абрамъ, выходя изъ лѣсу съ другой стороны нивы.

— А ты что?

— Да что,—помѣшала толстопятая ворона, чертова бабушка, пугало окаянное, дери ее горой-то, проклятую! я, знаете, подбираюсь къ тетеркѣ-то — гдѣ ни-возьмись эта дура, начала виться надъ головой, да орать во все горло, глотку-то распустила: благо голосъ дурацкій есть; ну, и переполошила тетерю: не допустила, снялась съ дерева. Я ударилъ со злости въ-летъ, да ужъ поздно и сквозь сучья: цѣлехонька полетѣла!..

— Такъ и есть! я ожидалъ этого... Бушь, Армида,

гушь!.. Я напереди зналъ, что съ тобой случится какойнибудь грѣхъ. Съ тобой всегда ужь такъ бываетъ.

— Какъ бы не ворона — не говори убилъ бы. Какіе большіе, сказалъ Абрамъ, приподнимая глухаренковъ, больше матки будутъ.

— Не знаю, сравнить не съ чѣмъ, matka-то не убита. Второго я отлично срѣзалъ, не пошевелился.

— Славно, что тутъ и говорить. Первой - то было на меня... я и приготовился: —въ случаѣ вашъ промахъ, такъ съ моего ляжетъ. Да нѣтъ, уложили обоихъ. А тетерю жалко. Эка напасть вѣдь какая. Еще бы сажени двѣ податься и гануть! Со сковороды улетѣла: не въ счастливый часъ вышелъ. А вы, хорошо! Да смотрите, тутъ еще ихъ есть, не только что два были; по кочкамъ должно быть всѣ разошались; мѣсто, видите, неровное какое. Заряжайте скорѣй. А собака-то! Армида-то! эка умница какая. Лежитъ, голубушка, пока не нарядятъ на работу. Золото, а не собака! Поди съ другой, справься! Зарѣжь, такъ не оторвешь, если дичь на носу. Вотъ у Александра Михалыча Султанъ: иной разъ кричитъ, кричитъ—Султанъ! Султанъ! Султашка! Надсадится кричамши, инда горло у сердечнаго перехватить; а Султанъ и ухомъ не ведеть, какъ будто не до него и дѣло. Занесется къ чорту на кулички да и гоняетъ дичь что есть мочи. Тутъ тѣ и стойка, тутъ тѣ и вѣжливость. Да, хорошая собака дорого стоитъ. Все бы отдалъ за хорошую собаку—жену бы отдалъ. Нашей Армидѣ чутье-бы подлиннѣе, да въ лѣсу бы не отрыскивала,—тысячная была бы... Готовы? Пушайте собаку!

Все это проговорено было Абрамомъ, пока я заряжалъ ружье. Армида лежала. Вообще она была собака хорошая; но за ней водились грѣшки, чрезвычайно возмущающія охотника. Найдеть выводокъ тетеревей, разсѣявшійся по-одиночкѣ,—тутъ-то бы и потѣха охотнику: тетеревята подни-

маются по одному, слѣдовательно, стрѣлять можно по каждому; но съ моей собакой не всегда это удавалось. По первому она стоитъ хорошо, покойне; надъ вторымъ стойка уже короче, тревожнѣе; а по третьему чуть подхватить и бросилась. Выстрѣлили два раза и пока заряжаешь, она подняла три, четыре штуки. Во избѣжаніе этой, очень непріятной и излишней услужливости моей Армиды, я приучилъ ее лежать, пока заряжаю ружье. Труда было не мало, но изъ умной и робкой собаки, употребивши побольше терпѣнія, чего нельзя сдѣлать. Повиновеніе Армиды по слову «кушь», всегда удивляло Абрама и вызывало съ его стороны большія ей похвалы.

— Ну, теперь шершь, Армида! Шершь! Тсс... Тише! смотри, Абрамъ, береги! Тубо! Стрѣлай-ка! теперь твой чередъ. А какова стойка-то у собаки! Картина!..

Армида сдѣлала стойку надъ маленькимъ ивовымъ кустикомъ, куда очень удобно было спрятаться тетеревенку. Абрамъ торопливо подошелъ къ собагѣ, сдернулъ фуражку на затылокъ, чтобы не застилъ козырекъ, и взвелъ курки. Армида стояла твердо.

— Посылай ее! шеннулъ я Абраму.

— Пиль! Армида!

Армида ни съ мѣста.

— Говорять—пиль! Толстое мясо! и Абрамъ слегка попихнулъ собаку колѣнкомъ. Но она не бросилась, а быстро обѣжала на другую сторону кустика и сдѣлала стойку насупротивъ Абрама.

— На, вотъ, кузовелька проклятая, еще какія штуки выкидываетъ! Да я и самъ выживу! Армида, однакоже, предупредила Абрама—тетеревеночъ поднялся столбомъ, круто поворотилъ на правую сторону къ лѣсу, и только хотѣлъ скрыться за осинкой, какъ повалился съ выстрѣла.

Абрамъ притопнулъ ногою, махнулъ ружьемъ и радостно

закричалъ: вотъ какъ наши! Каково сръзалъ! Какъ тряпка повалился!

— Хорошо, очень хорошо!

— Да, вотъ оно что значить въ летъ стрѣлять: не попробовалъ бы тетеревка во все лѣто, если бъ не умѣлъ! Ну, гдѣ его, у праховъ, въ эту пору увидишь сидячаго; а то, вотъ, и въ ягтажѣ. Говоря это, Абрамъ съ предовольнымъ лицомъ укладывалъ въ ягдташь убитаго тетеревенка.

— Разсуждай тамъ; а Армида-то опять на стойкѣ.

— Такъ стрѣляйте!

— Стрѣлай ты; еще все твоя очередь; у меня ужъ есть три штуки.

— А коли такъ, такъ ладно; мнѣ же лучше. Тибо! для всякаго случая зарядить, проговорилъ Абрамъ, торопливо заряжая правый стволъ, изъ котораго только что убилъ тетеревенка. Можетъ изъ одного промахъ, такъ другимъ подхвачу. Тибо! не сгони же ты у меня!

На этотъ разъ Армида дождалась: Абрамъ успѣлъ зарядить, надѣтъ нистонъ, подойти къ собакѣ и похвалить ее за благоразуміе. Вспугнутый тетеревеночъ полетѣлъ ровно. Абрамъ, поторопившись выстрѣлилъ изъ праваго ствола на короткѣ и сдѣлалъ промахъ; изъ лѣваго свалилъ.

— Ладно, что не понадѣлся, сдогадался зарядить; а то бы поминай, какъ звали! Въ двѣ сажени промахъ сдѣлалъ—какая оказія!

— Что же? твой промахъ, такъ у меня на готовѣ еще два ствола.

— Да я-то бы не убилъ!

— Да что—и безъ того осрамился: тетеревеночъ потянулъ прямымъ полетомъ, ты стрѣлялъ въ упоръ, бекасиннакомъ, изъ широкаго ружья, и ухитрился сдѣлать промахъ. Удивляюсь!

— Ладно, смѣйтесь! первымъ — промахъ; а вторымъ

убилъ. Какъ бы ни было, да въ ягтажѣ. Теперь сравнялся съ вами.

— Гдѣ же, сравнялся? у меня три штуки.

— Какія три?

— А коростель-то?

— Дергачъ-то? вотъ, нашли дичь! чорта-ли въ ней есть. Мяѣ и даромъ-то ее не надо. Наѣда большая—меньше воровья! Вотъ дичь, такъ дичь! При этомъ Абрамъ поднялъ глухаренка за крыло къ верху и, значительно пригрякнувъ, потрясъ его.

— Хорошая дичь. Не найдемъ-ли еще. Шершь! Армида! Ищи, ищи, ищи!

Армида усердно дѣйствовала.

Мы обошли не одинъ разъ всю ниву, очень подробно обшарили всѣ мелкіе кусточки, приняли всю траву, но тетерева въ болѣе не отыскалось.

— Только, видно, ихъ и было, заключилъ Абрамъ.

— Должно быть, что только. Ну да и того довольно; вѣдь, не думано, находка. Теперь, маршъ на Вязовикъ! Недалеко, кажется, отсюда?

— До Вязовика-то?

— Да, до Вязовика-то?

— Не далеко. Гоны съ двоимъ, не больше. Тутъ черезъ лѣсъ тропочка—прямо и выйдемъ на вершину Вязовика.

— Какъ это тетерька глухая зашла сюда, Абрамъ?

— А кто ее знаетъ? Чай изъ Коромольника *) перебралась, отколя же ей взятъся: здѣсь больше моховыхъ болотъ нѣтъ.

— Да, вѣдь, Коромольникъ отсюда далеко?

— Чтò что далеко. Онѣ, вѣдь, проклятыя, даромъ что глухія, а документоваты: взяла, да и вывелась. Вотъ вамъ и вся недолга!

*) Большой хвойный лѣсъ со множествомъ моховыхъ болотъ.

На такое доказательство Абрама опровержений не требовалось. Въ самомъ дѣлѣ, вздумалось вывестись тетерькѣ, ну и вывелась. О чемъ тутъ еще толковать.

Ободренные первымъ успѣхомъ, мы весело шли къ Вязовику. Что-то тамъ будетъ? Чѣмъ-то тамъ насъ порадуешь? Узенькою тропочкою, чуть-чуть замѣтною въ чащѣ, мы вступили въ лѣсъ. По этой тропочкѣ должно быть мало было ходоковъ, и потому густо заросла она молодыми побѣгами липы и шиповника, и во многихъ мѣстахъ завалилась отжившими деревьями. Мы пробирались съ трудомъ. Справа и слѣва въ изобиліи росла черемха, сцѣпившись своими кудрявыми вѣтвями то съ березой, то съ рябиной, то съ ольхой. Черемха — это сѣверная вишня. Мы, обладатели этого растенія, любимъ ея ягоды болѣе всякихъ другихъ ягодъ. Совершенно зрѣлая, сочная черемха, когда ее хватить двумя, тремя морозами, въ самомъ дѣлѣ, очень вкусна. Такой она бываетъ около половины Сентября, а не въ половинѣ Августа, въ которомъ она еще горлодеръ, засадиха. Но хоть черемха въ эту пору и горлодеръ и засадиха, а пройти мимо, не соблазняясь ея кистями, съ крупными свѣжими ягодами, было не въ нашей натурѣ. Ну, и соблазнились — нагнули одну, которая показалась намъ болѣе зрѣлою, и стали ее ощипывать.

Насъ окружала непроходимая, но картинная, разнообразная чаща листовеннаго лѣса. Тутъ растетъ шиповникъ съ вызрѣвающимъ плодомъ, дружно обнявшись своими вѣтвями съ сучковатою молоденькой липой; а между ними сплошною зеленью засѣдаетъ малинникъ. Все это обвиваетъ и перепутываетъ дикій хмѣль. Здѣсь дубъ и вязъ связались неразрывными узлами; а сквозь ихъ вѣтви выглядываютъ и краснѣются кисти рябины. Тамъ висится осина, покрытая, какъ зонтикомъ, вѣчно-трещущею листвою. Далѣе видна и бѣлая береза, и ольха, и плакучая ива. Легкій утренній туманъ площадью остановился на вершинахъ деревьевъ,

сввозъ которыя какъ бы тайкомъ прокрадывались лучи утренняго солнца.

— Кажись, какъ бы не вестись дичи въ такой трупщобѣ, промолвилъ Абрамъ, достаточно понабравшись черемхи.

— Какъ не вестись, ведется; да взять-то ее нельзя...

Въ эту минуту раздался неподалеку шумъ отъ взлета тетерева.

— Слышишь, Абрамъ, тетеревъ!

— Да, тетеревъ. Армида, должно быть, подняла.

— Выглядай ее. Здѣсь искать дичь совершенно бесполезно: только собака напрасно разгорячится.

Абрамъ началъ выкликать Армиду. Голосъ его былъ не чистъ: черемха сдѣлала свое дѣло—засадила горло.

— Экъ, какъ она, проклятая, того... Точно горло-то тряпкой закупорено. Армида! Армида! Веней си!

Армида не являлась.

— Куда это она запропастилась? Ужъ не выводокъ ли нашла?

— Нѣтъ, это чернышъ поднялся. Матка закокотала-бы.

— Да все, для всякаго случая, охожу—посмотрю. Можетъ надъ ваншлепомъ стоять.

— Помилуй! Развѣ есть возможность убить вальдшнепа въ такой чащѣ?

— А, вѣдь, на грѣхъ мастера нѣтъ: можетъ и убью.

— Давай Богъ нашему теленку волка съѣсть! Ступай, да поскорѣй-же; а я подожду тебя.

Абрамъ началъ пробираться мелкой зарослью, осторожно отводя рукой вѣточки и направляясь въ ту сторону, въ которой слышенъ былъ взлетъ тетерева. Я, въ ожиданіи его возвращенія, усѣлся на пенекъ. Минуть нять слышно было по треску валежника и по шуму вѣтвей путешествіе Абрама; потомъ нѣсколько разъ донеслось до меня повторенное тибо!—значить собака надъ чѣмъ-нибудь стоитъ; далѣе слышу тоже

повтореніе раза два—три пиль! наконецъ взлетъ птицы, выстрѣль и радостный возгласъ, неистово вырвавшійся изъ груди Абрама во все его горло.

— Что заполевалъ? Крикнулъ я.

— Долгоносика!

— Какъ! Вальдшнепа?

— Ваншлена. Ура, — наша взяла!

— Ори больше. Да ты лжешь?

— Да вотъ посмотрите! Ну, и ловко же я его поддѣлъ: хоть бы и Александру Михайлычу — такъ въ пору.

— Вылѣзай, посмотримъ, ужь не убилъ-ли ты сыча вмѣсто вальдшнепа?

— Сыча! какъ же — сыча! Посмотри-те ка, какой еще ваншлепина-то!

Въ самомъ дѣлѣ вальдшнепъ былъ матерый и очень жирный.

— Какъ это ты ухитрился убить его въ такой чащѣ?

— Да, вотъ подивитесь-ка! Какъ отъ васъ отошелъ, да опять хотѣлъ звать Армиду, — вижу, она стоитъ. Я давай ломиться что есть мочи. Тибо, тибо! кричу; а она какъ вкопанная. Подошелъ — большой смородиный кустъ. Пиль! кричу... Вырвался вальдшнепъ и за дерево. Я заметался туда, сюда — никакъ нельзя: чаща, не видать. На счастье между вѣтвями большая прогалея; только онъ хотѣлъ протянуть черезъ нее, я его тутъ и подцѣпилъ, голубчика. Такъ клубкомъ и свалился. Подхожу — ни однимъ перомъ не шевелить.

— Ловко пришлось.

— Что, батюшка? Скажете, и теперь не сравнялся съ вами? Ваншлепъ-то не дергачу чета: я васъ обстрѣлялъ.

— Не радуйся прежде времени: цыплятъ по осени считаютъ.

— Вотъ его и въ торока долгоносую животину; вишь

зенки-то выпучилъ!.. Ну, теперь на Вязовикъ поидемте, утокъ шерстить; да потихоньку: вѣдь первыя-то озерины близехонько, проговорилъ Абрамъ скороговоркой и шепотомъ.

Абрамъ имѣлъ прежде необыкновенное пристрастіе къ утиной охотѣ. Не было для него потѣхи болѣе веселой и пріятной, какъ въ глухомъ, запыленномъ тиною, травянистомъ озеркѣ травить русскою собакою линяковъ. Тутъ онъ исполнялся весь охотничьей страстью. По поясъ въ водѣ или, правильнѣе, въ грязи, съ острогою *) въ рукѣ, не обращая вниманія ни на томящій лѣтній зной, ни на комаровъ, тучами опускающихся на его смуглую кожу, залѣзающихъ въ уши за уши, въ ноздри и глаза, ни на слѣпней, кусающихъ въ-кровь, онъ дѣйствуетъ бывало и на право и на лѣво съ необыкновенною ловкостью и смѣтливостью смертоноснымъ для утокъ оружіемъ. Неизмѣннымъ товарищемъ его въ этихъ подвигахъ былъ Злобный — любимая его собака. Она выгоняла ему линяковъ и утокъ изъ густой осоки, съ кочковатыхъ береговъ на средину озера, гдѣ Абрамъ уже и справлялся съ ними по своему. Около половины Іюля, въ пору линьки селезней и оперенія молодыхъ, число несчастныхъ жертвъ Абрама, безчестно имъ побіенныхъ, восходило до весьма значительной цифры. Цѣлую ношу иногда тащить онъ домой и только что успѣетъ сложить ее, какъ уже и пустится въ похвальбу свой доблестной удали. Въ послѣдствіи онъ познакомился съ болѣе интересною охотою:—началъ стрѣлять въ лѣтъ, сошелся съ охотниками любителями, рискнулъ было похвастать предъ ними успѣхами въ охотѣ на утокъ, но тѣ на первыхъ же порахъ осмѣяли эту страсть и прозвали его утятникомъ, уткодавомъ. Это заставило его мало по малу отстать отъ охоты на утокъ

*) Въ прибереженскихъ мѣстахъ молодыхъ утокъ и молодыхъ утятъ бьютъ острогою, нѣсколько похожею на острогу, употребляемую при лученіи рыбы.

съ острогой и дворняшкой; но въ душѣ онъ все-таки тайлъ къ ней теплое чувство и хотя уже стыдился высказываться, однако же уточка кряковая и шилохвость были для него знатною добычею, изъ которой можно изготовить прекрасную кашицу съ овсяными крупами, что было любимымъ кушаньемъ Абрама.

Узенькой, полузаросшей тропочкой, пролежавшей лѣсною чащею, тихонько подошли мы къ вершинѣ Вязовика. Вязовикъ—крутоберегій, омутистый ручей, затянутый болотными растеніями,—аиромъ, рѣзцомъ, частухой и широколиственными лопухами. По берегамъ его густо разрослись черемушникъ, малиникъ, ежевичникъ, смородинникъ и ветла, свѣсясь къ водѣ непроницаемымъ шатромъ. Утки любятъ Вязовики. Имъ привольно жировать подъ густою нависелью, щелучить мутную воду и укрываться въ длинной, косматой осоки, растущей подъ берегами. Тутъ и стрѣлять ихъ ловко: изъ подъ берега, изъ подъ самыхъ ногъ, свѣчей поднимается тяжелый кряковень, и какъ, бывало, шарахнешь его изъ коротенькаго ружьца, то не одинъ разъ перевернется онъ въ воздухѣ, и, заломивъ крылья, шлепнется въ воду и ужъ не шевельнется, а только покачивается слегка волненіемъ, происшедшимъ отъ его паденія. Я пошелъ по правой, Абрамъ по лѣвой сторонѣ. Армиду пустили въ кусты... Легкимъ посвистываньемъ и иногда шепотомъ произносимыми словами: ищи, ищи! шаршь, шаршь! понукалъ Абрамъ собаку и зорко слѣдилъ за ея искомъ.

Первый омутъ намъ не далъ ничего. На протокъ во второй омутъ собака остановилась:

— Тибо! закричалъ Абрамъ протяжнымъ голосомъ. Готовы? спросилъ онъ обращаясь ко мнѣ.

— Готовъ!

— Пиль!

Армада бросилась. Изъ осоки поднялся кряковень, про-

бился сквозь смородинный кустъ, на секунду запутался въ вершинахъ смородинника и потомъ вытянулъ въ линію. Я приложился и выстрѣлилъ: кряковень палъ.

— Скатилъ! закричалъ Абрамъ съ другой стороны.

— Разумѣется! А то какъ же?

— Вотъ какъ я его изъ лѣваго-то хватилъ!

— Нѣтъ, не ты; я стрѣлялъ изъ праваго.

— Какъ вы стрѣляли? Да вѣдь я убилъ кряковня.

— Съ чего ты взялъ? я убилъ.

— Какъ вы убили? Да вѣдь я стрѣлялъ-то.

— Да вѣдь и я стрѣлялъ. На, смотри! Я опустилъ шомполъ въ правый стволъ, и Абрамъ убѣдился, что изъ него было выстрѣлено.

— Вотъ и у меня! и онъ въ свою очередь опустилъ шомполъ въ лѣвый стволъ и тоже убѣдилъ меня, что стрѣлялъ по кряковню.

— Въ одинъ разъ ахнули. Кто же убилъ-то? Вотъ какая еще исторія вышла!..

— Ну кто бы ни былъ, а дичь наша. Возьми да вѣсь въ торока, или прячь въ ягдтажъ; Армида же кстати и вынесла его на твою сторону.

— А коли мнѣ въ ягдтажъ, такъ и дичь моя. Поразъ съ Александромъ Михайловичемъ мы этакъ ахнули по одному; я немножко попрежде, съ моего выстрѣла и повалился. Да, нѣтъ, тотъ оттягалъ у меня; закричалъ: я убилъ, мой, мой! Спорить не приходилось—уступилъ. А какой селезнина важнѣющій былъ.

Во всѣхъ важныхъ и не важныхъ охотничьихъ случаяхъ Абрамъ любилъ ссылаться на Александра Михайловича. Это былъ его любимый охотничій авторитетъ. Онъ уважалъ его за мѣткую летовую стрѣльбу, за сметку и неутомимость въ полѣ. Что бы познакомить съ нимъ читателей, привожу здѣсь письмо одного моего знакомаго, написанное по поводу при-

ѣзда Александра Михайловича въ наши края на охотничье поприще. Письмо интересно—прочтите!

«Здравствуй! Въ вашу сторону отправляется завтра на пароходѣ одинъ мой пріятель, страстный ружейный охотникъ Александръ Михайловичъ Кондачевъ. Рекомендую его тебѣ, какъ отличнаго стрѣлка, и какъ человѣка, обладающаго особымъ оригинальнымъ тактомъ въ дѣлѣ охоты. Во первыхъ онъ прежадный на дичь, что и стать истинному охотнику. Ужъ если случится сдѣлать съ нимъ выстрѣлъ въ одно время по одной птицѣ и убить, онъ непременно ее оттягаетъ: моя, говорить, да и все тутъ, хоть тресни. Я, конечно, объясняю это тѣмъ, что не дорога дичь, а дорого убить ее, пріятно чувствовать ее въ своемъ ягдташѣ и вывѣситъ въ торока, чтобъ видно было другимъ, что, вотъ, молъ, это я убилъ! Да и самому весело имѣть внутреннее убѣжденіе, что это, дескать, убито мною. Ваша собака сдѣлала стойку, а ужъ онъ тутъ и подлетѣлъ. Спросите: зачѣмъ вы? вѣдь, моя собака стоитъ, что жъ вамъ нужно?—Да я, говорить, такъ, ничего! можетъ, вы промахъ сдѣлаете. И станетъ тутъ на рукѣ, точно чортъ на плечи сядетъ; да хоть бы молчалъ, а то такъ и зудить: не давайте порываться собакѣ, выдерживайте, смотрите—кажется, придается противъ солнца. Тутъ, смотришь—фрр—бацъ!—и промахъ; а онъ и подцѣпитъ. Чортъ васъ тутъ суеть, Александръ Михайловичъ. Подите вы прочь!—Да кто же вамъ велитъ дѣлать промахи; я не виноватъ, а послѣ вашего промаха я имѣю право стрѣлять. Потомъ опять та же исторія. Наказаніе. Да что еще дѣлывалъ: просто возьметъ, да и убьетъ изъ подъ вашей собаки, не дожидаясь вашего выстрѣла. Браните его, пожалуй; ему что за дѣло: дичь-то вѣдь въ его ягдташѣ. А ужъ порочить другихъ охотниковъ страсть его: и поршковъ-то мы стрѣляемъ (онъ ужасно любитъ техническія охотничьи вы-

«раженія) и собаки-то наши плохо ванзируютъ; и онъ-то и «выстрѣла ни почему не даетъ, кромѣ красной дичи; и бьетъ-«то онъ все старыхъ, матерыхъ, и собака-то его аппелистая «и ногостая и чортъ знаетъ какая, и чутье-то у нея на де-«сятъ версть... А чего: разъ какъ-то ввелъ я его Султана «въ самую середину тетеревиного выводка, такъ даже и не «прихватилъ, носомъ не повелъ. — Дичь отыскивать онъ «мастеръ превеликій. Живетъ онъ въ городѣ Р. и р...скомъ «уѣздѣ, со дня его поселенія, дичи, по этой причинѣ, все «меньше и меньше. Если онъ тутъ проживетъ лѣтъ десять «еще, то можно надѣяться, что дичь подъ-конецъ совсѣмъ «переведется. Онъ знаетъ, напримѣръ, сколько выводковъ «тетеревиныхъ въ такихъ-то кустахъ, сколько холостыхъ «матокъ, сколько чернышей; а кусты, надо замѣтить, версть «на пять въ квадратѣ. Начинаетъ ихъ отыскивать. Оты-«щеть семь штукъ.—Пойдемте, Александръ Михайловичъ,— «говоришь ему: ужъ больше нѣтъ. Нѣтъ, есть еще восьмой, «и восьмого отыщеть и пойдетъ домой или въ другое мѣсто; «а безъ того, пока не отыщеть, не пойдетъ. Если же слу-«чится поднять девятого—это, говорить, изъ такихъ-то кус-«товъ перелѣтѣлъ; тамъ было ихъ пять, теперь осталось «четыре. Дѣйствительно тамъ окажется только четыре. Разъ «какъ-то утащилъ онъ меня въ р...скомъ уѣздѣ за утками. «Подходимъ къ болотинкѣ,—болотинка маленькая, дрянная, «тамъ сямъ кочка, кое гдѣ травники; а онъ такъ и ищетъ, «такъ и понукаетъ Султана. — Полноте, «Александръ Ми-«хайловичъ, да тутъ нѣтъ ничего! — Нѣтъ, «есть выво-«докъ. — Какой тутъ выводокъ, Александръ Михайло-«вичъ; гдѣ ему здѣсь вестись. Ну, вотъ, вы еще за-«вѣряете; тутъ выводокъ бряговыхъ, восемь штукъ, и между «ними еще одинъ хромой! Мы искали, искали, но выводка «не оказалось. Александръ Михайловичъ пустился ругать «Рудневыхъ, говоря, что это они, мошенники, его мѣчен-

«нужно дичь подобрали. Дѣйствительно оказалось послѣ, что «Рудневы взяли на этомъ мѣстѣ восемь штукъ рябовыхъ утокъ и между ними одного хромага. Вотъ каковъ Александръ Михайловичъ! Онъ въ р...скомъ уѣздѣ—козелъ въ «огородѣ: берегите ваши мѣста»...»

Конечно въ этомъ письмѣ оказалось нѣсколько красненькихъ словцовъ относительно Александра Михайловича; но не менѣе того вѣрно, что онъ въ стрѣльбѣ дока и въ отысканіи дичи дѣйствительно первостатейный мастеръ. Какихъ уловокъ и хитростей не употребляетъ онъ, чтобъ развѣдать, гдѣ хорошая тяга вальдшнеповъ, гдѣ показались бекасы и дупеля, гдѣ видѣли выводокъ тетеревей или куропатокъ. Еще весною, какъ только начнетъ спариваться дичь и садиться на гнѣзда, шныряетъ онъ верстѣ на пятнадцать въ окружности по всѣмъ трющобамъ и крѣпямъ, подмѣчая куропаточки, вальдшнепиныя и тетеревиныя гнѣзда, и если гдѣ удастся ихъ отыскать, то онъ безошибочно за ними наблюдаетъ, разсчитываетъ время вывода молодыхъ, даетъ имъ достаточно подрости, и ужъ непременно всѣхъ переколотитъ. Отправляясь на охоту верстѣ за двадцать пять, онъ полный ягдташъ набиваетъ пряниками суслениками, явится въ деревню и цѣлую ватагу соберетъ около себя мальчишекъ. Мальчишки лѣтомъ и коровъ въ поле гоняютъ, и по грибы и по ягоды ходятъ въ лѣсъ, по болотнымъ низямъ собираютъ дитли, по лугамъ—щавель, слѣдовательно чаще всѣхъ наталкиваются на куропаточки и тетеревиныя выводки. Пряники заставляютъ разговариваться мальчиковъ. Разлакомленные суслениками, начнутъ они ему разсказывать, что и тутъ-то видѣли тетеречку, и тамъ-то тетеречку съ цыпятами. Александръ Михайловичъ отлично съумѣетъ воспользоваться свѣдѣніями, вытекающими изъ этого живаго источника, и возвращается съ поля съ ягдташемъ, плотно набитымъ дичью.

Отъ природы сухощавый, слабосильный, маленькій ростомъ—Александръ Михайловичъ переноситъ неимоверные труды и тя-

жести на охотѣ. Отправляясь на поле куда-нибудь подальше дня на два, на три, тащить онъ въ лѣтній зной не поморщившись слѣдующій запасъ: жестянку съ сахаромъ, жестянку съ чаемъ, вмѣстительный стаканъ, порохъ и дробь запасные, сухарики и попутники — все уложенное въ просторный, увѣсистый ягдташъ. На кушагѣ у него виситъ мѣдный чайникъ, за кушакомъ заткнутъ топорикъ, а за плечами на ремняхъ закинута скатанная офицерская парусинная палатка. Это онъ отправляется на легкѣ въ отхожее поле. Пришедши на мѣсто, онъ разбиваетъ на избранномъ пунктѣ палатку, спитъ въ ней по ночамъ и вѣжится въ полдневный зной.

Да извинять меня за отступленіе, сдѣланное по поводу почтеннаго моего друга, Александра Михайловича. Охотничьи способности его были такъ замѣчательны, что я не утерпѣлъ, чтобъ не познакомить съ ними при теперешнемъ случаѣ собратовъ по искусству и по страсти. За тѣмъ продолжаю начатый рассказъ. Безъ замѣчательныхъ особенностей догончили мы обходъ Вязовика, убивъ еще по парѣ утокъ, и сдѣлавъ нѣсколько пуделей по чиркамъ. Солнце своротило съ полудня. Потребность отдыха и пищи становилась ощутительною.

На маленькомъ пригоркѣ, подъ тѣнью стога и вѣтвистой ивы, расположились мы для подгрѣпленія своихъ силъ. Открыто растиался предъ нами широкій лугъ со множествомъ стоговъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ и тамъ и сямъ. Это Шуйгскія Чисти. Посрединѣ ихъ извивалась травянистая рѣчка Шуйга; а за нею темнѣлъ вдали сплошной грядой хвойный лѣсъ. Небо было чисто; только съ сѣверной стороны на горизонтѣ столпилось нѣсколько кучевыхъ облаковъ, фантастически выдвинувшихся на подобіе отдаленныхъ горъ, увѣнчанныхъ снѣговыми вершинами. Какъ горы же стояли они неподвижно и неизмѣнчиво. Въ воздухѣ ни малѣйшаго вѣтерка: грудь дышала легко и свободно. Неуто-

мимые путешественники — пауки плыли на своихъ воздушныхъ гондолахъ куда-то, въ невѣдомыя страны. Скоро-ли они найдутъ конецъ своему путешествію, и гдѣ онъ, этотъ конецъ?! Господи! какой широкой просторъ, какая безграничность міра!..

— Что, усталъ? спросилъ я Абрама, съ завиднымъ аппетитомъ уписывающаго пирога сметанникъ и яйца въ густую.

— Устать-то не усталъ, а проголодался таки порядочно.

— Это я вижу.

— Оно червячка-то заморишь, такъ лучше—на животъ не бурлить.

— Конечно лучше. Вонъ какой-то охотникъ бредеть.

Отъ Шуйги приближался къ намъ высокаго роста человекъ съ ружьемъ и русскою собакою.

— Кто бы это былъ? спросилъ Абрамъ самого себя и, сдѣлавъ рукою зонтикъ надъ глазами, началъ внимательно разсматривать приближавшагося.

— Кто нибудь изъ сельскихъ.

— Нѣтъ, не изъ сельскихъ. А, это Голубевъ.

— Кто такой Голубевъ?

— А помните солдата въ М., въ инвалидъ служить?

— Знаю; да какъ же онъ сюда попалъ?

— Въ гости пришелъ; вѣдь онъ родомъ-то изъ нашего села.

Голубевъ подошелъ къ намъ. Это былъ видный, статный солдатъ, неутомимый охотникъ, говорунъ и хороший услуга.

— Здравствуй, Голубевъ! Давно-ли здѣсь? привѣтствовалъ я подошедшаго солдата.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе! Здорово, Абраха! Съ недѣлю гощу у своихъ-съ.

— Что забилъ?

— Убилъ парочку кряковешковъ, ваше благородіе; а мѣста выходилъ много-съ: дичи нѣтъ.

— Гдѣ тебѣ найти дичь, на посидѣлкахъ твоя дичь-то.

— Э, Абраха, не ты-бы говорилъ, не я бы слушалъ, не свои ли грѣхи рассказываешь.

— Свои грѣхи, свои грѣхи! Не свои, а твои...

— Ну да не въ томъ дѣло, — перебилъ я Абрама, — садись-ка, Голубевъ, да прикуси вмѣстѣ съ нами.

Голубевъ починился не много, однако-же сѣлъ, принялъ отъ меня пару яицъ и два пирожка и попросилъ хлѣбца для Буфетки.

— Что, твой Буфетка, еще служить?

— Еще хорошо служить, ваше благородіе.

— Служить его Буфетко, — давить утокъ, — пронически замѣтилъ Абрамъ.

— А твой-то Злобный развѣ не давить ужъ утокъ? Помнишь, вмѣстѣ хаживали по озерамъ-то...

— Это было, да сплыло; я нонче за линиями не хожу.

— Вотъ какъ! Давно-ли на тебя такая спѣсь наша, Абрамъ Абросимовичъ? подсмѣялъ Голубевъ.

— Давно ужъ не хожу, — отвѣчалъ коротко Абрамъ. — Разговоръ на минуту прекратился. Изъ рѣчей Абрама я догадался, что ему неприятно присоединеніе къ намъ Голубева. Каждое постороннее вмѣшательство на охотѣ всегда его досадовало; но не надолго: по добродушному характеру своему онъ скоро смягчался.

— Что изволили убить, ваше благородіе? отнесся ко мнѣ Голубевъ.

— Да начинъ полю хорошъ: около одиннадцати штукъ убили.

— Не чета твоимъ кряковнямъ; наша дичь-то вотъ какая!

И Абрамъ началъ показывать Голубеву убитую дичь, рассказывая по порядку и подробно весь ходъ нашей утренней охоты.

— Хорошо-ли поохотились въ городѣ? спросилъ я Голубева, когда Абрамъ переказалъ уже всю дичь и кончилъ свои рассказы.

— Ходили съ барами-съ. Да что, какая охота. Последнее дѣло ихняя охота!

— А что?

— Стрѣлки плохіе-съ, а туда же суются. Кажинный день слышишь: Голубевъ, пойдемъ! сведи на хорошія мѣста. Дѣлать нечего, пойдешь: наше дѣло подначальное.

— Съ кѣмъ же это ты ходилъ!

— Да съ братьями нашего капитана, ваше благородіе.

— Кажется ты страстный охотникъ-то, для тебя бы все равно, съ кѣмъ-бы не идти въ поле?

— Это-то правда-съ! да, вѣдь, вчуже сердце надрывается, смотря на ихнюю охоту; два остолопа эдакихъ выросли, а ума не вынесли: никакой смѣтки нѣтъ.

— Чѣмъ же они тебѣ такъ насолили? спросилъ Абрамъ.

— Да всѣмъ: безтолковы очень и меня чуть въ исторію не ввели.

— Въ какую исторію?

— А вотъ послушайте какая грѣховодная оказія случилась: пошли это мы къ Станову на болота. Въ тѣхъ мѣстахъ вы, вѣдь, не бывали-съ, не знаете приволья-то тамошняго... Мѣста всѣ этакія обширныя: мочевины съ болотнымъ хвощемъ, да приболоти съ густой осокой и дудышникомъ, утки, какъ мякины,—есть гдѣ душѣ развернуться. Ружье со мной долгачъ было-съ, а дробь рубленая. Къ настоящей-то теперь, вѣдь, пристуну нѣтъ: дорога-съ *), не по карману нашему брату солдату, а тутъ возьмешь некупленныхъ пуль, выколотишь на обухѣ, нарубишь вершечками, и тагъ-то-ли знатно отжариваешь, что на поди. Изъ собакъ Буфетко со мной былъ, а

*) Въ 1854 году свинець былъ 25 коп. фунтъ по случаю войны.

съ барамн Розка, такъ самая непуत्याщая собаченка, изъ полегъ. Приходимъ на мѣста-съ. Мои господа съ кипяточку-то тотчасъ же разбѣжались по болоту. Заломили фуражки, замки у ружей на взводахъ, одинъ передъ другимъ на перерывъ лунять впередъ безъ всякаго толку, удержу нѣтъ! Утки изъ хвощинъ то-и дѣло начали стадами подниматься, и пошла потѣха: баць, да баць на воздухъ, баць, да баць безъ выдержки, безъ прицѣлу; собаченка гоняетъ, они орутъ, дичь летитъ, въ болотѣ только стоишь стоишь отъ крикотни. Ну, думаю, соколы,—много набьешь съ вами дичи. Взялъ, да и пошелъ отъ нихъ въ другую сторону-съ. Только этакъ отвернулся,—стадо шилохвостовъ изъ-подъ ногъ. Я какъ хлестону изъ своей фузеи—тройка и покатила. Оглянулся я на ихъ благородій-то: куда тебѣ, и не замѣтили моего выстрѣла, дуютъ себѣ и въ хвостъ и въ гриву, да и все тутъ. Разошлись мы. Въ тотъ день мнѣ посчастливило сильно; набилъ я дичи столько, что едва въ моту тащить. Солнце ужъ сѣло за лѣсъ, какъ кончилъ я охоту, вышелъ на дорогу и побрелъ по легоньку къ городу. Вотъ, вижу и мои охотники тянутъ изъ болота. Смотрю на торока: у одного болтается чиркушка, у другаго утенокъ нырковой. Увидали меня и давай дивоваться, какъ вороны каркать: ай, ай, Голубевъ! Дичи-то у тебя что, дичи-то! Подари, пожалуста, голубчикъ, по парочкѣ!—Дѣлать было нечего, далъ я имъ по парочкѣ кряковневъ,—пошли вмѣстѣ. Идемъ-съ этакъ, да тараторимъ; я легонько подсмѣиваюсь надъ ними, вдругъ старшій-то и говоритъ: Голубевъ! ночуемъ у попа въ Кулигѣ; до городу-то идти еще далеко, пріусталъ, говоритъ, я больно; а попъ знакомый, радъ будетъ и чаемъ напоить. Какъ, молъ, вашему благородію угодно будетъ; пожалуй, говорю, и у попа ночуемъ; мнѣ всё равно. Приходимъ черезъ полчаса къ попу. Попъ старикъ важеватый, разговорчивый; попадья бабица такая, тремя оханками не охватишь, на рѣчахъ гудокъ, а дѣло такъ въ рукахъ и кипитъ. Пошла у нихъ хлопотня, чаемъ

угощать начали, и мнѣ стаканъ вынесли-сь. Разумѣется, вмѣсто стакана-то чаю, лучше бы гораздо хорошую столбуху водки, ну, да и на томъ спасбо: все же теплоту по сердцу пустилъ. Послѣ чаю дали еще поужинать и даже собакъ накормили. Барамъ моимъ отвели покой въ комнатахъ; а я одинъ одинехонекъ улегся на кухнѣ. Кухня такая большая, чистая, вездѣ прибрано, вымыто: видно, что хорошая въ домѣ хозяйка-сь. Завалился я это на печь таково знатно, и только что началъ засыпать, вдругъ Розка, собаченка-то, прыгъ ко мнѣ, забралась за спину и давай чесаться: то за ухомъ смурьжетъ лапой, то за загривкомъ; фыргатию такую подняла, возится, отряхивается, скулить—не даетъ, проклятая, покою... глазъ не могу сомкнуть... Раздосадовалъ я на нее, да напрямикъ ее съ печи-то долой! Бултыхъ моя Розка, и прямо попала въ квашню. Квашня—это поставлена была у попадьи на шесткѣ въ преобольшущей квашенкѣ, такъ и врѣзалась въ нее собаченка по самыя уши. Насилу-насилу она вылѣзла оттуда, вся перемазанная, точно штукатуркой покрыта, и начала отряхиваться; весь полъ и стѣны забрызгала тѣстомъ. Вижу дѣло плохо-сь,—попадья сгонить меня со свѣту; я поскорѣй съ печи-то долой, давай одѣваться, да обуваться, схватилъ дичь, ружье, — смотрю, гдѣ Буфетка? пѣть его нигдѣ, канальи! Вдругъ, что же вижу-сь? Забрался онъ, шельмецъ, на залавкѣ въ желобъ съ мукой, что гдѣ хлѣбы катають, перенатрылся весь въ мукѣ какъ кипень бѣлый, вздернулъ ноги къверху и спитъ себѣ на спинѣ преспокойно. Тутъ ужъ меня изъ ума выкинуло! Схватилъ я Буфетку и безъ памяти бросился въ городъ. Ихъ благородія такъ тамъ и остались... Такъ вотъ она-сь какая грѣховодная оказія-то случилась.

— Что же попадь-то послѣ, попадь-то? спросилъ Абрамъ, покатываясь со смѣху отъ разсказа Голубева, переданнаго съ комическою важностію.

— Что попадь-то? прахъ ее вѣдаетъ что, я у нея не

бывалъ послѣ, не смѣлъ глазъ показать; а стороной слышалъ, что озоруюмъ меня зоветь.

— Чѣмъ же тутъ ихъ благородія-то виноваты? спросилъ я Голубева.

— А какъ же не виноваты-съ: первое, носились по болоту, какъ бѣшеные, примучили только себя попусту, потомъ паршивую эту собаченку таскали съ собой; а тутъ по ихъ же милости къ пону ночевать... оно дѣло-то и выходитъ, что они виноваты-съ.

— Ну, если рассуждать такъ, такъ, пожалуй, что они и виноваты.

— То-то, я думаю тебя попадья-то золотила, какъ увидала твои проказы? спросилъ снова Абрамъ.

— Конечно золотила; гдѣ же не золотить — хоть до кого доведись!

Позаправившись порядочно попутниками, всѣ мы почувствовали расположеніе соснуть. Натеребили изъ стога сѣна, разбили его въ мягкій постельникъ и преспокойно улеглись на этотъ здоровый и ароматный пуховикъ.

Первый возсталъ отъ сна Абрамъ, за нимъ поднялись и мы. Солнце склонялось къ западу, жаръ спалъ и подулъ легонькій вѣтерокъ. Забороздило поверхность рѣчки Шуйги, закачались на ней широколиственные лонухи, зашевелилась по краямъ растущая осока и зашептали трепещущія листья на деревьяхъ. Черные стрижи визжали надъ нашими головами, со свистомъ разрѣзывая воздухъ своимъ полетомъ, громкій крикъ чаекъ раздавался съ озера; а надъ скошенными пожнями тамъ и сямъ повисли маленькіе ястребки, высматривающіе добычу.

Всѣ втроемъ спустились мы къ Шуйгѣ. Низкіе берега ея усыпаны были мелкимъ кочкарникомъ, между которымъ сочилась ржавая плѣсень, къ самой же водѣ шла иловатая грязь. По грязи любили жировать чирята и кулички разныхъ

мелкихъ породъ, а въ кочкахъ мѣстились бекасы. Дупель уже слетѣлъ съ нашей пришекнинской мѣстности. Онъ долго въ ней никогда не заживается: низкая болотистая лѣснина, съ тучами комаровъ и мошекъ, не дозволяетъ этой благородной птицѣ заправляться здѣсь тѣломъ, и потому она сейчасъ же послѣ вскармливанія дѣтей переселяется въ нагорные края на жиры. Скоро Голубевъ, не хотѣвшій охотиться за мелкою дичью, отвернулъ отъ насъ съ неизмѣннымъ своимъ Буфеткомъ въ сторону для подбирания утенокъ съ маленькихъ озеринокъ, раскиданныхъ по всеѣмъ направленіямъ обширнаго низменнаго луга «чистей»; а мы съ Абрамомъ занялись стрѣльбою бекасовъ. Армида то и дѣло останавливалась, то и дѣло выскакивали изъ кочкарника вертоватые долгоносики и, сопровождаемые выстрѣлами, или падали, или уносились далеко, перемѣщаясь по всеѣмъ направленіямъ широкаго луга.

— Эки проклятые стрекулятники! Шестъ разъ выстрѣлилъ, убилъ только пару—прытки больно! съ негодованіемъ вскричалъ Абрамъ.

— Тебѣ бы все утокъ стрѣлять: поднимется изъ осоки какъ ворона — баць! и валится. Нѣтъ, поддѣнь ты здѣсь мѣткимъ выстрѣломъ вотъ этого фѣрта, молодецъ будешь.

— Да что толку въ этомъ фѣртѣ-то, отвѣчалъ на мои слова Абрамъ, съ презрѣніемъ разсматривая убитаго бекаса, лежавшаго у него на ладони; только въ носъ, да въ ноги и выросъ: одинава укусить, да и того мало. Вотъ утка, особо крякуша, доподлинно есть дичь: изъ одной кашаца знатная выйдетъ.

— Что и говорить! Ты ужъ извѣстный утятникъ, въ этомъ тебя не переспоришь.

— Нѣтъ, оно не то, что утятникъ, слыхватившись возразилъ Абрамъ, очень нелюбившій прозвище утятника. Я вотъ про молодыхъ тетеревей или про ваншлена ничего не говорю;

то дичь видная, почетная; а этотъ—стрекулиштишка голе-
настый, больше ничего. Но въ эту самую секунду изъ-подъ
ногъ сорвался бекасъ, и Абрамъ не утерпѣлъ, чтобъ по
стрекулиштишку голенастому не сдѣлать сряду двухъ выстрѣ-
ловъ на воздухъ.

— Птьфу! срамное дѣло! Не стану ихъ стрѣлять окаян-
ныхъ.

— Полно, не плюйся, заряжай ружье, да ступай. Вѣдь
надо же когда-нибудь учиться бить въ летъ, не все же только
по сидячимъ, подстрекнулъ я Абрама, который и безъ того уже
торопливо излаживалъ свою фюзеею, готовясь шаркнуть еще
разъ пуделеваннаго бекаса, какъ бы на зло перемѣстившагося
не подалеку.

Такъ продолжали мы охотиться до солнечнаго заката. Ру-
жейной провизии истрачено было много; но за то презираемое
количество досталось и въ добычу. Голубевъ, натѣшившись по
утгамъ сколько душѣ было угодно, нарѣзавши ихъ цѣлую
торбу *), присообщился къ намъ и, наконецъ, направили мы
свои усталыя, тяжелыя стопы къ дому. Багряная заря, какъ
огненное море, облила горизонтъ и чудными, разноцвѣтными
тѣнями заиграла на ступеняхъ рѣденькихъ облачковъ, распо-
ложившихся надъ нею лѣстницею. Съ другой стороны величаво
встала луна и еще величавѣе поплыла она по небу. Густые
голоса криковыхъ утокъ, перекликавшихся по зарѣ, раздава-
лись по всѣмъ сторонамъ; чирки рѣзвымъ полетомъ сновали
туда и сюда и, садясь по лугамъ и озеринкамъ, бороздили
гладкую поверхность воды, отъ волненія которой медленными
движеніями раскачивались серебряные лучи, глядѣвшагося въ
нее мѣсяца. На сѣверо-западѣ змѣилась зарница.

— Ты какъ, Абраха, съ своими глухарями справлялся
понече по веснѣ? спросилъ Голубевъ, раскуривши корешки въ

*) Мѣшокъ для дичи, замѣняющій ягдташъ, въ нашей сторонѣ на-
зывается торбою.

маленькой изъ корельской березы трубочкѣ, насаженной на чубучекъ—коротышекъ.

— Ничего, нынче поохотился хорошо, около двухъ десятковъ взялъ,—отвѣчалъ Абрамъ, убирая ватрушку за обѣ щеки и тяжело передвигая ноги отъ усталости.

— Все больше по насту, чай, охотился; али когда снѣгъ сошелъ?

— По насту все; послѣ снѣгу-то штуки двѣ убилъ, не больше...

— На старомъ же мѣстѣ токъ-то былъ?

— Начался-то на старомъ, а потомъ сдался въ глушь, въ гриву.

— Какъ же отыскалъ его? спросилъ съ любопытствомъ Голубевъ.

— А ужъ такая линія подошла—отыскалъ и натѣшилъ такъ, что вѣки по вѣки этакъ не приведется.

— Какъ же это?

— А вотъ расскажу все по порядку. Въ самый день это Маріи Египетской случилось. Утро было знатное, тихое, утренникъ крѣпкій,—такъ засковородѣло, что по насту хоть поѣзжай. Прибѣжалъ я на токъ рано, только что начало брезжиться—свѣтъ этакимъ бѣлымъ пятномъ на восходѣ расходиться сталъ. Сѣлъ къ соснѣ и слушаю: нигдѣ ничего не шелохнетъ. Долго я этакъ сидѣлъ; разсвѣло на бѣло, заря показалась на небѣ, куропатки за горланили, польники перечувывиваться стали, а глухарей слухомъ не слышать. Тутъ ужъ ждать было нечего—сдались, значить, куда нибудъ: надо было отыскивать. Взялъ я этакъ направо, пробѣжалъ съ версту; прислушиваюсь, ничего. Взялъ налѣво версты полторы — ничего. Что за оказія! Куда бы могли дѣваться? Вдругъ вижу тетеря глухая летить къ болоту и такъ ли кокочеть, что только отзывъ раздается; за ней другая, третья, четвертая и много откуда-то ихъ под-

нялось и всё летать въ одну сторону. Постой, думаю, это они на токъ летать; дай, побѣгу по полету, авось отыщу. Пустился я что было силъ, лобъ залысиль, подобралъ полы у тулуна, удираю во всё лопатки, не переводя духу. По насту-то, вѣдь, ходовито: такъ нога ногу и погоняетъ. Съ полчаса бѣжалъ я времени не отдыхаячи, потомъ остановился и началъ слушать: нигдѣ ничего не зыкнетъ, пташка не прощечечетъ, какъ будто все вымерло. Туманъ такой густой спустился, что макушекъ у сосенъ было не видать и свѣтъ отъ зари совсѣмъ заволокло. Опять подралъ я во всю мочь и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока духъ не захватило. Вдругъ слышу, толсто таково прококотала тетеря... Я такъ и приросъ къ одному мѣсту, шапку сорвалъ съ головы и на вострилъ уши. Слышу—войну страшную, такая идетъ хлопотня крыльями, что примѣни — въ мостину гуменную дуютъ цѣпами. А, голубчики, вотъ они гдѣ бражничаютъ; постоите же, думаю, я къ вамъ подберусь лихо. Пошелъ я потихоньку, поднялся на боръ. Ельникъ на бору такой густой, я началъ пробираться ельникомъ на цыпочкахъ, такъ осторожно, что самъ своихъ шаговъ не слышу. Промежь двумя борами проходить тутъ такая мшерина, низкое мѣсто съ знатнымъ соснякомъ. Эту паточину я давно зналъ, и по всѣмъ примѣтамъ еще прежде полагалъ, что тутъ долженъ бывать глухаринный токъ. Теперь они на этомъ самомъ мѣстѣ и воевали; слышно въ нѣсколько голосовъ ярять, а больше дерутся: такъ-ли хлещутъ другъ друга, что уму невообразимо. Подошелъ я какъ только возможно было близко къ току и сталъ за ель. Штукъ десять глухарей токовали и дрались по насту; да не одинъ десятокъ сидѣло ихъ по деревьямъ и по всѣмъ сторонамъ кокотали и ростились тетерьки. Я совсѣмъ ошалѣлъ, не знаю что мнѣ и дѣлать: подходить къ одному—остальные увидятъ, разлетятся; податься впередъ — нельзя, дальше

рѣдочь начинается. Къ моему же горю туманъ подобрался и солнце стало всходить. Надумалъ я оставить глухарей непугавши, чтобъ на утро прійти какъ можно раньше, и за-сѣсть на самый токъ. Послѣ такого рѣшенья идти бы назадъ слѣдовало; а я отъ мѣста оторваться не могу, глазъ не хочется отвести отъ бойцовъ: такъ они козыремъ и ходятъ, такъ и скребутъ крыльями настъ. Вотъ одинъ спустился и сѣлъ отъ меня близехонько, шагахъ въ сорока, осмотрѣлся, защелкалъ и давай наяривать, вчистухи такъ и токуеть, такъ и токуеть; хвостъ вздернулъ, шею раздулъ, крылья распустилъ и все ко мнѣ ближе, да ближе. Вдругъ, вижу, другой за нимъ бѣжитъ, отдѣлился отъ драчуновъ-то... тутъ ужъ я ждать не сталъ, приложился по первому-то и выстрѣлилъ. Вздернулъ ноги мой глухарь; трепещется. Тотъ съ выстрѣлу-то немного пріостановился, да какъ увидалъ, что товарищъ его хлопаеть по снѣгу крыльями, налетѣлъ на него и давай тенетить: бьетъ его и крыльями, и носомъ, и ногами—только перья летять по воздуху! Я скорѣй за ель—тороплюсь, заряжаю ружье, —одностволка была—засунулъ кое-какъ порохъ, пыжи, дробь, только что наложилъ пистонъ, вдругъ—щелкъ передъ самымъ моимъ носомъ,—гляжу, еще глухарь откуда-то выкатилъ. Растопырилъ крылья, задралъ голову, и сажени въ три отъ меня такъ павой и плыветь. Я не знаю по которому и бить: по тому-ли, что треплетъ убитаго-то, или по этому молодцу? Приложился, хватилъ по этому, да такъ заторопился, что всѣмъ зарядомъ по хвосту шлепнулъ, поднялся глухарь и полетѣлъ цѣлехонекъ, только хвостъ остался на снѣгу. Эко, думаю, срамное дѣло, въ три сажени въ такую большую мостину не могъ попасть. Давай снова заряжать ружье, чтобы хватить по тому, что убитаго-то терзаетъ, приложился вѣрнѣй, свалилъ! Ну, слава Богу, есть пара, хоть надо бы, по настоящему-то тройкѣ быть; жалко, да что же дѣлать: и на Машугу бываетъ про-

машка. Покамѣсть я это съ ними тутъ возился, всё смотрѣлъ прямо на то мѣсто, гдѣ у нихъ драка была, а не въ умѣ оглянуться въ лѣвую руку. Сталь я ружье заряжать, и нечаянно оглянулся въ лѣво-то, такъ и обмеръ! Просѣлка въ эту сторону шла вдоль всего бора... Глухари черезъ нее такъ и снуютъ, какъ челноки, взадъ и впередъ, и какая же пропасть: точно дѣдушка лѣсной согналь ихъ въ одно мѣсто со всего лѣса. Эдакой ужаси мнѣ и во снѣ-то никогда не снилось. Ну, налюбовался же я на нихъ тутъ вдоволь! И какихъ, какихъ штукъ они не выдѣлывали: и припархиваютъ-то, и припрыгиваютъ-то, и индѣйскимъ-то пѣтухомъ кружатся; а тетерьки такъ и шмыгаютъ между ними, такъ и ласться къ самцамъ: головку прижмутъ къ плечикамъ, схохлятся, присядутъ. Послѣ этакаго случая никому въ свѣтѣ не повѣрю, что будто тетери кладутся отъ слюней самцовъ; вздоръ это все одинъ рассказываютъ! Долго я стоялъ, все смотрѣлъ на нихъ, съ мѣста не могу двинуться, какъ будто меня приморозило тутъ. Вдругъ надъ моей головой захлопотало: глухарь усѣлся на ту самую ель, подъ которой я стоялъ—и заскиркалъ таково звонко. Я поднялъ къ верху ружье и выстрѣлилъ: какъ снапъ съ ели-то рѣзнулся онъ объ настъ и хотъ бы шевельнулся, какъ будто никогда и живъ не былъ. Три штуки есть, дѣло хорошее, это цѣлая ноша, только въ моготу до дому дотащить, пора бы охоту пошабашить, думаю я; а самъ заряжаю ружье, да смотрю туды, вдаль по просѣлкѣ-то. Вижу, пребольшой глухарина; должно быть старикъ, бѣгаетъ за молодымъ, да такъ и норовить его теребнуть; а тотъ отъ него улепетываетъ и все въ крючки, въ крючки, и потомъ вдругъ снялись оба и полетѣли прямо на меня. Я далъ сравниться, да въ-поперечъ какъ царашну по переднему, такъ черезъ голову кубаремъ и покатился. Четыре есть, будетъ; пожалуй и не стащить. Двинулся я собирать свою охоту, да только сдѣлалъ шагъ

впередъ, и ушелъ въ снѣгъ по поясъ, на силу выкарабкался; переступилъ—опять по поясъ! Тутъ-то я очувствовался—до какой поры пробылъ въ лѣсу. Взглянулъ на солнышко: ужъ гдѣ-то дереть по небу и такъ ли знатно припекаетъ, что весь насть распустило. Кое какъ собралъ я свою добычу, связалъ ремнемъ, полы у тулупа подоткнулъ, ружье закинулъ за спину, и остановился въ раздумьи—по какой дорогѣ мнѣ идти. Напрямикъ къ дому ближе-бы, да не доберешься, насть развело, не выкидываетъ; на большую дорогу выйти, много крюку; но все же лучше, меньше снѣгомъ идти приведется. Пошелъ на большую дорогу, и умно сдѣлалъ; даже и теперь за это себѣ спасибо говорю. Если бы идти прямо, то не быть бы мнѣ живому, потому тогда версть шесть по снѣгу хрѣмать привелось бы, а тутъ только двѣ версты до дороги, да и то натерпѣлся я такой муки, что злomu врагу того не пожелаю. Ступлю шага два-три—ухъ! по самую грудь; а ноша-то глухариная сверху еще надавить. Бьешься, бьешься, выползешь кое какъ, шагнешь нѣсколько разъ, опять ухъ! подъ снѣгомъ-то все вода, на мнѣ валенцы; налились и смогли они какъ тряпица, и отяжелѣли такъ, что точно пудовики на ногахъ-то. Промаялся я эдакъ съ четверть версты, моченьки нѣтъ, со всѣмъ выбился изъ силъ, самага въ жаръ бросило; а ноги зазябли до того, что сперва ныли, а потомъ и чувствіе въ нихъ потерялъ: совсѣмъ одервенѣли и замерли. Вижу, такъ мнѣ недойти, на хитрости надо подняться. Сломилъ я тоненькую елку, привязалъ къ ней на вершинку глухарей и тулупъ, все же облегченъе, самъ остался въ легонькомъ полушубченкѣ и поползъ на четверенькахъ по снѣгу; а ношу поволокъ за елку за собою. Этакимъ манеромъ двѣ то версты я ползъ часовъ шесть, и такую страду принялъ, что вспомнить страшно: голодъ началъ мучить, на желудкѣ мутить, а въ головѣ отъ чего-то шумъ поднялся. Домой я прибрелъ ужъ ночью, пользъ, добрался до постели и заснулъ, какъ въ воду погрузъ.

— Ну, братъ Абраха, похождение же. Что-бы тебѣ глухарей-то бросить: прахъ ихъ возьми, своя жисть дороже, сказалъ Голубевъ, выслушавшій съ большимъ вниманьемъ рассказъ Абрама.

— И въ умъ этого не приходило, отвѣчалъ Абрамъ. Какъ можно дичь бросать! До послѣдняго истощенія не покинулъ-бы. Что и за охотникъ есть, который набить дичи—набѣть, а принести домой не стумбеть?

— Болѣнь, чаю, сдѣлался ты послѣ такой передряги? спросилъ Голубевъ.

— Нѣтъ, на счетъ болѣзни Богъ помиловалъ; черезъ день же опять побѣжалъ на токъ.

— Ну, что же?

— Ужъ такого слету не было, по насту токовали мало, больше все по деревьямъ и въ розницу, подходить приводилось въ тахту *). Однако и въ другорядь-то три штуки убилъ.

— И долго эдакъ охотился?

— Да, пока настъ держался; не помню, кажется съ недѣлю ходилъ и каждое утро то по штукѣ, то по парѣ таскалъ.

— А въ водополицу-то неужто не ѣздилъ на токъ?

— Какъ не ѣздить, ѣздилъ; но току ужъ совсѣмъ не было, ни одного глухаря и не видалъ даже; двухъ тетеръ только убилъ и то силами—неправдами.

— Налетѣли что-ли? полюбопытствовалъ Голубевъ.

— Нѣтъ не налетѣли. Пріѣхалъ я, видишь ты, на боръ-

*) «Къ токующему глухарю ранней весною можно подходить изъ-за дерева, и даже по чистому мѣсту, соблюдая ту осторожность, чтобы идти только въ то время, когда онъ токуетъ и вдругъ останавливаться, когда онъ замолчитъ; весь промежутокъ времени, пока глухарь не токуетъ, охотникъ долженъ стоять неподвижно, какъ статуя». *Аксаковъ*. (З. Р. о О. губ.).

то въ легонькой лодочкѣ, одинъ въ ночевку. Съ вечера забрался на токъ и просидѣлъ до самаго утра — все ждалъ слету: ни одинъ глухарь даже крыльями не прохлопоталъ. Солнышко ужъ высогонько поднялось, какъ пошелъ я рябчиковъ искать. Только эдакъ иду около заливы-то, да на-свистываю въ дудку; вижу пара глухихъ тетеръ сидитъ на осинѣ. Подходить никакимъ манеромъ нельзя—осину поняло водой; я взялъ, разболочся до-нага и побрелъ. Вода такая холодѣющая, въ иныхъ мѣстахъ даже со снѣгомъ и все глубже да глубже; а я, знай себѣ, бреду да бреду; подбрелъ я къ нимъ этакъ сажень на пятнадцать, приложился, ударилъ по нижней, свалилась; а другая и пересѣла еще туда дальше, на ель. Зарядилъ я ружье изъ запаснаго патрона и побрелъ къ ней подбираться. Тутъ привелось брести очень глубоко, до подмышекъ доходило, за то и подошелъ же я подъ самую ель, на которой сидѣла тетеря, прямо стрѣлять привелось; какъ упала съ ели, такъ меня брызгами и окатило. Возвратился на боръ, сейчасъ развелъ *пашокъ* (пожогъ), и давай отогрѣваться.

— Ну, братъ, Абраха, истошникъ-же ты! одобрительно воскликнулъ Голубевъ.

— Будешь, братъ, истошникомъ, какъ охота-то словно ржа желѣзо ѣстъ: ни днемъ ни ночью покою не даетъ.

За этимъ послѣдовало разсужденіе, что такое охота значить и какъ она иной разъ бываетъ пуще неволи.

Вскорѣ мы вышли на Шексну, именно на ту ея часть, гдѣ она называется Простью. Прость—это проказы природы, прихотливое образование новаго русла. Лѣтъ около ста тому назадъ, какъ разсказываетъ преданіе, тутъ не было рѣки; но пролегалъ очень неглубокій логъ, по которому въ весенніе разливы было сильное проносное теченіе. Рѣка же шла лѣвѣе, огибала мысъ верстъ на тридцать и, возвратившись очень близко къ своему повороту, продолжала течь далѣе

уже прямыми плесами. Время отъ времени дѣйствиємъ весеннихъ водъ логъ все болѣе и болѣе углублялся, все болѣе и болѣе готовился сдѣлаться ложемъ рѣки и, наконецъ, принявъ совершенно воды Шексны, понесъ ихъ съ неимоверною быстриною между своими крутыми, обрывистыми берегами. И вотъ этотъ новый каналъ, прорытый самою природою, почему-то началъ называться Простью. Старое же русло заполоסקало пескомъ и иломъ, съузило до степени маленькой рѣчки, заглушило ракушками и оно получило названіе Глухой рѣки Шексны. Прость мысаста, извилиста и узка. Подъ быстриною, въ заводяхъ, любятъ становать въ ней крупныя окуни и рѣзвые паланы. Въ былое время я проводилъ здѣсь цѣлые дни, тѣшась уженьемъ рыбы.

Долго шли мы молча по берегу рѣки. Густой мракъ, спустившійся на землю, непроницаемымъ покровомъ одѣлъ окрестности—и воцарилась глубокая тишина. Вдругъ Абрамъ откашлянуль и затынуль свою любимую.

Не ясенъ-то ли соколъ по горамъ леталъ,
По горамъ леталъ, лебедей искалъ...

Побѣжали грустные звуки свободно и легко, и, дрожа и замирая, разлились въ безмолвіи ночи.

Чудные ихъ переливы нескончаемо длились и просились въ душу,плыли все вдаль, все вдаль—и повторялись тамъ, въ этой дали, отголосками такихъ же унылыхъ замирающихъ звуковъ.

Вотъ въ Кершинѣ мелькнули огоньки и въ нѣсколько голосовъ залаяли собаки. Здѣсь ждалъ усталыхъ охотниковъ теплый пріютъ и искренность родной семьи.

II.

Ужение рыбы на Шекснѣ.

Извѣстно, что Шексна, составляющая главный нервъ Мариинской системы, вытекаетъ изъ Бѣла-Озера и впадаетъ въ Волгу, противъ города Рыбинска; извѣстно также, что рѣка эта необыкновенно рыбиста, что ея золотистыя стерляди отличаются особенно пріятнымъ вкусомъ и что шексинская бѣлая-рыбца и осетръ составляютъ роскошь гастрономическихъ обѣдовъ. Течение Шексны очень характерно: въ верховьяхъ она пробирается по возвышеннымъ мѣстностямъ, пересѣкаетъ нѣсколько каменныхъ грядъ, отъ чего произошли пороги и сильныя быстрины; въ среднемъ и нижнемъ теченіи она улеглась, какъ въ ящикъ, въ ровные, не высокіе и крутые берега, густо обтянутые ра-китникомъ. Линія рѣки излучиста, она образуетъ множество изломовъ; на крутыхъ поворотахъ Шексны образовались мысы, а подъ ними водовороты и заводи,—любимые притоны окуней, головлей и палановъ *). Рѣка имѣетъ очень быстрое течение, особенно около мысовъ, съ которыхъ струя воды, завертываясь въ воронкообразныя кольца, бьетъ вплоть до противоположнаго берега. Вода въ Шекснѣ мутна, имѣетъ цвѣтъ буро-желтый: обиліе иловъ, глинистое дно рѣки, ско-

*) Жерехъ. Aspiux garax.

рое ея паденіе, размывающее пески и иль, служатъ причинами такого цвѣта и мутности воды.

Шексна въ нижнемъ и среднемъ своемъ теченіи имѣетъ широкіе разливы, затопляющіе окрестности мѣстами на нѣсколько десятковъ верстъ въ ширину. Весело бросается рыба на свѣжую весеннюю воду и разбродится всюду по широкому ея приволью. Она трется возлѣ кустовъ, въ чащѣ лѣса, въ густыхъ бичевникахъ и около грудъ плавающего хвороста, выбивая изъ себя икру. Въ это время множество ловятъ рыбы въ заплеты кужами, или мордами; а до уженья еще далеко. Уженье начинается тогда, когда весенняя вода уберется въ берега, зазеленѣютъ свѣжей травкой луга, покроются полнымъ листомъ деревья и зацвѣтеть черемуха. На черемуховомъ цвѣту наступаетъ первый ловъ рыбы удочкой.

Воды еще много въ рѣкѣ: до меженнаго ея состоянія, которое обыкновенно наступаетъ съ половины Іюня, еще цѣлый мѣсяць. Теченіе быстро; мысы и косы еще не вполне вырѣзались; но около крутыхъ шекснинскихъ береговъ, въ западинахъ и отползняхъ, образовались прекрасныя заводи. Въ этихъ-то заводяхъ станами держится всякая рыба; сюда-то и спѣшить охотникъ до уженья насладиться, послѣ долгой зимы, первой и самой ранней ловлей рыбы на удочку. Лучшей наживкой на крючекъ въ это время служатъ раки. Достать ихъ въ такую пору, когда горизонтъ воды еще высокъ, весьма трудно, потому что они гнѣздятся очень глубоко въ норахъ, которыя высверливаютъ своими клешнями въ илистыхъ берегахъ Шексны. Только и можно добыть тогда раковъ посредствомъ ракушницы, устраиваемой очень просто: на обручъ, имѣющій въ діаметрѣ не болѣе аршина, натягивается мережка; къ срединѣ ея, съ низу, привязывается камень, на верхъ кладется говядина или хлѣбъ и на веревкѣ обручъ опускается съ плота, лодки или садка въ рѣку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ держатся раки. Черезъ полчаса обручъ по-

дымають изъ воды и на немъ оказывается штуки двѣ—три раковъ. Но иногда этотъ способъ ловли бываетъ до того неудачнымъ, что нѣтъ возможности поймать на десять ракушницъ ни одного рака въ цѣлый день; въ случаѣ такой неудачи можно добыть раковъ отъ неводчиковъ и отъ рыбаковъ, которые ловятъ стерлядей мордами, навязанными на вѣтвнялыя канаты. Въ такія морды зачастую забродятъ раки.

Удочки устраиваются для ужения на раковъ *донныя*, т. е. безъ поплавка, съ тяжелымъ грузиломъ, чтобъ удить со дна. Удилище должно быть длинное, аршинъ семи и даже восьми, и непремѣнно гибкое, съ тонкою вершинкою; леса толстая, волосковъ въ тридцать, потому что рыба попадетъ крупная, большею частію головль, язь и палань, которые ходятъ на лесѣ очень бойко, дѣлають прыжки и бьются съ такою силою, что тонкая леса у самаго искуснаго рыбака не въ состояніи выдержать, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ужение производится съ крутаго обрыва, такъ что рыбу приходится поднимать лесю на воздухъ иногда аршина на два и на три. Крючки употребляются при такомъ ужении крупнаго калибра и непремѣнно англійскіе. Грузило вѣсомъ должно быть около десяти золотниковъ; оно дѣлается всегда изъ кусочка свинца или изъ пульки, которая выбивается въ кубикъ. Круглое грузило не годится: его можетъ катить водою по твердому глинистому дну рѣки, что препятствуетъ правильному ужению, потому что заставляетъ часто перекидывать удочку и производить этимъ шумъ и бульканье, котораго рыба боится. Грузило насаживается на донную удочку къ самому концу лесе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у обыкновенной удочки бываетъ крючекъ; а крючекъ привязывается къ лесѣ на особомъ поводкѣ выше грузила вершковъ на десять.

При такомъ устройствѣ удочки, малѣйшее прикосновеніе рыбы къ насадкѣ сейчасъ замѣтно для рыбака по содрганію тонкаго конца удилища; и самая насадка на крючкѣ,

привязанномъ на особый поводокъ, не лежитъ на днѣ рѣки, а относится теченіемъ воды въ сторону, по выраженію рыбаковъ—играетъ въ глубинѣ, такъ что рыба издалека ее видитъ и хватаетъ смѣлѣе.

Заручившись раками, рыбакъ отправляется на глубокія заводи, о которыхъ мы уже упоминали. Онъ беретъ съ собою нѣсколько большихъ удочекъ собственно для ужения на рака, а одну или двѣ поменьше на навознаго червя, на котораго хорошо идетъ съ весны подлещикъ, тарабарга и чѣша. Двѣ послѣднія породы рыбъ весьма оригинальны; онѣ встрѣчаются преимущественно въ Шекснѣ. Тарабарга складомъ своимъ совершенно похожа на леща; но только шире его, глаза имѣетъ бѣловатые, плавательныя перья черныя съ синимъ отливомъ, и вѣсомъ недостигаетъ болѣе двухъ съ половиною фунтовъ. Чѣша чрезвычайно напоминаетъ сельдь; длинная и тонкая, она имѣетъ нѣсколько вогнутый хребетъ и совершенно острое брюшко; рыбаки въ шутку называютъ ее косаремъ; спинка у нея синеватая, а остальная часть снѣжно-бѣлаго цвѣта съ серебристымъ отливомъ. Чѣша вѣсомъ достигаетъ до полутора фунта; въ такой вѣсъ она бываетъ длиною до 12 вершковъ.

Тихо подходитъ къ заводи рыбакъ, скромно, безъ малѣйшаго шума, усаживается на мѣсто, выбирая такое положеніе, чтобъ отъ рѣки прикрывалъ его кустикъ и чтобъ ни въ какомъ случаѣ тѣнь отъ его особы не ложилась на воду. Размотавъ удочки, наживляетъ онъ ихъ раками; на это идутъ преимущественно хвостики, которые слѣдуетъ старательно очистить отъ шелухи. На каждую насадку употребляется отъ большихъ раковъ два раковые хвостика, а отъ среднихъ — три и болѣе, чтобъ насадка вышла большая. Если раки велики, то могутъ идти въ дѣло и клешни ихъ. При маломъ занасѣ раковъ рыбакъ дорожитъ малѣйшимъ ихъ кусочкомъ, годнымъ на насадку; и хотя мясо изъ кле-

шень выщелушивать и очень трудно, однакожь, пуская въ ходъ ногти и зубы, приходится добывать его отсюда. Рачье мясо изъ клешень держится на крючкѣ слабо; чтобъ оно не свалилось, чтобъ не сдернула его мелкая рыбешка, привязываютъ его иногда къ крючку тоненькимъ волоскомъ. Нажививши крючки, рыбакъ забрасываетъ удочки такъ, чтобы лесы легли нѣсколько по водѣ, затѣмъ крѣпко втыкаетъ удилица въ берегъ. Клевъ начинается не сейчасъ: случится просидѣть полчаса и болѣе, пока тронетъ крупная рыба. Водю вытянетъ лесу, удилица нѣсколько изогнется по теченію; рыбакъ не спускаетъ глазъ съ тонкой ея вершинки. Вотъ пошевелилась леса, потомъ удилица дрогнуло разъ, потомъ еще разъ, наконецъ нѣсколько разъ вдругъ, быстро одинъ за однимъ и за тѣмъ дугою наклонилось къ водѣ: рыба потянула. Привычною, смѣлою рукою схватываетъ рыбакъ удилицу и быстро, рѣшительно дѣлаетъ подсѣчку. Тяжело, добыча велика; она уже на крючкѣ; теперь слѣдуетъ дѣйствовать осторожнѣе, т. е. не тянуть рыбу, а водить ее на кругахъ, поднимая гнущееся въ дугу удилицу кверху. За лесу не братья ни подъ какимъ видомъ, а отступая назадъ, подводитъ постепенно рыбу къ берегу; послѣ нѣсколькихъ круговъ, послѣ прыжковъ и порывистыхъ дерганій, она пойдетъ легко на то мѣсто, куда хочетъ подвести ее рыбакъ и гдѣ долженъ быть на готовѣ сачекъ, которымъ уже не трудно бываетъ подхватить добычу: рыба въ сачкѣ, все равно что въ мѣшкѣ: она уже поймана, а до тѣхъ поръ нельзя поручиться за то, чтобъ она не соскочила съ крючка, чтобъ не порвала лесы при малѣйшей оплошности рыбака. Впрочемъ я говорю только про крупную рыбу: язя и головля въ два — три фунта можно тащить смѣло, даже выкинуть просто на берегъ, не водивши на кругахъ; послѣ подсѣчки сейчасъ слышно, велика ли рыба сѣла на крючокъ.

При хорошемъ клевѣ можно выудить на одномъ мѣстѣ нѣсколько штукъ крупной рыбы; но слѣдуетъ замѣтить, что только раннее утро можетъ потѣшить рыбака: еще до восхода солнца нужно быть на мѣстѣ, заранѣе уже осмотрѣнномъ и приспособленномъ. Ведраяная погода, тихое ясное утро, нѣсколько прохладное, съ маленькимъ туманомъ надъ рѣкою, служатъ хорошими признаками добычливаго уженья, особенно если вода на большой убыли. Когда время подойдетъ къ десяти часамъ, клевъ прекращается совершенно: долѣе и сидѣть нечего: сматывай удочки и отправляйся домой. Вечеромъ, часовъ съ семи, можно опять удить; но вечерній клевъ бываетъ не хорошъ, такъ что за частую случается возвращаться рыбаку не зарыбивши.

Бываетъ, что на хорошую рачью насадку берется щука. Опытный рыбакъ сейчасъ замѣтитъ ея клевъ: удилице дрогнетъ слегка, за тѣмъ вытянется леса въ одну сторону, потомъ перейдетъ на другую, наконецъ вдругъ, мгновенно поднимется изъ глубины кверху: это щука. Ее слѣдуетъ тащить самымъ быстрымъ приѣмомъ, кидкомъ, прямо на берегъ; если щука велика, леса, конечно, порвется, если она средней величины—въ пять, шесть фунтовъ, то леса волосовъ въ 20-ть выдержать можетъ; во всякомъ случаѣ—щuku водить не допускается: какъ только она почувствуетъ въ себѣ крючекъ, то какъ бы она мала ни была—въ одну секунду перекусываетъ лесу, если только крючекъ не находится на проволочномъ поводкѣ или струнѣ, чего никогда не дѣлается при уженьи на рака.

Когда вода спадетъ до меженнаго состоянія, съ заводей рыбакъ переселяется на мысы, на быструю струю, подъ которой любятъ жировать окуни и паланы. Уженье на рака дѣлается тогда еще интереснѣе, потому что добыча попадаетъ разнообразнѣе. Въ Шекснѣ не рѣдко вылавливаются окуни въ четыре, въ пять фунтовъ вѣсомъ. Тащить со дна

такого окуня, который вообще принадлежит къ числу очень сильныхъ рыбъ и идетъ необыкновенно упористо, составляетъ для рыбака великое наслаждение. Долго ходить онъ на кругахъ въ глубинѣ, долго томить горячаго рыбака нетерпѣніемъ узнать какая рыба на крючкѣ; наконецъ-то пошелъ кверху, взвернулся на поверхности воды, ярко блеснули его пунцовыя перья, и только по нимъ узнаетъ рыбакъ окуня. Паланъ ходитъ на удочкѣ необыкновенно бойко: бьется, дѣлаетъ прыжки, бросается въ стороны. Рыбаку нужно много терпѣнія и искусства, чтобы овладѣть крупнымъ паланомъ. Одинъ разъ со мною былъ такой случай: удилъ я рыбу въ той части Шексны, которая называется Простью. Это на сто первой верстѣ отъ Рыбинска. Въ Прости Шексна узка и особенно мысаста, потому что дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ. Здѣсь на протяженіи шести верстѣ встрѣчается довольно много прекраснѣйшихъ мѣстъ для ужения. Я сидѣлъ на мысу, подъ кручей. Удочки мои наживлены были большими насадками рачьего мяса. Утро было превосходное: теплое, тихое и туманное. Я, выудивъ нѣсколько штукъ не крупныхъ окуней, провозился довольно долго съ большимъ яземъ, который набулькавши и нахлеставшись вдоволь по водѣ, сорвался съ крючка у самаго берега. Клевъ прекратился. Съ полчаса крючки лежали спокойно, и я уже хотѣлъ идти на другое мѣсто, какъ вдругъ на самой большой удочкѣ дрогнула вершинка, вслѣдъ за тѣмъ согнулось удилице, съ такою силою, что конецъ его ударился объ воду и погрузъ въ нее, я подскѣкъ и сразу же почувствовалъ что-то необыкновенно тяжелое. Взявъ нѣсколько на сторону, по теченію воды, я началъ водить рыбу и хотѣлъ поднять ее на верхъ, но сильныя порывистыя дерганья, туго натянувшаяся леса, совсѣмъ согнувшееся удилице давали знать объ очень крупной добычѣ: пришлось дѣйствовать осторожнѣе, я началъ только держать удилице кверху, не ослабляя

леса; рыба стала сама ходить на кругахъ. Такъ продолжалось минутъ десять. Наконецъ рыба вышла на верхъ, и я увидалъ огромнѣйшаго палана *). Сдѣлавъ скачокъ въ сторону, онъ сильно сталъ биться, прыгаль, хлестался объ воду, брызги фонтаномъ летѣли кверху; леса была въ тридцать волосовъ, гнувшееся удилице давало такую упругость, при которой трудно было оборвать ее. Черезъ нѣсколько времени паланъ утомился и легко пошелъ къ берегу; но въ ту секунду, какъ я хотѣлъ подхватить его сачкомъ, онъ сдѣлалъ такой отчаянной прыжекъ, что удилице переломилось на сучкѣ, бывшемъ отъ вершинки аршина на два. По счастью моему, въ водѣ, около самаго того мѣста, гдѣ я возился съ паланомъ, была отползь съ кустомъ раkitника, съѣхавшимъ въ рѣку съ глыбой берега во время весенняго подмоя. Конецъ сломившагося удилица попалъ въ самую средину раkitника и запутался. Достать оттуда лесу было довольно трудно: кустъ находился не близко отъ берега и въ промежуткѣ между нимъ и берегомъ было такъ глубоко, что потребовалось бы плыть; да и леса такъ ловко завилась около прутьевъ куста, что на плаву распутать ее и не оборвать было бы невозможно. Я бросился въ усадьбу за лодкой. Бѣжать нужно было версты полторы. Въ молодую пору, когда ноги очень рѣзвы, это ничего не значило. Сѣвши въ лодку, я скоро доплылъ по водѣ до мѣста моего ужения; вижу—обломокъ удилица на кустѣ и прутья слегка покачиваются ходившимъ около нихъ паланомъ. Осторожно подъѣхаль я къ берегу, прикрѣпилъ къ нему носъ лодки, а корму заворотилъ къ кусту и привязалъ ее прутьями. Установивъ такимъ образомъ лодку, я досталъ лесу и началъ поднимать рыбу кверху; паланъ, видимо утомленный, пошелъ свободно; едва показался онъ изъ воды, какъ я подхватилъ его сачкомъ; добыча была истинно необыкновенная: въ ней было

*) Жерехъ.

двадцать два фунта вѣсу. Такой большой рыбы я уже болѣе никогда не выуживалъ.

Въ концѣ Юня уженье на рака прекращается, а наступаетъ другое, болѣе веселое и добычливое — *на метлицу*. Что такое метлица и какъ она образуется, я нахожу нужнымъ сказать объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Выше я уже упоминалъ, что берега Шексны, особенно тѣ части ихъ, которыя въ межень ополаскиваются водою, состоятъ преимущественно изъ глины и ила. Они плотно осѣли слоями и окрасились то въ черный, то въ темно-синій, то въ блѣдно-зеленый, то въ красноватый цвѣтъ, съ тончайшими прислойками желѣзняка.

Въ этихъ-то илистыхъ массахъ шекснинскихъ береговъ зарождаются тучи поденокъ, которыя живутъ сначала въ прорываемыхъ ими круглыхъ ходахъ, идущихъ горизонтально по направленію къ водѣ, а потомъ въ извѣстное время онѣ вылетаютъ изъ своего мрачнаго и душнаго жилища въ видѣ двукрылой мухи, похожей наружнымъ образованіемъ и величиною на коромысла (*libellula grandis*). Шекснинскіе жители дали этому насѣкомому, въ несмѣтномъ количествѣ бороздящему воздухъ надъ водою, названіе метлицы, по сходству самаго явленія съ зимнею метелью. Вотъ что такое метлица.

Послѣ выхода метлицы, разрывая осторожно оставленные ею подземныя галереи и слѣдя за направленіемъ канальцевъ, легко замѣтить, что каждая норка, или каналецъ имѣетъ сообщеніе съ сосѣдной и даже нѣсколькими норками.

Объ этомъ дѣлали много различныхъ предположеній; полагали, что этими подземными ходами поденки могутъ видѣться другъ съ другомъ, ведутъ общественную жизнь, совершаютъ актъ оплодотворенія, послѣ котораго тамъ же кладутъ яички; но кажется, что соединительные канальцы есть дѣло совершенно случайное, происходящее отъ чрезвычай-

наго множества поденокъ, которыя еще въ состояніи личинки, или по-просту червяка, зарываясь внутрь ила, перекрещиваютъ свои лапы, а потомъ, чрезъ извѣстное время стремясь къ выходу, опять протачиваютъ по направленію къ свѣту столько ходовъ, что берегъ дѣлается совершенно губчатымъ или, вѣрнѣе, ноздреватымъ. Мудрено ли, что подземныя галлерей поденокъ имѣютъ между собою столько сообщеній?

Личинка Шексинской метлицы живетъ до двухъ лѣтъ во влажной почвѣ ила. Въ первомъ періодѣ своего образованія она не больше, какъ простой, тонкій и длинный бѣлый червякъ, безъ всякихъ придаточныхъ наружныхъ орудій. По мѣрѣ того, какъ насѣкомое приближается къ совершенному возрасту, ему требуются новые органы и оно лишается старыхъ, непригодныхъ для его новой жизни. Такимъ образомъ слѣдуетъ рядъ превращеній: на головѣ личинки усматривается пара очень большихъ сложныхъ глазъ, пара крѣпкихъ жеваль, служащихъ имъ для разбиванія ила, изъ котораго добываютъ онѣ пищу. Ясно очерченная грудь снабжается шестью ножками съ суставами; тѣло, оканчивающееся тремя длинными колючими нитями, покрывается широкими мохристыми пластинками, которыми насѣкомое движетъ съ удивительною быстротою. Эти пластинки настоящія жабры, т. е. органы водянаго дыханія; толстые каналы воздухоносныхъ трубочекъ входятъ въ самую ихъ середину и развѣтвляются тамъ, чтобы изъ окружающей ихъ жидкости всасывать необходимый для жизни насѣкомаго воздухъ и разносить его по всему тѣлу. Въ состояніи такихъ превращеній, личинка поденки живетъ до двухъ лѣтъ и достигаетъ должной величины, послѣ чего переходитъ въ куколку, которая живетъ въ той же галлерей и отличается только появленіемъ на спинкѣ коротенькихъ чехолковъ, въ которыхъ скрываются сложенные вдоль крылышки. Это второе превращеніе поденки.

Когда настанетъ время трѣтяго превращенія поденки, изъ куколки въ крылатое насѣкомое, тогда она направляется къ поверхности воды черезъ отверстія, прорываемыя помощю зубчатыхъ, твердо-кожихъ орудій, находящихся у ней на головѣ. По моему замѣчанію, чѣмъ болѣе поденка приближается ко времени превращенія въ полное насѣкомое, тѣмъ ближе она подвигается къ выходу. Это подтверждается тѣмъ, что если передъ появленіемъ метлицы мять ногою илистый берегъ, то изъ него начинаютъ показываться куколки поденокъ, стремительно бросающіяся прочь отъ берега и уплывающія въ глубину, при помощи движенія своихъ дыхательныхъ снарядовъ, которыми они умѣютъ дѣйствовать, какъ рыбы плавательными перьями. Если же сдѣлать этотъ опытъ недѣли за три до выхода поденокъ, то ни одна изъ нихъ не вымнется изъ берега, потому что въ это время онѣ лежатъ въ немъ еще довольно глубоко. Ясно бываетъ видно, какъ готовая къ превращенію куколка, выйдя изъ земли совершенно наружу, разрываетъ свою оболочку, которая лопается у нея на спинѣ, какъ выходятъ сначала головка поденки и грудь, какъ она движетъ крыльями, стараясь выбраться изъ тѣсныхъ членокъ. Вотъ она уже вышла, выправила сложенные крылышки, помѣщавшіяся въ узкихъ надкрыльныхъ сумочкахъ, и приступаетъ къ послѣднему своему превращенію: сбрасываетъ со всего тѣла еще одинъ паутинный покровъ, чего не дѣлаетъ ни одно изъ другихъ насѣкомыхъ. Послѣ этого она, явившись уже совершенною, съ прекрасными нѣжными формами, красивыми, свѣтлыми, большими черными и блестящими глазами, взмахиваетъ крылышками и спѣшитъ соединиться съ другими своими подругами, въ миллионномъ количествѣ порхающими надъ водою.

Въ описываемомъ видѣ Шекснинскихъ поденокъ ясно различаются два пола: самка нѣсколько крупнѣе самца, имѣетъ бѣлыя крылья, очень пухлое, слабое тѣло, тоже

бѣловатое; небольшіе и не столь свѣтлые глаза и два хвостика; самецъ меньше ростомъ, но формами несравненно красивѣе и тѣломъ тверже; крылья у него черныя, туловище блѣдно-палевое, глаза большіе и ясныя, а на концѣ тѣла, кромѣ двухъ хвостиковъ, длиннѣйшихъ нежели у самки, онъ имѣетъ еще четыре коротенькихъ придатка. Пришексинскіе жители самку называютъ—*блокрылкою*, а самца—*чернокрылкою*.

Какъ продолжительна жизнь поденки въ состояніи личинки, такъ кратковременна она въ состояніи развитаго животнаго: только нѣсколько часовъ суждено наслаждаться поденкѣ своею новою воздушною жизнью, да и то въ борьбѣ съ стихіями. Разорвавъ свою связь съ подземною жизнью, положивъ для сохраненія своего вида яички, она летитъ искать смерти—и тутъ же находитъ ее, падая на воду; или заносимая вѣтромъ, опускается она на траву, кусты, лѣсъ, гдѣ и достается въ добычу малымъ пташкамъ и «всякой прожорливой птицѣ».

Одинъ разъ въ годъ, постоянно въ концѣ Іюня или въ началѣ Іюля, оставляетъ Шексинская поденка илистые берега, мѣсто своего возрожденія и воспитанія, и служитъ для мѣстныхъ рыбаковъ знакомъ обильнѣйшаго періода въ ловлѣ рыбы. Никогда не случается, чтобы во всей Шекснѣ выходъ ея былъ въ одинъ день: въ среднихъ частяхъ теченія рѣки она является позже, нежели въ верховьяхъ, а внизу, около устья, позже, нежели въ среднихъ частяхъ. Трудно объяснить такое разновременное ея появленіе: зависитъ ли это отъ свойства грунта, не одинаковаго на протяженіи Шексны, отъ паденія и возвышенія воды, или другія есть какія-нибудь скрытыя причины, — рѣшить не берусь. Шексинскіе рыбаки раздѣляютъ метлицу по плесамъ и дѣлятъ ея появленіе на два выхода: на малый и большой, *чертежъ* и *валку*.

Чертежь, или малый выходъ метлицы, служатъ какъ бы предувѣдомленіемъ о наступившемъ времени появленія поденокъ. При ясномъ свѣтѣ утренней зари скромно вылетятъ изъ береговъ нѣсколько особей, направляющихся къ срединѣ рѣки; неразвязно, вяло порхаютъ онѣ надъ нею и, опускаясь на воду, бороздятъ, чертятъ живую чертою ея гладкую поверхность. Отсюда *чертежь*. Замѣчательно, что въ первый *чертежь* нельзя увидѣть ни одной чернокрылки; онъ весь состоитъ изъ женскихъ бѣлокрылыхъ особей, и то изъ самага меньшаго числа. Рыбаки не пользуются первымъ *чертежемъ*, потому что появившіяся поденки сейчасъ же бываютъ подхвачены голодною рыбою и чайками и не оставляютъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, такъ что, прозѣвавши *чертежь*, трудно послѣ и узнать, что онъ былъ. Въ года обильные метлицею, на другой день послѣ перваго *чертежа*, бываетъ второй, въ которомъ изрѣдка провертывается и чернокрылка. Дня черезъ два, много черезъ три, послѣ втораго *чертежа*, надо ожидать валки, т. е. большаго выхода метлицы. Еще съ вечера, какъ только солнце опустится за лѣсъ и заря блѣднымъ свѣтомъ разольется по краю неба, надъ дымящеюся паромъ рѣкою запорхаютъ нѣсколько поденокъ, вѣрныхъ вѣстниковъ предстоящей на утро валки. Вся коротенькая іюльская ночь пройдетъ у рыбаковъ въ приготовленіи къ завтрашнему дню: припасаются *заплавки*, поправляются *язки*, осматриваются лодки, перебираются *переметы*. Едва зыкнетъ коростель, вѣстникъ утра, и полетятъ на заплескъ Шексны съ громкимъ крикомъ вороны съ сухихъ высокихъ осинъ, мѣсть своего ночлега, метлица начнетъ выходить изъ иловъ въ несмѣтномъ количествѣ. Чѣмъ ближе время къ солнечному восходу, тѣмъ въ большемъ числѣ летаетъ она надъ водою, тѣмъ гуще и гуще становится ея въ воздухѣ и, наконецъ, на солнечномъ восходѣ тучами валится она въ рѣку и совершенно покрываетъ собою поверхность воды. Отъ двухъ

часовъ до четырехъ продолжается время появленія поденокъ на свѣтъ Божій; потомъ толпы ихъ начинаютъ рѣдѣть, а къ шести часамъ уже не видишь порхающей метлицы. Только густыми массами съ верхнихъ плесовъ тащить ее теченіемъ рѣки внизъ и разбиваетъ по заплескамъ и ракушкамъ, наваливаетъ на мысы и кружить въ заводяхъ, завертывая въ кольца струекъ.

Во время выхода метлицы любопытно бываетъ слѣдить, какъ поденка, выбравшись изъ своего темнаго гнѣзда, топчется къ своимъ подругамъ, какъ скоро она изнемогаетъ, устало машетъ своими крылышками, падаетъ въ воду, трепещется, бьется на ней, но собравшись съ силами, вдругъ снова поднимается, взвывается высоко, высоко, и потомъ опять падаетъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока крылья поденки не обмокнутъ и она не лишится способности летать. Часто случается видѣть, какъ нѣкоторыя поденки, неуспѣвшія освободиться отъ послѣдней своей паутиной оболочки, очень липкой и нѣжной, порхая, таскаютъ ее за собою на длинныхъ хвостовыхъ усикахъ и падая на рѣку, уже не поднимаются, потому что мѣшечекъ, образуемый оболочкой, въ одну секунду наполняется водою и лишаетъ ихъ силъ взлетѣть вторично.

Изъ окружающихъ болотъ и озеръ, разбросанныхъ во множествѣ по обѣимъ сторонамъ Шексны, огромнѣйшими стаями слетаются на лакомую пищу чайки и омки — разбойники. Громкимъ крикомъ привѣтствуютъ они появленіе метлицы и съ жадностію бросаются на добычу, камнемъ падая на воду; или усѣвшись гдѣ нибудь на берегу, на прибоѣ, спокойно пожираютъ ее, выбирая живыхъ, бьющихся крылышками. По заплеску суетливо бѣгаютъ съ этою же цѣлю пискунны — песочники, важно и сановито расхаживаютъ красноносые сорочан и, переваливаясь съ боку на бокъ, выступаютъ вороны, прожорливо объѣдающіяся и часто взмахивающія отъ

пресыщеннаго удовольствія своими пепельными крыльями. Надъ водою разстилаются ласточки и береговые стрижи, бойко подхватывая трепещущее насѣкомое; порхаютъ трясохвостики, осторожно доставая съ воды метличку, и вьются чернощекіе рыболовы. Изъ густой нависѣли тальника вдругъ выплываетъ на струйку цѣлый выводокъ утокъ, растягивается по ней веревочкой и, установившись противъ воды, ловко начинаетъ глотать метлицу и справа и слѣва; а въ воздухѣ широко распластавъ крылья и описывая правильные круги, начинаетъ виться Шексинскій орелъ бѣлоголовикъ, подстерегающій удобный случай въ минуту общаго торжества попользоваться своего рода добычею. Радостные крики чаекъ, карканье воронъ, посвистываніе куликовъ, заунывный, пронзительный голосъ орла, свободная, голосистая пѣсня рыбаговъ, раздѣжающихъ въ легкихъ челнокахъ по рѣкѣ, придають необыкновенное оживленіе утру, въ которое бываетъ валка метлицы.

Послѣ выхода метлицы, илистые берега Шексны дѣлаются ноздреватыми; въ нихъ очень явственно видно безчисленное множество маленькихъ норочекъ, не много шире отверстія гусиного пера: это лазы метлицы изъ своихъ гнѣздъ. Около cadaго отверстія лежитъ паутинный покровъ насѣкомаго, его послѣднія пеленки.

Метлица есть самая лакомая пища для рыбы, которая еще недѣли за двѣ до ея появленія даетъ знать рыбакамъ, измѣнившимся ходомъ ловли, что она ожидаетъ своей манны. За нѣсколько дней передъ выходомъ поденокъ, рыба перестаетъ удиться на рака и ловится во всѣ рыболовныя снасти, сдается съ мелкихъ на глубокія мѣста и совершенно пропадаетъ до радостнаго утра. Ни всплеска ея, ни даже игры маленькихъ рыбокъ въ это время не слышно и не видно. Но лишь только появится на рѣкѣ метлица, откуда что возьмется! Всѣ жители водянаго царства: язь, лещъ, плотва,

чеша, сорога, головль, паланъ и цѣлыя стада мелкихъ рыбъ поднимаются изъ глубины и жадно начинаютъ глотать падающее насѣкомое. Невольно изумишься такому необыкновенному скопленію рыбы. Всплески и бульканье раздаются во всѣхъ мѣстахъ Шексны, а около заплеска, по мелямъ, и въ густой нависѣли раakitника, гдѣ всегда набиваетъ много метлицы, показываются многочисленныя общества рыбешекъ, которыя игриво продовольствуются поденками, разрывая каждую на нѣсколько частей, и разсыпаясь какъ дождь при всякой опасности со стороны прожорливыхъ щукъ, жадно охотящихся за ними.

Весело любоваться въ это время на огромныхъ лещей, меланхолически ловящихъ метлицу: медленно поднимается онъ съ глубины, до половины выставится изъ воды горбатая, какъ краюшка, спина его и широкій гребень пера; неповоротливо возьметъ онъ поденку, широко развернетъ хвостомъ и скроется, пустивши пузырь попавшаго при глотаніи воздуха. Черезъ минуту появляется онъ опять на томъ же мѣстѣ и такъ же хладнокровно и солидно ловить и исчезаетъ. Часто вывертывается стерлядь, привлеченная лакомою пищею; но такъ скромно, трусливо покажется она на поверхности воды, такъ робко и торопливо схватить метличку, какъ будто это для нея дѣло рѣшительно непозволительное. Язь и головль напротивъ: тѣ бѣшено рвутся за добычею, въ припрыжку, съ брызгами, наперерывъ, хватаютъ метлицу и такъ много ею наѣдаются, что не рѣдко случается видѣть ихъ на заплескахъ уснувшихъ отъ обжорства.

Рыбаки, охотники до уженья, сейчасъ же послѣ чертежа забиваютъ на Шекснѣ *язки*. Язокъ — важная статья въ уженьи на метлицу: отъ него зависитъ хорошій успѣхъ въ ловлѣ рыбы удочкою, и потому мы остановимся нѣсколько времени на описаніи его устройства.

Для язка выбирается мѣсто въ высокое стояніе воды на

пескахъ, въ низкое на глубѣ, но въ томъ и въ другомъ случаѣ съ чистымъ хрящеватымъ дномъ, которое предварительно расчищается отъ корягъ и задѣвъ, чтобы при уженьи не зацѣпить крючковъ удочки. Потомъ, съ помощію лодки, вбивается для самаго длиннаго язка, въ восемь аршинъ, восемь паръ кольевъ. Къ послѣднимъ тремъ парамъ дѣлаются подстрѣлины, или косвенныя подпорки, чтобы быстрымъ шексинскимъ теченіемъ воды не сломило ихъ на сторону. Между кольями грузится ракитникъ, связанный снонами для того, чтобы плотнѣе ложился на дно. Самый язокъ направляется нѣсколько противъ теченія. Когда ракитникъ наполнить все пространство между кольями отъ самаго дна до поверхности воды, теченіе ниже язка прекращается, дѣлается заводъ, и поплавокъ удочки не несетъ *): для этой цѣли болѣе и устроивается язокъ. Но и здѣсь не слѣдуетъ впадать въ крайность: дурно, если поплавокъ совершенно неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; необходимо, чтобы крошечная струйка воды отводила его внизъ, потомъ заворачивала назадъ, снова подгоняла къ язку и такимъ образомъ способствовала бы ему ходить. Рыба, при такомъ устройствѣ язка, беретъ лучше и смѣлѣе. Возлѣ язка для прикормки рыбы загружается на длинныхъ колышкахъ метлица. Для этого берется лоскутокъ старой мережки, высыпается на него четверика полтора метлицы и завязывается въ кухтырь, который прикрѣпляется къ колышку на разстояніи полутора аршина отъ заостреннаго конца и погружается въ воду. Такихъ загрузокъ дѣлается у язка штуки три и четыре. Онѣ часто прополаскиваются для очищенія отъ наносимаго ила и песку, и каждый день подновляются свѣжею метлицею.

Около каждаго язка рыбаки дѣлають большіе запасы мет-

*) Уженье на метлицу производится не на донную удочку, а съ поплавкомъ.

лицы. Для этого въ вершину язга упирается однимъ концомъ бревно, а другой конецъ его отводится въ рѣку, забирая немного противъ ея теченія. Въ такомъ положеніи бревно удерживается веревкою и называется *заплавью*. Во время валки набьетъ метлицы теченіемъ такое страшное множество, что когда подтащатъ и прилотятъ ее къ язку, то она наполняетъ до самаго дна всё пространство между язкомъ, берегомъ и заплавью. Для загрузки на прикормку ее вычерпываютъ изъ этого пространства сачкомъ и складываютъ въ мережи пригоршнями. Скоро метлица въ заплави отъ вліянія большихъ жаровъ начинаетъ разлагаться и приходитъ въ броженіе, пузырясь кверху и распространяя не противный, но сильный и острый запахъ. Рыба привлекается силою этого запаха къ язкамъ и, находя прикормку, держится на мѣстахъ уженья до тѣхъ поръ, пока не отойдетъ ловъ.

Съ большимъ удовольствіемъ воспоминаю веселое уженье на устроенныхъ такимъ образомъ язгахъ. Ранехонько утромъ, лишь только румяная зорька зардѣтъ на небѣ, торопиться, бывало, на язокъ, съ длинными удилицами на плечѣ и съ вмѣстительнымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Свѣжесть воздуха и утренній холодокъ прохватываютъ легкое платье, маленькая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; но скорая ходьба сейчасъ прогоняетъ это ощущеніе: становится какъ-то пріятно, весь согрѣваешься и свободно, во всю грудь, дышешь чистымъ воздухомъ. Густой паръ бродитъ надъ рѣкою, дымятся такимъ же паромъ разбросанныя тамъ и сямъ озера; задержались ими же лѣса, а прибрежные, ровные и душистые луга, какъ серебромъ, залиты росой. Давно уже проснулись чайки и кричатъ дружнымъ хоромъ по заплескамъ Шегсны, гдѣ онѣ заправляются завтракомъ; во всѣхъ концахъ раздаются хриплые голоса коростелей, криганье утокъ, и мѣрно, точно тактъ выдѣлывается, бьетъ въ хлѣбѣ перепель.

Вотъ и язокъ. Потихоньку спускаешься къ нему подъ

гору, осторожно разматываешь удочки, усаживаешься, какъ можно ловчѣе и спокойнѣе на лавочку и наживляешь крючки, вздѣвая на каждый по двѣ метлички съ хвостика. Для этого употребляется всегда метлица чернокрылка: она гораздо лучше держится на крючкѣ, и рыба какъ-то охотнѣе ее беретъ. Рыбаки выбираютъ и хранятъ чернокрылку собственно для наживки въ погребахъ на льду, въ нарочно приготовленныхъ для того луночкахъ. Нажививши крючки, забрасываешь двѣ удочки: одну поближе къ язку, около загрузокъ, другую — пониже, къ нависѣли ракитника. Ловко опустятся крючки, скромно лягутъ поплавки на воду и начнутъ бродить взадъ и впередъ. Долго они плаваютъ безъ малѣйшихъ признаковъ клѣва. Растушевалась уже по всему небу красавица заря, выглянуло солнце изъ-за лѣса, потянулись длинные, предлинныя тѣни отъ деревьевъ, косыми полосами ложась на берегъ и опускаясь на воду, подобрался туманъ, пересталъ кричать перенель, смолкъ и дергачъ, а рыбѣ все нѣтъ хода. Но вотъ у одной удочки пошевелился поплавокъ разъ, потомъ въ другой и тихо началъ тонуть и, наконецъ, скрылся подъ водою. Быстро подсѣкаешь добычу, чувствуешь по изогнувшемуся въ дугу удилицу, по натянувшейся въ струну лесѣ, какъ велика она; но, не давая свободы, не позволяя ей завернуть голову въ рѣку, осторожно начинаешь подводить къ берегу. Если не слышно частыхъ, усиленныхъ подергиваній, значить это — лещъ: онъ идетъ всегда безъ малѣйшаго сопротивленія, плашмя, какъ доска. У самаго берега подхватишь рыбу сачкомъ и едва успѣешь уложить ее въ мѣшокъ, привязанный на берегу къ ивовой корягѣ, да усѣсться на лавочкѣ, смотришь, и у другой удочки исчезъ поплавокъ подъ водою. Начался клѣвъ: тутъ успѣвай только закидывать, да таскать.

Лучшій ловъ рыбы начинается съ самаго дня валки и продолжается съ недѣлю. Потомъ крупная рыба берется уже

лѣниво, осторожно и, наконецъ, скоро совсѣмъ перестаетъ, зато охотиѣ начинаютъ клевать плотва и чеша. Последняя такими огромными стаями подступаетъ къ язгу, что случилось выуживать съ утра и до полудня по пяти сотъ штукъ. Но эта рыба не пользуется у шексинскихъ рыбаковъ особеннымъ уваженіемъ: костлявая и тощая, нѣсколько горьковатая на вкусъ, въ самомъ дѣлѣ она не стоитъ ловли и хлопотъ. Лещей случалось выуживать на метлицу громаднойшей величины: отъ 12 до 13¹/₂ фунтовъ, а яззей — отъ 7 до 10 фунтовъ. Бывали годы, въ которые рыба на метлицу бралась такъ охотно, что науживали по шести пудовъ въ день и даже болѣе, на одну удочку. Конечно, такихъ дней въ продолженіе всего улова, т. е. полуторы недѣли, выдавалось немного.

Пойманная во время метлицы, бѣлевая рыба въ садкахъ жить не можетъ: скоро обивается въ красныя пятна и снетъ. Это, вѣроятно, отъ чрезвычайнаго наполненія желудка лакомою пищею, для освобожденія отъ которой ей нужны просторъ и свободное движеніе. Лещей и яззей шексинскіе рыбаки отъ метличнаго улова очень хорошо вялятъ, распластывая ихъ надвое и немного присаливая. Коптить, намъ кажется, было бы лучше, но наши рыбаки этого дѣлать еще не умѣютъ.

Кромѣ уженья, метлица употребляется истыми, записными рыбаками для ловли на переметы *красной рыбы*, т. е. стерлядей, хотя годами хорошо идетъ на нее и бѣлевая. Переметь состоитъ изъ длинной, не толстой бечевки, на которую навязаны, на разстояніи маховой сажени другъ отъ друга, двѣнадцати-вершковые поводки, съ большими остро наточенными крючками. Черезъ каждые десять крючковъ привязывается къ бечевкѣ маленькій камешекъ, опутанный липовыми лыками или хорошей мочалой. Полный переметь состоитъ изъ 175 крючковъ. На крючки насаживается мет-

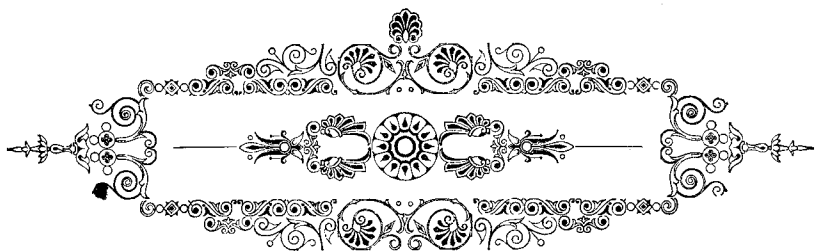
лица съ хвостика, и переметь бросается вдоль рѣки въ извѣстномъ разстояніи отъ берега. Въ прежніе годы, когда стерлядей въ рѣкѣ было по-больше, еще до прорытія Бѣлозерскаго канала, по которому много ушло ея въ другія рѣки, на переметы лавливались аршинныя стерляди, а нынѣ и тринадцати-вершковыя — рѣдкость.

Подъ конецъ Августа шексинскіе илы производятъ еще другой видъ поденокъ, однолѣтнихъ, очень маленькихъ, формою схожихъ съ бабочками и до того липкихъ, что нерѣдко видишь ихъ летающихъ связанными по парѣ и по тройкѣ. Эти поденки выходятъ изъ береговъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль постоянно каждый день и всегда вечеромъ; въ тихія, ясныя зори ихъ бываетъ очень много. Шексинскіе жители называютъ осеннюю метлицу уклейкою, по имени маленькой миловидной рыбки, уклейки, которая любитъ ея лакомиться. Рыбаки не употребляютъ этого вида поденокъ для рыбной ловли, но подымающуюся въ это время на промыселъ съ глубины уклейку — рыбу и ельцовъ ловятъ въ вечернія зори тонкими плавательными мережами, называемыми углечными.

Спусти недѣли двѣ послѣ уженья на метлицу, около Ильина дни, вновь возстанавливается клевъ на рака, который въ это время дѣлается линевымъ, т. е. мѣняетъ свою старую твердую скорлупу на новую, на первыхъ порахъ — нѣжную и мягкую. Линючаго рака, оборвавши клешни, можно всего надѣвать на удочку; для этого всаживаютъ крючекъ въ лѣвый глазъ рака и выдергиваютъ его около второй пары ногъ, потомъ спускаютъ рака нѣсколько на лесу и уже окончательно заправляютъ крючекъ въ хвостикъ. Насадка, такимъ образомъ изложенная, выходитъ большая и принимаетъ совершенно видъ натурального рака. На линючаго рака особенно хорошо идетъ головль и язь. Уженье производится въ тѣхъ же мѣстахъ, т. е. съ мысовъ, или подъ мысами въ заводяхъ, на глубинѣ.

Въ концу Августа клевъ рыбы на рака окончательно прекращается, и начинается ужение налимовъ на мелкую лягушку. Для этого употребляются тѣже донныя удочки, только съ крючкомъ мелкаго калибра. Лягушку насаживать очень легко: просто прокалываютъ крючкомъ обѣ ея губы съ низу на верхъ. Носигъ крючка здѣсь скрывать не требуется, потому что насадка живая, рыба хватается ее въ водѣ не разсматривая. Ужение на лягушку производится по ночамъ въ тихую погоду, при огнѣ, для чего около сидѣнья рыбака разводится костеръ. Этимъ способомъ вылавливаются иногда очень крупныя налимы: въ шесть — семь фунтовъ вѣсу, но, не смотря на это немногіе изъ рыбаковъ занимаются имъ, потому что ночное бдѣніе, возня съ лягушками, рѣдкій клевъ, однообразіе рыбы, лишаютъ ужение той привлекательности, которая такъ заманчива въ ужении на рака и на метлицу. Шексинскіе рыбаки по ремеслу занимаются осенью ловлею налимовъ на переметы, наживляемые лягушками. Бросаніе производится съ вечера, выбираеніе рано утромъ. Годами налимъ идетъ на переметы такъ бойко, что ловля ихъ становится очень выгоднымъ промысломъ.

III.

Ш у й г а.

Шексна отъ границы Пошехонскаго уѣзда съ Череповскимъ спускается въ глубокую котловину и затѣмъ, вплоть до своего паденія въ Волгу, уже течетъ по низменной мѣстности. Весною въ этой части Шекнинскаго бассейна бываютъ почти каждый годъ необыкновенно широкіе разливы. Лиственные лѣса, луга и поля, даже деревни — все покрывается водою и, куда ни помотришь, всюду видишь водную поверхность, въ вѣтеръ волнующуюся бѣлыми баранами, въ тихую погоду — покойную, лоснящуюся, какъ пролитое масло. На человѣка, не знакомаго съ вешними разливами, такая водополь производитъ обаятельное дѣйствіе. Говоръ, всякій рѣзкій шумъ, выстрѣлъ, всякая закатистая, разудалая пѣсня слышны здѣсь на громадное пространство: звуки такъ и стелются по водѣ, такъ и бѣгутъ по ней нескончаемо по всемъ направленіямъ. Въ водопелье ни на одну секунду не бываетъ на Шекенѣ совершеннаго безмолвія: то гогочутъ пролетные гуси, громадными стаями переселяющіеся на сѣверъ, то пронзительно курлычутъ журавли, кочующіе по маленькимъ островкамъ кое-гдѣ оставшейся суши, кричатъ утки по залитому мелколѣсью, пыхтитъ пароходъ, свободно идущій по глубокому разливу: ему теперь нечего держаться шекнинскаго русла, — теперь ему вездѣ путь. Звонко, пронзительно раздастся его

свистокъ, вспугивающій многочисленныя стада чернетей и всякихъ норей, любящихъ держаться на открытыхъ мѣстахъ. Вдругъ поражаетъ васъ какой-то странный грохотъ; изда-лека доносятся до васъ рѣзкіе металлическіе звуки, бряцаніе тяжелыхъ цѣпей: это идетъ туерь. Заря. Огненною рѣкою разлилась она на западъ; спустились сумерки прозрачныя, свѣтлыя, безупречныя сумерки, полныя оживляющей свѣжести. На водѣ не колыхнетъ, въ лѣсу не шевельнется вѣтка; но голоса не умолкаютъ: по всѣмъ направленіямъ слышно бормо-таніе тетеревей, перекличка чаекъ, свистъ кроншнепа, крики куликовъ, урганье лягушекъ. Живымъ, kloкочущимъ родни-комъ бьетъ здѣсь жизнь природы, и въ тихую, теплую, ясную зорю еще отчетливѣе, понятнѣе становится для васъ ея жи-вой говоръ, сливающейся въ одинъ общій, непрерывный гулъ. Полночь. Глухая, покойная полночь. Люди, съ своими мір-скими заботами, съ своими житейскими хлопотами уже дав-но улеглись. Смолкли и воздушные жители, торжествующіе зорю; и они теперь на покоѣ. Но шекснинская природа не молчитъ и въ полночь: дико ухааетъ филинъ въ лѣсу, гагай-каетъ сова, трещитъ козодой, свистятъ крылья въ воздухѣ переселяющихся на сѣверъ громадными стадами разныхъ водо-плавающихъ птицъ.

На сто второй верстѣ отъ устья Шексны, на правомъ ея берегу лежитъ огромное сѣнокосное пространство, извѣстное подъ именемъ «Шуйскихъ Чистей», которыя состоятъ изъ глу-бокой ледины, густо покрывающейся во время лѣта сочною, высокорослою осокою. По Шуйскимъ Чистямъ извиристо про-бѣгаетъ рѣчка Шуйга и впадаетъ въ Шексню въ томъ мѣстѣ, гдѣ она носить названіе «Прости». Въ чистяхъ, какъ въ мѣстности, относительно весьма низменной, обработанной изъ-подъ торфянаго болота, прежде всего появляется разливъ ве-сенней воды. Шексна, прибывая, подpiraетъ теченіе Шуйги, обращаетъ его назадъ и вода, выкатившись изъ низкихъ бе-

реговъ рѣчки, быстро разливается по ровному пространству Чистой. Въстѣ съ первымъ разливомъ воды бросается на кочковатые луга крупная шексинская щука, для метанія икры. Она показывается тогда по заплеску залива на самыхъ мелкихъ его мѣстахъ и трется о неровности дна и высокія кочи, выжимая изъ себя икру. Въ это время щука скромна необыкновенно: куда дѣвается ея хищничество, рѣзвость и бойкость; она является здѣсь какою-то робкою, вялою, болѣзненною. *Икрянница*, самка, идетъ въ срединѣ между двумя *молошниками*, самцами, и такимъ образомъ тройками, держась на правильной параллели и одной глубинѣ, разгуливаютъ они по заливу: то приближаются къ берегу, выйдутъ на самую мель, такъ что выставится иногда спина ихъ и верхній илавникъ поверхъ воды, то отойдутъ на болѣе глубокое мѣсто, остановятся, тѣсно прижмутся другъ къ другу, медленно поворотятся около какой-нибудь кочи и щитомъ, какъ-будто связанные между собою, опять всплывутъ на мель. Шексинскіе рыбаки бдительно стерегутъ щучій нерестъ. Они въ извѣстныхъ мѣстахъ устанавливаются въ это время по Шуйскимъ Чистямъ съ острогами и среди бѣлаго дня колютъ ими щукъ безъ всякихъ приспособленій, прямо съ берега. Въ свѣтлой водѣ разлива видно приближающихся хищницъ, и взмахъ остроги, движеніе удара какъ то не пугаютъ ихъ: онѣ тихо, медленно двигаются, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на что ихъ окружающее, и острога разить щукъ въ этомъ ихъ состояніи неизбѣжно, безъ промаха. Бой острогою щукъ во время ихъ нереста былъ-бы изъ самыхъ добычливыхъ способовъ рыбной ловли, если-бъ не браткость на то времени. Онъ возможенъ здѣсь только до тѣхъ поръ, пока прибывающая вода катится по чистому мѣсту, что бываетъ иногда только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Но едва водополища коснулась лѣса, стала топить кусты и ракитникъ, торфяныя заболоти, боблюшникъ и глухую урему, — со щуками уже ничего не подѣ-

лаешь острогою. Онѣ уходятъ тогда въ лѣса и, въ широкомъ привольѣ разлива, въ вершинахъ ольхъ и рябинъ, свободно и безопасно выбрасываютъ изъ себя икру. Весьма часто случается, что Чисти залетѣть водополицей быстро и при томъ ночью. Въ такіе годы совсѣмъ не бываетъ боя шукъ.

Въ полный разливъ Чисти представляютъ громадную ширь, на которой при малѣйшемъ вѣтеркѣ свободно разгуливаютъ волны. Для рыбы тогда простора и глубины является въ волю. Въ это время ее не добудешь на Чистяхъ никакими снастями. Но вотъ вода тронулась на убыль. Узенькой ленточкой пока зались изъ-подъ воды шексинскіе берега и вырѣзалось устье рѣчки Шуйги. Пора устраивать *затонъ*, т. е. запираетъ всю рыбу, оставшуюся въ разливѣ Шуйскихъ Чистей, вода съ которыхъ скатывается въ Шекснѣ единственно черезъ посредство рѣчки Шуйги. Устройствомъ шуйскаго затона занимаются рыбаки деревни Воятицъ, на берегу рѣчки Шексны, расположенной въ пяти верстахъ ниже устья рѣчки Шуйги. Право, присвоенное Воятицкими рыбаками на запираніе рыбы въ Шуйгѣ, весьма сбивчиво: пошлины они за него не платятъ, съ торговля эта статья не отдается, а производится какой-то незначительный взносъ въ церковь и дѣлается изобильное водочное угощеніе тѣмъ крестьянамъ, владѣнія которыхъ примыкаютъ къ берегамъ рѣчки Шуйги. На основаніи таковыхъ миролюбивыхъ соглашеній Воятицкіе рыбаки изстари, каждый годъ, строятъ затонъ на Шуйгѣ, каждый годъ посредствомъ его вылавливаютъ тысячи пудовъ рыбы, не встрѣчая ни съ чьей стороны ни протеста, ни соперничества болѣе потому, миѣ кажется, что только у нихъ однихъ находится и предприимчивость на это дѣло, и всѣ снасти и приспособленія для затона и вообще для вылавливанія запертой рыбы. Помѣщики, имѣющіе въ Чистяхъ свои владѣнія, могли-бы, конечно, дать иное, болѣе производительное значеніе этимъ рыбнымъ ловлямъ, но къ счастью Воятицкихъ рыбаковъ большинство изъ нихъ богачи, и

живуть они гдѣ-то вдали, куда съ Шуйскихъ Чистей ничего не видно и не слышно; живущіе-же по близости, по своей собственной помѣщичьей натурѣ неподвижности, не вникають въ интересъ этого дѣла, и идетъ оно такъ споконъ вѣку по старому порядку. Затонъ устраивается слѣдующимъ образомъ.

Выбирается на рѣкѣ такое мѣсто, на которомъ оба берега круты. На Шуйгѣ съ давняго времени дѣлается затонъ на одномъ мѣстѣ, въ одной верстѣ отъ ея устья, гдѣ берега весьма удобны для его укрѣпленія. Поперекъ рѣчки вбивается, на разстояніи одного аршина другъ отъ друга, рядъ свай изъ сосновыхъ или осиновыхъ слегъ. Къ сваямъ, наносомъ по теченію, ставятся упоры для того, чтобъ не свалило затона быстротою воды. Затѣмъ на сваяхъ распивается рѣдкая сѣть съ тяжелыми грузилами на нижней тетивѣ, лежащимися на самое дно. Въ такомъ же родѣ затоны строятся въ Костромской губерніи при запираніи рыбы въ разливахъ Ипатьевского монастыря. Такіе затоны несравненно практичнѣе зырянскихъ рыболовныхъ запоровъ, состоящихъ изъ еловыхъ дранокъ, связанныхъ въ ширмы. Сѣть съ круглыми ячеями позволяетъ свободно стекать водѣ, и сваи, при значительной быстринѣ, легко выдерживають ея стремленіе, тогда какъ сплошная ширма, съ узкими, съ самыми незначительными просвѣтами, имѣя болѣе точекъ соприкосновенія съ текущею водою, рѣдко выдерживаетъ ея напоръ, отъ чего часто разрываются драничные запоры и много уходитъ рыбы.

Со дня постановки затона, до окончанія ловли, неуспынно стерегутъ запертую рыбу рыбаки, устраивающіе для временнаго своего помѣщенія шалаши или землянки гдѣ-нибудь около затона. Отъ обыкновенія постоянно сидѣть въ шалашахъ и наблюдать за ходомъ рыбы, и за цѣлостію запруды, иногда и повреждающейся, произошло затону еще одно, весьма характерное названіе — *стѣжа*. Не одно, впрочемъ, она-

сеніе за поврежденіе затона и наблюденіе за рыбою вынуждаетъ хозяевъ *сѣжи* безотлучно находиться при ней, но и необходимость оберегать запертую рыбу отъ дерзновенныхъ набѣговъ сосѣдей, заставляетъ ихъ стеречь на сѣжѣ денно и ночью. При малѣйшемъ ослабленіи наблюденія, сейчасъ явятся непрощенные гости съ бредничками и мигомъ черпнуть изрядное количество рыбки изъ какого-нибудь омутка или заливчика.

Ловъ рыбы на сѣжѣ начинается почти со дня устройства затона. Сначала рыба идетъ въ мережи и крылены, потомъ, по мѣрѣ убыли воды, — въ кужи. Подъ конецъ ее начисто вылавливаютъ изъ большихъ бочаговъ и омутовъ неводами, а изъ маленькихъ — бредниками. Сбытъ производится большею частію рыбинскимъ кулакамъ, разѣзжающимъ въ прорѣзныхъ лодкахъ по Шекснѣ для скунки рыбы; незначительное количество идетъ въ Ярославль. Цѣна на свѣжаго изъ садковъ язя, окуня, леща и судака отъ 2 руб. 50 коп. до 3-хъ руб., на щуку и мелкую рыбу — отъ 2 руб. до 2 р. 50 коп., на щуку выше десяти фунтовъ — до 3 руб. и болѣе за пудъ.

Много лѣтъ тому назадъ, когда я еще постоянно жилъ на Шекснѣ, не разъ случалось мнѣ бывать на Шуйской сѣжѣ и любоваться громаднымъ скопленіемъ запертой рыбы. Когда вода совсѣмъ сольется съ Чистой и ляжетъ въ узкіе берега запруженной рѣчки, большіе язи, лещи, головли и щуки сплошною массою, въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ, стоятъ на глубокихъ омутахъ, большихъ бочагахъ и около мережи затона, такъ что вода тутъ въ полномъ смыслѣ бываетъ переполнена рыбою. При видѣ этого необычнаго количества большихъ рыбъ, часто являлось у меня горячее желаніе потѣшиться здѣсь уженьемъ, но какъ-то не удавалось: или удочекъ съ собою не было, или не получалъ разрѣшенія на уженье отъ хозяевъ затона.

Въ 1869 году, въ Іюнь, мнѣ вновь привелось быть на

Шекснѣ и давнишнее намѣреніе поудить рыбу въ омутахъ Шуйги пало мнѣ на память. Приготовивъ удочки, ранехонько на зарѣ, отправился я на сѣжу. Утро изладилось превосходное, тихое. Надъ Шексною клубился туманъ, луга залиты были росой; на лѣсныхъ озерахъ, во множествѣ разбросанныхъ по торфянымъ болотамъ пришекснинскихъ окрестностей, неистово галдѣли рыбалки и чайки; съ лѣсу отчетливо доносилось пѣніе соловья. Вдали, изъ-за крутаго изгиба Прости, вилась тонкая струйка дыма, отъ бѣгущаго вверхъ по Шекснѣ пассажирскаго парохода. Откуда-то слышался людской говоръ и возгласы лоцмана, командующаго надъ коноводами. На меня пахнуло прошлыми годами проведеннаго здѣсь дѣтства; что-то жуткое пошевелилось въ сердцѣ; кольхнулось какое-то скорбное чувство, вызвало гаубокій вздохъ и замолчало, облитое обильнымъ пріемомъ свѣжаго утренняго воздуха.

До сѣжи мнѣ нужно было пройти версты четыре. Солнце уже взошло, когда я сталъ подходить къ затону. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это торчація изъ рѣчки Шуйги высокія сваи, перевязанныя вѣтвинами, на берегу — длинный шестъ съ ренеѣмъ и крыша сторожевой землянки, въ видѣ конусообразнаго кургана. Вдругъ откуда-то бросилась ко мнѣ подъ ноги съ визгомъ собака. Нападеніе ея на меня было такъ нечаянно, что я невольно вздрогнулъ и остановился. Вскорѣ изъ землянки показался съ рыженькою бородкою, худенькій, весноватый, закорузлый мужиченко, въ накинутаго на одно плечо зицунѣ.

— Катышко! я тебѣ, каналья, закричалъ онъ на собаку, вотъ я тебя ужо! Куда ты, баринъ! что тебѣ здѣсятко наде?

— Да вотъ, голубчикъ, рыбки пришелъ поудить. Нельзя ли тутъ у васъ около затона?

— Ниже удь, сколько хошь, а выше, братъ, шутить: сами деньги платимъ.

Не привѣтливо; на первыхъ-же порахъ озадачиль; не уговорить, думаю; надо поплатиться. На этотъ случай взята была съ собою мелочишка.

— Позволь, голубчикъ, сдѣлай милость: я вѣдь не долго поужу; пожалуй, половину рыбы тебѣ отдамъ.

— Эко диво — половину, коли вся наша! сказано — нельзя. Проваливай, откуда пришелъ!

— На водку тебѣ дамъ полтинничекъ, вотъ и деньги.

Я вынулъ изъ кармана два пятиалтынныхъ и двугривенный и показалъ ихъ несговорчивому аргусу.

— Что намъ деньги! одно слово — нельзя, не позволимъ и кончено!.. мы сами тоже убытчились... А ты, баринъ, вотъ что: носками, значить, впередъ, пятками назадъ, да и удирай во свояси по добру по здорову; честью тебѣ говорить...

— Ты, рыжикъ! Что тамъ забурчалъ?.. Этакая заноза проклятая!.. Какъ ты можешь съ ними такъ разговаривать, неучъ?

Я стоялъ бокомъ къ землянкѣ и потому не замѣтилъ, откуда вдругъ явилось къ намъ еще одно лицо. Голосъ говорившаго былъ строгій и повелительный, привыкшій распорядяться. Оглянувшись, я увидѣлъ передъ собою высокаго роста старика, нѣсколько сутуловатаго, тучнаго, но еще весьма бодрого. Лицо его было въ высшей степени типично: оно имѣло большое сходство съ изображеніемъ Сократа на картинкахъ или Симеона Богопріимца на образахъ; большая, длинная борода, съ изряднымъ количествомъ просѣди, открытый лобъ, сливающийся съ широкой лысиной, строгія, правильныя черты лица, брови густыя, нахмуренныя; добродушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезность во взглядѣ, въ осанкѣ — солидность и достоинство. Старикъ произвелъ на меня сразу пріятное впечатлѣніе. Мужиченко струсилъ.

— Я, Савель Прокопичъ, ничего. Я говорю барину, нельзя, молъ, удить передъ сѣжей... тратились, молъ, тоже...

— Говорю, говорю! передразнилъ старикъ — не въ томъ дѣло, что говоришь, а какъ ты говоришь, шивка безмозглая, развѣ этакъ можно говорить. Вамъ, сударь, поудить, ласково обратился ко мнѣ старикъ; вы, должно полагать, изъ Кершина: знаю, какъ-же-съ, съ батюшкою вашимъ знакомъ съ малыхъ лѣтъ, довольно знакомъ... Ступайте себѣ съ Богомъ на любой омутъ, поудьте рыбки. Этой снастью вы насъ не обидите; а на него, на мразь, не сердитесь: боса-мыга онъ, невѣжа, больше ничего.

Я поблагодарилъ за дозволеніе и отправился вверхъ по Шуйгѣ искать удобнаго мѣста для уженья.

Савель Проконьичъ; такъ вотъ онъ знаменитость ого-лотка, мужикъ богачъ, крѣпышъ, дѣятельный старшина Г—ной волости, милостивецъ и благодѣтель для дѣйстви-тельно бѣдныхъ, неумолимая гроза и кара для тунеядцевъ и плутовъ! Савель Проконьичъ былъ крестьянинъ княгини Шах—ской, и въ свое время исполнялъ весьма важную долж-ность при тысячной вотчинѣ ея сіятельства, должность бур-мистра. Строгость, распорядительность, правдивость и без-укоризненная честность Савела Проконьича извѣстны были лично княгинѣ, и она какъ за каменною стѣною покойно жила въ Питерѣ за этими доблестями умнаго мужика. Когда «порвалася цѣпь великая», княгиня, обладавшая огромными землями и лѣсами на Шексиѣ, имѣя хорошо устроенную усадьбу и значительный капиталъ, которымъ много обязана тому-же Савель Проконьичу, не пожалѣла о своей тысячѣ душъ, получившихъ освобожденіе, а искренно, глубоко, со слезами пожалѣла о Савелѣ. — «Теперь Савель ужъ не слуга мой; — въ Савелѣ я теряю мою власть и мое барство», — были слова старухи при разставаніи съ крѣпостнымъ пра-

вомъ. Затѣмъ Савель Прокопьевичъ выбранъ былъ старшиной. Почетъ и уваженіе, пріобрѣтенные имъ отъ мужиковъ, кое изъ страха, кое по достоинству, перешли къ нему въ прежней своей силѣ и при новой его должности. Мужики слушались его лучше всякаго помѣщика, боялись больше всякой власти, потому потачки Савель не давалъ, но и нужду понималъ и исправлялъ ее по мѣрѣ силъ своею мощною: за бѣдняковъ оброки платилъ, своими деньгами повинности ихъ исправлялъ, на посѣвы хлѣбомъ снабжалъ. Подрядъ-ли какой случится по коноводскимъ работамъ на Шекснѣ, по силаву лѣса и рубкѣ дровъ, Савель зналъ кого взять въ товарищи, поставить въ задѣльщину, словомъ — дать человѣку работу, чтобъ вытянуть изъ нужды. Савель былъ рыбакъ-неводчикъ и передовой лоцманъ. Его знали широко и почетно: исправникъ не проѣзжалъ мимо, не оставившись у Савела Прокопича, а за обѣдной пошъ съ почетомъ высылалъ ему просфору. У Савела Прокопича было два сына: одинъ пошелъ по отцу, дѣлецъ парень, хотя и зашибалъ изрѣдка, но на это Савель Прокопичъ смотрѣлъ сквозь пальцы, другой — не задался. Долго старикъ бился съ младшимъ сыномъ, долго наставлялъ его на путь истины и, наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, крутенько поступилъ съ нимъ: забрилъ парня за общество въ солдаты и бровью не повелъ. Все это я слышалъ раньше о Савелѣ Прокопичѣ и потому понятно, какъ интересно мнѣ было съ нимъ встрѣтиться.

Долго шелъ я по берегу Шуйги, выбирая удобное мѣстечко для уженья. Вода въ рѣкѣ заткана была вездѣ болотными травами: лягушечникъ, авръ, частуха и широколиственные лонухи нагусто покрывали поверхность омутовъ. Солнце поднялось высоконько и благотворно обогрѣвало природу своими ласкающими лучами. Кое-гдѣ кучками толпились комары, въ травѣ звонко трещали кузнечики, изрѣдка

поднимались съ рѣжки чирковые селезеньки, срывались съ берега бекасы и съ крикомъ перемѣщались далѣе. По всѣмъ направленіямъ раздавался рѣзкій крикъ коростелей и свистъ болотныхъ курочекъ. Потянулъ вѣтерокъ, и загуляли серебряныя волны по шелковистой осоцѣ Чистей.

Вотъ чистенькій омутокъ. Я осторожно спустился къ нему и сѣлъ подъ ольховый кустъ около самой воды, размоталъ удочки, наживилъ крючки червемъ, — забросилъ. Теченія въ омутѣ не было, поплавки удочекъ спокойно улеглись на чистовинку; я терпѣливо началъ ожидать клѣва. Въ тинѣ, около самаго берега, возились лягушки. По водѣ то и дѣло бѣгали научки, и быстро описывали круги водяныя кружалки, ярко сверкая на солнцѣ своею изумрудною броней. Въ воздухѣ чувствовался запахъ болота.

Прошло болѣе получаса. Ничто не изобличало въ омутѣ присутствія рыбы. Поплавки лежали неподвижно. Ни круговъ, ни всплеска. Вода просвѣчивалась на глубину не болѣе двухъ аршинъ; иловатое грязное дно Шуйги придавало ей темный, мрачный видъ. Я не могъ въ ней разсмотрѣть ни одной рыбешки. То и дѣло всплывали на поверхность водолюбы, коромысла вѣяли надъ водою, садились на острые кончики осоки или на чашечки лопушника и неумоимо махали своими кисейными крылышками. Рыбы нѣтъ. Я уже хотѣлъ идти на другое мѣсто, какъ вдругъ замѣтилъ около самаго берега медленно плывущаго язя, фунта въ четыре или въ пять. Онъ плавно, съ достоинствомъ высунулъ свой толстый лобъ на поверхность воды, не торопясь схватилъ сухой листикъ, который парусило легенькимъ вѣтеркомъ и скрылся, широко развернувъ хвостомъ. Черезъ нѣсколько секундъ листикъ всплылъ почти на томъ-же мѣстѣ: не по вкусу видно пришелся, язь выбросилъ его. Убѣдившись, что рыба есть въ омутѣ, я тихо, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, началъ дожидаться, что будетъ далѣе. Показался еще язь, поменьше перваго. Затѣмъ

всплыли нѣсколько штукъ язей, и появилось откуда-то множество средней величины плотвы, и начала плаваться укля. Поплавки не шевелились. Клѣвъ не начинался. Рыба ходила около самыхъ удочекъ, не обращая на насадку ни малѣйшаго вниманія. Я вздумалъ пустить крючекъ помельче. Едва сдѣлалъ я движеніе, чтобъ вынуть удочку для перевязки поплавка, какъ вся рыба мгновенно пала на дно и снова водворилась въ омутъ пустота. Я поднялся, выше по откосу берега и спрятался за ольховымъ кустомъ, откуда и рѣшилъ наблюдать за рыбою. Весьма понятно, что, чувствуя себя запертою, она до крайности робка, и не только шумъ или всплескъ, но малѣйшее движеніе на берегу, пугало рыбу и заставляло скрываться. Что-то будетъ теперь. Прошло около четверти часа. Снова заиграла укля на поверхности воды, поднялась плотва, заходили язи, все болѣе и болѣе появлялось ихъ въ омутѣ, наконецъ весь омутъ покрылся сплошнымъ толстымъ слоемъ рыбы разныхъ породъ: тутъ, кромѣ язей и плотвы, были и леци, и головли, даже повертывались окуни и судаки. А удочки все лежали неподвижно. Встрепенется иногда поплавокъ, побѣгутъ отъ него по водѣ концентрическіе круги, но не отъ клѣва, а какому-нибудь изъ обитателей прозрачныхъ чертоговъ, при своемъ расхаживаніи по омуту, случится нечаянно задѣть спиною или бокомъ за лѣсу и тѣмъ возбудить на нѣкоторое время спокойное положеніе поплавка. Вдругъ въ вершинѣ омута раздался сильный всплескъ, — мелкота дождемъ бросилась въ разныя стороны, штуки три уклеекъ выскочили на верхъ и начали печь блинki, т. е. запрыгали рикошетомъ по поверхности: въ омутѣ, нанекося отъ противоположнаго берега къ моему, свергнула блестящая полоса, и я разглядѣлъ огромную, аршина въ полтора, щуку, — изъ ея пасти торчалъ хвостъ язя. Хищница остановилась какъ разъ противъ меня; медленно подплыла она подъ листъ лопуха и, широко раздувая жабры, начала забирать внутрь свою добычу.

— Ловъ на рыбу! раздался за моею спиною голосъ.

Я обернулся. Передо мною стояла величественная фигура Савела Прокопъича.

— Это вы, батюшка, совсѣмъ попусту тутъ трудитесь, заговорилъ онъ, ничего не добудете. Развѣ по нечаянности за бокъ какую вытащите, а на клѣвъ не пойдетъ; въ омутѣ куда рыба осторожна, она понимаетъ, что заперта и брать не будетъ: ужъ это испытано. А вотъ пойдѣте, я васъ сведу на мѣсто, можетъ что-нибудь и выудите.

— Рыбы-то много, Савель Прокопъичъ, жаль оторваться.

— Да, оно лестно, что говорить; пріятно видѣть, какъ язи и головли, и леци тутъ, передъ самымъ тобой, воочию расхаживаютъ, да дѣло то выходитъ по пословицѣ: «видитъ око, да зубъ нейметъ». Заарестованная рыба клевать не будетъ, — ужъ будьте покойны!

Я завилъ удочки, и мы отправились съ Савель Прокопъичемъ выше по Шуйгѣ.

— Все-же ты меня, Савель Прокопъичъ, на запертыя воды ведешь, коли вверхъ идемъ: и, тамъ тоже будетъ.

— Ну, тамъ особая статья. Тутъ, вишь, къ затону рыба приступила, выходу ищетъ, тутъ мы её неводами и бреднями вылавливаемъ; а теперь я веду васъ въ плесо, на текучую воду, гдѣ постоянно своя рыба держится: сорога, подъязокъ, окунь, щучка средней руки; и затонъ снимемъ, она все держится. Тамъ мы ее не ловимъ, да и ловить не способно: травянисто, тина, заяски понадѣланы, тычекъ, карягъ, задѣвъ разныхъ пронасть.

Рѣчь Савела Прокопъича была рѣдкая, мѣрная. Онъ говорилъ съ разстановкою, обдуманно, такъ-же степенно и внушительно, какъ степенна и внушительна была вся его фигура. Онъ шелъ съ правой руки отъ меня развалистою походкою, заложивъ руки назадъ подъ синій, легенькій кафтанчикъ съ сборами. На головѣ Савела Прокопъича надѣта

была немного на затылок новенькая, грешневикомъ, поярковая шляпа. Поясъ съ ключемъ спускался подъ животъ, рельефно обрисовавъ его выпуклую тучную форму; высокій ростъ, нависшія густыя брови, атлетическое сложеніе, большіе еще зоркіе глаза, библейская борода въ полгруды, волнистая, съ просѣдью — красавецъ старикъ, не налюбуйешься! Такъ и пышетъ отъ него несокрушимою силою, необъятною русскою мочью!

— Какъ вы ухитряетесь, Савель Прокопьевичъ, вылавливать рыбу въ омутахъ? Сколько я замѣтилъ, они тоже травянисты: бредень или неводъ будетъ закатываться отъ травы и тогда съ рыбой ничего не подѣлаешь: вся уйдетъ.

— А на то, батюшка мой, средство есть такое. Омута въ Шуйгѣ, какъ вода лишняя побѣжитъ, вѣдь, не глубоки; они только на видъ такими темными да страшными кажутъ. Дно въ нихъ грязное, тинистое, потому и вода черная. Какъ только вода спадетъ до межени, мы омота сейчасъ и начинаемъ раскашивать: обыкновенныя косы насаживаемъ на длинныя косьевища, забродимъ въ воду и подкашиваемъ въ омутахъ траву по самое дно. Подкошенная, она и всплыветъ вся на верхъ; растаскаемъ ее граблями по берегамъ, омутокъ сдѣлается чистехонекъ, ловить и бреднемъ, и неводомъ сдѣлается чудесно,—ни одна рыба не увернется. А выходы-то изъ омутовъ и въ головѣ, и въ хвостѣ запремъ кужами, потому передъ каждымъ омутомъ заяски и понадѣланы, видѣли?

— Видѣлъ. И много рыбы вамъ въ добычу достается, Савель Прокопичъ?

— А годъ на годъ не придетъ, батюшка. Коли весна теплая, тихая, водополь большая, убыль постепенная, ровная, рыбы остается больше; при ненастной веснѣ, холодной и вѣтряной — меньше. При дружной убыли — совѣмъ малость. Дружная убыль для насъ самое плохое дѣло: ры-

ба съ поймы разомъ вся тронется и скорехонько скатится вмѣстѣ съ водой, такъ что и затона построить не успѣешь. Въ такіе годы лучше бы и сѣжи не дѣлать, да заведенье есть и привычка къ дѣлу исконная, каждый годъ затонъ держимъ. Въ хорошіе года, огульно сказать, добывали на сѣжѣ пудовъ до тысячи разной рыбы, пожалуй и съ хвостикомъ; въ худые — тысячу то спустить надо, а оставить только хвостикъ. Въ старые годы было куда не то.

— Лучше рыба ловилась?

— И сравненья нѣтъ, помилуйте: во всякія снасти рыба шла куда обильно. Вотъ теперь, примѣрно, стерляжья ловля канатами *), посмотрите вы пожалуста нынѣ на этотъ промыселъ, — грошъ ему цѣна! Бьется мужикъ цѣлое лѣто, и въ десятокъ канатовъ едва добудетъ на пятьдесятъ руб-

*) Ловля стерлядей снастями, извѣстными подъ именемъ *канатовъ*, въ употребленіи только на одной Шекснѣ. Приготавливаются изъ верченыхъ или крученыхъ черемуховыхъ вѣтвицъ въ три пряди канаты, длиною отъ 40—45 сажень. Они выются посредствомъ деревянныхъ барабановъ съ одного конца и деревянныхъ крюковъ, закручивающихъ отдѣльныя пряди — съ другаго. На глубокихъ мѣстахъ Шексны, изстари извѣстныхъ рыбакамъ по стерляжьему ходу, закидывается канатъ слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ каната прикрѣпляется къ берегу, другой, съ деревяннымъ якоремъ о трехъ рогаляхъ, между которыми для груза опутаны каменя, завозится въ рѣку и погружается на дно такъ, чтобы линія по направленію каната составляла къ берегу прямой уголъ. Затѣмъ на черемуховыхъ же поводкахъ, скрученныхъ только въ двѣ пряди, прикрѣпляются къ канату вѣтвицныя *кужи*, т. е. большіе съ горлами кувшины, сплетенные рѣдкою вязью изъ ивовыхъ тоненькихъ прутиковъ. Такихъ кужъ навязывается на канатъ не менѣе шести и не болѣе восьми штукъ, на двухъ-аршинномъ другъ отъ друга разстояніи. Въ каждую кужу для груза кладется по полукирничу. Быстриною теченія кужи пристлаются по дну рѣки очень плотно, и стерлядь, стремящаяся, какъ и всякая другая рыба, въ своемъ ходѣ противъ теченія, заходитъ въ кужи. Канаты смотрятся каждый день съ лодки посредствомъ перебора черезъ корму.

левъ дряни, костюшки. Да мы этакую стерлядь въ прежнее время и не брали; коли попалась менѣе шести вершковъ, мы ее обратно въ воду бросали: пусть подрастетъ. А нонѣ какая не попадись, все добыча, все идетъ въ продажу рыбинскимъ кулакамъ, да на пароходы. Отъ того и стерлядь измелъчала. Нонѣ что за стерлядь? Только слава что стерлядь, а на дѣлѣ-то она хуже чеши: или мелкота, или волжская синюшка; шехонская-то больно рѣдко попадаетъ. А волжская что, щепя! Ни виду въ ней, ни вкусу. Шехонская — стерлядь толстая, цвѣтомъ какъ куриный желтъшъ: свари изъ нея уху, по верху не то блески загуляютъ, а какъ растовымъ масломъ покроется. Вотъ то стерлядь!

— Шексна-то не измѣнилась, вѣдь, Савель Проконьичъ, все тоже, въ такихъ же берегахъ течеть, по тому-же грунту, почему же стерлядь сдѣлалась не та? Это ты что-то не ладно говоришь, возразилъ я.

— Не гораздъ я, батюшка, пустяки молоть, говорю вамъ по правдѣ, что шехонская стерлядь далеко хуже стала и доскональная тому причина есть: стерлядь — рыба робкая, любитъ затишье, потому и ходъ свой держитъ больше по глубокимъ мѣстамъ. Какъ начали на Шехнѣ бѣгать пароходы, да будоражить воду, вотъ и сбили ее со становъ, теперь она нигдѣ себѣ приюту не находитъ. Особенно *цѣпные* *) ее донекаютъ: идетъ съ шумомъ, съ грохотомъ, цѣпи звякають, звонять и по верху воды, и въ самой водѣ, и на днѣ звонять, потому со дна поднимаются, такъ всякая рыба какъ бѣшенная бросается въ разныя стороны. Гдѣ жъ тутъ стерляди жиру набратъся: она каждую минуту въ безпокойствѣ, все мечется, все на ходу, потому — гонная, а не *жировая*, какъ допрежь того было. Ну слыханное ли дѣло въ прежніе годы, чтобъ стерлядь по маленькимъ рѣченкамъ держалась; да сроду этого не было; а теперь смотрите-ка:

*) Туера.

въ Согожѣ, въ Глухой, въ Искрѣ и разныхъ Шехонскихъ притокахъ стерлядь проявляться начала, значить ей жутко пришлось; вотъ почему она и во вкусѣ измѣнилась. Прежде зайдетъ стерлядь съ Волги, обживется въ Шехнѣ, питанье ей диковенное: одна метлица ница отличная, она и зажи-рѣеть; а теперь ей совсѣмъ не домовито стало: все она въ тревогѣ, некогда ей чередомъ заправиться, отъ того блѣдна и тонка. Я не говорю, чтобъ совсѣмъ хорошая стер-лядь сгнула: понадается и теперь, да рѣдко.

— Ну, положимъ, стерлядь худа сдѣлалась на вкусъ; почему же ее меньше-то стало, Савель Проконьичъ?

— А все потому-же, батюшка; тѣ же все пароходы и цѣнные ей вредятъ: стерлядь, какъ и налиимъ, нерестится въ рѣкѣ, на луга она не выходитъ; это не то что щука, али язь и прочая бѣлевая рыба; та бросать икру идетъ на водополь, въ тихія, укромныя мѣста; для стерляди-же въ самой рѣкѣ глубокія плеса на это дѣло требуются и чтобъ тоже тихо, спокойно въ нихъ было; а какой теперь у насъ на Шехнѣ покой, коли съ самой ранней весны, еще берега не обрѣжутся, пойдутъ свистать пароходы и туера цѣнными завязкаютъ; рыба въ тревогѣ, она новыбросаетъ икру кос-какъ; много ее такъ и пропадетъ безъ плода, потому молочки, самцы значить, не смогутъ въ перепугѣ оплодо-творять ее чередомъ. Вотъ вамъ и причина, почему стерляди меньше стало. Къ тому-же рыбаковъ размножилось, да и рыбаковъ-то такихъ, кои позабыли обычай стариковъ — бро-сать малую стерлядь обратно въ воду. Теперь что ее, мелочи-то, переведутъ, страсть! Мы этого не дѣлали; мы до-водили стерлядь до мѣры *); а въ мѣрномъ-то возрастѣ она ужъ плодиться можетъ. Вотъ вамъ и другая причина.

*) Стерлядь отъ шести вершковъ и выше считается мѣрною, мелочь ниже шести вершковъ — межумѣрокъ. Мелкая стерлядь продается на Шекснѣ отъ 40 — 60 коп. за десятокъ.

— Хорошо, положимъ такъ. Ну, а отъ чего меньше стало бѣловой-то рыбы, Савель Прокопичъ?

— А меньше-же, батюшка, куда противъ прежнихъ годовъ меньше, и сравнить нельзя, какое во всемъ умаленье стало, что въ рыбѣ, что въ дичи и въ звѣрѣ тоже. Вотъ, вы изволите знать, рядомъ съ вашимъ Кершинымъ — логъ на берегу, *выройка*. Какъ только тронется ледъ на Шекснѣ, лещи, язи, щука и сорога крупная въ нее и бросятся, потому въ рѣчкѣ шумъ отъ ледянаго стора, а въ выройкѣ затишье и вода чище. Мы — неводами. Такъ въ прежнее время, какъ бы вы думали, меньше ста лещей изъ этой выройки не уваживали; да какіе лещи-то! какъ заслоны: фунтовъ по десяти; а теперь штукъ десятокъ, много полтора попадетъ, — вотъ вамъ и вся добыча. Теперь опять насчетъ заплетовъ *) сказать. Всѣ здѣшнія окольные деревни: Воятицы, Березово, Кривое, Борокъ, Лутошникъ, Ерусалимъ — поголовно ловили заплетами и не знали куда дѣвать рыбу: на цѣлое лѣто насаливали щучины, судаковъ, окуней про свое продовольствие и въ продажу; язи, леща и всякой бѣловой рыбы шло дюже много, и по помѣщикамъ, и на прорѣзныя рыбннскимъ скупщикамъ. А нонѣ и заниматься то этой ловлей не стоитъ: снастей не окупишь. Дай Богъ, въ весну рублевъ на деся-

*) Весною, въ разливъ ловится по Шекснинской долинѣ рыба въ *заплетъ*, которые устраиваются слѣдующимъ образомъ: съ осени приготовляются изъ тонкихъ прутьевъ, по береговымъ откосамъ рѣчекъ и ручьевъ, въ логахъ и поляхъ, въ плоскодонныхъ оврагахъ, долочкахъ и перевалахъ, на всѣхъ извѣстныхъ *ходовыхъ* мѣстахъ, особаго рода огороды или плетни, располагаемые въ формѣ ломаной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляются опредѣленной величины ворота. Какъ только разольется вода и начнется ходъ рыбы, въ ворота заплетовъ ставятся *кужи*, особаго рода съ горломъ меретки, натянутыя на вѣтвиный остовъ. Ломаная линія заплета позволяетъ разставлять кужи въ ту и другую сторону отверстіями, такъ что съ которой-бы стороны ни шла рыба, она непременно должна попасть въ кужу.

токъ нарыбачить: совсѣмъ безкорыстное дѣло, потому не много и охотниковъ осталось теперь на эту ловлю; бросили! А что налима лавливали на *чеграву* *) переметами, уму невообразимо: кромѣ продажи, цѣлые кадунки однихъ печенокъ да молокъ насаливали рыбаки про себя: и этой ловлѣ пришелъ теперь конецъ: вотъ ужъ года четыре какъ и я ее пошабашилъ, потому не стоить: на четыре, на пять концевъ привезешь за утро шесть, семь налимчиковъ по фунтику: какая это ловля? плевое дѣло эта ловля! Сильное уменьше въ рыбѣ стало, батюшко, сильное.

— А помнишь, какъ въ прежнее время на метлицу рыба-то удилась, Савель Прокопьевичъ?

— Что говорить, помилуйте! Да этого времени, бывало, цѣлый годъ съ нетерпѣніемъ дожидаетъ. Какъ только чертежъ появится—язковъ понадѣлаешь, заплави приготовишь, переметы изладишь; и какъ падеть метлица, такъ недѣли полторы съ рѣки и не сходишь, такъ все и ловишь рыбу то на уду, то переметами. Вашъ батюшка куды какой охотникъ бывалъ на эту ловлю: днюетъ и ночуетъ на язкѣ: и кушать и чайку—бывало, принесутъ ему туда; ну, да и то сказать, занятно: какъ начнется клевъ, такъ только успѣвай таскать; рыба все крупная: заходитъ на удѣ точно добрый конь на кордѣ, душа замреть!.. Вытащишь, бывало, язища, страхъ посмотрѣть, какъ поросенокъ добрый, фунтовъ десять, двѣнадцать вѣсу. По четырнадцати фунтовъ лещей доводилось выуживать. Помню я, годовъ двадцать тому, удилъ я съ вашимъ батюшкой около Кершина: онъ на томъ берегу, я на этомъ. Язокъ у меня сдѣланъ былъ на глубокомъ мѣстѣ; и приступила ко мнѣ язовина, повѣрите-ли—

*) Начиная съ конца августа мѣсяца вплоть до заморозковъ ловятъ на Шекснѣ налимовъ переметами, називляя ихъ маленькими лягушками, которыхъ называютъ *Чегравами*. Каждый отдѣльный переметь, состоящій изъ 100—120 крюковъ, называется концомъ.

таскать не успѣваю. Сперва удилъ на двѣ уды, дошло до того — на одну началъ удить: подсѣкать не успѣваешь: только бросишь,—цопъ ко дну! смотришь—язина фунтовъ шесть, поволокъ... а у другой удочки тоже поплавокъ скрылся—не знаешь что и дѣлать. И какъ бы вы думали: съ самаго ранняго утра до поздняго вечера такой клевъ держался: маковой росинки въ ротъ не попало, ни пивши, ни ѣвши весь день просидѣлъ на язкѣ, не отрываясь отъ уженья: наудилъ я въ тотъ день болѣе восьми пудовъ все язовины; а что посрывалось—счету нѣтъ. Крупныхъ больно не было; однако фунтовъ по восьми штукки провертывались, но не много: все больше равной язъ: фунта на четыре, на пять. Меньше трехъ тоже ни одной штукки не было. Такъ вотъ, батюшко, каково въ прежніе годы уженье-то бывало на метлицу: нонѣ и это покончилось по милости пароходовъ: язковъ дѣлать нельзя стало: не удержишь, — волной повывкачаетъ. Изволили замѣтить, какую пароходнымъ ходомъ волну разстилаетъ на берегъ: аршина на два катаетъ она по заплеску. И метлицы у язка отъ этой волны тоже не сохранить: всю повывбьетъ; да и рыба съ пароходствомъ перестала держаться у берега. Какъ штукъ пятнадцать этихъ фыргуновъ пробѣжить въ день-то, какое тутъ уженье! Вотъ я и довелъ васъ до мѣстечка: садитесь къ ивовому-то кусту, а удочку забрасывайте на струйку: сорожнякъ тутъ стануетъ и язички малымъ дѣломъ водятся, окунь опять изрѣдка беретъ: забрасывайте-ко благословясь.

Мѣстечко, до котораго довелъ меня Савель Проконьичъ, показалось мнѣ дѣйствительно весьма удобнымъ для уженья. Здѣсь Шуйга текла свободнымъ плесомъ: стоячихъ омутовъ не было; хотя рѣка и удерживала болотный характеръ, хотя берега ея и были низки, грязны и кочковаты, но вода не была здѣсь затянута травами и тиной, какъ въ омутахъ. Какъ разъ противъ ивоваго кустика, указаннаго мнѣ Савель

Прокопъичемъ, выдалась довольно крутая коска, подъ нею образовалась небольшая заводь, въ которой бойко плескалась мелкая рыбёшка. Мѣсто было глубокое.

— Желаетъ удочку взять, Савель Прокопъичъ? лишняя у меня есть, про запасъ взята.

— А что-жь, позвольте; я сяду вотъ тамъ, повыше немного, побалуемся!...

Усѣлись. Клѣвъ начался немедленно. Стала садиться плотва; но брала она вообще осторожно, съ продолжительной поклёвкой, съ выдержкой, такъ что въ подсѣчкѣ являлись безпрестанные промахи. Въ часъ я выудилъ не болѣе десяти штукъ, однакожь довольно крупной плотвы, по полуфунту.

Сильно начало пригрѣвать юньское солнышко, сіявшее полнымъ блескомъ; его жгучіе лучи такъ и обливали зноемъ. Тихо на водѣ, тихо въ воздухѣ. Какой-то туманъ, какъ газовый покровъ, раскинулся надъ чернолѣсьемъ, видѣвшемся вдали и огибавшемъ правильно зеленою рамою широкія Шуйскія Чисти. Надъ небольшими озерами, разбросанными кое-гдѣ по Чистямъ, галдѣли чайки. Вотъ ихъ цѣлая стая кружить въ воздухѣ, преслѣдуя беркута. Хищникъ тащитъ въ когтяхъ рыбу, чайки нападаютъ; рѣзво проносятся они впереди его полета, то всплываютъ надъ нимъ, то со свистомъ передъ самою головою падаютъ внизъ. Ни малѣйшаго вниманія не обращаетъ на своихъ преслѣдователей царственная птица, и мѣрными твердыми взмахами своихъ громадныхъ крыльевъ летитъ впередъ, забирая все выше и выше. Вотъ поднялся олъ на недосыгаемую для чаекъ высоту и началъ описывать тамъ широкіе круги, посылая на землю по временамъ пронзительное кльканье.

— Не пора-ли покончить баловство-то, — рыба-то что-то не клюетъ! закричалъ я Савелу Прокопъевичу, сидѣвшему отъ меня шагахъ въ семидесяти за небольшимъ холмикомъ, изъ-за котораго чернѣлась тулья его гречушника.

Савель Прокопъичъ поднялся.

— Какова добыча? спросилъ я его.

— А по пословицѣ, батюшка: «рыбка да рябки, потеряй деньки», двухъ ершей пымалъ, да сорогу въ мизинецъ величиной. Пойдемте-ка къ нашей землянкѣ, чаишкомъ по малости займемся и ушкой изъ свѣжей рыбки угощу вашу милость.

— Покорнѣйше благодарю, Савель Прокопъичъ! можно и почаевать, а тамъ и вздремнуть чуточку, если позволишь.

— А у меня и пологъ на этотъ случай знатибюцій есть; отдохнете превосходно: ни мошка, ни комаръ не избидятъ. Что изволили выудить? Э, да вы съ добычей: разъ, два, пятокъ, десять штукъ *горькушъ*, чего больше...

— Ужъ и горькушъ! презрительно очень о моей рыбѣ отзываться изволишь: вишь какая знатная плотва, крупная.

— Самая что ни на есгь скверная рыба: нѣтъ ее костливѣе; а коли по неосторожности желчь раздавишь — омегъ! Окунешки куда-то подѣвались, ни одинъ не сѣлъ; а я, признаться, на нихъ уповалъ. Окуня въ Шуйгѣ много, по всей рѣкѣ держится. Въ верховьяхъ, въ деревняхъ: Шуйгѣ, Раменьѣ, Черномъ и Липовикѣ ловятъ ихъ по травянистымъ омутамъ *курицами*, слыхали?

— Не слыхалъ. Какъ это курицами, что за штука?

— А штука, батюшка, придумана превосходная. Берутся, изволите видѣть, двѣ легонькія копани, кокорки этакія; обтесываются правильно, чтобъ какъ одна такъ и другая. По верхней сторонѣ кокорь привязывается мерѣжка съ большой посадкой. Мерѣжка эта такъ и обойдетъ по всей кривулинѣ кокорь. Потомъ и снизу кокорь тоже мерѣжка, только не по всей копани, а начиная съ кривулины. Такимъ способомъ и получится мѣшокъ: въ головѣ онъ расходится аршина на четыре, а въ пятѣ сбѣгаетъ на нѣтъ. Въ самомъ концѣ пята прикрѣпляется колышекъ. Вотъ вамъ и курицы. Ло-

вять этой снастью всегда трое: одинъ человекъ становится къ правой кокорѣ, другой къ лѣвой, а третій къ пятѣ, къ колышку; такъ и тащатъ, по какому хошь неспособному мѣсту — по грязи, по тинѣ, въ травѣ, въ корягахъ, гдѣ угодно: вездѣ курицы пройдутъ и рыбу захватятъ; онѣ никогда ни завьются, ни задѣнутъ: волоки знай, да прижимай только плотѣе ко дну. Ну, конечно, и для куриць снаровка нужна, особо тому, кто пятой управляетъ; чуть немного призацѣпило — долженъ поднять во время, а когда тащатъ — травить правильно, поталкивать, значить, сзади-то, чтобъ рыба не завалилась гдѣ въ тинѣ.

— И много ловятъ этими курицами?

— Ну, нельзя сказать, чтобъ очень, а порядочно. Снасть-то больно дешевая: всего стоитъ рубля два какихъ нибудь, а дѣйствуетъ чудесно — и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никакой другой мережей взять нельзя.

Далеко съ полдень свернуло солнышко, когда напившись чаю, выспавшись и вдоволь насытившись ухомъ, распрощался я съ радушнымъ Савель Прокопичемъ и направился отъ его землянки въ обратный путь къ дому, получивъ отъ старика совѣтъ пріостановиться на Черномъ омутѣ, который лежалъ гораздо ниже Сѣжи.

— Вы, батюшка, непременно поудьте въ этомъ омутѣ: окуня тутъ сила, и щука есть; поднимается рыба въ этотъ омутъ съ Шексны; въ немъ затонуть цѣлый огородъ еловыхъ дровъ барина Забучкаго; такъ и сѣлъ ко дну; рыба-то крѣпко держится около дровъ, потому тутъ ей и укромно и сѣдобно: иль намыло на дрова-то, червячки разные за корой завелись и привлекаютъ рыбу-то, да и вода-то тутъ вольная. Задача будетъ, поудьте! — поучалъ меня Савель Прокопичъ.

Дошелъ я до «Чернаго омута». Онъ лежалъ въ раз-

стояніи полуверсты отъ Сѣжи ближе къ Шекснѣ и былъ сажень около сорока въ длину и около десяти въ ширину. Берега у него песчаные и обрывистые; лѣвый густо обросъ раkitникомъ, правый — состоялъ изъ голизны, по которой разметались волчьи ягоды и ежевичникъ. Вода въ омутѣ совершенно черная. Потонувшія дрова занимали правую сторону омута, противоположную той, на которой я находился; они сквозили изъ воды грязною, неопредѣленной формы огромною кучею. Я подошелъ къ омуту тихо. Рыба безпрестанно въ немъ плавилась. Особенно около дровъ раздавалось непрерывное бульканье. Усѣвшись противъ дровъ, на песчаной отлогости берега, я снялъ съ двухъ удочекъ поплавки, что бы удить со дна, наживилъ у одной крючекъ мясомъ облупленнаго раковаго хвостика, у другой — червемъ и забросилъ. Рыба какъ будто позатихла, въ омутѣ сдѣлалось поскромнѣе, но всетаки по временамъ прорывались сильные всплески, изобличавшіе присутствіе весьма крупныхъ экземпляровъ. То, должно полагать, практиковались щуки въ своихъ хищническихъ нападеніяхъ, потому что при каждомъ всплескѣ торопливо выскакивала изъ воды мелкая рыбешка и лучеобразно разсыпалась по сторонамъ.

Долго не было клѣва. Солнце начало склоняться къ западу; отъ береговаго урѣза и кустовъ раkitника легла на поверхность воды густая тѣнь: черными пятнышками трепетали ивовые листики на блестящей поверхности омута. Въ воздухѣ повѣяло чудной освѣжающей прохладой.

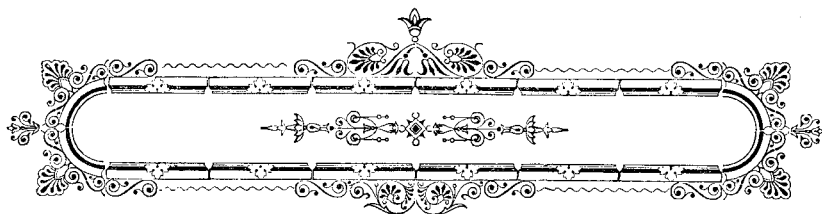
На удочкѣ, наживленной рачьимъ мясомъ, дрогнула вершинка разъ, два и наконецъ нагнулась къ самой водѣ. Я подежкъ. Чувствую — крупная добыча, надо водить на кругахъ. И пошла хорошо извѣстная всеѣмъ охотникамъ доуженья потѣха! Собака на картинной стойкѣ, удачный выстрѣлъ на бойкомъ взмахѣ по бекасу, когда онъ зигзагомъ сверкнетъ въ воздухѣ и свернувшись въ комочекъ, шлеп-

нется въ болото, дублетъ по куропаткамъ, летящимъ съ быстротою пули, такъ что крылья свистять, крупная рыба на удочкѣ, когда удилице гнется въ дугу, когда лѣса натянулась на немъ какъ струна, развѣ не одни и тѣже мотивы для восторговъ, увлекающихъ страстнаго охотника, заставляющихъ забывать его весь міръ съ его житейскими тревогами и глубоко впадать въ другой, особый міръ, исполненный необъяснимыхъ волненій, понятныхъ и дорого цѣнимыхъ только истинными охотниками.

Тяжело. Рыба идетъ упористо. Нѣтъ возможности вызвать ее на верхъ; а такъ и хочется узнать какая штука врѣзалась: язь, головль, паланъ *) или окунь. Сначала размахи были широки, рыба бросалась то вправо, то влѣво, то къ противоположной сторонѣ, то въ глубину. Я спустился шаговъ на десять внизъ по омуту. Мнѣ не хотѣлось дозволить рыбѣ броситься въ дрова, гдѣ-бы она могла засѣсть окончательно и невозвратно такъ что являлась опасность потерять хорошую добычу и удочку. Болѣе десяти минутъ водилъ я на кругахъ рыбу; наконецъ она начала утомляться; круги дѣлались все меньше и меньше, порывы слабѣе. Попыталъ я подвести ее къ берегу: ходко пошла. Не давая слабину я началъ подниматься съ удилицемъ въ гору. Рыба шла безъ сопротивленія; я попробовалъ поднять ее къ верху: идетъ, взвернулась на бокъ, и кровавымъ цвѣтомъ блеснули ея плавательныя перья: окунь! Подведя къ песчаной отмели, я взялъ за лѣсу рукою и моментально выдернулъ свою добычу на берегъ, схватилъ ее въ охапку обѣими руками и вынесъ въ гору. Окунь былъ рѣдкой величины, около пяти фунтовъ.

Затѣмъ до заката солнца, я выудилъ еще штукъ пять окуней по фунту и фунта по полтора. Клевъ окончательно прекратился съ наступленіемъ вечерней зари.

(* Жерехъ.

IV.

Весна и весенняя охота на Шекснѣ.

Вскрытіе Шексны бываетъ обыкновенно въ половинѣ апрѣля. Въ верховьяхъ, въ порожистыхъ частяхъ рѣки, это явленіе происходитъ при чрезвычайно низкихъ водахъ, которыя потомъ сбываютъ еще; и остаются въ такомъ положеніи недѣлю и даже болѣе, потомъ начинаютъ по немногу прибывать отъ нагорнаго таянія снѣговъ, и наконецъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, когда взломаетъ Бѣло-озеро, рѣка нѣсколько пополняется и потащитъ съ озера ледъ. Вообще весеннія воды мало замѣтны въ верховьяхъ Шексны; совсѣмъ иное дѣло и иное значеніе составляютъ они въ нижнихъ плесахъ, въ мѣстахъ моей родины, которыя принадлежатъ къ мѣстностямъ низменнымъ, гдѣ безчисленное множество маленькихъ озеръ, чистыхъ и затинутыхъ болотными травами, торфяныхъ и моховыхъ болотъ, трясинъ и глубокихъ покоевъ, рѣчекъ и ручьевъ, встрѣчается на каждой верстѣ. Всѣ они представляютъ большія или меньшія водохранилища, имѣющія чрезвычайное вліяніе на поднятіе весеннихъ водъ, которыя переходятъ въ низовьяхъ Шексны въ большіе разливы, распространяющіеся по плоской мѣстности такъ широко, что соединяются съ такими же большими разливами рѣки Мологи. Бываютъ года,

въ которые полноводье достигаетъ здѣсь чрезвычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ случаѣ много хлопотъ и безпокойствъ наносить оно пришекнинскимъ жителямъ, потому что затопляетъ села и деревни, уноситъ огороды и холостыя зданія, разбиваетъ слань, дрова, жерди, и прекращаетъ на цѣлый мѣсяцъ всякую возможность къ сухопутнымъ сообщеніямъ. Тогда скотъ со двора поднимается на повѣти, хлѣбъ перемѣщается изъ амбарныхъ засѣковъ на подволоки, посѣвъ яровыхъ запаздываетъ. Помочливая осень и высокое состояніе горизонта воды при замерзаніи рѣкъ, дружная весна, большіе снѣга и сторы Волги суть важнѣйшія причины большихъ разливовъ Шексны. Особенно важна послѣдняя причина, т. е. сторы Волги. При движеніи льда по Волгѣ, силою воды надвигаетъ въ узкихъ мѣстахъ *щеры* (большія льдины) другъ на друга въ нѣсколько слоевъ, запруживая рѣку до самаго дна. Такая ледяная плотина называется *сторомъ*; ихъ строитъ Волга къ островамъ, около которыхъ рѣка, раздѣляясь на два рукава, представляетъ двѣ узкія полосы воды, очень тѣсныя для прохода льда съ широкихъ мѣстъ; преграждая свободу теченію, сторы, естественно, вдругъ возвышаютъ прибыль воды въ Волгѣ, которая въ свою очередь, подпирая воды впадающихъ въ нее рѣкъ, обращаетъ теченіе ихъ назадъ, въ голову. Самая большая прибыль воды въ Шекснѣ бываетъ именно тогда, когда происходитъ это явленіе, поднимающее воду въ иные года аршина на два и болѣе въ сутки. Если сторы на Волгѣ велики и продолжительны, разливы Шексны бываютъ чрезвычайно широки. Пришекнинскіе жители по обратному движенію воды въ Шекснѣ и быстрому ея возвышенію безошибочно узнаютъ о проходѣ льда по Волгѣ и ея сторахъ. Тѣ же сторы льда и обратное теченіе воды удерживаютъ на долго Шексинскій ледъ. Уже Шексна выйдетъ изъ береговъ, всѣ окрестности захлебнутся водою, и даже лѣсъ за-

топится до половины его роста, а ледъ стоитъ себѣ черною лентою на своемъ мѣстѣ, тропнетъ и испаряется до тѣхъ поръ, пока вода не пойдетъ своимъ нормальнымъ путемъ и не позоветъ его съ собою къ низу.

Случается иногда, что весенніе разливы захватываются здѣсь жестокими морозами, отчего на полой водѣ образуется довольно толстый ледъ, называемый на мѣстномъ нарѣчїи *начермерзью*. Я намѣренъ здѣсь разсказать нѣсколько подробностей объ удивительной веснѣ 1857 года, въ которую дѣйствіе весеннихъ морозовъ произвело необыкновенныя мѣстныя явленія, такъ что эта весна надолго останется въ памяти у прибрежныхъ жителей р. Шексны.

Съ начала Марта въ весну 1857 года солнце свѣтило такъ, какъ должно было ему свѣтить въ эту пору, т. е. пригрѣвало сильно, снѣгъ таялъ быстро и, конечно, скоро бы сошелъ, если бы не крѣпкіе утренники, обнастившіе его до того сильно, что на утрѣ побѣжай по немъ хоть на тройкѣ. Мужики пришекснинскихъ мѣстностей, отправляясь въ лѣсъ на рубку дровъ и въ нивы за сѣномъ, уже не ѣздили по своимъ узенькимъ, плохѣ протореннымъ дорогамъ, а смѣлой рысью, иногда и вскачъ, откатывали напрямикъ по насту: до того онъ былъ твердъ, и плотно осажень морозами. Но какъ только день подходилъ къ десяти часамъ, такъ тепло начинало брать свое: припекающими солнечными лучами разводило настъ, на лугахъ все шире и шире дѣлались проталины, все выше и выше вытаявали и поднимались ѣзжалыя дороги, и вотъ вмѣстѣ съ днемъ Алексѣя Божїя Человѣка съ горъ вода — шумные ручьи и потоки побѣжали въ Шексню по всѣмъ ложбинамъ и рытвинамъ, какъ по водосточнымъ желобамъ. Рѣка наполнялась скоро. Темныя пятна показывались на льду, и съѣдая снѣгъ, быстро расплывались по немъ, сливаясь въ одно общее свинцоваго цвѣта пространство. Скоро образовались закраины, дружно начали отдирать

ледь отъ береговъ и пучить его къ верху. Вотъ показалаcя и заливная вода, а вслѣдъ за нею и перелетныя страныки.

Послѣ грачей и скворцовъ первые (2-го апрѣля) прилетѣли жаворонки, сперва стадами, потомъ скоро разбились на пары и, размѣстившись по проталинамъ начали веселить матушку-природу, заливаясь въ громкихъ пѣсняхъ. За ними прилетѣли вертлявыя и миловидныя трясохвости; вѣстницы, по мѣстнымъ пришекснинскимъ замѣчаніямъ, скорого вскрытія рѣкъ и коронованныя пиголки, всегда такъ забавно упражняющіяся въ началѣ весны игрою своего полета. Потомъ съ вытаявшихъ грязныхъ полей началъ доноситься голосъ журавля и крикъ кроншнепа. Надъ ближайшимъ кочкарникомъ, съ перепадавалой пожелтѣлой осокой, барашкомъ заблеялъ бекасъ, статныя кулики-кривоноски начали выкликать «траву», глухо забормоталъ дикій голубь на хвойномъ лѣсу, а въ воздухѣ то и дѣло плыли эскадры гусей, лебедей и утокъ различныхъ породъ. Вода въ рѣкѣ прибывала сильно, теченіе ея дѣлалось все медленнѣе и медленнѣе, наконецъ совсѣмъ перестало позывать ее къ низу, задержало на день въ устойчивомъ положеніи и потомъ обратило назадъ, вверхъ. Это, какъ мы видѣли, дѣйствіе волжскихъ сторовъ.

Вода бросилась изъ береговъ и разлилась по полямъ и доламъ, а тамъ, расходясь все шире и шире, наконецъ затопила всѣ окрестности съ лугами, яровыми полями и лѣсами, растущими по глубокой впадинѣ шекснинскаго бассейна. Зайцы, выжитые разливомъ изъ лѣсовъ, сперва тѣснились по узенькой полоскѣ берега, потомъ перебрались кое-какъ на шекснинскій ледъ и рассказали въ оба конца его на страду свою и голодъ. Послѣ осинової коры и молодыхъ побѣговъ ивняка, которыми они лакомились въ листовныхъ пришекснинскихъ лѣсахъ, только и осталось те-

перь имъ въ пищу, что перезимовавшія еловыя вѣхи, нѣкогда обозначавшія по рѣкѣ дорогу.

Мужики села Краснаго, растянувшася на цѣлую версту по берегу Шексны, радовались дружной веснѣ, предполагая усиѣнно кончить по полноводью свои работы. А работу въ этотъ годъ было немало: всю зиму рублены были дрова и метаны въ огороды, которые нужно было по водополицѣ выводить на текучую воду, чтобы плавить въ Рыбинскъ и Ярославль, какъ только уберется заливная вода и обрѣжутся берега у Шексны. Въ пришекснинскихъ мѣстахъ дрова составляли прежде для крестьянъ и помѣщиковъ одну изъ главнѣйшихъ доходныхъ статей. Споконъ вѣка топоръ вручалъ здѣсь порядочныя деньги, истребляя лѣсъ безпорядочно и безпощадно.

Крестьяне уже хотѣли приступить къ выгонкѣ плотовъ и кошмъ съ поймы на глубокія и проточныя мѣста, какъ вдругъ природѣ вздумалось подшутить. Сперва она перемѣнила южный вѣтеръ на сѣверный, а потомъ 12-го апрѣля наслала такой трескучій морозъ, что весь разливъ подернулся тонкою пленкою льда. На широкомъ, почти пятиверстномъ, пространствѣ воды противъ села Краснаго только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались маленькія полынейки, рябившія тонкими струйками, а остальное все превратилось въ гладкую, какъ стекло, поверхность. За первымъ морозомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій, и все суровѣе и суровѣе, и такъ цѣлую недѣлю продолжалъ стоять страшный холодъ съ сѣвернымъ пронзительнымъ вѣтромъ. Застыла толстымъ льдомъ водополица, затянуло все полыньи, и обиндевѣли, какъ въ середозимъ, деревья. Вся жизнь природы, только что начинавшая развиваться, пресѣглась; развѣялось дыханіе весны, смолкъ говоръ воздушныхъ переселенцевъ. Скрылись куда-то утки, исчезъ кроншнепъ; уже не разсыпался барашкомъ бекасъ, не перепискиваются песочники,

даже пеголки не прокричатъ, чайки не перекликнутся, журавль не прокурлычить на моховомъ болотѣ. Опустили головы мужики. Такой начемерзи еще не бывало на ихъ памяти. Иногда ночью и приударить морозъ, но днемъ пригрѣетъ солнышко и сейчасъ-же все разведетъ: послѣ полдень поѣзжай на лодкѣ, куда хочешь; но тутъ заливъ заковало льдомъ на вершокъ толщины и нисколько не сдаетъ на тепло. Многие опасались за озимый хлѣбъ, другіе за лѣсъ, третьи за травы и, Богъ знаетъ, какихъ безпокойныхъ думъ и тревогъ не навѣяли несвоевременные холода и морозы.

Въ селѣ Копорьѣ, по сосѣдству съ Краснымъ селомъ, наступилъ праздникъ и ярмарка, на которой всѣ окружные крестьяне запасаются новыми телѣгами, колесами, боронами, сохами, кадочками, рѣшетами и разною домашнею рухлядью.

Каждый годъ красносельцы отправляются на праздникъ въ Копорье, для покупки всего нужнаго по дому вообще и въ особенности для праздничанья, потому что тамъ на это время и пиво варятъ и водкою угощаютъ до отвала. Въ легкихъ лодочкахъ наперерывъ другъ передъ дружкой мчатся, бывало, мужички по широкому разливу и въ какой нибудь часъ около полдня достигаютъ ярмарочнаго пункта. Но теперь такимъ образомъ ѣхать было нельзя, хотя широкій и гладкій разливъ такъ и манилъ по себѣ прогуляться. Что дѣлать? Отказаться отъ праздничанья, это было бы нарушение порядка, неслыханное и безпримѣрное. Совершить переправу по льду — опасно; пожалуй, какъ разъ отправишься «ловить бурокъ». Произшелъ совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ рѣшило идти на праздникъ напрямикъ по начемерзѣ, потому-де, «двухъ смертей не бывать, а одной не миновать», и если кому на роду написано гдѣ умереть, то «того мѣста не обойдешь, не объѣдешь»; къ тому же поговаривали, что по застывшей разливу уже много прошло ходокъ. Крестьясь и озираясь, не смѣло выступили на

начемерзь мужики и робко передвигая ноги по скользкому льду, безпрестанно пробовали его прочность то шестами, то обухами топоровъ, то потопываніемъ ногою. Ледъ только потрескивалъ и гудѣлъ, но нигдѣ не проламывался.— Тутъ-то разсѣялись всѣ по разливу, и по мѣрѣ увѣренности въ безопасности, все веселѣе и свободнѣе шли впередъ, и наконецъ со смѣхомъ и крикомъ, подшибая другъ друга и безпрестанно падая, пустились во всю прыть, раскатываясь по зеркальной поверхности. Казалось, всѣ совершенно забыли, что отдѣлены отъ смерти очень тонкимъ слоемъ хрупкаго черепка, и тѣшились какъ дѣти, пуская сильною рукою маленькія льдинки, которыя съ визгомъ и гуломъ далеко летѣли по яснецу. Странно было видѣть со стороны эту путешествующую толпу по льду, издали похожему на поверхность устоявшейся воды въ тихій день.

Уже подъ вечеръ возвращались красносельцы назадъ, порядкомъ подготовившись праздничными пивами и водкою. Обратное путешествіе было несравненно веселѣе и оригинальнѣе. Кто тащилъ, перепрокинувъ на сошки, косулю, съ трудомъ удерживая на льду свое устойчивое положеніе; кто тащилъ скать колесъ, убѣгающихъ впередъ отъ малѣйшаго прикосновенія, и потому представляющихъ ненадежную точку опоры. Здѣсь двигались нѣсколько кадокъ, громко звеня своею пустотою и бѣжали какъ бы сами собою ящики телѣгъ; а тамъ сѣдой, запустившій хмѣлину, старичина, княземъ развалиясь на боронѣ, обращенной зубьями ко льду и влекомой двумя дюжими парнями, оралъ во все горло дребезжащимъ голосомъ всѣмъ знакомую народную пѣсню:

Тихи воды, быстры рѣчки
Бережки моютъ...

На другой день послѣ праздника вода сбыла четверти

на полторы, и ледъ осѣлъ, а холодъ и морозъ нисколько не смягчились. Шибко пригорюнились тѣ, которые имѣли на поимѣ дрова и слань. Огороды могли обмелѣть, и въ будущемъ представлялась невыносимая и долговременная работа. У которыхъ косяки были поближе къ рѣкѣ, рѣшились выводить ихъ теперь же, разрубая ледъ и очищая эту изнурительную и хлопотливую мѣрою нужное пространство воды для выгонки огородовъ. Силъ и старанія положено было множество, избились мужички до невѣроятія, многіе выкупались и схватили лихорадку, всегда въ весеннее время очень опасную въ здѣшнихъ мѣстахъ, но дрова выгнали и поставили на глубокія мѣста, на которыхъ уже нечего было бояться обмелѣнія. Но не всѣ успѣли обезпечить эту рѣшительную мѣрою свою дровяную промышленность. Большая часть огородовъ остались замороженными на нивахъ, гдѣ легко могли они обмелѣть и застояться до сухопутицы. Хозяева ихъ ужъ и рукой махнули, видя, что тутъ никакимъ образомъ нельзя превозмочь божьяго произволенія.

Вѣтеръ вдругъ переимѣнился, перейдя съ сѣвернаго на западный. Какъ отъ созвѣздія Южнаго Креста въ льяносахъ и пампасахъ Ореноко вѣтеръ непременно нагоняетъ тучу и грозу, которая оживляетъ оцѣневшую отъ зноя природу, — такъ западный вѣтеръ въ пришексинскихъ окрестностяхъ всегда натаскиваетъ дождь и тепло. Сейчасъ-же измѣнилась погода, холодъ спалъ, и потянулись изъ-за горизонта облака, восходя по бокамъ неба все выше и выше къ зениту. Наконецъ собрались они въ довольно густую тучу и брызгнули крупнымъ дождемъ. Въ два — три дня окоченѣвшая природа освободилась отъ ледяной коры, вода прибыла, шексинскій ледъ протащило, и возвратилось откуда-то все пернатое, странствующее населеніе нашего края, и еще съ большимъ оживленіемъ начало торжествовать свое брачное соединеніе. Жизнь снова вступила въ свои вѣчныя

права, снова повѣяло весною, этою чудною оживотворящею благодатью.

И говорить нечего, что хозяева дровъ, замерзнувшихъ было на поймахъ, остались не въ накладѣ, потому что послѣ, безъ всякихъ хлопотъ и затрудненій, вывели свои косяки, куда слѣдовало. Однакожь не безъ несчастій обошлось это продолжительное замерзаніе разлива. Чрезвычайно много истребилось молодаго лѣса, когда во время убыли осѣдалъ ледъ, и силою своей тяжести сгибалъ и ломалъ каждое деревцо не толще руки; тѣмъ же осѣданіемъ льда протерло кору до самой древесины на всѣхъ понятыхъ водою большихъ деревьяхъ, отчего подсушилось множество лѣсу. Слѣды этихъ крушеній явились во всемъ своемъ безобразіи послѣ слитія воды: на иномъ торфяномъ болотѣ, гдѣ такъ славно было, повывѣжалъ ровенькій и чистый дровяной лѣсокъ, не осталось ни одного дерева цѣлаго. Многіе изъ крестьянъ загубили и жизнь свою, особенно при началѣ морозовъ, когда начемерзъ еще недостаточно утвердилась, и опорю служило только одно ненадежное русское авось. Всѣхъ несчастныхъ случаевъ по Шекснѣ отъ «*утопленія*» было въ ту весну до двадцати, да до пятнадцати человекъ отправилось на тотъ свѣтъ выкунавшихся и заболѣвшихъ отъ того горячками. Но были творенія, для которыхъ весеннее замерзаніе воды явилось спасеніемъ: зайцы съ Шекснинскаго льда и съ острововъ, гдѣ ожидала ихъ неминуемая гибель, по начемерзѣ всѣ ушли въ уйму, т. е. въ большой островной лѣсъ.

Сказавши о Шекснинскихъ разливахъ, перейдемъ теперь къ охотѣ, совершаемой здѣсь любителями по полой водѣ въ запрещенное весеннее время.

Зимою, по первому снѣгу, и великимъ постомъ — по настамъ переселяются на низменные мѣстности въ лиственные пришекснинскіе лѣса зайцы. Вѣроятно привлекаетъ ихъ

сюда изобиліе осины и ивняка, кору которыхъ они любятъ глотать. При разливѣ изъ низкихъ мѣстъ и болотинъ, топляемыхъ, разумѣется, прежде всего водою, сганиваетъ ихъ сперва на гривы и суходолы, гдѣ они тѣнятся на самыхъ маленькихъ островкахъ. Въ этомъ злополучномъ положеніи застають охотники трусливыхъ звѣрковъ, и начинается безжалостно отвратительная бойня. Поперегъ острова плять тенета, съ обоихъ концовъ заводятся собаки съ загонщиками, зайцы возбуживаются, стремглавъ летятъ въ разставленные сѣти, гдѣ и гибнуть подъ палками шкурятниковъ.

Нерѣдко случается охотникамъ набивать этимъ хищническимъ способомъ по 200—300 шкурокъ въ одинъ день.

Въ весенніе разливы, или, какъ здѣсь называютъ, въ водополицу, крестьяне и безъ тенетъ любятъ въ праздничное время погонять зайцевъ на островкахъ, для чего и отправляются въ извѣстныя имъ мѣста въ лодкахъ цѣлыми артелями, зажимаютъ зайцевъ въ узкія мѣста, обливая водою, и бьютъ ихъ палочьями безъ всякаго состраданія. Я очень хорошо помню, какъ совершали близъ села Краснаго любители потѣшиться за зайцами свои экспедиціи на угольные ямы, окруженныя со всѣхъ сторонъ поймою, стонившею несчастныхъ бѣляковъ (русага рѣдко захватываетъ разливъ) въ тѣсную кучу, и какъ привозили они оттуда полнехонько нагруженныя лодки зайцами. Конечно, существуетъ здѣсь отговорка, что если не бить зайцевъ, то они перетонутъ же, потому что рѣдкій годъ не скрываетъ вода всѣхъ тѣхъ гривъ, на которыхъ потѣшаются за ними охотники; но намъ случалось не разъ видать, что они и спасались, перебираясь на кучи плавающего хвороста, на колодины, даже на шекенинскій ледъ, увлекающій ихъ вмѣстѣ съ собою внизъ по теченію и нерѣдко прибывающій куда нибудь къ сушѣ, или убѣгая по начемерзѣ, какъ, на примѣръ, въ весну 1857 года.

Болѣ егерская охота весною—это съ подѣзда въ лодочкахъ за тетеревами—березовиками, слывущими въ народѣ подѣ именемъ косачей или польниковъ. Всѣмъ извѣстно, что тетерева весною имѣють токи на опредѣленныхъ мѣстахъ, на которыя самцы слетаются для любострастнаго свиданія съ самками. Множество бьють тетеревей на этихъ токахъ изъ шалашей, нисколько, конечно, не щадя самокъ. Во время большихъ разливовъ, когда вода покроеть на дальнее пространство всю сушу и въ мѣстѣ токовища тетеревей, тогда они, составившись, перебираются на лѣсъ, на высокія березы и раскидистыя сучковатыя осины, и уже на нихъ, надъ водою, устраиваютъ свои токовища. По утренней зарѣ, во время яровитаго бормотанья тетеревей, охотники отправляются за ними въ маленькихъ лодочкахъ, носящихъ названіе подѣздковъ. Подѣздочки эти дѣлаются обыкновенно изъ цѣльнаго осиноваго дерева, обтесаннаго въ форму челнока, выдолбленнаго и плоско разведеннаго съ помощью огня. Такимъ же образомъ устроиваются въ пришекснинской сторонѣ и большія лодки, до пятнадцати аршинъ длиною, такъ что съ двумя набойнами онѣ въ состояніи поднять челоуѣкъ до семидесяти съ совершенною безопасностью на валахъ во время бури, потому что длинны и плоскодонны, не то что волжскіе дощеники, называемые, въ отличіе отъ шекснинскихъ лодокъ, душегубками. И такъ, въ маленькомъ подѣздочкѣ тихо подѣзжаютъ охотники на утренней зарѣ къ стаду польниковъ, размѣстившемуся по осинамъ. Токовикъ не замѣчаетъ приближающейся опасности. Онъ, усѣвшись на самый нижній сукъ, весь погрузился на разсматриваніе самого себя черезъ отраженіе въ водѣ, и, сердито насунившись надъ своимъ изображеніемъ, глухо токуеть, безпрестанно повертываясь и чувывая. Первые въ стадѣ окажутъ безпокойство приватные самцы. Они начинаютъ кerkать, переминаться, ходить по сучьямъ, вытягиваться и

присѣдать. Это самые вѣрные сигналы къ стрѣльбѣ: еще нѣсколько секундъ—стадо снимается и улетитъ. Тетерки допускаютъ ближе, и потому въ стрѣльбѣ съ подъѣзду ихъ губится больше, вопреки всѣмъ охотничьимъ соображеніямъ, предписывающимъ беречь самку весною въ ожиданіи отъ нея приплода. Надо замѣтить, что удача охоты съ подъѣзду, много зависитъ отъ состоянія погоды: въ ясную — рѣдко допускаютъ тетерева въ мѣру, особенно если они сидятъ кучнымъ стадомъ; въ пасмурную, тихую и теплую погоду они плотно сидятъ на деревьяхъ, схохлившись и прижавшись къ древесному стволу, и допускаютъ на самое ближайшее разстояніе, такъ что охотнику случается подъѣхать подъ самое дерево, сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ—и стадо не снимется. Охота эта очень добычлива: нерѣдко случается привозить охотникамъ на одну лодочку штукъ по 15 и болѣе тетеревей, изъ коихъ непремѣнно двѣ трети самокъ. Въ маленькую воду, въ подъѣздѣ къ полянкамъ очень мѣшаетъ чаща лѣса, черезъ которую приходится иногда пробираться охотникамъ; но въ большую это препятствіе совершенно устраняется, потому что изъ воды видны однѣ только верхушки небольшого лѣса, составляющаго густой подсѣдъ, а иногда онъ и совсѣмъ скрывается подъ водою, лишь осины да березы среди безграничнаго кругозора высятся надъ разливомъ своими шапкообразными вершинами.

На гривахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть росчисти и если онѣ еще не затоплены водою, собираются дупеля и устраиваютъ свои токи. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ безчисленнѣйшее множество побивается этой прелестной дичи въ пору ихъ спариванія, въ этомъ бессознательномъ чаду брачныхъ соединеній, когда бы и законъ и совѣсть должны были остановить сокрушающую руку охотника. Не понимаемъ, что за удовольствіе убивать дичь, которая, вся принадлежа страсти, обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія

къ самохраненію. Къ несчастію, стрѣльба дупелей на токахъ распространена очень широко. Въ Вологодской губерніи множество охотниковъ цѣлыми тысячами истребляютъ этимъ способомъ дупелей, не взирая ни на какія запрещенія, отчего около Вологды замѣчается въ послѣднее время быстрое уменьшеніе этой дичи. Въ Костромской губерніи, около озеръ, пограничныхъ Даниловскому уѣзду, поступаютъ еще лучше: тамъ ловятъ дупелей весною на токахъ петлями и сѣтями, уничтожая этимъ страшное ихъ множество.

Дупелинныя токи на Шекснѣ начинаются рано: съ половины или съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля; при дружной и теплой веснѣ и раньше. Дупеля выбираютъ для своихъ токовъ мѣста съ мелкою кочкою. Особенно любятъ они такія низинки и потныя мѣста, на которыхъ осталась отъ прошлаго года осока, пырей или бѣлоусъ и встрѣчаются изрѣдка маленькіе ракитовые кусточки. На токъ прилетаютъ сначала самцы совѣмъ особымъ полетомъ: на вечерней зарѣ поднимется дупель съ мѣста, гдѣ онъ дневалъ, сдѣлаетъ кругъ, летитъ надъ самою землею и спускается на токовище необыкновенно тихо. За самцами черезъ полчаса времени, когда заря уже начинаетъ блѣднѣть и предметы стануть мѣшаться въ вечерней мглѣ, полетятъ самки. Самцы уже токуютъ: они издаютъ при этомъ какой-то особый трескъ, весьма схожій съ тѣмъ, какой извлекается изъ гребенки, если водить по зубьямъ ея тоненькою палочкою; въ промежуткахъ этого звука слышится шепелявое свистѣніе. Чѣмъ болѣе начинается темнѣть, тѣмъ сильнѣе разгораются токующие дупеля. Они какъ мыши снуютъ взадъ и впередъ по травѣ между кочекъ, сталкиваются, дерутся, припрыгиваютъ, распуская при этомъ вѣромъ свои хвостики, въ которыхъ какъ искорка блеститъ бѣлое пятнушко. Вотъ это-то пятнушко и служитъ предательскою мишенью для охотника. Въ одинъ моментъ вскидываетъ онъ ружье и стрѣляетъ мел-

кимъ бекасинникомъ въ ту точку, гдѣ блеснетъ бѣлая искорка. Выстрѣломъ нерѣдко прихватить и другаго дупеля, а случается уложить и трехъ за разъ. Бойня прекращается съ наступленіемъ глубокой ночи, когда въ темнотѣ уже ничего нельзя разсмотрѣть. На хорошемъ току въ теплую и ясную зорю убиваютъ паръ по сорока дупелей на одно ружье, а сколько переранятъ, сколько не найдутъ убитыхъ — и счету нѣтъ.

Въ самый разгаръ весны, около конца Апрѣля, утки начнутъ вить гнѣзда и класться. Извѣстно, что утка кладется украдкой отъ самца. Аксаковъ съ необыкновенною наблюдательностію описываетъ тѣ хитрыя уловки, которыя продѣлываетъ крякуша съ селезнемъ при скрадываніи гнѣзда. Какъ только станутъ крякуши дѣлать отлучки отъ своихъ сладострастныхъ повелителей, начинается весьма добычливая охота на селезней съ круговою уткою. Круговая утка, *кликуча*, есть особенной породы выдрессированная домашняя утка, вѣроятно прирученная изъ дикихъ кряквъ. Она величиною нѣсколько больше обыкновенной кряковой утки; цвѣтъ ея перьевъ желтоватѣе, голова толще и всѣмъ корпусомъ она какъ-то осанистѣе дикой. Утки кликуши были разведены сначала въ Тульской губерніи. Оттуда завезены онѣ въ Ростовъ, уѣздный городъ Ярославской губерніи, гдѣ охотники и до сихъ поръ бьютъ съ круговыми утками осенью нырковъ и чернетей на Ростовскомъ озерѣ. Изъ Ростова онѣ попали на Шексну. Для охоты съ круговою уткою устраивается деревянный, окрашенный черною краскою *кружокъ*, вершка три въ діаметрѣ. Онъ насаживается на ножку, длиною въ три четверти аршина, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Необходимая принадлежность къ такому кружку — *силокъ*, сплетенный, или ссученный изъ конскихъ волосъ; на одномъ концѣ силка прикрѣплена кожаная петелька, *ногавка*, а на другомъ — берестяное кольцо. Кожаную ногавку

надѣвають на ланку кликуши повыше сгиба и задерживаютъ, въ берестяное-же кольцо просовываютъ ножку кружка и затѣмъ втыкаютъ его въ воду, углубляя на столько, чтобъ утка, когда сядетъ на кружокъ, казалась - бы совершенно въ естественномъ положеніи, какъ-бы плавающею на водѣ. Само собою разумѣется, что предварительно на томъ мѣстѣ, на которомъ охотникъ рассчитываетъ стрѣлять селезней, строится шалашъ изъ хвои на манеръ того, какой дѣлаютъ на тетеревей, когда охотятся съ чучелами. Мѣсто для шалаша выбирается около заливной воды, близъ затопленнаго лѣса, въ которомъ большею частію и держатся весною селезни. Едва охотникъ успеетъ посадить на кругъ утку и забраться въ шалашъ, какъ она начинаетъ кричать, сперва рѣдко, съ разстановками, а потомъ, заслышавъ откликъ селезня, часто, *подсадомъ*. Способность кричать на кругу безъ умолку кроется въ породѣ круговыхъ утокъ. Какъ-бы старательно не вынашивать обыкновенную дворовую утку для круга, нельзя въ ней развить въ приманиваніи селезней тѣхъ талантовъ, какими обладаетъ ростовская кликуша. Изъ нихъ выдаются необыкновенные экземпляры; намъ самимъ не разъ случалось видѣть утокъ, которыя въ теченіе цѣлаго весенняго дня кричали на кругу безъ устали и, заслышавъ селезня, начинали бить такимъ яримъ подсадомъ, что тотъ какъ сумасшедшій, безъ оглядки, летѣлъ и садился къ кликушѣ. Охота съ круговою уткою, когда она хорошо кричитъ, занимательна. Въ мѣстахъ, гдѣ селезни не напуганы, можно легко убить штукъ пятнадцать - двадцать въ утреннюю и вечернюю зорю. Случается такъ, что едва успеетъ крягнуть утка, какъ вдругъ спустятся къ ней нѣсколько штукъ селезней, и охотнику изъ шалаша легко положить тогда за одинъ выстрѣлъ двѣ - три штуки. Бываетъ и такъ, что опытный, уже стрѣлянный изъ шалаша селезень, сдѣлавши нѣсколько круговъ, зорко высмотрѣвши опасность, прямо

съ воздуха кубаремъ спустится на утку и, совершивъ свое дѣло, съ такою-же быстротою снимется съ нея и улетитъ. Впрочемъ хорошій стрѣлокъ съумѣетъ и изъ шалаша ловко срѣзать на подъемъ такого хитраго сластолюбца.

Едва начнетъ убывать вода, около 26 Апрѣля или въ первыхъ числахъ Мая, длинными вереницами потянутся гуси по направленію къ Бѣло-озеру. Первые стаи летятъ не останавливаясь; но какъ только покажутся изъ - подъ воды на поляхъ островки съ прошлогоднею жнивою, взерошенной разливомъ, гуси сейчасъ же дѣлаютъ ихъ остановочными пунктами, безчисленными стадами спускаясь для отдыха и ночлега. Нерѣдко стадо кочуетъ по такимъ островкамъ дня три и четыре, перелетая съ одного на другой и выбирая мѣста открытыя, чтобы издалека замѣчать всякую опасность. Но лишь только отъ убыли воды островки начинаютъ соединяться и образовывать большую сплошную сушу, стада гусей рѣдѣютъ, мало останавливаются для отдыха, дѣлаются чрезвычайно осторожны и наконецъ вмѣстѣ со слитіемъ воды совсѣмъ оставляютъ шексинскія окрестности. Въ добычу охотникамъ пролетныхъ гусей достается немного. Голыя мѣста, которыя они преимущественно избираютъ своимъ становищемъ, и чрезвычайная осторожность гусей дѣлаютъ эту охоту утомительною и малодобычливою; но зато достаточное количество истребляется ихъ крестьянами посредствомъ простыхъ заячьихъ капкановъ. По жнивѣ, около самой воды, на тѣхъ островахъ, гдѣ преимущественно любятъ приставать гуси, разставляютъ капканы, искусно прикрывая землю и жнивою. Гуси, бродя и щелуча мутную воду, попадаютъ въ нихъ лапой, а иногда и головой, — особый родъ честнаго промысла.

Всякой другой дичи: журавлямъ, куликамъ разныхъ породъ, бекасамъ, уткамъ всевозможныхъ видовъ, куропаткамъ, вальдшнепамъ, тоже, конечно, спуску не дается. Всего

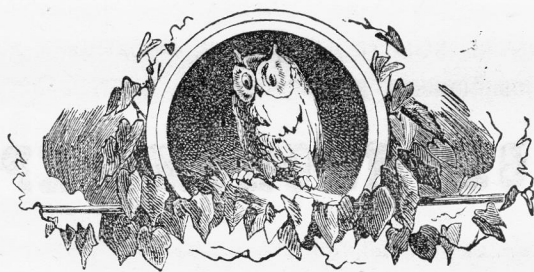
же больше страдают здѣсь несчастные курохтаны. Эти милонидныя птички показываются въ пришекснинскихъ окрестностяхъ огромнѣйшими стадами на убыли воды, по заплескамъ; но не на жнивахъ, не на мѣстахъ, гдѣ прошедшаго года былъ хлѣбъ, а на луговыхъ островкахъ любятъ онѣ бѣгать по зеленой травкѣ, около самой воды. Въ лодкѣ допускаютъ онѣ близко, и при этомъ всегда сгруживаются, такъ что за одинъ выстрѣлъ изъ широкаго ружья легко положить ихъ штукъ десять. Замѣчательно, что курохтаны здѣсь не долго держатся и со слитіемъ воды скрываются до слѣдующей весны — неизвѣстно куда.

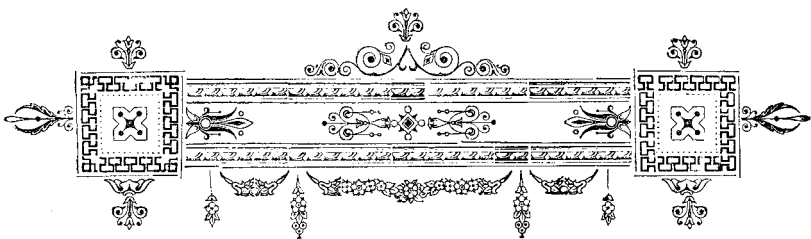
Охота въ весеннее время въ пришекснинскихъ мѣстностяхъ чрезвычайно увлекательна: большіе разливы воды, ночевки подъ открытымъ небомъ въ теплыя весеннія ночи, говоръ пролетной дичи, ея изобиліе и разнообразіе, въ состояніи разжечь хоть какого хладнокровнаго охотника. Вотъ почему такъ много здѣсь стрѣлковъ. Преслѣдованіе же ихъ положительно невозможно: разбѣгая въ легкихъ лодочкахъ по разливу, пришекснинскіе браконьеры всегда въ состояніи ловко улизнуть отъ сыщиговъ, еслибъ даже завести для этого особенную стражу.

II.

ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАѢ.

I.

Переселенцы.

1.

Мы на первомъ перегонѣ отъ Яренска къ Устьсысольску. Уже за полдень. Время холодное, морозное, но тихое. Трескъ сучка, постукиваніе дятла въ дулистое дерево, взвизгиваніе жолны — звучно отдаются въ воздухѣ. Солице свѣтитъ; но оно не похоже на яркое, лучезарное, ослѣпляющее солнце; это какая-то мѣдная лепешка катится по краю неба и горизонтальными лучами лѣниво и тускло освѣщаетъ уснувшія подъ снѣговымъ покровомъ окрестности. Лѣсъ такой печальный: густыя вѣтви елей и пихть, опущенныя мелкими иголками инея, повисли къ низу, макушки сосенъ какъ-то растопырились, разрѣдились, мелкая поросль пригнулась къ землѣ подъ тяжестію снѣговыхъ хлопьевъ. Холодно и пусто.

Вотъ слышались глухія понуканія и хлопанье гусеваго кнута. Вскорѣ показался изъ-подъ горы дорожный возокъ, довольно солидныхъ размѣровъ, обшитый цыновками. Его съ трудомъ вытягивали четыре тощихъ гячи. Ямщикъ, молодой неуклюжій парень, въ шангѣ - ушангѣ, въ оленьихъ

рукавицахъ длиною по локоть и бѣлыхъ катанигахъ, сидѣлъ на возлахъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою флегматическою лѣнью, какъ будто на печкѣ грѣлся. Возокъ поднялся въ гору. Ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, онѣ засѣменили мелкой рысью и наконецъ пустились вскачь. Впереди глубокой ухабъ; возокъ врѣзался въ него со всего размаха, угостивши сѣдоковъ чувствительнымъ толчкомъ.

Изъ лѣвыхъ дверецъ возка высунулась голова въ папахѣ.

— Ты что, Абрамъ, куда? спросилъ кто-то изъ возка.

— А вотъ посмотрѣть мѣста. Вѣдь въ *зырь*, батюшка, ѣдемъ, такъ-таки въ самую *зырь*, отвѣчалъ тотъ, кого называли Абрамомъ; чай, совсѣмъ особый народъ эти Зыряне? Ей, ямщикъ, слышь ты, парень, видалъ Зырянъ?

— Що надо? спросилъ ямщикъ, обернувшись къ спрашивающему и пріостановивъ для чего-то лошадей.

— Да ты поѣзжай, поѣзжай! олухъ царя небеснаго; можно и ѣхамши разговаривать-то. Зырянъ, молъ, видалъ ли?

— Зырянъ-те? Для-че Зырянъ не видать. Вотъ пріѣдемъ на станцу — и будутъ Зыряне.

— Что, чай, занятный народъ, а?

— Що?

— Народъ-то занятный, аль нѣтъ?

— Ничего; народъ, — какъ слѣдно быть, такой же; у меня жена изъ Зырянъ.

— Хороша?

— Ничего, баба.

— Экой пень! Да ты говори толкомъ.

— Чего толкомъ?

— Ничего; ну ты къ черту!

И голова въ папахѣ, ругнувъ ямщика мухоморомъ, скрылась въ возкѣ.

Позвольте, господа, познакомить васъ съ сѣдоками рогожного рыдвана.

Въ зырянскую сторону, въ Устьсысольскъ, въ этотъ глухой отдаленный городокъ, гдѣ нѣтъ проѣзжающихъ, а есть только пріѣзжающіе, тянулся въ этомъ возкѣ со святой Руси на службу вашу покорнѣйшій слуга. Переселеніе это я совершалъ по волѣ различныхъ враждебныхъ обстоятельствъ, преслѣдующихъ меня въ жизни съ удивительнымъ упорствомъ. Правда, имѣя отъ природы очень живучую натуру, я легко справлялся съ неудачами, хотя онѣ и били меня жестоко съ младенчества, съ семейнаго положенія, включительно съ воспитаніемъ, лицейской жизнью и, наконецъ, служебнымъ поприщемъ. Горе меня потомъ какъ-то не пробирало до сердца; я пріучился изнашивать его до тла и никогда не вспоминать объ немъ. Вотъ и теперь, въ самую лучшую пору моей молодости, выпалъ мнѣ жребій ѣхать на житье въ глушь, въ затолошь, въ лѣса. И въ какое время выпалъ этотъ жребій? Когда въ русскомъ царствѣ потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ, когда все молодое и помолодѣвшее, все — жаждущее свѣта и жизни, открыто выступивъ впередъ на бой со старьемъ и рухлядью, обсуживало съ энергіею юношескаго пыла вопросъ за вопросомъ и напряженно прислушивалось, какъ разрѣшится великое дѣло освобожденія крестьянъ, бывшее тогда еще въ самомъ началѣ, въ проэктахъ. Въ такое интересное, полное живой дѣятельности время, тяжеленько мнѣ было оторваться отъ мѣстъ, гдѣ всему этому предназначено въ очію совершиться, и тащиться въ трущобу, на стоячую воду. Но задавшись рѣшимостью никогда неунывать, не падать духомъ, я ѣхалъ не скучая. Я утѣшалъ себя мыслию, что въ зырянскомъ краѣ встрѣчу много любопытнаго въ жизни и нравахъ чуждаго мнѣ народа, интересные рассказы о промышленныхъ подвигахъ котораго сильно подстрекали мое любопытство, какъ охотника. Я былъ охотникъ, самый страстный охотникъ съ раннихъ лѣтъ, съ дѣтства. Припоминая

кое-что прочитанное о зырянскомъ краѣ, я надѣялся найти въ немъ широкое поприще для охотничей дѣятельности. Я также, какъ и многіе, представлялъ себѣ эту сказочную страну покрытою непроходимо-громадными лѣсами, въ которыхъ на просторѣ водится рябчикъ и глухарь, плодятся въ лѣсной чаще росомаха и невозмутимо покойно живетъ косматый медвѣдь. А въ болотахъ, на озерахъ, на рѣкахъ—какія, должно быть становища лебедей, гусей, утокъ различныхъ породъ... дичи, сколько дичи! — есть развернуться гдѣ на волѣ.

Мои стремленія, мысли и надежды вполне раздѣлялъ спутникъ мой Абрамъ, такой же пылкій охотникъ, ѣхавшій со мною на чужую дальнюю сторону изъ добры-воли—въ качествѣ прислуги. На личности Абрама мы остановимся подольше.

Представьте себѣ маленькаго, худенькаго, щедушнаго человѣчка, съ черными какъ смоль волосами, съ совершенно великорусскимъ оваломъ лица освѣщеннаго всегда ласковой, нѣсколько хитрой, но болѣе добродушной улыбкой. Абраму было далеко за 30 лѣтъ, но онъ удивительно хорошо сохранился, такъ что ему не давали и тридцати. Жизнь его шла обыкновеннымъ порядкомъ большей части крѣпостныхъ людей: до семнадцати лѣтъ былъ въ крестьянствѣ, на тяжелой работѣ, потомъ взятъ во дворъ. Онъ съизмала привыкъ къ ружью и охотѣ, на которую таскалъ его съ собой старшій его братъ, тоже охотникъ, но уже не того пошиба: то былъ охотникъ—изъ-за добычи, промышленникъ больше, *шкурятникъ*—значить. Абрамъ одаренъ былъ сильною воспримчивостію, любовію къ природѣ, которая отражалась въ немъ необыкновенно натурально и цѣльно. Поэтому изъ него вышелъ охотникъ не шкурятникъ, но наблюдатель, цѣнящій впечатлѣнія, любитель наслажденій охоты, а не выгодъ отъ нея. Еще въ дѣтствѣ бывали съ нимъ та-

кіе случаи, по которымъ можно было угадать въ немъ будущаго замѣчательнаго сподвижника на егерскомъ поприщѣ: когда онъ былъ лѣтъ одиннадцати, ему поручено было отъ семьи нянчиться съ сестренкой, дѣвочкой полутора года, болѣзненной и хилой. Онъ исполнялъ очень усердно свою обязанность, не разлучался съ ребенкомъ ни на одну минуту, и когда дѣвочка задавала ревку, утѣшалъ ее, чѣмъ только могъ. На бѣду, въ силу своихъ склонностей ко всевозможнымъ охотамъ, Абрамъ былъ большой любитель удить рыбу. Дѣвченка сидитъ около воды, роется въ пескѣ, играетъ камешками, а онъ поддѣваетъ себѣ уклейку на мушку. Случилось такъ, что ребенку не сидѣлось, надо было взять его на руки, а между тѣмъ рыба клевала необыкновенно хорошо. Что тутъ дѣлать? Нельзя же въ одно и то же время и Дуняшку держать и рыбу удить. Абрамъ ухитрился привязать дѣвочку платкомъ къ груди, устроивши ей очень удобное сидѣнье. Дѣвочка успокоилась, и ужение уклейки продолжалось успѣшно. Но вотъ одна плутоватая рыбешка какъ-то особенно затѣйливо клюнула и потянула поплавокъ въ рѣку, безпрестанно его окунывая. Надо было травить, т. е. дать свободу лесѣ. Абрамъ забрелъ по колѣна въ воду, — рыба все продолжаетъ тянуть поплавокъ въ рѣку. Онъ наклонился, вытянулъ руки впередъ, и дѣвченка въ эту самую секунду, потерявъ равновѣсіе, бултыхнулась въ воду. Съ стоическимъ хладнокровіемъ, не спуская глазъ съ поплавокъ, подхватилъ ее Абрамъ лѣвою рукою, стряхнулъ какъ мочалку и, держа на воздухѣ, не обращая никакого вниманія на плачь Дуняши, продолжалъ травить рыбешку и дождался таки наконецъ, что плутоватая уклейка погрузила поплавокъ и попала на удочку.

Какъ большая часть охотниковъ изъ простонародья, Абрамъ былъ суевѣренъ до крайней степени; примѣты, словца, заговоры, встрѣчи, окуриванья богородской травой, разные хи-

тины, какъ онъ выражался, были у него постоянно въ употребленіи, когда онъ отправлялся въ поле. Неудачи на охотѣ, частые промахи, отсутствіе дичи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось отыскать ее много, онъ относилъ къ продѣлкамъ стараго охотника, человѣка по природѣ очень тихаго, но крайне уродливаго: рябаго, съ огромнымъ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, всегда нечесанаго, со всклооченною сѣро-рыжеватою бородою. Старика этого звали Мирономъ Ивановичемъ. Онъ жилъ одиноко, бобылемъ, на задворкахъ села, около котораго находилась наша усадьба. Угрюмый, неповоротливый, съ развалистою тяжелою походкою, Миронъ Ивановичъ слылъ на околоткѣ знахаремъ, въ качествѣ котораго приглашался на свадьбы отъ порчи, лѣчилъ народъ травами, гадалъ на водѣ объ украденныхъ полотнахъ и лошадяхъ. Собственно этотъ то промыселъ Мирона Ивановича и внушалъ Абраму то суевѣрное негодованіе, которое онъ не скрывалъ, когда приходилось ему возвращаться съ охоты попомъ, т. е. съ пустыми тороками.

— Что, какъ поле? спрашивалъ я Абрама, возвращавшагося съ пустымъ ягдташомъ и недовольною фізіономіею.

— Да что, батюшка, безглазикъ подшутилъ, кривондасъ Мирошка; — пуделялъ все.

— Ты опять на него, Абрамъ; понапрасну старика обижаешь.

— Нѣтъ, ужъ это его штука: меня же угораздило сегодня мимо его кельи идти, а онъ въ эту пору рожу свою кривую въ окошко выставилъ, видѣлъ меня; а ужъ это такая старая собака, — на сѣнѣ лежитъ, сама не ѣстъ, другимъ не даетъ. Его штуки.

Года за три до отъѣзда въ Устьсысольскъ случилась съ нимъ разъ такая оказія: сдѣлалъ онъ шалашъ въ полѣ, на тетеревиномъ перелетѣ. Осень стояла въ тотъ годъ превосходная: тихіе, ясные дни, крѣпкіе утренники съ туманомъ; тетеревей вылетало бездна. Абрамъ каждое утро носилъ пары

по двѣ, по три. Я въ тотъ годъ всю осень страдалъ сильнымъ разстройствомъ груди, и потому неходилъ на охоту; но Абрамъ, возвращаясь съ поля съ добычею, всякій разъ прямо являлся ко мнѣ и рассказывалъ со всѣми подробностями свои охотничьи подвиги.

Въ одно утро Абрамъ, возвратившись съ охоты, не зашелъ ко мнѣ. Я послалъ за нимъ. Явился; фізіономія озабоченная, печальная.

— Что ты, Абрамъ, не зашелъ ко мнѣ? спросилъ я его.

— Да такъ, батюшка, некогда было.

— Не убилъ ничего.

— Нѣтъ, убилъ трехъ штукъ: черныша, да пару тетерокъ.

— Чѣмъ же ты встревоженъ? видно пуделялъ?

— Нѣтъ, не пуделялъ; да я такъ, ничего не встревоженъ.

— Нѣтъ встревоженъ; ужъ я вижу; расскажи, что случилось?

— Право ничего не случилось; это такъ со мной.

Такъ въ этотъ разъ и не допыталъ я его. На другое утро снова не зашелъ ко мнѣ Абрамъ; снова послалъ я за нимъ: ретивый охотникъ предсталъ еще съ болѣе печальною фізіономіею, совсѣмъ сентябремъ смотрѣлъ, хотя въ это утро охота была очень добычлива.

Я началъ спрашивать Абрама по настойчивѣе. Меня сильно заинтересовала эта никогда небывавшая, совершенно неестественная въ немъ озабоченность, тогда какъ и стрѣлялось удачно и дичи принесено было домой много. На всѣ мои распросы Абрамъ только отпѣгивался и вздыхалъ.

— Не опять-ли Миронъ пошутилъ?

— Ну его къ лѣшему! Погань помойная, старый отпопкъ окаянный!...

— Экъ ты его честишь; видно подозрѣнье есть, непременно что нибудь случилось!

— Ничего не случилось... все пустое, послѣ — скажу...

Но и послѣ не сказалъ Абрамъ; а между тѣмъ тревожное состояніе его увеличивалось болѣе и болѣе; онъ сдѣлался задумчивъ, съ лица спалъ, похудѣлъ.

Такъ прошло около недѣли. Въ одно утро, возвратившись съ охоты, вдругъ является онъ ко мнѣ въ необыкновенномъ волненіи.

— Батюшка, голубчикъ! поздравьте-ко меня съ богатымъ полемъ!

— Что такое случилось, что, рассказывай скорѣе, спросилъ я Абрама, заинтересованный его торжествующей фізіономіей.

— А вотъ слушайте, все расскажу по порядку.

Помните, — вы меня спрашивали, что я встревожень-то, печалень-то былъ; — вѣдь, я, батюшка, чуть съ ума не сошелъ, вотъ, вѣдь, какая оказія-то; вѣдь, чуть было, грѣха на душу не принялъ; собирался Мирона Ивановича бить; думалъ, — все это онъ, кривой песь, кому больше; слушайте-ко, что расскажу-то...

— Ну, слушаю, слушаю, — рассказывай.

— Шалашъ-то подъ тетеревей сдѣланъ у меня на углу въ поле; знаете, — такое высокое мѣстечко выдалось около наглапой сосны; ну, такъ вотъ тутъ. Тутъ самый сваль, главный самолетъ тетеревей. Да и удобно: двѣ березы такія кужлявыя стоятъ, ель высокая; у меня промежь нихъ, въ опушкѣ-то, въ мелкомъ вересняжкѣ и сдѣланъ шалашъ. Приходится такъ: прямо, къ полю, — сосна, назади, къ лѣсу, — ель, справа — береза и слѣва — береза. Ну, вотъ, я и стрѣлялъ; все шло благополучно, — каждое утро носилъ домой пары по двѣ, по три. Только помните, дѣнь восемь тому, утро было такое знатное, морозное, туманное. Залѣзъ я въ шалашъ ранехонько, сижу; слышу — куропатка гаркнула, тетеревъ въ лѣсу чувыкнулъ, я ему чувыкнулъ, — онъ от-

кликнулся. Такъ мы перечувывивались съ полчаса; летить, слышу... сѣлъ онъ съ правой руки на кужлявую березу, на самую вершинку. Стрѣлять ловко таково; рѣзнулъ,— свалился, какъ снопъ. Послѣ еще прилетали тетеревьѣ,— убилъ я въ то утро штуки три или четыре. Кончился вылетъ, иду собирать. Всѣ цѣлы, только перваго тетерева нѣтъ, убѣждалъ значить... Оказія! Близко стрѣлялъ, упалъ не совстрепенувшись и убѣждалъ! какъ это его хватило? На другое утро опять на ту же березу садится тетеревъ; приложился я вѣрно:— баць! свалился въ вереснякъ. Вересняжокъ мелкій такой около березы-то. Погодя немного тетерька прилетѣла на тотъ же присядъ,— и эту убилъ; потомъ пару еще на другихъ присядахъ убилъ; началъ собирать, — три штуки лежать, а перваго тетерева опять нѣтъ. Что за чудо,— ужъ это не даромъ: мнѣ сейчасъ помнилось на Мирона Ивановича. Заговорилъ, молъ, онъ этотъ присядъ. А какъ же тетерю-то убилъ? Коли-бы заговоренный былъ, и тетеря пропала бы. Не убѣждалъ-ли тетеревъ-то? Постой же, телерь я сдѣлаю опробацію, увижу. На слѣдующее утро взялъ ружье большое и всыпалъ въ него здоровеннѣшій зарядъ. Сижу. Какъ нарочно, опять первый тетеревъ взгромоздился на кужлеватую березу; царанулъ я его такъ, что нани кверху подбросило, пыжи долетѣли до того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ и повисли на сучьяхъ, а онъ, заломивши крылья, тряннулся о землю, какъ кусокъ глины. Сумленья нѣтъ,— убилъ. Послѣ еще три тетерьки прилетали,— всѣхъ ухайдачилъ. Сталъ собирать, — дивное диво,— перваго тетерева и слѣдъ простылъ, опять не нашель. Вотъ тутъ ужъ у меня, что называется, и умъ раскорячился, окуриться, молъ, надо богородской травой, да приговоръ прочитать, а то этакое странное дѣло ужъ конечно не чловѣчье: лѣсной шутить,— Мирошка кривоглазый напустилъ. Ну, вотъ, ладно; давай я окуриваться богородской травой, приговоры отъ призоры какіе зналъ, всѣ перечиталъ, отъ

трехъ пороговъ щепочки отнималъ, ничего не помогало, — какъ ни убью тетерева на этой проклятой березѣ, точно сквозь землю провалится, исчезнетъ! Тоска на меня такая напала, нигдѣ мѣста не могу найти, куда ни пойду, что ни дѣлаю, — все думаю, что-бы это такое значило. Похудѣлъ, отъ хлѣба отбило. Только позавчера сижу я въ шалашѣ, — рано забрался, — чуть свѣтать стало. Куропатки на озимь вылетѣли, кудахчуть; двѣ подбѣжали къ самому шалашу, — убилъ одну. Вотъ свѣтать начало, вылету нѣтъ. Ужъ немного тетеревей-то осталось; мало-ли я ихъ перещелкалъ. Заря разлилась яркая такая. Слышу, — крылья свистятъ: глухарь летитъ и прямехонько на эту березу. Лѣпился, лѣпился, — сучья-то гнутся, наконецъ усѣлся на вершину. Я его рѣзнулъ, — повалился; я сейчасъ-же изъ шалаша вонъ, подъ березу — нѣту глухаря, пропалъ; я метаться туда, сюда по кустамъ, гляжу около кочекъ, подъ огородомъ, — нѣтъ. Съ досады въ волосы себѣ вцѣпился, слезы прошибли. Только нечаянно и взгляни я на поле; что же вижу: черезъ поле-то наискосокъ лисица, матерѣющая такая и тащить моего глухаря за шею. Да, вишь, тяжело — птица-то не по силѣ, она и не можетъ скоро бѣжать-то. Вотъ, какъ только увидѣлъ я эту статью, тутъ-то и сдогадался, кто воровалъ моихъ тетеревговъ. Вотъ-те и Миронъ Ивановичъ, и дѣдушка лѣсной, и богородская трава. Она, стерва, каждое утро забиралась въ вересовые кусты, что около присяда, и выжидала добычи, а тамъ подхватить и удереть мелочами-то, — а изъ шалаша-то не видно. Вотъ, вѣдь, оказія-то какая! Давай я разсматривать около присяда все въ подробности, отыскалъ я и мѣсто, гдѣ она пряталась: шагахъ въ трехъ отъ присяда вересовый такой кустичекъ бѣлоусомъ обросъ, — умято въ немъ, — изъ него она на тетеревовъ и бросалась. Вчера съ вечера поставилъ я капканъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приходится ей прыжокъ сдѣлать. Землицей позасыпалъ,

мошкомъ поприкрылъ. Пошелъ сегодня утромъ; на мое счастье прилетѣла тетеря на персядину, — я ее убилъ; только она свалилась, слышу, — какъ заверещало благимъ матомъ. Втяпалась голубушка... Посмотрите-ка, батюшка, какая знатная!

Абрамъ вышелъ за двери и оттуда выбросилъ за пушистый хвостъ на середину комнаты матерую красную лицицу.

Въ тотъ же годъ случилась съ нимъ другая подобная оказія. Всю зиму ловилъ Абрамъ волковъ въ капканы; но ловилъ незадачливо: въ добычу досталось что - то очень немного: одна или двѣ штуки. Наступилъ великій постъ, пошли утренники, закрѣпило настъ, — волкъ бросилъ трону и пошелъ бродить, гдѣ вздумается: капканы уже не годились въ дѣло; надо было приниматься за другіе способы; Абрамъ началъ отравлять. На загородѣ была у него выкинута пропадина, издохшій быкъ - годовикъ. Около него раскидывалъ онъ куски отравы и каждый день на разсвѣтѣ бѣгалъ провѣдывать, не окормился-ли волкъ. Волкъ не окормливался, я подтрунивалъ надъ Абрамомъ.

— Много-ли собакъ отравилъ, Абрамъ?

— Ни одной...

— А волковъ?

— Тоже ни одного.

— А сорокъ?

— Сорокъ-то двѣ отравились.

— Ну, и то хорошо, — все же добыча, братецъ... По чѣмъ шкурки продавать думаешь?

— Ладно, — смѣйтесь; притащу вамъ сѣряка матераго, такъ изъ одной шкуры шуба выйдетъ.

— Да на словахъ - то чего не можетъ быть?

— А вотъ увидите!

— Хорошо, увидимъ.

Но не привелось мнѣ увидѣть сѣряка: весь постъ про-

шелъ, а въ добычу не досталось ни одного волка. Въ страстную субботу Абрамъ посягнулъ на самое рѣшительное средство — поставить самострѣль.

— Что ты, Абрамъ! да вѣдь ты подь уголовщину попадешь — убьешь когонибудь, — предостерегалъ я его.

— Кого убить въ такое время: всѣ за службой будутъ.

— А что-же отравато, развѣ не дѣйствуетъ?

— Не берутъ проклятые, — слышать видно; ничего съ ними не подѣлаешь отравой.

— Да есть-ли волки-то?

— Два ходять; и сегодня у пропадины были, весь бокъ выѣли, ночью опять придуть; безпремѣнно самострѣль слѣдуетъ поставить

— Смотри, не попадись! самострѣлы строго запрещены, — попадешься — бѣда...

— Не понадусь, — до свѣту завтра уберу все. Кто пойдетъ въ такое время ночью шататься по лѣсу?

Поставилъ Абрамъ самострѣль и не спалъ цѣлую ночь. Ударили въ колоколъ къ заутренѣ; народъ въ церковь, Абрамъ къ пропадинѣ.

Я, беспокоясь, чтобы кто-нибудь случайно не набрелъ на самострѣль, съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Абрама.

Еще темно было, когда прибѣжалъ онъ со своего промысла въ сильномъ волненіи.

— Что случилось? не угомонилъ ли кого? говори скорѣе, пожалуйста, — спрашивалъ я, перепуганный ненормальнымъ состояніемъ моего охотника.

— Слава Богу, ничего не случилось, а казусъ вышелъ, — отвѣчалъ Абрамъ.

— Какой тамъ еще казусъ?

— А такой ли казусъ, какого сродясь со мною не бывало. Самострѣль-то поставить я поставилъ, да и не радъ, — сто разъ скаялся; поди мнѣ это на мысль, что завтра эта-

кой великій празднигъ, птица гнѣзда не вьетъ и всякая тварь славословить Господа, а я — на-ка, поди, — на жизнь животнаго посягаю; грѣшно, думаю, не пройдетъ мнѣ это даромъ; ворогъ силенъ, — напутить онъ со мной... Такъ это я раздумался, что ночью же хотѣлъ бѣжать, — снять самострѣль. Вотъ къ заутренѣ въ колоколь ударили, плошки зажгли на колокольнѣ; еще пуще совѣсть меня стала зазреть, что я на такой день кровь пролью; не стерпѣлъ, побѣжалъ къ пропадинѣ. Темно было. Вѣтерокъ подуваль; мѣсяць по тучкамъ попрыгиваль; то вдругъ свѣтленькая полоска пробѣжить по снѣгу, то опять темно. Бѣгу я, знаете, шибко таково, перелѣзъ черезъ осѣкъ, сталь подходить къ пропадинѣ, что же вижу: глазамъ своимъ не вѣрю... Господи милостивый!.. пропадина-то молится: стала на заднія то ноги, да такъ и киваетъ головой-то, такъ и киваетъ. Страхъ на меня напалъ такой: — руки не могу приподнять перекреститься, всѣ молитвы изъ головы вонъ повыскочили; въ колокола ударяють къ христовской заутренѣ, а пропадина молится себѣ, да молится. Нѣтъ, думаю, — не можетъ быть такого чуда, дай, подойду ближе; подвинулся еще шаговъ на десять, — молится пропадина да и конецъ дѣлу. Тутъ ужъ изъ ума вонъ меня выкинуло, палъ я на колѣна, «да воскреснетъ Богъ!» закричалъ; и, зная, закричалъ-то ужъ не путемъ, потому что въ ту же минуту пропадина пала, и изъ нея выскочилъ матервующій волчище и на утекъ. Опамятовался я, подхожу, — что же бы вы думали? угораздилъ его неумытый подойти къ пропадинѣ-то сзади, да, видно, побоялся онъ расположиться около нея чередомъ-то, ухватилъ за рѣпицу, да и тянетъ, и тянетъ; пропадина и поднимись на заднія мостолыги и кланяется, да и кланяется; ну, молится да и всё тутъ. Каковъ, батюшка, казусъ-то?

— Хорошъ казусъ; хоть до кого, такъ струхнетъ; да какъ же ты волка-то не разглядѣлъ?

— За пропадиной былъ, окаянная сила, не видать...
Такъ меня перепугалъ, до сихъ поръ руки и ноги дрожать.

— Что-же самострѣль-то?

— Самострѣль не выстрѣлилъ: морозно было, пистонъ не разбился; слабовата пружина у замка; да теперь не увернется...

Дѣйствительно волкъ этотъ впоследствии достался таки Абраму въ добычу.

2.

Отправляясь съ береговъ Шексны въ зырянскую сторону, мы представляли Вологодскую губернію вообще лѣсиной, глушью; да и какой еще лѣсиной, какой глушью: пустынные моховыя болота, зыбучія топи съ провалами, — тинистыя гнилыя озера съ пловучими островами, боровыя протяженія съ исполинскими хвойными деревьями, дремомъ-дремлющими подъ дикою природою дальняго сѣвера, а тамъ, далѣе, въ сѣверо-восточный уголь губерніи, громадныя пустыри, рѣдкое населеніе, дикая природа, съ такимъ же дикимъ сыномъ лѣсовъ — промышленникомъ-зыряниномъ.

Такая-то картина рисовалась въ нашемъ воображеніи о пространствахъ Вологодской губерніи. Но въѣхавши въ неё, мы на первыхъ-же порахъ поражены были не громадностью непроходимыхъ лѣсовъ, а совершеннымъ ихъ отсутствіемъ: около Вологды, почти на тридцать верстъ въ окружности, лежала степь съ оазами, состоявшими изъ приземистыхъ чахлахъ кустарниковъ; затѣмъ далѣе, углубляясь отъ Вологды на сѣверо-востокъ, мы встрѣчали тѣ же поля, какъ и въ средней полосѣ Россіи, тѣ же села и деревни — гдѣ черезъ поле, гдѣ черезъ небольшіе перелѣски: какъ разъ тотъ-же обликъ русской сѣренькой, незатѣйливой природы, не поражающей васъ величественными образами горъ, вершины которыхъ вздымались-бы выше облаковъ ходячихъ, но согрѣвающей душу про-

стотою того знакомаго роднаго ландшафта, къ которому такъ привыкъ обитатель средней полосы Россіи. А лѣса, эти громадные, пресловутые темные лѣса, когда экипажъ нашъ поднимался на лысину какого нибудь пригорка, мы видѣли далеко раздвинутыми по сторонамъ отъ селеній. Черною массою стлались они и направо и налево, исчезая въ туманной дали подъ горизонтомъ.

Вотъ станція Межадоръ, раздѣльный пунктъ зырянъ отъ русскихъ. Къ ней подкатился нашъ возокъ, изъ котораго съ любопытствомъ высочилъ Абрамъ, приготовясь найти достойное удивленія, но встрѣтилъ ту же русскую рѣчь, тотъ же сѣрый мужицкій зипунъ, тулупъ, полушубокъ, шапку-ушанку, ту же добродушную, истертую нуждою и тяжелою грубою жизнію крестьянскую фizioномію, все то же, что и на прошедшей станціи—и въ самомъ дѣлѣ удивился.

— Такіе же!... проговорилъ онъ съ досадою, не обращаясь исключительно ни къ кому.

— А ты что думалъ? спросилъ я его вылѣзая изъ возка.

— Я думалъ, — народъ другой.

— Да и въ самомъ дѣлѣ другой; это зыряне; у нихъ свой языкъ есть. Поговори съ ними — узнаешь.

Я пошелъ въ комнату станціоннаго домика. Первая особенность при этомъ была та, что не лебезилъ предо мною подрядчикъ лошадей, не кланялся униженно станціонный писарь. Эти двѣ непремѣнныя личности каждой почтовой станціи здѣсь—какъ-то не лѣзли въ глаза изъ-за подачи на водочку. Въ комнатѣ тепло и чисто; два большіе, широкіе дивана по стѣнамъ, круглый столъ, покрытый клеенкою, часы въ долговязомъ футлярѣ, зеркало, портретъ, правила почтоваго вѣдомства,—словомъ точно такая же обстановка, какъ и на сорока пяти проѣханныхъ доселѣ станціяхъ. Я подошелъ къ печкѣ и началъ грѣть руки, прикладывая ихъ къ теплымъ кирпичамъ. Потомъ прошелся взадъ и впередъ нѣсколько разъ, посмотрѣлъ

въ окно, по морозъ такими узорами загрентовалъ стекла, что сквозь нихъ ничего нельзя было видѣть. На столѣ лежала книга для вписыванія жалобъ. Я, отъ нечего дѣлать, развернулъ ее; на первой страницѣ было написано: «ямщики на этой станціи всѣ необразованные невѣжи: надѣлали мнѣ дерзостей; жалуюсь на это почтовому начальству. Марія,—дочь генерала Золотова». Противъ жалобы отмѣчено: «претензію оставить безъ послѣдствій». Остальные листы книги были бѣлые. Снова подошелъ я къ окну, подышалъ на стекло и сквозь оттаявшее пятно увидѣлъ, что ужъ закладываютъ въ возокъ послѣднюю лошадь. Скоро повернулись зыряне. Я натянулъ шубу, нахлобучилъ шапку и вышелъ.

Абрамъ велъ разговоръ съ рыжимъ, толстенькимъ, приземистымъ зыряниномъ, взгромоздившимся, по обязанности ямщика, на козлы возка.

— Ну, а ложка—какъ? спрашивалъ Абрамъ.

— Пань! отвѣчалъ зырянинъ.

— А какъ—хлѣбъ?

— Нянь.

— Какой, право, диковинный языкъ! всѣ слова на одну колодку смахиваютъ.

— Ну, а какъ сказать: «дай мнѣ воды и хлѣба»? продолжалъ любопытствовать Абрамъ.

— Вай мѣнымъ ва и нянь, отвѣчалъ ямщикъ.

Абрамъ повторилъ.

— А вѣдь просто, право—просто; научусь по зырянски, пріѣду домой и буду говорить.

— Съ кѣмъ-же ты будешь говорить, коли у насъ не знаютъ по зырянски? спросилъ я.

— Въ томъ-то и штука-то... Удивляться стануть: по иностранному, скажутъ, знаетъ, уваженья больше будетъ.

Проѣхали еще нѣсколько зырянскихъ станцій; на каждой изъ нихъ давали намъ очень аккуратно и проворно лошадей,

везли хорошо и скоро. На каждой Абрамъ бесѣдовалъ объ охотѣ, ружьяхъ и стрѣльбѣ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Устьсысольску, тѣмъ больше впрягали лошадей въ нашъ возокъ, пристегивая ихъ какъ попало, гдѣ по двѣ въ рядъ, гдѣ гуськомъ, одна-за одной. Съ послѣдней повезли на восьми, съ двумя вершинами.

Въ Устьсысольскѣ пріѣхали мы ночью. Возокъ подкатилъ къ большому довольно красивому дому.

— Куда ты насъ привезъ? спросилъ я ямщика.

— Къ Назаръ Иванъ.

— Къ какому Назаръ Иванъ?

— Къ Назаръ Иванъ Сбоевъ.

— Кто такой Назаръ Иванъ Сбоевъ?

— Хозяинъ станцы.

Вѣроятно колокольчикъ нашъ былъ услышанъ, потому что въ домѣ зашевелились, послышался скрипъ шаговъ, стукъ запора, наконецъ отворились ворота и кто-то прокричалъ «въѣзжайте»!

Я выбрался изъ возка и взшелъ въ чистыя, опрятныя комнаты, черезчуръ роскошныя для станціи. Едва я успѣлъ пообогрѣться и спросить самоваръ, какъ явился Назаръ Ивановичъ Забоевъ, хозяинъ дома и содержатель станціи. Это былъ мужчина средняго роста, лѣтъ сорока пяти, плотно сложенный, чернородый, съ правильными рѣзкими чертами, подходящими болѣе къ жидовскому типу, нежели зырянскому. Онъ пощелкивалъ кедровые орѣшки, скорлупу отъ которыхъ чрезвычайно ловко выплевывалъ въ кулакъ.

— «Купецъ Забоевъ, здѣшній; просимъ познакомиться, проговорилъ онъ частоговоркой и откашливаясь, какъ будто у него першило въ горлѣ.

— «Очень радъ, Назаръ Ивановичъ; прошу не оставить вашимъ вниманіемъ; не стѣснилъ ли я васъ своимъ пріѣздомъ: это, кажется, ваши домашнія комнаты.

Да, мы здѣсь живемъ, и приѣзжающіе останавливаются, — потому—станція... содержу; а вы писали... для васъ квартира нанята.

Дѣйствительно недѣли за двѣ до отъѣзда моего въ Усть-сысольскъ я писалъ къ господину, подѣ начальствомъ котораго обрелъ меня судьба служить, о присканіи квартиры и потому очень обрадовался, услышавши отъ Забоева, что просьба моя была исполнена.

Подали самоваръ.

— «Не угодно ли чайку напитокъ вмѣстѣ? предложилъ я Забоеву.

— «Нѣтъ; бывшее дѣло, благодаримъ; да и позднее, на боковую пора; спокойной ночи-съ!

Забоевъ откланялся; я принялся за самоваръ. Явился Абрамъ.

— Что Абрамъ?

— Ничего; все выносили. Вы слышали, квартира нанята?

— Забоевъ сказывалъ; а ты какъ узналъ?

— Да работникъ его сказывалъ; здѣсь приѣзжій-то надиво, такъ все про него знаютъ.

— Не спрашивалъ—хороша-ли?

— Хорошая, говорятъ, только внизу; хозяйка Дьяковой прозывается; такая, сказываютъ, хлопъ баба, что на—поди!

На другой день отправились мы съ Абрамомъ осматривать квартиру.

Городъ погруженъ былъ въ сугробы снѣга; но чистенькіе домики, правильныя и широкія улицы, высокая мѣстность, произвели на меня пріятное впечатлѣніе. Пройдя вдоль главной улицы, мы повернули къ собору и вышли на берегъ. Здѣсь намъ указали домъ чиновника Дьякова, сѣренькое двухъ-этажное зданіе. Мы поднялись на верхъ и взошли въ прихожую; звонка не было, двери не заперты: въ Устьсысольскѣ жили по простотѣ, на-распашку.

Насъ встрѣтила хозяйка, женщина лѣтъ подь пятьдесятъ, но чрезвычайно свѣжо сохранившаяся; замѣтно было, что въ свою молодость она принадлежала къ весьма красивымъ особамъ.

Послѣ я узналъ, что Николай Ивановичъ Надеждинъ, когда сосланный въ Устьсыольскъ, вывелъ ее въ своемъ разсказѣ, напечатанномъ въ «Утренней Зарѣ». Тамъ онъ называлъ ее хорошенькой, бойкой Зыряночкой; но въ настоящее время бойкая Зыряночка представляла очень увѣсистую фигуру.

— Слышала, батюшка, что вы пріѣхали, заговорила хозяйка, усадивши меня въ гостиную; отъ Забьева прібѣгали сказать ранехонько: жилецъ, говорятъ, вашъ пріѣхалъ, чтобъ квартира была готова. Сами вѣдь въ комнатахъ — то живутъ, для станціи особаго помѣщенія нѣтъ, ну и стѣсняются чужимъ человѣкомъ. Пожалуйте посмотрѣть.

Спустились внизъ. Комнаты оказались низеньки, но чистенькія, кухня особо — черезъ сѣни; мебели довольно; на первыхъ порахъ, принимая въ соображеніе дешевизну: четыре рубля въ мѣсяцъ съ дровами, — жить можно.

— Вотъ съ Богомъ и переѣзжайте: комнаты натоплены и вымыты; только уговоръ лучше денегъ: у васъ собачка, говорятъ, есть, чтобъ куроку моихъ не гоняла; этого я не люблю; да человѣкъ у васъ есть, чтобъ въ огородъ ко мнѣ не ходилъ — морковь да брюкву таскать, да чтобъ онъ неприличныхъ словъ вслухъ не произносилъ, дочка у меня, нехорошо для дѣвушки.

— Будьте покойны, сударыня: собака моя ходитъ только за лѣсными курками, а домашнихъ не трогаетъ, да и курки ваши теперь еще не гуляютъ, и морковь ваша и брюква, полагаю, еще не растутъ, потому что въ огородъ нашемъ на сажень снѣгу; что же касается до неприличныхъ словъ, то мы ихъ никогда не говоримъ, да и у дѣвушки ушки золотомъ завѣшены.

— Да вѣдь это я, батюшка, на всякій случай, такъ для переды сказала, потому въ прошедшемъ годѣ былъ у меня постоялецъ, тоже съ своей прислугой жилъ; наказаніе!.. лакеишка его все повытаскала изъ огорода, и такой-ли мерзавецъ: что ни ступить, то скверное слово во все горло; а тутъ Оленька у окошка, нехорошо.

Въ тотъ-же день мы совсѣмъ перебрались на квартиру и устроились хозяйствомъ, какъ слѣдуетъ.

Дня черезъ три Абрамъ подозвалъ меня къ окну.

— Посмотрите-ка, батюшка, сюда, поправѣ вотъ этой избенки, что стоитъ на берегу, видите на той сторонѣ ельникъ — это мѣсто островомъ прозывается, потому — рѣки его окружаютъ со всѣхъ сторонъ: отсюда — Сысола, лѣвѣе — Вычегда, а тамъ, за островомъ, — Потеряй. Все это пространство по веснамъ заливается водою. Смотрите потомъ дальше, прямо, — видите — черная такая полоса, это темные, растенные лѣса, и конца, говорятъ, этимъ лѣсамъ нѣтъ, и живутъ въ этихъ лѣсахъ всякое звѣрье, и всякая птица лѣсная; теперь смотрите-ка налѣво, видите — кусточки - то ракизовые — это Вычегда около нихъ течетъ, большая, говорятъ, рѣка и дюжо рыбацкая; а въ ракизовыхъ кусточкахъ этихъ бѣлая куропатъ по зимамъ держится, думаю, туда съ ружьишкомъ накатить.

— Откуда ты всю эту географію узналъ, Абрамъ?

— Здѣшніе сказывали, разспросилъ. Здѣсь народъ важнѣющій, простой и словоохотный. Меня ужъ приглашали лѣсовать: все, говорятъ, тебѣ покажемъ, всѣмъ здѣшнимъ охотамъ научимъ, по хорошимъ мѣстамъ выводимъ. На первой недѣлѣ великаго поста партія собирается дней на пять; я бы съ ними пошелъ, берутъ, и лыжи общали.

— Что-же, съ Богомъ; только вынесешь - ли ты эту охоту? съ непривычки будетъ тебѣ трудненько тянуться съ Зырянами.

— «Ничего не трудно: на лыжахъ я хожу ужъ вѣрно не хуже ихъ, ночевки-то лѣсныя знаю: приваживалось подъ небомъ ночевать, а у нихъ для этого, говорятъ, избушки по-надѣланы. Котелокъ съ собой возьму, компасъ, чтобъ не заблудиться. Непремѣнно пойду: надо-же научиться здѣшнимъ охотничьимъ порядкамъ.

Рѣшено было на первой недѣлѣ поста, до котораго оставалось еще дней двѣнадцать, отправиться Абраму съ зырянскими охотниками въ лѣсовье.

II.

БѢЛЫЙ Боръ.

Абрамъ скоро успѣлъ ознакомиться со всѣми ближайшими къ городу промышленниками охотниками. Онъ много разъ ходилъ съ ними лѣсовать, отлучаясь на цѣлыя недѣли въ лѣса, охотился за бѣлкой и рябкомъ, ставилъ капканы на росомаху, силки на горностаю, пасти и слопы на тетеревей и зайцевъ; подстерегалъ на извилистыхъ, крутоберегихъ лѣсныхъ рѣчкахъ выдру, отравлялъ лисицу, преслѣдовалъ гоньбой на лыжахъ оленя и такимъ образомъ узналъ до тонкости охотничьи промыслы зырянъ.

Но не такъ занимала насъ зимняя охота на лыжахъ, трудная и изнурительная для новичковъ; въ этой охотѣ приходилось преодолевать не свычныя препятствія, начиная съ огромныхъ пространствъ до ночлеговъ въ курныхъ зырянскихъ зимовкахъ, среди густыхъ лѣсовъ, часто во время сильныхъ снѣжныхъ урагановъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали весны. Воображеніе наше, разогрѣтое мѣстными рассказами, рисовало цѣлый рядъ добычливыхъ полей въ вешнюю, лѣтнюю и осеннюю пору и самую разнообразную егерскую

охоту на здѣшнихъ истинно прекрасныхъ мѣстахъ, представляющихъ такую дикую ширь, такой неограниченный просторъ.

1.

Апрѣльскіе дни и ночи теплы и ясны. Рѣки Сысола и Вычегда очистились отъ льда и, отъ постоянной прибыли воды, и увеличиваясь и расширяясь, быстро катили свои воды. По нагорному, овражистому берегу Вычегды бурѣли только что обтаявшія пашни, а противоположная луговая сторона вся захлебнулась весеннимъ разливомъ.

По временамъ тянули вереницами гуси, лебеди, утки; изрѣдка съ грязныхъ полей слышенъ былъ свистъ кроншнепа и курлыканье журавлей. Чирки по зарямъ сновали туда и сюда, быстро разсѣвая воздухъ при своихъ перелетахъ; фомга-разбойникъ пискомъ пицалъ, ловя маленькую рыбешку, и далеко разносились въ прозрачномъ воздухѣ, по тихой поверхности широкаго разлива, громкіе, однообразные крики чаекъ.

Не усидѣть дома въ такое время охотнику. Такъ и тащитъ его къ ружью, а отъ ружья къ созерцанію природы, обновленной жизнью прилетныхъ птицъ. Душа такъ и рвется на широкій просторъ, на гладкую, зеркальную поверхность воды, въ которую, опрокинувшись, смотрится обновляющаяся природа. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я свободнаго времени отъ моихъ занятій, чтобы отправиться по разливу въ легкой лодочкѣ куда нибудь на островъ, въ ночевку.

— На охоту бы, Абрамъ, надо?

— Давно пора, батюшка, вся дичь прилетѣла.

— Буда же ѣхать-то? Мѣста здѣсь все незнакомыя.

— Да поѣдемте въ Озёла; мѣста тамъ привольныя, утки много; тетеревей-съ подъѣзду найдемъ.

— Ну, тебя съ утками! Миѣ бы хотѣлось пострѣлять

тетеревей на току, гдѣ-бы большой былъ слѣтъ, чтобы было надѣ чѣмъ потѣшиться.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало... Поѣдьте на Бѣлый-Боръ.

— Хорошее мѣсто?

— Ужъ такое ли мѣсто,—что и во снѣ не приснится такого!

— А токъ великъ?

— По насту много тетеревей слеталось. Если Зыряне не передавили петлями—побухаемъ!

— Намъ бы кого нибудь взять для гребли въ распашныя весла.

— Алѣшку возьмемъ, парень здоровый; къ тому же здѣшній охотникъ—всѣ мѣста знаетъ.

— Ну, такъ Алѣшку; сходи за нимъ. А лодка готова?

— Со всѣмъ готова: пробита и просмолена, и весла и бесѣдки сдѣланы,—садись, да поѣзжай.

— Хорошо, непременно ѣдемъ въ ночевку. Приготовь съ собою взять котелокъ, крупы для кашицы, молока, масла, самоваръ, погребецъ, постельники и все прочее, чтобы было не холодно и удобно ночевать.

Когда было все изготовлено и уложено въ маленькую, легонькую лодочку, явился Алексѣй, плечистый, молодой Зырянинъ, готовый отъ искренняго сердца на всевозможныя послуги. Сѣли и поѣхали.

Вскорѣ между Алексѣемъ и Абрамомъ завязался разговоръ.

— Много-ли надавилъ тетеревей-то? спросилъ Абрамъ.

— Нынче мало; почитай что ничего не поймалъ, отвѣчалъ Алексѣй.

— Ну, ужъ и заведенье ваше проклятое, нечего сказать—все петлями давятъ: утку въ петлю, куропатку въ петлю, тетерева въ петлю, глухаря въ петлю, рябчика въ

петлю; оленя—и того въ петлю ловятъ. Хитреющій народецъ, истошники, даромъ что увальнями смотрятъ.

— Зырянину зарядъ дорогъ; а это и дешево и прибыльно.

— Прибыльно! что въ вашей прибыли-то: самому потѣхи нѣтъ, а дичи переводъ. Здѣсь тетеревиныхъ токовъ совсѣмъ не стало: на слуху-то одинъ, много два. По зарѣ выйдешь, не услышишь голоса тетеревиного. У насъ мѣста не противъ вашихъ: урема, болота, въ подметки не годятся къ вашимъ; а выйди-ко по зарѣ, такъ только становастойть, во всѣхъ сторонахъ токують; а все отъ того, что нѣтъ заведенія давить петлями.

— Да тетеревъ петель-то меньше боится, нежели ружья, возразилъ Алексѣй.

— Охъ ты, толстоголовый! Меньше боится... Какъ же не меньше. Вотъ, батюшка, разсудите вы наше дѣло, — обратился Абрамъ ко мнѣ, — наставятъ они на тетеревиномъ току петель не одну тысячу, все въ крючки, въ разныхъ мѣстахъ, такъ, что гдѣ ни сядь тетеревъ, и попалъ; а какъ попалъ, заголоситъ сердечный, какимъ-то особеннымъ крикомъ и начнетъ биться, да бьется съ часъ времени, такъ что все стадо съ току поднимется: какъ сумасшедшіе полетятъ. Хоть и дураки тетеревьѣ-то, да, вѣдь, слышать и видать, что недаровуха случилась съ товарищемъ.

— Тетереву-то все равно умирать-то, что отъ ружья, что отъ петли, снова возразилъ Алексѣй.

— Вотъ, поди, толкуй съ нимъ! Да вы, головы, то подумайте, кого вы давите на току-то? Токовиговъ вѣдь, да тетерь давите! Токовигъ на токъ летитъ всѣхъ раньше, садится безъ всякой опаски, прямо на землю, больше всѣхъ бѣгаетъ—первый и попалъ. А какъ на току-то поймають штукъ десять токовиговъ, весь токъ и пошелъ въ разбродъ. Вѣдь токовики главители: безъ нихъ току не можетъ быть.

Опять тетерьки-то, сердечныя, чѣмъ виноваты. Какъ прилетѣли на токъ, начали ростица, да бѣгать—и въ петлѣ, и въ петлѣ. Только тетерь, да токовиковъ и ловять. Знамо дѣло—переводъ дичи: безъ токовика току нѣтъ; тетерь, если и спасется кабая отъ петли, не съ кѣмъ поняться. Наше же дѣло совсѣмъ не то: я сдѣлалъ на току шалашъ, выставилъ чучела, залегъ съ вечера и дожидаясь утренней зари. Прилетитъ токовикъ, я его не бью. Еще иной, проказитель, на шалашъ усядется, да воркотню подыметъ; а миѣ и горя мало, хоть въ шалашъ забейся, — не трону. Прилетитъ тетеря—не бью. А вотъ, пожалуйеть приватный, сядетъ на присядь,—мой! Да я на хорошемъ-то току пятьдесятъ штукъ приватныхъ убью, а тока не порѣшу. У меня и токовики цѣлы, и тетери цѣлы. И смерть-то отъ ружья минутная: выстрѣлили, свалился тетеревъ, вострепенулся раза три, и капуть. Остальные даже и не слетятъ. А то, помнишь, при насъ попалъ токовикъ въ петлю; сердце, вѣдь разрывалось глядя на его мученья: захопоталъ, закеркалъ: и брюхомъ-то кверху повернется и крыльями-то бьетъ, перья летятъ, какъ изъ подушки, съ часъ времени, сердечный, мучился, потомъ захрипѣлъ и подохъ. А остальные тетерева, какъ дождь, въ разныя стороны разлетѣлись. Такъ вотъ ваша навадка-то какова. Строгое бы запрещенье сдѣлать вамъ—не давить дичи петлями весной.

— Правда, Алексѣй; ловля петлями ужасный переводъ дичи; вы ее безсовѣстно губите, сказалъ я.

— О чемъ же я и толкую-то, заговорилъ Абрамъ, переводъ дичи такой, какого хуже и не выдумашь.

— У насъ ужъ заведенье такое, промолвилъ Алексѣй, всѣ ловять петлями отъ стараго до малаго.

— Вотъ, нашелъ чѣмъ хвастать. Это еще хуже, что всѣ ловять. У васъ, Зырянъ, гдѣ только можно, ужъ безпремѣнно петля виситъ. Недѣли двѣ тому одинъ охотникъ

изъ вашихъ позвалъ меня на рѣчку въ Озела стрѣлять утокъ. Съ прилету утки, говоритъ, всегда пристають на этой рѣчкѣ. Со свѣтомъ пришли мы на мѣста. Рѣчка отъ льда очистилась; вижу, по всѣмъ примѣтамъ, что первыя утки тутъ должны становать. Но, повѣрите-ли, батюшка, — обратился ко мнѣ Абрамъ, — по всей рѣчкѣ вплоть висять петли; нѣсколько тысячъ ихъ тутъ, какъ сѣла утка, такъ и попала; а, вѣдь петля не разбираетъ селезень ли, утка ли — все ловить. Вотъ оно каково!

— И много налавливаютъ они по этой рѣчкѣ? спросилъ я.

— Ужъ не знаю, много-ли — отвѣчалъ съ дасадой Абрамъ; не вся давленная дичь у нихъ и въ прокъ-то идетъ.

— Какъ не вся идетъ въ прокъ? спросилъ Алексѣй.

— А такъ: петель-то, хоть бы на току, Зырянинъ на-ставить, тетеревей напонадаетъ; а онъ придетъ черезъ день, бываетъ — черезъ два, и найдетъ въ петляхъ одни кости, перья, да папоротки, — гарга ужъ все успѣла расклевать. На любомъ току, посмотри, сколько костей валяется. Скажешь, этого не бываетъ?

— Бывать-то, бываетъ, да, вѣдь, и изъ ружей-то иной разъ ранишь, отлетить да умереть; тоже въ пользу недоста-нется.

— Нѣтъ, Алешинька, дудки! Я на присядѣ-то хвачу тетерева — у меня какъ клубокъ свалится, перышкомъ не пошевелить, не то что улетѣть.

— Куда ты воротишь? спросилъ я Абрама, который вдругъ круто повернулъ лодку на-право, въ кустъ затоп-ленного разливною водою ельника.

— А, вотъ, тетеревъ сидитъ на березѣ; видите, какъ на-супился; близехонько подпустить.

— Вотъ, говорилъ, тетеревей-то нѣтъ? подхватилъ Алексѣй.

— Это шальной какой-то залетѣлъ, — возразилъ Абрамъ.

Смотри, одинъ—одинешенежъ; отъ зырянской, видно, петли, голубчикъ, спасся, и дружки подлѣ него нѣтъ. Тише гребѣ. Убери весла. Вотъ такъ. Теперь я одинъ на кормовомъ подѣду. Изгошайтесь, ужъ не далеко.

Я взялъ на руки ружье и ждалъ, пока лодка подойдетъ къ тетереву на разстояніе выстрѣла. На высокой кужлеватой березѣ, почти въ половинѣ дерева, близко къ стволу, сидѣлъ, скорнувшись, чернышъ, не обращая никакого вниманія на наше приближеніе. Лодка ровно скользила на гладкой поверхности воды. Вотъ, наконецъ, разстояніе уменьшилось до пятидесяти шаговъ, я приложился и выстрѣлилъ,—тетеревъ повалился. Отъ выстрѣла, изъ кучи въ двадцати шагахъ плававшего хвороста, съ крикомъ поднялась пара рябковыхъ утокъ. Въ одинъ мигъ Абрамъ бросилъ кормовое весло, схватилъ ружье и выстрѣлилъ по селезню;—птица пошла книзу.

— Падеть, падеть, падеть! закричалъ Абрамъ;— все книзу, книзу—паль! Каково Алеша? Это не по зырянски!

— Хорошо! какъ это ты успѣлъ? спросилъ Алексѣй.

— Ужъ успѣлъ. У насъ мигомъ сгорѣли и косачъ и рябковень,—хвастливо отвѣчалъ Абрамъ.

Мы подѣхали къ добычѣ, взяли ее и снова направились къ Бѣлому-Бору.

— Вашей зырянской стрѣльбой тутъ бы ничего ни сдѣлать, — началъ Абрамъ,—а вѣдь стрѣльба-то ваша хваленая—изъ винтовокъ.

— Наша стрѣльба не въ примѣръ лучше. У насъ изъ вашего заряда выйдетъ пять, не то шесть—въ винтовку, выгодно.

— Все такъ; да зачѣмъ вы, Зыряне—по бѣлому свѣту слывете первыми-то стрѣлками? Вотъ это ты мнѣ скажи.

— За то, что изъ винтовокъ стрѣляемъ.

— Небось въ голову. Эхъ вы! Хороша стрѣльба въ го-

ловку, нечего сказать: задавать въ петлю рябка, ковырнуть гвоздемъ, обпачкають кровью, да и говорятъ — стрѣляная, въ головку бита...

— Не всё же это дѣлають: настоящіе охотники лѣсовать ходять съ винтовками на цѣлые мѣсяцы, возразилъ Алексѣй.

— Знаю, самъ съ вашими ходилъ, самъ видѣлъ, что не въ головку стрѣляютъ, а бьютъ во что попадетъ, и промахи за частую дѣлають. Стрѣлять же изъ вашей винтовки никакой нѣтъ мудрости. При мнѣ въ Вильгортѣ мастеръ, что дѣлаеть винтовки, наставляя ихъ штукъ десять на цѣль; только слава, что въ пятно бьютъ. Я пулей изъ любого ружья этакъ попаду. Сдѣлаеть онъ пятно въ ладонь величины, отойдетъ сажень пятнадцать, винтовку утвердить на подставку, да подъ правую мышку подпорку, чтобъ не качнуться ни въ которую сторону, такъ и бьетъ. Хитрое дѣло! Только слава, что въ пятно...

— Если не хитрое дѣло, отъ чего же ты не стрѣляешь изъ винтовки? съ усмѣшкою спросилъ Алексѣй.

— Какъ, не стрѣляешь! Да я въ тѣ-поры же стрѣлялъ разъ пять и еще лучше угодилъ въ пятно. Потому-то я и говорю, что никакой нѣтъ мудрости стрѣлять изъ винтовки въ пятнадцать сажень. Да еще мое дѣло не привычное. А, вѣдь, вы всю жизнь стрѣляете изъ винтовокъ,—наторѣли. Я бы на вашемъ мѣстѣ безъ всякихъ подставокъ попадалъ въ пятно.

— Не обиждай, Абрамъ! изъ нашихъ многіе съ руки изъ винтовки бьютъ, возразилъ Алексѣй. Отецъ у меня каждый разъ съ руки въ пятно садилъ.

— Ну, такъ что, что садилъ! Одинъ охотникъ не примѣръ. И изъ нашихъ есть егеря безъ промаха въ летъ разять, да еще какъ: вправо снялся бекасъ—валится, влѣво снялся бекасъ—валится. Это по хитрѣе стрѣльбы изъ вин-

товки на пятьдесятъ шаговъ, да никто на это не дивуется. Да и дивоваться — по моему — тутъ нечему: кто съ чѣмъ обращается, тому то и сручно!

Послѣднія слова Абрамъ произнесъ съ особенною выразительностію, послѣ чего, обернувъ голову въ правую сторону, молча сталъ смотрѣть въ густоту осинника, около котораго мы тогда плыли. Широкая масса воды быстро летѣла по пролоу, унося по теченію съ величайшею силою нашъ легонькій челнокъ. Въ этомъ мѣстѣ перекать весенней воды, проносъ. Рѣчная вода, вышедшая въ весеннюю пору изъ береговъ, сокращаетъ себѣ путь, направляясь по прямой линіи черезъ мысы, по природнымъ ложбинамъ. Когда убудетъ вода, обрѣжутся берега рѣкъ, сбѣжить заливная съ луговъ, то мѣста, гдѣ былъ перекать, обозначатся; и вы увидите глубокіе и длинные лога, иные съ берегами круто приподнятыми, другіе съ отлогими и кочковатыми. Почти въ каждомъ изъ этихъ логовъ держится вода все лѣто и всю осень. Обростая высокою и густою травою по краямъ, они представляютъ отлично привольныя мѣста для утпныхъ выводковъ, для притона летней и для поприща охотника за утками. По берегамъ ихъ мѣстятся не въ большемъ числѣ бекасы. Такіе лога называются здѣсь бурьями.

2.

Показался Бѣлый-Боръ. Береговой обрывъ Вычегды или, лучше сказать, отсыпь, въ этомъ мѣстѣ почти отвѣсная, какъ снѣгъ бѣлѣла издали. Это такого цвѣта песокъ. Лѣсъ, растущій по самой береговой окраинѣ, и отсюда распространяющійся далеко къ сѣверо-востоку, получилъ названіе Бѣлаго-Бора, по цвѣту грунта, на которомъ растеть, а можетъ быть и по отсыпи, по этому бѣлому, снѣговидному берегу Вычегды.

Скоро доплыли мы до Бѣлаго-Бора. Сосны, ровныя и прямыя, какъ свѣчи, высоко возносили свои вершины къ небу. Внизу чисто и гладко; нѣтъ ни валежнику, ни молодой подрости; только и видны на совершенно горизонтальной плоскости толстые стволы сосенъ, да по землѣ мягкій коверъ бѣлаго моха, смѣшаннаго съ мелкими вересками и брусничникомъ. Зрѣніе безпрепятственно разбѣгается здѣсь во все четыре стороны, и далеко, далеко видѣнъ на Бѣломъ-Бору всякій появляющійся предметъ. Весело ходить въ такомъ лѣсу осенью, съ простою русскою собакою за бѣлками. Рѣзко разносился бы здѣсь свистъ и вскрикиванія охотника, ободряющаго «катышка» или «шарика»; звонко бы раздавался голосъ собаки, подлаивающей бѣлку или глухаря-тетерева.

Причаливъ лодку и спрятавъ весла, мы навьючили на себя все припасы и просѣкою пошли на мѣсто тока. Въ большомъ, хвойномъ, вѣчно-зеленѣющемъ лѣсу, люблю я смотрѣть вдоль по прямой, какъ будто пушечнымъ ядромъ прошибенной просѣкѣ. Вотъ тянется длинный, предлинный корридоръ въ глубину лѣса; зеленыя стѣны его вдали все темнѣе и темнѣе, все тѣснѣе сжимаются онѣ, и, наконецъ, упершись въ горизонтъ, теряются на немъ. А наверху стелется голубая лента неба, обрѣзанная зубчатыми вершинами деревъ также ровно и прямо, какъ и просѣка; только чѣмъ дальше, тѣмъ шире она разбѣгается въ обѣ стороны и потомъ сливается съ общимъ пространствомъ небесъ. Солнце, хотя и склонялось къ закату, однако же такъ и обливало насъ тепломъ и свѣтомъ. Смолистыя испаренія наполняли воздухъ. Повсюду тихо. Ни малѣйшаго шелеста не замѣтно было даже въ вершинахъ деревьевъ, неподвижно стоявшихъ съ опущенными вѣтвями. Пѣвчій дроздъ, усѣвшись на сухой сосновый сукъ, тянулъ со скрипомъ и трещаньемъ свою однообразную пѣсню. Гдѣ-то далеко взвизгивала сойка, ей

вторилъ сорокопудъ, а сорокопуду подтягивалъ крестовикъ. По временамъ доносился стукъ дятла, усердно трудившагося надъ сухимъ деревомъ. Слышался голосъ кукушки, безпрестанно смолкающій, и двухколенное глухое бормотаніе дикаго голубя.

Вскорѣ мы дошли до большой, десятинь въ сто, сѣнокосной нивы, разчищенной на низменномъ мѣстѣ. Вся она обросла по-подолу мелкимъ кустарникомъ кудреватаго ивняка, густо подернутаго крупнымъ, бархатисто бѣлымъ цвѣтомъ. Лѣсъ, окаймляющій эту росчисть, совершенно соответствовалъ низменности мѣста: съ лѣвой стороны тянулася приземистый, сосновый болотнякъ, съ правой косматыя, искривленныя березы мелькали въ опушкѣ бѣлизною своихъ стволовъ, а прямо уголъ нивы заглушался непроницаемой крѣпью ветлы и оленняка. Тошя, паршивыя ели, покрытыя мхомъ, клочками висѣвшимъ на опущенныхъ сучьяхъ, тонкія осинки съ кривыми, растопыренными сучьями, ольхи съ прошлогодними разщедрившимися шишками — все носило иной характеръ противъ высокихъ мѣстъ бора, съ роскошнымъ насажденіемъ громаднѣйшихъ сосенъ и говорило объ особомъ мѣрѣ здѣшнихъ обитателей. Самая площадь нивы давала знать охотнику, какое населеніе занимаетъ эти мѣста: то выдается ложбинка, наполненная снѣговой водою, то кочковатое болотце съ переогодалою и почернѣвшею осокою, то сухменекъ *) съ соломою лѣтошняго бѣлоуса; индѣ ржавая потная кружевinka, индѣ мягкая моховая паточина, подернутая кукушкинымъ льномъ.

— Какое приволье-то! — вскричалъ Абрамъ, когда мы выбрались на ниву. Со всѣхъ сторонъ слетѣть: и съ бору-то тянеть, и съ березины сюда же летитъ тетеревъ. Какъ не быть здѣсь току! Опять для выводковъ-то какое мѣсто.

*) Сухое, нѣсколько возвышенное мѣсто.

— Мѣсто очень хорошо; но глухо. Не думаю, чтобъ много тетеревей слеталось.

— Да здѣсь, батюшка, всегда на этакихъ мѣстахъ бывають тока. Открытыхъ полей тетерева бояться; а этта, въ затишьи-то, то ли дѣло. Здѣсь бы ихъ видимо-невидимо было, еслибъ не зырянскія петли.

Изъ подъ ногъ выскочилъ бекасъ, далъ реля вправо, потомъ влѣво, затѣмъ быстро поднялся на высоту, и, ныря въ воздухъ, рассыпался барашкомъ.

— Бекасишки водятся, сказалъ я.

— Какъ не быть здѣсь бекасишкамъ; здѣсь по примѣтамъ, и дупель долженъ быть, и ваншлепъ, и гусь пролетный, и всякая всячина.

— Гдѣ же у васъ шалаши-то подѣланы?

— А вотъ, видите,—остожья... такъ около остожей-то...

— Да ихъ не видать тутъ?

— Хватились! Ужъ Зыряне давно все переломали. Вотъ, ужо, посмотрите-ка, что у нихъ тутъ понадѣлано.

Подъ большой, раскидистой сосной, избоченившейся на одну сторону, сложили мы свою кладь, прикрыли ее полстью и отправились на мѣсто тока. Въ самомъ дѣлѣ шалаши были изломаны до основанія; только и уцѣлѣла одна березовая присадина, привязанная ивовымъ прутомъ къ обломку стараго плетня. Нѣсколько птичьихъ скелетовъ, крыльевъ и множество перьевъ, разсѣянныхъ вѣтромъ по всѣмъ направлениямъ, валялось на мѣстѣ тока. Тутъ же устроены были и зырянскія петли, виновники этихъ жалкихъ остатковъ отъ краснобровыхъ токовиковъ и тетерекъ. Устройство петель незатѣйливо: вершинки, срубленные съ молодыхъ елей, раскладены были парами въ разныхъ направленияхъ, въ формѣ ломанной линіи. Отрубы каждой пары соединены вмѣстѣ, а отъ одной вершинки къ другой натуго протянута въ двѣ толстыя рассученныя пряди бичевка, на которой висѣло отъ

семи до десяти волосяныхъ петель. Верхніе края петель вложены въ бичевку между прядями, а нижніе касаются земли. Сообразивъ такое устройство петель, не трудно догадаться, какъ попадаютъ въ нихъ тетерева: бродя по току, бѣгая за тетерьками, тетеревъ сунется въ петлю, потянетъ ее, захлеснетъ около шеи и задавится. На току разставлено было въ разныхъ направленіяхъ по крайней мѣрѣ до трехъ сотъ петель. Абрамъ былъ правъ: какъ ни присядетъ тетеревъ, такъ и попадетъ. Только счастливый спасется.

— Вотъ, извольте-ка посмотрѣть — сколько, пострѣлы, петель-то наставили, — сказалъ Абрамъ, сгребая ногами вершинникъ вмѣстѣ съ петлями въ одну грудку. Нечего сказать, — документоватый народецъ, не многимъ поживишься послѣ нихъ.

Очистивъ мѣсто отъ вершинника и петель; сейчасъ же принялись за стройку шалашей. Въ привычныхъ охотничьихъ рукахъ это дѣло очень не трудное: кто рубить присады и подчучельники, кто бьетъ для нихъ дыры, кто основываетъ шалашъ и утыкаетъ его ельникомъ въ замокъ. Не больше, какъ въ полтара часа, работа двухъ шалашей была окончена и даже выставлены чучела, гоголевато красовавшіяся на подчучельникахъ.

Солнце садилось за лѣсъ и чуднымъ блескомъ золотило поверхность воды, натаившей отъ снѣга и затонившей почти весь правый край нивы; золотило оно и верхушки лѣса, и небольшое кучевое облачко, повисшее надъ закатомъ; золотило и сумрачную даль, и шапки приземистыхъ сосенъ въ моховомъ болотѣ, растянувшемся на востокѣ. Жаръ свалилъ значительно, распространилась свѣжесть въ воздухѣ, еще сильнѣе повѣяло весною, еще волиѣе стала дышать грудь, еще жаднѣе начала она принимать въ себя живительный воздухъ воскресающей природы. Вотъ, пронеслась пара чирковъ, ловкимъ оборотомъ сдѣлала кругъ, спустилась къ

водѣ и рѣзво-рѣзво помчалась надъ ея поверхностью. Вотъ, снова взвилась она кверху, снова сдѣлала кругъ, и со всего размаха шлепнулась въ лужу. А тамъ, съ южной стороны, показалось стадо свѣззей, цѣпью, въ огромномъ количествѣ державшихъ путь на сѣверъ. Господи, какъ быстро летятъ они! Вдругъ близехонько шваркнулъ кряковый селезень. Сердце такъ и обмерло, я кинулся къ ружью, но было уже поздно: пара тяжелыхъ кряковней протянули отъ насъ въ десяти шагахъ и, отлетѣвъ сажень пятьдесятъ, спустились на воду.

— Скоро заря начнется; пойдемте утокъ сторожить на лужи; здѣсь ихъ будетъ. Видите, ужъ тянуть начинаютъ, шепотомъ проговорилъ Абрамъ.

— Сейчасъ идемъ. А ты, Алексѣй, отправляйся туда, къ кледи, устрой тамъ все хорошенько, разведи огонь и наставляй самоваръ. Какъ возвратимся, будемъ чай пить, а потомъ и кашницу готовить.

Подтянувъ патронташи, поднявъ повыше голенища, направили мы стоны свои на лужи. Исправно, не зечернувъ сапогами, перебрали мы черезъ нихъ, выбрали мѣста и разсѣлись другъ отъ друга въ приличномъ разстояннн, соблюдая при этомъ извѣстное охотничье правило — садиться противъ зари, чтобы отблескъ отъ нея въ водѣ явственно изобличалъ спускающихся утокъ. Плавно и спокойно закатилось солнце за лѣсъ. Нѣсколько времени оно еще просвѣчивало сквозь рѣдочъ деревь, потомъ скрылось совершенно, и вотъ огненнымъ потокомъ свободно разлилась по горизонту вечерняя заря. Какъ все заговорило въ природѣ! Какъ закипѣло все жизнью! Сколько различныхъ голосовъ, то скорыхъ и отрывистыхъ, то мелодическихъ и томныхъ, то звонко оглашающихъ, какъ оклики часовыхъ, раздалось по всѣмъ направлениямъ! Подъ самымъ зенитомъ, распластавъ широко крылья, описывая большіе круги, плавали четыре

журавля, высматривая для своего притона безопасное мѣсто. Близехонько отъ меня, въ ивовыхъ кустарникахъ, трещали дупеля, въ воздухѣ пѣлъ жаворонокъ, блеялъ бекасъ, харкалъ по временамъ вальдшнепъ. Пара маленькихъ песочниковъ, бѣгая по зеленой травѣ около воды, миловались, любовно между собою перепискиваясь. Черный, большой дятель, перелетывая по сухимъ деревьямъ, скрипѣлъ, какъ неподмазанное колесо. Гдѣ-то на лѣсу чувывалъ и покеркивалъ тетеревъ, кокотала тетерька, и глухо ворговалъ дикій голубь. А на поднебесной высотѣ то и дѣло тянули многочисленныя стада гусей и пролетныхъ утокъ.

Вотъ надъ самою водою, шепеляво свистя, летитъ нѣсколько штукъ шилохвостей; вотъ, противъ меня опускаютъ они крылья, хотятъ сѣсть; но, раздумавъ, полетѣли дальше, сдѣлали кругъ и сѣли противъ Абрама. Черезъ нѣсколько секундъ мелькнулъ огонекъ, и грянулъ выстрѣлъ; перекатами разнесло его эхо во всѣ стороны и долго гудѣлъ отголосокъ по вечерней зарѣ, въ чистомъ весеннемъ воздухѣ.

Терпѣливо дожидался я на свою долю добычи. Много пролетѣло мимо меня чирковъ и плюстоносокъ, и шилохвостей, и кряковней; но ни одна пара не присѣла.

Много разъ стрѣлялъ Абрамъ, даже послышалось мнѣ, что выстрѣлилъ Алексѣй, а я все еще сидѣлъ съ одними тщетнымъ надеждами, не выстрѣливъ ни разу. Терпѣніе мое мало-по-малу начало пропадать, ночной холодъ проникъ до тѣла сквозь легкую одежду, я хотѣлъ уже оставить свой постъ, какъ вдругъ спустился ко мнѣ кряковый селезень. Осмотрѣвшись во всѣ стороны, онъ шваркнулъ раза три и бойко поплылъ прочь. Я торопливо приложился и ударилъ его въ задъ. Дистанція была далека; но выстрѣлъ такъ ловко легъ, что селезень, по выраженію Абрама, не совстрепенулся.

Просидѣлъ я еще съ четверть часа. Вечерняя заря погасла, мракъ ночи увеличивался. Милліоны звѣздъ разсы-

пались по небу и плавно выступила на свой путь блѣдно-ликая луна. Многіе голоса, слышныя въ началѣ зари, умолкли.

— Пойдемте къ пажку*)!.. Ужъ поздно, ничего не видно!—раздался голосъ Абрама.

— Сейчасъ иду! отозвался я.

Мы сошлись. У Арбама въ обѣихъ рукахъ было по нѣсколькѣ штукъ утокъ.

— Да ты лихо поохотился, Абрамъ, сказалъ я, показывая на его добычу. У меня такъ только одинъ кряковой селезенокъ.

— Семь штукъ убилъ: трехъ шилохвостей, пару чирковъ, и пару кряковней. Какой и летъ былъ—не успѣвалъ заряжать ружья.

— Видѣлъ я, что все къ тебѣ тянули. Еще Алексѣй, кажется, сдѣлалъ одинъ выстрѣлъ?

— Стрѣлялъ и онъ, не знаю только по чемъ.

— Счастье, братецъ, тебѣ: у меня только одинъ и присѣлъ.

— Сегодня я запановалъ; а все потому, что съ причетомъ поѣхалъ.

— Съ какимъ же причетомъ?

— Есть эдакая маленькая хитинка отъ призору.

— Какая же хитинка?

— А вотъ какая: какъ будешь садится въ лодку, такъ надобно нашентывать: Спаси Господи, сохрани и помилуй: отъ простоволоса — отъ простоволосицы, отъ кривоноса — отъ кривоносицы, отъ косоглаза — отъ косоглазицы, отъ всякаго лихого человѣка—и человѣчицы, и отъ всѣхъ злыхъ умысловъ, чтобы ни навстрѣчу не попали, ни дорогу не перешли, ни глазомъ ни опризорили. Во вѣки вѣковъ аминь!

— Неужели ты вѣришь этому приговору.

*) Пажокъ—разведенный огонь, костеръ.

— Вѣрить-то не вѣрю, а все какъ-то меньше думается, какъ проговоришь его.

У Алексѣя ужь былъ разведенъ огонь. Искры фонтаномъ клубились кверху, столбомъ поднималось пламя и освѣщало половину большой сосны, съ раскидистыми вѣтвями; другая же ее половина тонула въ ночномъ мракѣ. Около огня виднѣлась фигура Алексѣя, хлопотавшаго за самоваромъ.

3.

— Ну, парень, побухали же вы! отнесся къ намъ Алексѣй, когда мы подошли къ огню, поставили ружья къ стволу сосны, и складывая дичь и патронташи, готовились приѣсть около него для чаенитія и подкрѣпленія себя съѣстнымъ.

— Побухали! отвѣчалъ Абрамъ.

— Каковы стучки-то были? Зазвонисты.

— Ужась зазвонисты! Такъ, парень, грохотали, что издивленье. Крѣпки, видно, заряды были?

— Заряды какимъ слѣдовало быть, по ружьямъ.

— Есть-ли на работу-то что? Много-ли убили-то?

— Ужъ убили. Мы, братъ, такъ даромъ воздуху негрѣемъ: начинъ полю хорошей,—заносчиво отвѣчалъ Абрамъ, подбросивъ на огонь сушину вересняка, отчего ярко и съ трескомъ вспыхнуло пламя, бросивъ въ воздухъ большой клубокъ искръ.

У Алексѣя, вѣроятно, по предварительному наставленію Абрама, было все приготовлено въ порядкѣ; разостлана полость, въ изголовье положены подушки, прислоненныя къ толстому поваленному дереву, случившемуся здѣсь очень кстати, разставлены на крышкѣ погребца стаканы съ чайницейю и сахарницейю, а подлѣ весело бурлил самоваръ, фыркающая густымъ паромъ. Я сейчасъ же заварилъ чай и началъ разуваться, чтобы обсушить ноги и обувь. Бродя очень

долгое время по водѣ, я чувствовалъ, что промочилъ ихъ. Абрамъ тоже приступилъ къ обсушиванью: онъ надѣлъ на палочки около огня свои съ длинными голенищами сапоги и развѣсилъ на прутикахъ онучи.

Между прочимъ Алексѣй на разспросы Абрама успѣлъ объяснить намъ, что онъ стрѣлялъ два раза вовсе не по дичи, а что запаятовалъ спички, огонь нечѣмъ достать было, такъ для этой причины холостыми и бухалъ. — Ужъ было у меня тутъ возни, насилу взбудилъ огонь, — добавилъ онъ. Напившись чаю, мы приступили къ приготовленію кашицы, для которой пожертвовали чиркомъ и шилохвостенемъ.

— Вотъ она, утятинка-то и пошла въ дѣло, — самая свѣженькая. Не летать бы тебѣ, шельмецу, за утками, не садиться бы противъ меня, не попалъ бы ты и въ котелъ, приговаривалъ Абрамъ, потроша шилохвостоваго селезня.

Скоро закипѣла каша въ котелѣ, повѣшенномъ надъ огнемъ по зырянски, на воткнутомъ наискось колышкѣ. Абрамъ, всегда бывавшій въ подобныхъ случаяхъ кашеваромъ, свернулъ ноги калачемъ и усѣлся поближе къ котелку съ ложкою въ рукахъ, безпрестанно помѣшивая ею варку и снимая накипѣвшую пѣну. Алексѣй закурилъ трубку-носогрѣйку, а я, нѣжась передъ огнемъ, любовался природою. Последнее сіянье вечерней зари, угасая постепенно, наконецъ, угасло вовсе, осталась только чуть-чуть замѣтная, бѣловатая полоса, блестящая на горизонтѣ, какъ поверхность отдаленнаго озера. Все небо иллюминировалось звѣздами: яркими алмазными огнями горѣли онѣ по небесному куполу. Что это за прелесть, весенняя ночь! Какъ невыразимо пріятны часы ея торжественнаго спокойствія! Природа какъ-бы отдыхаетъ, а съ нею вмѣстѣ стихаютъ и всѣ тревожныя движенія души человѣческой. Въ былое время много такихъ ночей провелъ я на родинѣ, на широкихъ разливахъ рѣки Шексны, въ ве-

селомъ товариществѣ охотниковъ, при неумолкаемомъ говорѣ пернатого населенія. Любилъ я тамъ въ такія ночи прислушиваться къ этому говору, въ его послѣдовательномъ порядкѣ, всегда стройномъ и полномъ жизни. Вотъ, на первыхъ порахъ вечерней зари, начинается свою закатистую пѣсню соловей: ударить два, три раза, просвиститъ два, три колѣна и смолкнетъ, черезъ минуту снова начнетъ и залется трелями. Отъ него принимаетъ малиновка: покачиваясь на вѣткѣ, мелодически звенить она своимъ серебристымъ голосомъ; за малиновкою ведетъ пѣнка, щегленокъ и моховая синичка. За ними потянетъ вальдшнепъ, потомъ загокуетъ дупель, и, наконецъ, раздастся однообразный крикъ куропатки и трещаніе козодоя, неумолгающее во всю ночь. Особенно любилъ я слушать перекличку куропатокъ, постоянно бывавшую въ концѣ вечерней зари: этотъ голосъ былъ для насъ сигналомъ, по которому мы отправлялись на сонъ грядущій. Соснуть приходилось немного, ибо тотъ же звонкій голосъ куропатки будилъ насъ, возвѣщая утреннюю зарю; вслѣдъ за нимъ до чуткаго уха охотника доносилось чувыванье тетерева, поднявшагося на лѣсъ; потомъ черезъ полчаса прилеталъ къ шалашамъ токовиць, скликалъ токъ и начиналась охота.

— Что твоя кашница, Абрамъ? спросилъ я нашего кашевара, начинавшаго дремать.

— Что! не скоро еще уварится, отвѣчалъ онъ, зѣвая во весь ротъ. Спать нешто хочется: около огня-то такъ и разгасило что-то.

— Расскажи что-нибудь, — меньше дрематься будетъ.

— Что рассказывать-то? Развѣ зырянскую пришту рассказать: недавно выслушалъ — славная.

— Ну, пожалуй, рассказывай хоть зырянскую причту.

— Ъхаль, извольте видѣть, Зырянинъ въ городъ; везъ онъ продавать бочку дегтя. Вотъ, хорошо; лошаденка у

него устала, самъ онъ проголодался, надо было покормить. Дѣло вышло на пустолесѣ. Отпрягъ онъ лошаденку, привязалъ ее къ телѣгѣ, насыпалъ ей овсеца, а самъ захотѣлъ огонька развести. Прилучился тутъ такой большой пень съ дуплей, онъ возьми, да зажги его. Невдомекъ ему, что въ дуплѣ-то было дятлово гнѣздо съ дѣтками. Выпорхнулъ изъ гнѣзда бѣдняжка дятель, полеталъ, полеталъ кругомъ, поскрипѣлъ, поскрипѣлъ: больно жаль ему дѣтокъ, но дѣлать нечего, — сгорѣли всѣ до одинаго. Вотъ и думаетъ дятель: постой же ты, сиволаный! за то, что сжегъ моихъ дѣтокъ, заплачу я тебѣ такъ, что вѣки - по - вѣки помнить будешь. Сѣлъ онъ на бочку съ дегтемъ и давай долбить, что есть мочи, обручи; снизу-то долбить и сверху-то долбить, и сбоку-то долбить. Увидалъ это Зырянинъ, сильно осерчалъ и думаетъ: погоди-же ты, носатая шельма! задамъ я тебѣ трезвону, забудешь ты у меня долбить бочку. Схватилъ топоръ, подкрался потихоньку къ дятлу, — хлопъ его, что было силы. Дятла-то не убилъ: успѣлъ слетѣть, а обручи-то пересѣкъ, бочка распустилась, ушелъ весь деготь до капельки. Началъ горевать Зырянинъ, всхлопывать руками, да дятла ругать; а дятель, не будь глушь, тѣмъ временемъ пересѣлъ на голову къ лошади, да такъ ее и долбить въ лобъ, такъ и долбить. Увидалъ это Зырянинъ и думаетъ: эка ты, носатая тварь! нашутить ты у меня съ бочкой, да и лошадь-то хочешь задолбить, — вотъ я же тебя! Схватилъ онъ топоръ, подкрался къ дятлу, да съ сердцовъ-то какъ свиснетъ во всю пору мочи обухомъ. Дятель-то увернулся и полетѣлъ, а лошадь-то повалилась, да тутъ же издохла, — только прохрипѣла раза два, да ногами подрыгала. Сильно загоревалъ Зырянинъ, слезно заплакалъ и пошелъ обратно домой. Идетъ онъ путемъ дорогою, жалуется на злую судьбу, да ругаетъ дятла; а дятель этимъ не удовольствовался: полетѣлъ онъ черезъ поля и

лѣса, черезъ рѣки и ручьи, въ ту деревню, гдѣ живетъ мужикъ; время было тамъ обѣденное, пора жаркая, въ избѣ у Зырянина окна отворены. Вотъ дятель возьми, да и влети въ избу. Увидалъ онъ горшокъ съ кашей, сѣлъ на него, да такъ и долбитъ, такъ и долбитъ. Хозяйка Зырянина — баба глупая, ватруха-баба, увидала дятла и давай его ругать: вотъ окаянную силу куда занесло... грешневой каши захотѣлъ; вотъ я тебя, шельмеца!.. Да съ симъ словомъ какъ хватить дятла ощепкомъ лучины, только черепки отъ горшка полетѣли въ разныя стороны, и каша разсыпалась по полу; а дятель цѣлехонекъ слетѣлъ и пересѣлъ на зыбку, на пеленичнаго ребенка и началъ его долбить: такъ и долбить такъ и долбить. Увидала это баба, отъ злости изъ ума ее выкинуло, схватила она тотъ же ощепокъ и со всего маху какъ шарахнетъ по ребенку, такъ что и душенька ангельская у бѣдняжки вылетѣла вонъ, а дятель пырь въ окно и былъ таковъ. Плачетъ баба слезно, жалостливо причитаетъ, на горькую долю горе складываетъ, да дятла ругаетъ. На ту пору и Зырянинъ, мужъ ея, приходитъ. — Что, матка, плачешь, что причитаешь, о комъ слезы льешь? спрашиваетъ ее мужъ. — Охъ, батька! что у меня приключилось, какая большая бѣда подѣлалась! Вотъ такъ и такъ, то и то, и рассказываетъ она ему, что сдѣлалъ съ нею дятель. — Ну, матка, и у меня такое же горе случилось, бѣда не маленькая приключилась, вотъ такъ и такъ, то и то! Онъ тоже рассказалъ, что съ нимъ тотъ же злодѣй, дятель, сдѣлалъ. — Это, говоритъ, общительный нашъ съ тобою ворогъ былъ; когда нибудь и намъ попадется, еще раздѣлаемся. Вотъ, такая-то штука съ ними, батюшка, и стряслася. Всѣ Зыряне отъ мала до велика знаютъ эту пришту и теперь до зла горя имъ, если ихъ подразнишь, какъ Зырянинъ дятла билъ и смолу выпустилъ.

— Правда-ли это, Алексѣй; точно-ли Зырянинъ не лю-

бить этой присказки? спросилъ я Алексѣя, задумчиво курившаго корешки.

— Пустое все, отвѣчалъ онъ сквозь зубы. Про насъ грѣшныхъ русскіе и не вѣсть что рассказываютъ. Когда-нибудь и я про нихъ расскажу вамъ еще не такую сказку.

— Расскажи теперь, промолвилъ Абрамъ, чрезвычайно любившій всякаго рода розказни.

— Теперь некогда. Смотри кашицу-то!.. вонъ, какъ ее того... изъ котла-то пучить.

Абрамъ снялъ съ колышка котелокъ, помѣшалъ кашицу ложкой, сбросилъ накинѣвшую пѣну, попробовалъ и рѣшилъ, что она уварилась. Скоро кончили мы ужинъ и прилегли отдохнуть. Ночь миновала быстро. Я проснулся съ появленіемъ первыхъ проблесковъ зари.

4.

— Абрамъ, вставай, въ шалаши пора!

Абрамъ лѣниво поднялся, зѣвнулъ и вопросительно посмотрѣлъ на меня.

— Вставай скорѣй, идемъ: ужъ куропатка прокричала, утренняя заря показалась.

Мигомъ вскочилъ мой ретивый охотникъ, куда и сонъ дѣвался. Торопливо началъ онъ обуваться, толсто наворачивая на ноги онучи, и натягивая сапоги. Черезъ нѣсколько минутъ мы бѣгомъ пустились къ шалашамъ. На востокъ растянута алая полоска утренней зари, а съ лѣсу, издалека донеслось до насъ чувыканье тетерева.

— Эхъ, кабы хорошій токъ былъ, промолвилъ Абрамъ, въ притруску торопясь къ шалашамъ.

— Не худо бы. Слышишь: токовишь ужъ голосъ подаетъ, — сейчасъ вылетятъ!

Мой шалашъ былъ ближе Абрамова; я добѣжалъ скоро и

залѣзь въ него на мягкій соломенный постельникъ и кожу, положенные въ предохраненіе отъ сырости.

Многіе изъ охотниковъ не одобряютъ охоту на тетеревиномъ току, не находя удовольствія сидѣть неподвижно въ шалашѣ, долго дожидаться, пока не прилетитъ тетеревъ и не спустится въ двадцати пяти шагахъ на присадъ, гдѣ его и бьютъ безъ всякихъ особенныхъ ощущеній. — Что, говорятъ, за охота стрѣлять сидячую птицу на такомъ разстояніи, на которомъ можно убить ее палкой: это не охота, а бойня. Такъ разсуждаютъ охотники высокаго пошиба, красные егеря, исключительно любящіе болото и лягавую собаку, никогда не бывавшіе на хорошемъ тетеревиномъ току, охотники, для которыхъ сидѣть на одномъ мѣстѣ — наказаніе. Безспорно, для такихъ эта охота дѣйствительно покажется скучна. Что же касается до меня, то я чрезвычайно люблю ее, какъ люблю вообще всѣ роды охотъ.

Тетеревиный токъ имѣетъ особенную, ни съ чѣмъ не сравнимую прелесть, особенно на мѣстахъ не разбитыхъ, гдѣ бываетъ хорошій слетъ косачей, гдѣ нѣсколько штукъ токовиговъ начальствуютъ на токовищѣ и вступаютъ между собою въ отчаянное побоище. Гортанные звуки льются неумолкаемо, безпрестанное чувканье, припрыгиванье, керканье, хлопанье крыльями раздается со всѣхъ сторонъ, а съ лѣсу доносится кокотаніе тетерокъ, сильно разжигющее самцовъ, доходящихъ до изступленія: вѣеромъ распустивши хвостъ, надувъ шею, какъ челноки, шмыгаетъ тетеревиныя мимо шалаша, и не налюбуешься на ихъ молодцоватость, на яркія кроваваго цвѣта брови, на блестящее, какъ полированная сталь, опереніе. А раннее утро, свѣжесть весенняго воздуха, голоса различныхъ птицъ на зарѣ и какой-то особенный гулъ, весенній гулъ — «Зеленый шумъ», какъ называлъ его поэтъ — развѣ это не живая страница, изъ жизни природы и какому охотнику она можетъ быть не по душѣ!

Успѣхъ и удовольствіе на этой охотѣ зависятъ много отъ хорошаго устройства шалашей. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ устройствѣ. Шалашъ подъ тетеревей дѣлается обыкновенно изъ ельника: привыкнувшій къ зеленому цвѣту хвой, тетеревъ такого шалаша не боится. Въ основаніе шалаша употребляется отъ двѣнадцати до восемнадцати колышковъ средней толщины и аршинъ четырехъ длины. Верхушки ихъ связываются кольцомъ изъ вѣтвины, а комельки завастриваются. Потомъ всѣ двѣнадцать связанныхъ вверху колышковъ разнимаются и втыкаются крѣпкимъ нажимомъ въ землю. При этомъ колышки разносятся довольно широко, чтобы шалашъ былъ просторенъ: въ тѣсномъ шалашѣ ни лечь нельзя, ни повернуться, ни зарядить ружья. Установивъ колышки, слѣдуетъ изъ тоненькихъ вѣтвины сдѣлать переплетъ по всему основанію, сверху до низу, спирально обвивая и привязывая вѣтвинки мочалами. Безъ переплета неловко утыкать шалашъ ельникомъ: хвоя не держится. Нѣтъ надобности, чтобы переплетъ былъ частый, — четырехъ рядовъ по всей высотѣ шалаша за глаза достаточно. Для прикрытія шалаша ельникомъ, необходимо выбирать небольшія, но разложистыя и густыя лапушки, которыя всегда можно найти на молодыхъ приземистыхъ и здоровыхъ еляхъ. Шалашъ затыкается лапушникомъ сверху. Укрѣпить первыя лапушки довольно трудно; зато далѣе самое дѣло покажетъ, какъ должно укрѣплять ихъ. Запуская лапушки одна въ другую, въ замокъ, можно сдѣлать шалашъ до того плотный, что никакимъ дождемъ не промочить. Оконченный такимъ образомъ, шалашъ представляетъ фигуру опрокинутаго конуса.

Исключительное вниманіе необходимо обратить на укрѣпленіе нижнихъ частей шалаша, потому что польники, токуя на землѣ, часто подбѣгаютъ до того близко къ шалашу, что въ случаяхъ, гдѣ онъ рѣдокъ, легко могутъ замѣтить охотника; а если токовиць замѣтитъ близко человѣка, то весь

токъ разлетится и пойдетъ въ разбродъ. Шалаша же и грому выстрѣловъ польники на току не боятся. Одинъ разъ передъ моимъ шалашомъ два старыхъ токовика вступили въ драку съ молодымъ и до того гоняли его кругомъ шалаша, что бѣдный косачъ, въ чаяніи спасенія своей жизни, бросился въ шалашъ, принявъ его, вѣроятно, за кустъ ельника, и попалъ прямо ко мнѣ въ руки, оправдавъ пословицу: «изъ огня да въ полымя». Въ другой разъ на бокъ моего шалаша прилѣпилась тетерька. Утро было сырое, моросилъ мелкій дождичекъ, тетерька схохлилась и просидѣла въ этомъ положеніи часа полтора, въ которые я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, нисколько ее не обезпокоившихъ. Устроить шалашъ — дѣло совершенно пустое, сравнительно съ постановкою присядовъ, за которыми всегда бываетъ очень много возни. На присяды обыкновенно выбираются кужелевастыя, приземистыя березки; но лучше ставить елочки, нѣсколько срѣзавъ у нихъ вершинки, чтобы удобнѣе было садиться тетереву. На елку польникъ садится какъ-то охотнѣе и смѣлѣе. Весною нѣтъ надобности въ высокихъ присядахъ, ихъ и укрѣпить очень трудно, когда земля еще не совершенно оттаяла. Присядь снизу аршина на три слѣдуетъ подчистить, и, оставивъ его, сдѣлать съ трехъ сторонъ подпорки, чтобы не покривился: на кривой присядь тетеревъ никогда не сядетъ. Если около шалаша поставить двѣ березки, три елочки, то и достаточно присядовъ. Кромѣ присядовъ, около шалаша должны быть подчучельники, на которые ставятся чучела *). Нѣкоторые охотники становятся

*) Многіе охотники держатся того мнѣнія, что весною на токахъ нѣтъ надобности въ присядахъ и даже чучелахъ, а если и ставить чучела, то никакъ не на подчучельники, а прямо на землю. Бывавши безчисленное множество разъ на токахъ, я опытомъ убѣдился въ необходимости присядовъ около шалаша и чучель, непременно выставляемыхъ на подчучельникахъ.

Примѣч. автора.

чучела на шестахъ; но это неудобно и внушаетъ подозрѣ-
ніе тоговнику. Для подчучельниковъ всего лучше выбирать
тоненькія, длинныя березки, съ закомелистой вершинкой.
Чучело садить на нихъ слѣдуетъ ровно, чтобы оно казалось
какъ можно натуральнѣе, не задирало бы голову кверху и
не было бы понуро, то есть не смотрѣло бы книзу. Голо-
вами чучела должны быть обращены къ шалашу. Чучело не
мѣшаетъ привязывать къ подчучельнику бичевкой для того,
чтобъ не могъ его сорвать и унести большой ястребъ или
орелъ. Такіе случаи не рѣдки: орелъ не одинъ разъ уносилъ
у меня чучела, когда я ихъ втыкалъ просто безъ привязи.
Съ Абрамомъ было однажды пресмѣшное приключеніе. Сидѣли
мы съ нимъ на тетеревиномъ току, въ позднее весеннее
время, около десятаго мая. Шалаша наши были неподалеку
одинъ отъ другаго. У каждаго изъ насъ стояло по три хол-
щевыхъ чучела (этого числа всегда достаточно) и одно пе-
ряное, которое Абрамъ за что-то особенно уважалъ и песто-
янно ставилъ къ своему шалашу. Вылетѣть былъ въ это утро
очень плохой: показалось нѣсколько тетеревковъ, потоковали
таково неохотно и слетѣли за Абрамовъ шалашъ на лѣсъ.
Я началъ ихъ подчувывивать. Сперва тетерева очень охотно
перекликались со мной, потомъ вдругъ смолкли. Я взглянулъ
по направленію къ Абрамову шалашу и вижу — несется под-
орликъ. Распустивъ когти, онъ съ шумомъ опустился на
любимое Абрамово перяное чучело, вцѣпился, сорвалъ и уле-
тѣлъ съ нимъ въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ на под-
чучельникъ, съ котораго унесъ подорликъ чучело, усѣлся
тетеревъ. Абрамъ, какъ послѣ оказалось, ничего этого не
видалъ: теплое майское утро такъ его пригрѣло, что онъ
спалъ въ шалашѣ крѣпкимъ сномъ. Проходитъ съ четверть
часа, тетеревъ преспокойно сидитъ; я вышелъ изъ терпѣнія
и закричалъ: «стрѣляй!» Прошло еще минутъ пять, выстрѣла
не послѣдовало, я снова закричалъ: «стрѣляй!»

— Да по чемъ стрѣлять-то? ничего нѣтъ, отозвался Абрамъ, вылѣзая изъ шалаша.

Тетеревъ, испуганный появленіемъ человѣка, конечно, полетѣлъ, а Абрамъ, увидя это, пришелъ въ такое неопи- санное изумленіе, что какъ былъ на четверенькахъ при вы- лѣзаніи изъ шалаша, такъ и остался съ открытымъ ртомъ и неподвижно впереннымъ взоромъ, слѣдившимъ за полетомъ исчезавшаго въ утреннемъ туманѣ польника.

— Что же ты не стрѣлялъ тетерева-то?

Абрамъ не отвѣчалъ; онъ только перекрестился и про- говорилъ въ полголоса, какъ бы самъ съ собою: — съ нами крестная сила!.. что за оказія, чучело полетѣло!..

— Какое чучело, — тетеревъ, закричалъ я ему, помирая со смѣху.

— Нѣтъ, батюшка, не тетеревъ, а чучело, мое люби- мое перьяное чучело.

Тутъ я объяснилъ ему все дѣло и мы долго хохотали.

— Вѣдь я кричалъ тебѣ, что же ты зѣвалъ?

— Да я тотчасъ же и проснулся, какъ вы вскричали; смотрѣлъ, смотрѣлъ — нигдѣ ничего нѣтъ, кромѣ чучеловъ, думалъ, что вы шутите и вылѣзъ.

Долго послѣ этого случая смѣялись надъ Абрамомъ, какъ онъ проспалъ на току и чучело, и тетерева.

Такъ для того, чтобы чучело не улетѣло, надобно при- вязывать его веревочкой къ подчучельнику. Чучела же са- мья хорошія дѣлаются изъ крашенины. Перьяное чучело не- удобно: въ вѣтряное утро перья задираются и безобразяютъ его фигуру.

Если на току устраиваются два-три шалаша, то одинъ изъ нихъ дѣлается на самомъ мѣстѣ тока, а остальные въ такихъ мѣстахъ, на которыя тетерева перемѣщаются во вре- мя токованья. Никогда не бываетъ, чтобы съ ранняго утра, до окончанія токованья токовики пробыли на одномъ мѣстѣ;

раза три и четыре перелетают они сажень на пятьдесят-на сто, и потом снова возвращаются. Все это высмотрѣть не трудно заранѣе, до постройки шалашей; тогда само дѣло укажетъ, гдѣ ихъ сдѣлать. Первый прилетѣвшій на токъ тетеревъ бываетъ токовикъ, краснобровый старый косачь, глава всего тока. Въ иное утро вылетаетъ онъ очень рано, часу въ первомъ - во второмъ по полуночи; поэтому и слѣдуетъ еще съ вечера забираться въ шалашъ и тамъ ночевать. Вылетѣвъ и осмотрѣвшись, токовикъ начинаетъ чувывать; съ лѣсу ему отвѣчаютъ его товарищи. Чувыванье продолжается довольно долго и чѣмъ долѣе, тѣмъ ярвитѣе, горячѣе, съ припрыжкой и со взлетами. Затѣмъ токовикъ, распустивъ хвостъ, раздувъ шею, наклоня къ самой землѣ голову, начинаетъ бормотать, сначала робко, глухо, прерывисто, какъ-будто онъ чѣмъ-нибудь давится. Но вотъ, мало по малу, голосъ его дѣлается рѣзче, горловые звуки выходятъ отчетливо и чисто, переливами: токовикъ растоковался, къ нему слетаются со всѣхъ сторонъ косачи и, дѣлая кругъ, съ шумомъ опускаются на землю. При каждомъ свистѣ крыльевъ вновь прилетающаго тетерева, токовикъ привскакиваетъ и припархиваетъ, привѣтствуя громкимъ чувываньемъ своего товарища. Замѣчательно, что токовикъ никогда не садится на присядь, но постоянно на землю. Миролюбиво между собою токовики не обходятся: между ними сейчасъ же начинается отчаянная драка. Въ охотѣ на току всего болѣе нужно щадить старшаго токовика: имъ токъ держится, на его голосъ слетаются всѣ въ одно мѣсто. Убьете токовика, у остальныхъ не будетъ опредѣленнаго мѣста для слета: вылетятъ гдѣ кому вздумается по одному и по парѣ, а всѣхъ въ сборѣ на прежнемъ мѣстѣ въ эту весну уже болѣе не увидишь. Обязанность свою токовикъ исполняетъ удивительно точно: однажды я нечаянно перешибъ токовику ногу, стрѣляя по про-

стому косачу, съ которымъ онъ дрался; на другой же день токовикъ явился на мѣсто тока съ перешибленною ногою и раненый продолжалъ начальствовать во всю весну, попрежнему вылетая раньше всѣхъ и сзывая токъ. Рано стрѣлять на току не слѣдуетъ. Должно дать польникамъ хорошенько растоковаться и дожидаться прилета тетерекъ. Тетерьки прибываютъ на токъ не рано: сначала кокочуть и роятся онѣ на лѣсу, какъ будто поддразнивая и горяча этимъ молодцовъ - токовиковъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ бормочуть, чувываютъ и вспархиваютъ; потомъ за четверть часа, или за часъ до восхода солнечнаго, тетерьки спускаются уже съ лѣсу къ своимъ супругамъ. Съ этого времени и начинается охота. Стрѣльба на присядахъ хоть и очень близкая и притомъ въ сидячихъ, а промахи случаются. Причина этому, конечно, торопливость: лапчга ельника какъ-нибудь ляжетъ на стволъ, или дуло ружья далеко выставишь наружу, невѣрно возьмешь на прицѣль — и промахъ; а сдѣлать промахъ на присядѣ стыдъ и срамъ велий...

Однако же, разсуждая объ охотѣ на тетеревиныхъ токахъ, я отдалился отъ разсказа. Возвращаюсь къ нему.

5.

Недолго я дожидался въ шалашѣ, какъ прилетѣлъ токовикъ, но слѣлъ очень далеко отъ меня, ближе къ шалашу Абрама. Раза два или три онъ прочувывнулъ, прокергалъ и началъ что-то клевать, потомъ скорнулъ и схохлился, какъ въ дурную погоду. Между тѣмъ разсвѣло на-бѣло. Ярko разлилась заря и повѣялъ маленькій вѣтерокъ, слегка раскачивая вершины моихъ присядовъ; показалось солнце изъ-за лѣсу, и потянулись отъ него длинные, предлинные лучи, а тетеревъ все еще сидѣлъ молча и безъ движенія. Очевидно было, что токъ распуганъ петлями, настояще то-

ковики передавлены и что вылетѣвшій былъ какой-нибудь несчастный токовикъ-новичекъ, можетъ быть испытавшій уже зырянскія силья. На лѣсу прококотала тетерька, косачъ оживился, чувыкнулъ, привскочилъ и затоковалъ. Скоро прилетѣлъ другой, началась драка, но какъ-то вяло и трусливо. Слышу, Абрамъ сдѣлалъ выстрѣлъ, и въ то же время сѣлъ ко мнѣ на присядь тетерева. Я его убилъ. Минуть черезъ пять прилетѣлъ другой и тоже былъ убитъ. Съ послѣдняго выстрѣла два дравшіеся токовика слетѣли и болѣе уже не возвращались. Тѣмъ и токъ кончился. Мы вылѣзли изъ шалашей и начали снимать чучела.

— Плохой токъ, Абрамъ.

— Помилуйте, какой же это токъ, самое послѣднее дѣло: весь распуганъ петлями. Замѣтили вы, не только токовать, и бѣгать-то, бѣдняги, боятся: все и осматриваются, и озираются. Нѣтъ, въ здѣшней стороншкѣ отложи, видно, печеніе потѣшиться на тетеревковъ.

— Все же три штуки убили.

— Что, три штуки! здѣсь такому-ли току-то надобно быть? посмотрите: слетъ со всѣхъ сторонъ... Проклятыя петли! кто васъ и выдумалъ-то, тотъ недобрый человекъ.

Скоро мы убрались съ Бѣлаго-Бору и отправились въ обратный путь.

Издали показался высокій нагорный берегъ Вычегды и Нижнеконская часовня, бѣлѣвшая на немъ какъ клочекъ снѣгу. Вотъ блеснули сквозь лѣсъ соборная церковь въ Усть-Сысольскѣ, училищный домъ и присутственные мѣста, почти единственныя каменные строения во всемъ городѣ. Вотъ, наконецъ, открылся и весь городъ, некрасивый, казавшійся издали разбросаннымъ, съ домами однообразной архитектуры, между которыми на берегу Сысолы выглядывало и мое жилище. Передъ самымъ городомъ оглушилъ меня пушечный выстрѣлъ. Съ грохотомъ понеслись звуки по широкому про-

странству разливной воды, далеко отозвались они во всѣхъ сторонахъ и не успѣли еще кончиться, какъ ихъ подхватилъ другой пушечный выстрѣлъ, потомъ застоналъ третій и рассыпался дробью.

— Что это за пальба, Алексѣй?

— Это съ барокъ... Съ Койгородской пристани барки плывутъ, такъ вотъ передъ городомъ-то и палятъ.

— Куда-же плывутъ эти барки?

— Съ хлѣбомъ въ Архангельскъ.

— А много ихъ бываетъ тутъ?

— Иной годъ барокъ двадцать, иной тридцать и тридцать пять иногда бываетъ.

— И хлѣбъ все изъ здѣшняго уѣзда идетъ?

— Нѣтъ, изъ здѣшняго уѣзда самая малость, все изъ Вятки.

— А рабочіе?

— Рабочіе — здѣшніе Зыряне.

III.

Черныя утки.

Жождались мы пролета черныхъ утокъ. Послѣ двадцатаго сентября появились небольшія стада ихъ на Сысолѣ и Вычегдѣ, около береговъ, по пескамъ и отмелямъ, по рукавамъ и заливамъ этихъ рѣкъ.

Черныя утки показываются здѣсь пролетомъ не на долгое время только два раза въ годъ: весною, при возвращеніи своемъ на Ледовитое море и на устье Печоры и осенью, при отлетѣ въ теплыя страны.

Весною летятъ онѣ послѣдними изъ всѣхъ породъ утокъ, когда разливная вода пойдетъ на убыль, начнетъ распухать берега и загудятъ по зарямъ дружнымъ хоромъ лягушки. Многочисленными стадами, на страшной высотѣ, мчатся онѣ къ сѣверо-востоку, съ необыкновенною быстротою и рѣзкимъ свистомъ крыльевъ. Для становищъ, или роздыховъ, онѣ выбираютъ мѣста открытыя, на быстромъ теченіи, не обнаруживая желанія плавать около берега и щелучить мутную воду, какъ дѣлаютъ это весною другія утинныя породы; сидятъ всегда очень кучно и безпрестанно ныряютъ. Въ весенній пролетъ черныя утки бываютъ необыкновенно сторожки, такъ что подлѣхать къ нимъ на ружейный выстрѣлъ рѣшительно невозможно; но, не смотря

на это, спугнутое стадо рѣдко улетаетъ совсѣмъ: оно, дѣлая круги надъ самою водою, только пересаживается съ одного мѣста далѣе на другое.

Въ нашихъ пришекнинскихъ мѣстахъ черныя утки не появляются. Въ первый разъ я познакомился съ ними въ зырянскомъ краѣ. Сначала, по рассказамъ здѣшнихъ, я принималъ ихъ за обыкновенныхъ норей, называемыхъ у насъ чернетью (*anas fuliginosa*). Но когда мнѣ принесена была черная утка, я увидалъ, что это совершенно другой видъ, принадлежащій породѣ полярныхъ ныряющихъ утокъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ *морянокъ*. Онѣ гораздо больше чернети, круглѣе, съ чернымъ подбрюшьемъ и съ сжатымъ, свинцоваго цвѣта носомъ.

Печора, при впаденіи своемъ въ море, разметала безчисленное множество рукавовъ и черезъ это надѣлала пропасть большихъ и малыхъ острововъ, на которыхъ любятъ гнѣздиться черныя утки, служа добрымъ продовольствіемъ кочующимъ по печорскимъ тундрамъ Самоѣдамъ. Вмѣстѣ съ лебедями и гусями, утки эти составляютъ пернатое населеніе тѣхъ мѣстъ, и распространяются отъ Печоры далѣе и направо, и налѣво по берегамъ Ледовитаго океана. Тамъ ихъ, говорятъ, видимо-невидимо. Черныя утки вьютъ очень незатѣйливыя гнѣзда близко воды, въ ракушечныхъ, тощихъ — по тамошней природѣ — кустахъ, и кладутъ отъ шести до девяти яицъ, занимаясь усердно ихъ насиживаніемъ. Зыряне завѣряютъ, что эти утки исключительно питаются рыбою, что весьма основательно, такъ какъ онѣ превосходно ныряютъ и мясо ихъ темнаго цвѣта, покрыто осенью толстымъ слоемъ жира, приторнаго на вкусъ и отзываются рыбьимъ запахомъ.

Вотъ все, что я знаю о нравахъ и образѣ жизни утокъ, охоту на которыхъ сейчасъ хочу рассказать.

Двадцать седьмого сентября, ранехонько утромъ, поднялись мы съ постели, съ нетерпѣливымъ желаніемъ поскорѣй отира-

виться на охоту за черными утками. Тѣмъ болѣе дорожили мы этою дичью, что въ здѣшней мѣстности черныя утки составляли конецъ охоты; послѣ ихъ пролета надобно было вычистить и повѣсить ружье на стѣнку до слѣдующей весны. Правда, оставались еще зайцы на узергу; но черностошь здѣсь портился безпрестанно выпадавшими порошами.

А охота по порошѣ, скажете вы, любезный товарищъ, — что можетъ быть лучше наслажденія сойдти косою по отчетливо напечатанному малику и ловкимъ выстрѣломъ поддѣть его на размашистомъ бѣгѣ? Дѣйствительно такъ; ничего не можетъ быть лучше и веселѣе охоты по порошѣ, и въ ярославской губерніи я тѣшился на ней сколько душѣ угодно было; но въдъ тамъ русаки, а въ зырянскому краѣ ихъ совершенно нѣтъ. Бѣляки же ведутся здѣсь въ мѣстахъ лѣсистыхъ, скидываются въ чащи и еще гдѣй-то, не допуская охотника, вскакиваютъ и удираютъ.

Утро было не веселое. Тяжелыя облака низко ходили надъ землею, дулъ сѣверный вѣтеръ и пожимался снѣжокъ. Всѣ окрестности одѣты были ковромъ выпавшей пороши. На песчаные берега рѣкъ она легла ровно и гладко, какъ будто обтянулъ ихъ кто бѣлымъ полотномъ. Контрастъ темной массы воды съ снѣговыми, ярко-бѣлѣющими берегами рѣкъ Вычегды и Сысолы, былъ поразительный, особенно вдали, гдѣ эти рѣки, извиваясь, блестя въ двадцати разныхъ мѣстахъ своею поверхностью.

Еще не успѣлъ я кончить своего чаю, какъ прибылъ новый товарищъ нашъ, Александръ Ивановичъ В*, молодой, начинающій охотникъ, съ нѣкотораго времени неизмѣнный нашъ спутникъ во всѣхъ охотахъ около Устьсысольска. Мало опытный въ охотничьихъ дѣлахъ и приемахъ, но руководимый горячимъ желаніемъ всему этому научиться, онъ былъ неутомимъ въ полѣ и геройски побѣждалъ всѣ трудности, воздвигаемыя мѣстностью и природою. Пробраться по зыбкому бо-

лоту, по топкой трясины, броситься въ вязкое озеро, — было для него плевымъ дѣломъ; а отъ намѣренія отправиться на охоту не могли остановить его ни бури ни холода, ни дожди, ни вьюги.

Наше намѣреніе было объѣхать весь островъ, находящійся прямо противъ города. Островъ этотъ имѣетъ окружность около двадцати пяти верстъ и произошелъ отъ причудливаго теченія рѣки Сысолы, которая предъ своимъ устьемъ, отбросивъ широкій рукавъ къ Вычегдѣ и этимъ соединивъ съ нею свои воды, дѣлаетъ большую извилину влѣво и, прокрививъ еще отъ рукава верстъ шесть, окончательно уже впадаетъ въ Вычегду. Такимъ образомъ произошелъ островъ, окруженный съ трехъ сторонъ излучистымъ теченіемъ Вычегды и Сысолы, а съ четвертой широкимъ протокомъ отъ Сысолы къ Вычегдѣ.

— Вы, Александръ Ивановичъ, съ какимъ ружьемъ поѣдете? спросилъ Абрамъ нашего товарища В., охотившагося пока еще съ нашими ружьями.

— Да ужъ я, Абрамъ, съ твоимъ, съ длиннымъ, поѣду, — отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо, берите длинное, а я возьму винтовку, можетъ придется стрѣлять въ лебедей.

— Много ты сдѣлаешь своей винтовкой! Возьми-ка лучше двухстволокъ, да заряда четыре про насъ картечь, дѣло-то лучше будетъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ, ужъ, я винтовку, упорствовалъ Абрамъ; — въ веслахъ-то гребучи, мнѣ не придется стрѣлять изъ ружья: все вы будете забухивать.

— По мнѣ какъ хочешь; пожалуй бери винтовку.

— Абрамъ, по пріѣздѣ въ Устьсысольскъ, собралъ себѣ широкодульную винтовку для стрѣльбы оленей, гусей и лебедей. Условіе съ мастеромъ было такого рода, — чтобъ винтовка была на восемьдесятъ сажень въ пятно съ ладонь величиною.хлопотъ и возни, предположеній и сладкихъ надеждъ было множество; но толку вышло мало: собранная и десять

разъ вывѣренная винтовка не била и на половинную дистанцію, что очень смущало Абрама, никакъ не хотѣвшаго сознаться въ плохомъ достоинствѣ своего новаго оружія, изъ котораго онъ въ продолженіе всего лѣта еще пера не вышибъ изъ птицы.

Скоро мы собрались, спустили свою походную охотничью лодочку, уѣлись и поплыли вверхъ по Сысолѣ, придерживаясь лѣваго песчанаго ея берега, чтобъ не такъ трудно было бороться съ теченіемъ, чрезвычайно быстрымъ отъ осенней прибыли воды. Подувалъ вѣтерокъ и снѣжило. Мы обогнули маленькій островокъ посреди Сысолы, выбились изъ бойкой быстрины, бьющей съ мыса, острымъ угломъ вдавагоса въ рѣку, и поплыли около равитнива. Зоркій глазъ Абрама замѣтилъ вдали пару утокъ.

— Не вижу... Гдѣ? спросилъ Александръ Ивановичъ, напрягая свое зрѣніе въ даль, которая совершенно тонула въ сумрачной погодѣ.

— Вонъ, вонъ—смотрите противъ песку-то колыхаются.

Я, какъ ни смотрѣлъ, тоже ничего не могъ разглядѣть.

— Што-й-то, неужели не видите? Смотрите, вонъ, одна унырнула; вонъ, другая—противъ кола-то, что на берегу торчить.

— А, вижу, вижу. Гребни сильнѣй! вскричалъ радостно В.

Скоро и я рассмотрѣлъ пару черныхъ утокъ, плававшихъ не далеко отъ берега и безпрестанно нырявшихъ. Мы приблизились къ нимъ шаговъ на сто. Утки начали озираться, перестали нырять и тѣсно жались другъ къ другу. Потомъ, избоченаясь, и безпрестанно повертывая головки, онѣ быстро поплыли прочь.

— Вотъ слылились въ одну мишень, стрѣляйте, — прошепталъ Абрамъ.

Я приложился и выстрѣлилъ. Одна утка скрылась подъ водой; другая снялась и полетѣла, описывая дугу около на-

шей лодки. Александръ Ивановичъ выстрѣлилъ въ-летъ, но сдѣлалъ промахъ; я подхватилъ ее другимъ выстрѣломъ; утка столбомъ взвилась къверху, часто замахала крыльями, но справилась, спустилась къ водѣ, потянула параллельно съ ея поверхностію и скоро исчезла изъ нашихъ глазъ.

— Ну, эта умирать полетѣла; теперь не зѣвайте ту, что унырнула-то,—сказалъ Абрамъ, сильно ударивъ раза два веслами.

— Да ее и прозѣвать нельзя, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ,—смотри, вонъ она ужъ вверхъ брюхомъ плаваетъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ вверхъ брюхомъ. Глубоко же она унырнула съ горяча-то—долго какъ не показывалась.

Абрамъ подхватилъ утку за крыло, стряхнулъ ее, стукнулъ головкою о бортъ и бросилъ въ носъ лодки, проговоривъ свое обычное—«начинъ полю есть».

— Теперь въ Артемьевскіе, Абрамъ, ѣхать надобно; тамъ утки должны быть, сказалъ я.

— Безпремѣнно въ Артемьевскіе. Какъ тамъ не быть уткамъ. Держите правѣе, здѣсь уносно больно.

Артемьевскими называются два большихъ залива отъ рѣки Сысолы и множество курей и озеръ, разбросанныхъ по разнымъ направленіямъ въ концѣ острова, который намъ приходилось огибать. Какъ только составятся утки, подойдетъ время жировъ^{*)}), осенней кормѣжки, такъ и начнутъ становать большими стадами на Артемьевскихъ заливахъ свѣязи, чернети и шилохвости. Мѣстность Артемьевскихъ широко господствуетъ надъ окрестными лугами: нѣтъ ни пригорочка, ни бугорка: вездѣ ровно и плоско, отовсюду видна опасность, почему и не мудрено, что здѣсь любимые притоны утокъ. При осеннихъ пролетахъ за частую дѣлають роздыхи на этихъ мѣстахъ гуси и даже лебеди.

Вѣтерокъ раздувался все сильнѣе и сильнѣе. Мокрый

^{*)} Утки закармливаются на отлетъ, жируютъ—жировать.

снѣгъ валилъ хлопьями и заслѣплялъ намъ глаза. Мы прикрыли замки у ружей ягдташами, чтобъ не смокли, и усердно продолжали работать веслами.

— Ну, погодка! Изъ доброй воли только охотникъ и выйдетъ изъ дому въ этакую слякоть, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Эхъ, батюшка, вы ничего не знаете, возразилъ Абрамъ; да эта погода самая что ни на есть лучшая для охоты: теперъ утка пресмирная, такъ къ самой и подъѣзжай. Опять найди-ка на лѣсу тетерева въ этакую погоду: просто такъ подь самого подходи, да и бей.

— Да, нечего сказать, удобно ходить по лѣсу въ этакую погоду: съ вѣтвей начнетъ окачивать съ головы до ногъ капелью, какъ изъ ведра, сказалъ я.

— Мало-ли что: люби кататься, люби и саночки возить. Какъ бы знатъе, гдѣ водятся здѣсь польники, съ полночи ушелъ бы сегодня за ними.

— Зачѣмъ же не развѣдалъ, гдѣ водятся?

— Было ужъ у меня разспросовъ-то, да никто мнѣ толкомъ ничего не сказалъ; видно ихъ здѣсь совсѣмъ малость; по лѣту нашли-ли-мы съ вами хоть одинъ выводокъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, обратился я къ Александру Ивановичу, отчего здѣсь тетеревиныхъ выводковъ очень мало? Мы выходили здѣсь всѣ мѣста верстъ на десять около Устьсысольска — хоть бы одинъ подняли.

— Кто ихъ знаетъ отчего. Я думаю, причиною все наши зырянскія петли.

— Но, говорятъ, польниковъ показывается зимой здѣсь очень много; откуда же они берутся?

— Изъ глухихъ мѣстъ выбираются. Бываютъ года, что по зимамъ ихъ видятъ безчисленное множество.

— Но не можетъ быть, чтобъ и выводки держались въ глухихъ мѣстахъ: тетерьки съ молодыми выводятся въ мел-

вій кустарникъ съ густымъ подсѣдомъ травы, или на пожни, близко къ яровымъ хлѣбамъ.

— Да, въ вашихъ губерніяхъ это такъ; но здѣсь иначе. Вы бывали въ «Лемъ-ю»?

— Былъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

— Значить, знаете, какимъ огромнымъ лѣсомъ протекаетъ рѣчка Лемъ-ю. Чего же, кажется, глуше и мрачнѣе этого мѣста. Если углубиться въ лѣсъ верстъ на восемьдесятъ, то тамъ, по берегамъ Лемъ-ю, будутъ огромные травяники. Вотъ въ этихъ-то травяникахъ, какъ я слыхалъ, и водятся тетеревиные выводки, да въ такомъ количествѣ, что просто ужасъ...

— Вотъ бы, Абрамъ, намъ съ тобой куда забраться, отвели бы душеньку.

— Натѣшились бы; только комары насъ съѣли бы, отвѣчалъ Абрамъ.

— Да, ужъ комаровъ въ нашихъ мѣстахъ по лѣтамъ тучи, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Должно быть тамъ и тетеревиные тока огромные бываютъ; а то иначе нельзя себѣ представить, чтобъ только однѣ тетерьки забирались въ такую глушь для вывода молодыхъ.

— Конечно, и тока тамъ же собираются, и дѣйствительно, говорятъ, огромные тока. Токовища въ такихъ глухихъ мѣстахъ бываютъ на березинахъ, на этакихъ приболотяхъ — съ рѣдколѣсьемъ. Ни одна тысяча ихъ слетится на токъ и бурлятъ такъ, что издали точно водопадъ какой шумить.

Въ нашей бесѣдѣ незамѣтно прошло время, такъ что мы и не видали, какъ приблизились къ Артемьевскимъ заливамъ. Широкая полоса воды длиннымъ серповиднымъ хвостомъ вдавалась въ землю и далѣе, раздѣляясь на нѣсколько отдѣльныхъ узенькихъ заливцевъ, оканчивалась

подобіемъ вытянутаго языка. Это былъ первый, ближній заливъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ начинался, росла небольшая семья ивовыхъ кустовъ, до половины затопленная осенними паводками. Быстрое теченіе трясло и пристилало ихъ тоненькіе прутики, съ которыхъ игривыми струйками разбѣгалась вода, завертываясь въ кольца. Въ послѣднемъ, самомъ дальнемъ отъ насъ кустѣ, плавало нѣсколько десятковъ черныхъ утокъ. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я, какъ стая эта плескалась и играла на водѣ, какъ весело гонялись утки другъ за дружкой, шумно пересаживались съ мѣста на мѣсто, и то и дѣло ныряли.

— А, вотъ онѣ гдѣ, голубушки, сказалъ радостно Абрамъ, увидавъ утокъ. Какъ бы подъ нихъ подѣхать-то ловчѣе. Знаете-ли, заѣдемъ туда дальше за нихъ, да и пустимъ лодку по водѣ, насъ такъ и нанесетъ на самыхъ.

Дѣйствительно, лучшаго способа подъ утокъ не было. Мы скоро обогнули стадо и только готовились пустить лодку по водѣ, какъ вдругъ до нашего слуха донесся металлическій голосъ лебедя.

— Стойте! Гдѣ-то лебеди проговорили, прошепталъ Александръ Ивановичъ.

Мы тихо опустили весла и напряженно начали прислушиваться. Лодка, предоставленная собственной волѣ, пошла внизъ, повинувась быстрому теченію воды, и скоро приблизилась къ плескавшемуся стаду черныхъ утокъ. Но онѣ уже не существовали для насъ болѣе. Случалось ли вамъ, любезный товарищъ, бывать на тягѣ вальдшнеповъ въ мѣстахъ, гдѣ дичь эта—рѣдкость, и гдѣ охота за ними сопряжена съ значительными издержками? Въ тихій майскій вечеръ, прислушиваясь къ голосу торжествующей природы, стоишь, бывало и ждешь тяги. Неподалеку соловей заливается въ березовомъ кустѣ, въ сосѣднемъ болотѣ свиститъ гурочка, а на лѣсу кукуетъ и покеркиваетъ, будто давитъ

ся, кукушка. Въ опушкѣ мелькнулъ заяцъ. Вотъ онъ выбѣжалъ на подсѣгу и легкими прыжками пробирается на зель, не замѣчая охотника. Мигомъ вскидываешь ружье и уже готовишься спустить курокъ по косому, какъ вдругъ свистнулъ и хоркнулъ вальдшнепъ, руки невольно опустились, какая-то дрожь электрическою искрою пробѣжала по тѣлу — и сердце замерло... Заяцъ исчезъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ, не переводя дыханія, превратясь весь въ слухъ и зрѣніе, ждешь появленія вальдшнепа. Тоже самое было съ нами и теперь, — мы забыли про утокъ, — вся страсть наша стустилась на кровожадномъ желаніи завладѣть лебедемъ, этою богатою и рѣдкою добычею. Голосъ болѣе не повторялся и, какъ ни смотрѣли мы вдоль по заливу, ничего не могли оглядѣть за хлопьями снѣгу, туманившими воздухъ и затѣмнявшими даль. Утки, между тѣмъ, очень близко. Лодку нашу поднесло къ нимъ на разстояніе какихъ-нибудь пятидесяти, много шестидесяти шаговъ; такъ бы и шарахнулъ по ихъ сгрудившемуся стаду!.. Наконецъ онѣ поднялись и пересѣли далѣе.

— Смотрите-ко батюшки, что это такое? Вѣдь, это, кажись, они и есть, проговорилъ Абрамъ, взглядываясь въ бѣлое, запушенное снѣгомъ, пространство пожни.

— Ничего я не вижу въ этомъ снѣгу; гребни, подѣдемъ поближе — тогда удостовѣримся.

Мы подались сажень на тридцать въ заливъ, повернули лодку бокомъ, и всѣ трое снова принялись разглядывать.

— Лебеди, лебеди, право, — лебеди! произнесъ скороговоркою Абрамъ. Вонъ, глядите, — туда дальше, въ самомъ-то концѣ на пожнѣ четыре штуки сидятъ; видите, какъ шеи-то вытянули. Оглядѣлинась, оглядѣли, давайте скорѣй лодку назадъ!

— Что же мы будемъ дѣлать? спросилъ В.

— А пристанемъ къ берегу; я поползу, можетъ и подпустятъ, нерѣшительно отвѣчалъ Абрамъ.

Произошло совѣщаніе. Послѣ маленькаго спора, рѣшено было по свойству оружія предоставить охоту на лебедей Абраму.

— Вотъ она, винтовка-то и пригодилась, а еще брать не приказывали...

— Увидимъ, что ты сдѣлаешь своей винтовкой; ступай, ползи, а мы подождемъ тебя здѣсь, сказалъ я.

Мы пристали къ правой сторонѣ залива. Абрамъ схватилъ винтовку, выскочилъ на берегъ, придернулъ лодку, и, сторбившись, пошелъ въ обходъ къ лебедямъ. Долго онъ шелъ, наклоняясь все ниже и ниже; потомъ, сбросивъ картузъ съ головы, поползъ на четверенькахъ. Передвигая правою рукою винтовку, стараясь держаться постоянно противъ крошечнаго бугорка, заслонявшаго лебедей, и избѣгая мочевины и кочекъ, онъ медленно подвигался впередъ. Наконецъ онъ легъ и поползъ на брюхъ. Небольшая ложбинка, въ которую вползъ Абрамъ, почти совсѣмъ скрыла его отъ насъ; только иногда выставлялась голова его, высматривающая мѣстность, да отъ неровности почвы кой-гдѣ показывались спина и ноги, хотя онъ употреблялъ всѣ усилія распластаться по землѣ, чтобъ совершенно слиться съ ея поверхностью. Вотъ онъ выползъ на открытое мѣсто, далѣе уже подкрадываться невозможно; вездѣ ровно и плоско, лебеди какъ на блюдечкѣ, и со стороны кажутся не очень далеко отъ Абрама. Съ сердечнымъ трепетомъ слѣдили мы за всѣми его движеніями. Вотъ онъ взвелъ курокъ у винтовки, откинулъ нависшіе на лицо волосы, приложился и началъ цѣлиться медленно и твердо. Выстрѣлъ грянулъ и поднялись всѣ четыре лебедя. Тяжело замахали они крыльями, въ струну вытянули они шею и ноги, и, разговаривая на своемъ чудномъ и звонкомъ, какъ серебрянная труба, голосѣ, — плавно полѣтели на юго-западъ. Долго звучалъ ихъ голосъ; долго сверкали они бѣлыми точками въ воз-

духъ и, наконецъ, скрылись въ сумрачной дали. Абрамъ, проводивъ лебедей глазами, не весело возвращался къ лодкѣ. На пути поднялъ онъ свой картузъ, отряхнулъ его отъ снѣга и нахлобучилъ на самые глаза, что всегда дѣлалъ въ несчастливныя минуты своей охоты.

— Ну, вотъ твоя и хваленая винтовка, сказалъ я; вѣдь не очень далеко стрѣляль-то.

— Нѣтъ, далеко было; это отсюда такъ кажется.

— И оправдалась пословица: — «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»...

— Какъ бы давеча стрѣляли по уткамъ-то, дѣло-то бы вышло лучше, съ досадою сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Это все Абрамъ — съ лебедями связался... ну, гдѣ тебѣ изъ своей мѣшалки убить лебедя, только всю штуку испортилъ, — подтрунилъ я надъ Абрамомъ.

— Вотъ и напали на меня, да и напали-то занапрасно: утки-то не уйдутъ; вотъ онѣ — смотрите, опять на томъ же мѣстѣ полощутся.

Дѣйствительно, черныя утки ныряли въ тѣхъ-же ивняковыхъ кустахъ. Но на этотъ разъ онѣ какъ будто чувствовали угрожающую имъ опасность: не допуская насъ сажень на тридцать, все стадо сгрудилось и быстро поплыло прочь.

— Стрѣляйте, Александръ Ивановичъ, сказала я, приготавливая свое ружье, чтобъ выстрѣлить по уткамъ на подъемѣ.

— Далеко...

— Ничего, вѣдь это по стаду... Стрѣляйте!

В. выстрѣлилъ; пара утокъ взвернулась и начала биться, всхлопывая крыльями, кружась и перевертываясь. Остальные поднялись и съ свойственнымъ этой породѣ свистомъ крыльевъ, потянули надъ самою водою. Я вскинулъ ружье, чтобъ выстрѣлить въ лѣтъ, но въ тотъ моментъ, какъ дернулъ за собачку, лодка вдругъ повернулась и послѣдовало сразу два пуделя.

— Помилуй, братецъ, какъ тебѣ не стыдно, взѣлся я на Абрама,—не можешь держать лодки чередомъ; видишь какіе скверные промахи сдѣлалъ—по твоей милости!

— Прахъ ее вѣдаетъ, какъ она повернулась, не нарочно вѣдь... Стрѣляйте! Стрѣляйте! ну, унырнула...

— Да что такое? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Утка, утка! Вы же, должно быть, подшибли. Смотрите, впереди вынырнуть.

Забывъ свою досаду, я торопливо началъ заряжать ружье, и только усиѣлъ надѣть пистонъ на правый стволъ, какъ въ пяти саженьяхъ отъ насъ вынырнула утка и вытянувшись по водѣ,—поплыла къ берегу. Я докончилъ ее.

— Ну, вотъ, и на вашу долю досталось. Вишь, какъ славно хватили, такъ даже ее и отбросило, одобрительно произнесъ Абрамъ, и потомъ, снявъ картузь, и сіяя довольною улыбкою, поздравилъ насъ обоихъ съ полемъ.

— А тебя—съ лебедями, сказалъ В., тоже снимая картузь и влкаясь.

Абрамъ тоскливо вздохнулъ и, ничего не отвѣтивъ на шуточку Александра Ивановича, сильными ударами весель подплылъ къ убитой дичи, собралъ ее и началъ складывать въ носъ, наэтотъ разъ бережно подвертывая головки подъкрылья. Одну онъ пощупалъ, взвѣсилъ на рукѣ и замѣтилъ, что очень тяжела и жирна. Въ самомъ дѣлѣ утки были полновѣсны и жирны.

Поплававъ еще нѣсколько времени по заливу и около песчаной косы и не выдавъ болѣе утокъ, мы добрались наконецъ и до широкаго пролоя, или до такъ называемаго Потеряя, соединяющаго Вычегду съ Сысолою. Черезъ четверть часа мы были въ Вычегдѣ.

Въ продолженіе предлагаемыхъ разказовъ—еще не разъ приведется намъ путешествовать, съ охотничьими цѣлями, по этой рѣкѣ зырянскаго края, почему и не лишнее будетъ сказать о ней кое-что поподробнѣе.

Два истока: одинъ изъ южной части большаго моховаго болота Дзюръ-Нюръ, знаменитаго становища оленей, лежащаго въ труппобѣ Устьсысолевскихъ лѣсовъ, сопредѣльныхъ мезенскому уѣзду, другой изъ возвышенности Согры-Нальдекъ-Керось, сливаясь подъ острымъ угломъ, образуютъ рѣку Вычегду. Съ точки своего образованія Вычегда сохраняетъ югозападное направленіе праваго своего истока до впаденія въ нее рѣки Черъ, послѣ чего она поворачиваетъ къ юговостоку, но, принявъ слѣва Мылву, измѣняетъ направленіе къ югу, которое и удерживаетъ до устья Нема. Круто повернувъ у послѣдняго къ юго-западу, она рѣкою Сѣверной-Кольтой вдругъ отбрасывается обратно, то есть къ сѣверо-западу, за исключеніемъ небольшого излома отъ юга къ сѣверу, между устьями Сысола и Выми. Вычегда протекаетъ три большихъ уѣзда: Вологодской губерніи:—Устьсысолевскій, Яренскій и Сольвычегодскій и занимаетъ свою длиною болѣе, нежели тысячу верстъ. Мѣстами она очень широка и быстра. Впадина ея песчаноглинистая, сжатая въ верховьяхъ съ обѣихъ сторонъ грядями возвышенностей, которыя, однако же, не долго удерживаютъ рѣку, и, удаляясь отъ береговъ, даютъ ей полный просторъ прорывать на слабомъ, зыбкомъ грунтѣ новыя русла и рукава, и разливаться весною на широкое пространство, синь-синѣющее во все стороны. Въ верхней половинѣ Вычегды правый берегъ возвышеннѣе, а около селеній Мнелдинскаго и Усть-Немскаго онъ почти вдругъ поднимается на высоту тридцати пяти сажень скалами известковаго свойства и потомъ снова понижается въ плоскую равнину. Ниже Устьсысолевска лѣвый берегъ переходитъ въ нагорный, и удерживается на этомъ положеніи, съ небольшими пронизьями, до самаго устья, т. е. до впаденія рѣки въ Сѣверную Двину.

Вычегда во многихъ мѣстахъ раскидывается на рукава, образующія цѣлыя группы острововъ, особенно въ низовъ-

яхъ. Прихотливо измѣняя свой фарватеръ, она отъ ежедневныхъ наносовъ пересѣкается длинными песчаными косами, служащими богатымъ привольемъ для гусей и всевозможныхъ сортовъ утокъ во время осенняго пролета. Старые слѣды течения ея водъ явственно обозначаются рядами озеръ, заливовъ, обмелѣвшихъ рукавовъ и курей, многочисленность которыхъ доказываетъ, какъ часто Вычегда мѣняла русло. Подмывая и опрокидывая въ глубину свои берега во время весеннихъ разливовъ и особенно при движеніи льда, она заставляла переносить на другія мѣста цѣлые города. Такъ въ XVII столѣтіи городъ Яренскъ былъ перенесенъ на версту отъ береговой окраины рѣки. Теперь Вычегда течетъ отъ него уже въ пяти верстахъ. Основаніе городу Сольвычегодску, по сохранившемуся здѣсь преданію, положила опасность отъ Вычегды, угрожавшая городу Чернигову, (нынѣ деревнѣ Городище). Жители Чернигова, вытѣсненные рѣкою, постоянно отмывавшею берегъ, переселились къ Усолю и основали нынѣшній городъ Сольвычегодскъ, въ шести верстахъ отъ рѣки. Но и здѣсь Вычегда подобралась и начала жать городъ, угрожая въ настоящее время соборной его церкви, построенной на высокомъ мысу, бока котораго только отвѣсными срубомъ защищены отъ обрушенія.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы выѣхали на Вычегду, рѣка эта, улегшись въ низкіе, обрывистые берега, плавно и гордо катила свои волны. Какое-то солидное спокойствіе лежало на этой величаво движущейся массѣ воды. По правой сторонѣ Вычегды, какъ кайма, тянулся сплошною грядою лѣсъ и терялся вдали, уходя подъ небосклонъ; по лѣвой—разстилалась плоская равнина побѣлѣвшей отъ снѣга пожни, а прямо, внизъ по теченію, рисовался на туманномъ горизонтѣ гребень нагорной стороны, съ деревьями и овражистыми пашнями. Съ востока тяжело плыло густое снѣжное облако и восходя къ зениту грядами расплзалось по небу. Мы вы-

плыли на самую средину рѣки и быстро понеслись внизъ по теченію. Весело бѣжала наша лодочка, бойко разсѣвая воду, треугольникомъ расходившуюся на обѣ стороны; сильно грѣбъ начинавшій прозябать Абрамъ, и твердыми ударами кормоваго весла помогаль ему Александръ Ивановичъ, правившій лодкой. Часто замѣчали мы вдали, около береговъ, черныя, сомнительныя точки, подозрѣвая въ нихъ утокъ, умѣряли работу веслами, соображали нападеніе, но точки оказывались корягами, высунувшими свои корни изъ-подъ воды или тычками, вбитыми Зырянами для ловли рыбы мережами. Время уже было за полдень.

— Абрамъ! А вѣдь это утка плыветь, сказалъ я, показывая на чуть замѣтное темноватое пятно подъ самымъ урѣзомъ берега.

— Утка и то! Только что это за утка такая? Низко больно плыветь—только одна голова да спина видать...

— Не крохаль-ли, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Можетъ быть и крохаль, вотъ увидимъ. Держите не множокъ помимо, чтобы не испугать ее.

— Вишь, какая соколена — внизъ по водѣ бросилась. Гроби, Абрамъ, — уплыветь, сказалъ В. и началъ сильно поддавать кормовымъ весломъ, замѣтивъ, что утка быстро пошла внизъ по теченію воды.

Сажень тридцать не допуская, утка снялась и низомъ потянула вверхъ рѣки, мимо лодки. Я ударилъ ее впоперечь. Со всего размаху шлепнулась она на воду и не пошевелилась.

— Ай-да лихо! не совстрепенулась, вскричалъ Абрамъ.

— Подъѣзжайте къ ней Александръ Ивановичъ, — что за утка такая? Что-то велика очень.

— И мнѣ тоже очень велика показалась; бери-ка Абрамъ, да кажи—что за утка; — сказалъ В., подвернувъ носъ къ убитой уткѣ, которую крутило въ маленькомъ водоворотѣ, подъ урѣзистымъ берегомъ.

— Ой, батюшко, да что вы убили-то, вѣдь гагара,— тономъ пренебреженія произнесъ Абрамъ, поднимая утку за крыло.

— Какъ гагара?

— Гагара, самая матерѣющая. Посмотрите, откуда у нея ноги-то выросли...

— Этакая проклятая. А я думалъ, что крохаль: стоило хлопотать изъ-за дряни, сказалъ я досадуя на свою ошибку.

— Кабая же это дрянь, — возразилъ Александръ Ивановичъ,—эта дрянь для зырянина дороже всякой утки.

— Да вѣдь ее нельзя ѣсть?

— И не ѣдятъ; но шкурка идетъ въ дѣло.

— Въ какое же дѣло? спросилъ я.

— А изъ нее дѣлають Зыряне превосходныя шапочки, самыя щегольскія въ здѣшной сторонѣ. На это идетъ шкурка съ головки и шейки по то мѣсто, гдѣ кончается бусой *) цвѣтъ. Другія гагаричьи шапки, похуже, дѣлають изъ черевьевъ; онѣ также бывають очень красивы, бѣлыя, точно горностаевыя.

— Хорошо выдѣлываютъ они эти шкурки?

— Нѣтъ, выдѣлывать ихъ здѣсь не умѣють; даже и лебяжьи шкуры привозятся съ Печоры и продаются невыдѣланныя. Просто сдирають, распяливаютъ на гвоздики, высушиваютъ и намазываютъ ихъ разведенною въ водѣ сулемою, или мышьякомъ—отъ моли, да такъ и шьютъ изъ нихъ франтовскія шапочки.

— Такъ ненадо, Абрамъ, бросать гагару-то; можетъ и пригодится; смастеримъ себѣ зырянскую шапку.

— Какъ же можно бросать, теперь не брошу. Какъ бы зналъ я это прежде, сталъ бы бить ихъ.

— Недобычливая сегодняшняя наша охота: всего-то на- всего четыре штуки, да пятая гагара, сказалъ я Абраму,

*) Сѣрый, дымчатый.

снова трудившемуся съ необыкновеннымъ усердіемъ въ веслахъ, отчего наша лодка летомъ-летѣла внизъ по водѣ.

— Еще не узнали! Ласта впереди; а на Ластѣ, говорятъ, тоже бываютъ большіе притоны черныхъ утокъ.

— Ласта—это собственное имя большой курьи, берущей начало отъ рѣки Вычегды и полого растянувшейся къ Сысолѣ. По краямъ густо обрастаетъ она по зыбучему грунту ржавою осокою, въ которую любятъ прятаться бекасы и гаршнепы. Первый гаршнепъ—поздній, осенній гость нашъ въ Ярославской губерніи—былъ убитъ мною здѣсь на Ластѣ 6-го августа. Въ половинѣ августа Ласта вся высыхаетъ, остается только немного воды въ серединѣ самаго лога; а остальное — все илистая грязь, мочевины и ржавчина. Въ это время безчисленное множество куликовъ разныхъ породъ: травниковъ, поручейниковъ, чернышей, курохтановъ, поплавокъ и зукъ—кормится на Ластѣ, безпрестанно перелетывая съ мѣста на мѣсто и бѣгая около воды и по водѣ по мелкимъ лужицамъ. Поплавокъ и песочниковъ я видалъ здѣсь въ несмѣтномъ количествѣ. Зыряне не бьютъ куликовъ, не считая ихъ за дичь по малому объему тѣла. На Ластѣ, по зарямъ, кромѣ куликовъ, постоянныхъ ея обитателей, пристаётъ очень много утокъ: чирковъ, свіязей, шилохвостей и кряковыхъ. Въ лѣтнее время, бывало, каждый вечерокъ сбѣгаетъ Абрамъ на Ласту и притащить себѣ на жаркое парочку утокъ, а иногда и двѣ. Это называлъ онъ охотою скороспѣлкою. Въ самомъ дѣлѣ скороспѣлка: стоило только переѣхать черезъ Сысолу, пройти съ четверть версты и войдешь на Ласту. Тутъ сейчасъ же сдѣлаешь нѣсколько выстрѣловъ, убьешь нѣсколько штукъ и возвращаешься домой. Въ осенніе паводки вся впадина Ласты наполняется водою, представляетъ очень широкій заливъ и служитъ хорошимъ притономъ для черныхъ утокъ.

Надежды Абрама оправдались. На Ластѣ мы нашли боль-

шое стадо черныхъ утокъ и безъ особенностей, подкравшись изъ-за высокаго бугра, вышибли три штуки.

— Вотъ, вѣдь — осенью не такъ же сторожки черныя-то утки, отнесся я къ Абраму; а то помнишь, весной, во время пролету — приступу не было къ нимъ.

— Молоды, такъ глупы; къ тому же не пуганы, — отвѣчалъ Абрамъ коротко и неохотно, будучи недоволенъ своею винтовкою, изъ которой онъ сдѣлалъ выстрѣлъ вмѣстѣ съ нами на Ластѣ по стаду — и ничего не убилъ.

Въ пятидесяти саженьяхъ отъ Ласты — устье Сысолы, по которой надобно подняться версты полторы, чтобы доѣхать до города. Въ самомъ Устьѣ попались намъ на встрѣчу двое Зырянъ, плывущихъ на маленькой лодочкѣ.

— Оладь-вылатъ (живете-можете), добрые охотники! раздался ласковый голосъ съ лодочки.

— Здорово, Алексѣй! Куда это ты отправляешься? спросилъ я знакомаго охотника-зырянина, сопутствовавшаго намъ весной въ Бѣлый-Боръ.

— Рыбу лучить ѣду подъ Копанецъ. Какъ поохотничали?

— Хорошо, штукъ семь убили черныхъ.

— Ну, и слава Богу!

Мы разѣхались въ разныя стороны; лодка Алексѣя скоро исчезла за мысомъ.

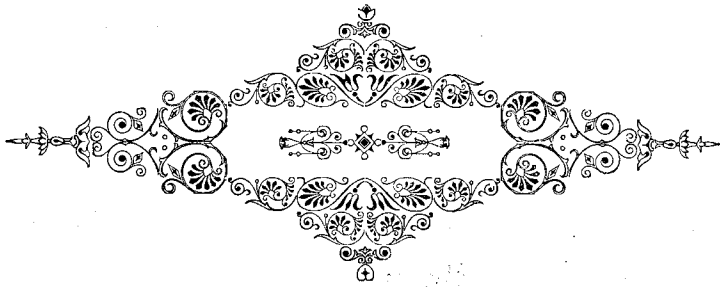
— Что это, Абрамъ, измѣняетъ тебѣ винтовка-то твоя? спросилъ Александръ Ивановичъ, когда мы уже подѣзжали къ самому городу.

— Давно ужъ мнѣ незадача, хитинку надо сдѣлать, отвѣчалъ сквозь зубы Абрамъ.

— Опять хитинку. Какую же?

— А отъ трехъ пороговъ взять по щепоткѣ и окуритьея... Это пользительнѣе бываетъ богородской травы.

I V.

ЛЯЙКӨДЖЪ.

Вступилъ сѣрый, сырой, скучный мѣсяць Сентябрь. Подкрался онъ въ этотъ годъ какъ-то незамѣтно: все было тепло и ясно, во весь Августъ шли чудные лѣтніе дни, какъ вдругъ вмѣстѣ съ Сентяремъ круто свернуло на осень, и загудѣлъ неумолкаемо сѣверный вѣтеръ; загудѣлъ — и гудитъ себѣ не перемежаясь, крутитъ, перевиваетъ пожелтѣлыя, обвалившіеся листья и хлещетъ въ окна голыми вѣтвями рябины, обивая кисти спѣлыхъ ея ягодъ. Хвойный лѣсъ, зеленѣвшій по ту сторону Вычегды, какъ-то почернѣлъ вдругъ и притуманился, и даже луговая пожня, раскинувшаяся такимъ широкимъ привольемъ за рѣкою Сысолой, зарябѣла какими-то грязно-желтыми цвѣтами. Все завяло, засохло, опустилось, охохлилось. Вонъ ѣдетъ зырянинъ на двухколескѣ съ возомъ ячменныхъ сноповъ. Лѣнливо, понуривъ голову, выступаетъ его тощая лошаденка. Лѣнливо шагаетъ за нею и зырянинъ, принарядившійся по осеннему времени въ теплую шапку-ушанку, сшитую изъ молодыхъ оленятъ, извѣстныхъ подъ именемъ пыжиковъ, и въ zipунъ изъ толстаго домашняго сукна коричневаго цвѣта съ искрой. За возомъ бѣжитъ клокастая исхудалая собака съ опущеннымъ хвостомъ, а за собакой какой-то вертлявый мальчуганъ въ дырваыхъ сапогахъ, изъ-за голенищей которыхъ

трепещутся полосатые клочья зырянских чулковъ. У поваливагося забора стоитъ корова что-то не въ духѣ, смотритъ пристально на почернѣвшую ботву картофеля въ огородѣ, да пожевываетъ. Надъ всеѣмъ этимъ пасмурное, сердитое небо, съ изорвавшимися, точно послѣ драки облаками, которыя несутся скоро-прескоро куда-то безъ оглядки. Мелкій, ненастный дождикъ однообразно падаетъ на влажную землю, и, брызгая въ окна, пускаетъ по стекламъ извилистыя дорожки. Грустное, невыносимо тяжелое, гнетущее время! Куда ни помотришь, вездѣ все скучно, неприглядно, неопратно.

Чу! скрипнула дверь: кто-то идетъ. Непремѣнно разговоръ начнется о погодѣ; вотъ утѣшеніе! Или это Абрамъ? Пришелъ и остановился у косяка, заложивши руки за спину; вѣрно на умѣ есть какая-нибудь затѣя.

— Что, Абрамъ, скажешь хорошенькаго?

— Да что сказать-то? ничего не скажу; все хорошо.

— Ужъ будто ничего не скажешь! Видишь, погода какая мерзѣйшая; дождь моросить, вѣтеръ свищетъ...

— Погода бы нешто! что намъ погода? пускай дождитъ! не сахарные...

— Не растаемъ! добавилъ я: — знаю, братъ, я твою пословицу: ужъ ты, навѣрно, что-нибудь затѣялъ! На охоту чай?

— Да пожалуй изъ-за погоды и все сиди дома, да точи веретена, а время-то что ни-на-есть лучшее и пройдетъ.

— Какое же это такое лучшее время?

— А хоть бы пролетъ гусей. Они теперя валомъ вальятъ. Такія-ли стада летить гуся, что уму невообразимо!

— Ну такъ что же?

— Ничего; на печь не прилетятъ; ѣхать надо на охоту.

— Вотъ какъ! А дождикъ-то, а вѣтеръ-то, а холодъ-то?

— Это што... Это все пустое; потеплѣе одѣнемся...

— Не знаю, Абрамъ, тяжело какъ-то подыматься въ такую погоду; да и будетъ-ли удача?

— Не знаю; какъ хотите, а задача быть должна, потому погода такая сумрачная, гусь летитъ низко и отдыхаетъ часто.

— Такъ ѣхать что-ли?

— Да поѣдте! что тутъ долго думать-то?

— Куда-же. Въ Парчегъ что-ли?

— Зачѣмъ намъ въ Парчегъ? Поѣдте въ Ляйкѳджъ: тамъ мѣста не въ примѣръ притоманиѣе и подборы лучше.

— Да тамъ, вѣдь, говорятъ, охотника много?

— Што охотника! зырянскія-то мѣшалки намъ не помѣха. Изъ ихнихъ дудогъ не много напиликаешь.

— А дождь-то?

— Опять дождь! Экъ васъ дождь-то пугаетъ, точно впервые!

— А лѣнь-то?

— А лѣнь-то оставьте на стулѣ. Безъ нея обойдемся.

— Такъ ѣхать?

— Ёхать! отвѣчалъ утвердительно Абрамъ и выразительно потрянулъ при этомъ головою.

— Ну, ужъ быть такъ; излаживай же лодку.

— Коли ѣхать, такъ въ ночевку!

— Конечно въ ночевку, такъ и готовъ; да проворнѣе!

— Живо будетъ готово; излаживайтесь сами, а за мной дѣло не станеть.—Абрамъ торопливо скрылся хлопотать объ отъѣздѣ.

Лѣнливо поднялся я съ кресель, на которыхъ такъ покойно и хорошо меня пригрѣло, и отправился начинать патроны. Всѣ они были перебиты и разрознены; надо было привести въ порядокъ, заряды увеличить, потому что стрѣльба предстояла дальняя, и набить нѣсколько патроновъ картечами для гусей. Пока я это все излаживалъ, входитъ Алек-

сандръ Ивановичъ В., мой прошлогодній спутникъ въ охотѣ на черныхъ утокъ.

— Что вы, на охоту?

— Да вотъ, все Абрамъ: говорить, гусей много набьемъ...

— А меня возьмете?

— Съ удовольствіемъ. Да вамъ можно-ли? мы вѣдь будемъ ночевать.

— Отчего же нельзя? Завтра праздникъ, можно.

— Ну, такъ ѣдемъ вмѣстѣ, веселѣе будетъ.

— Такъ подождите меня: я сбѣгаю за ружьемъ, да за запасомъ; живой рукой ворочусь...

— Бѣгите, бѣгите! Подождемъ.

Александръ Ивановичъ убѣждалъ. Работа моя подвигалась по немногу впередъ. А дождь все гвоздитъ себѣ, да гвоздитъ въ окна, вѣтеръ все свищетъ, да свищетъ, наводя на душу какое-то уныніе. Лучше бы въ такую погоду быть дома, въ мягкомъ креслѣ да въ тепломъ халатѣ, передъ тлѣющимъ каминомъ! — скажетъ иной за жирѣвшій сидѣнь: а то поди, дрожи тамъ подъ дождемъ и холодомъ! Но, вѣдь не даромъ сказано, что «охота пуще неволи». Хороша и покойна халатная жизнь, но въ груди охотника есть сила, которая неудержимо влечетъ его на открытую природу, не смотря ни на слякоть, ни на дождь, ни на злую выюгу.

Скоро возвратился Александръ Ивановичъ, еще скорѣе изладился Абрамъ; позамѣшкался только я одинъ, но при пособіи В. и мое дѣло кончено было въ нѣсколько минутъ. Мы сѣли перекусить на дорогу. Къ столу явилась Діана, моя охотничья сука, отъ кровныхъ маркловскихъ собакъ.

— Все люблюю на вашу собаку: что за стати! сказалъ Александръ Ивановичъ, съ трудомъ прожевывая бифштексъ, на который, помахивая хвостомъ, умильно поглядывала Діанка.

— Да, хороша; у стола только канючить; это несносно.

— Ну, это пустяки, это ничего! что Діанушка? На охоту, на охоту поѣдемъ, каналья! Вишь, какъ пересѣмнивается, работу чуетъ! Можно ей кусочекъ хлѣба?

— Отчего же нѣтъ? можно.

— Абрамъ, чай, съ своимъ Султаномъ поѣдетъ?

— Не знаю, возьметъ-ли онъ своего Султана; я думаю возьметъ. Абрамъ! Ты возьмешь Султанку? — спросилъ я своего ретиваго охотника, зашнуровывающаго чехолъ, въ который взято было теплое платье для ночлега.

— Безпремѣнно возьму. Безъ Султанки никакимъ способомъ не обойтись въ теперешнее время: утку убьешь — не самому же лѣзть...

— А какъ мѣшать станеть?

— Султанка-то, что-вы! да онъ даромъ что оболтусъ толстоголовый, а только что не говоритъ; что прикажешь, то и дѣлаетъ.

— Ужъ будто что прикажешь, то и дѣлаетъ?

— А вотъ, ужъ сами увидите; не даромъ я его шпиговалъ.

— Что ваша собака, Александръ Ивановичъ?—обратился я къ В., у котораго былъ тоже песъ одного гнѣзда съ Султаномъ.

— Что моя собака! Горе, а не собака: не послухмянна, блудня, и въ полѣ нѣтъ никакого иска.

— А какой знатный щенокъ былъ! изо всѣхъ! подите, вотъ угадайте!

— Да у меня ее избаловали домашніе, а то, можетъ быть и порядочная бы вышла.

— Какіе вы охотники! вмѣшался Абрамъ: — собаки не сьумѣли выходить. Вотъ у меня какой Мигитва головастикъ, а вѣдь приучилъ же къ дѣлу. Старанье, батюшка, надо имѣть, да присмотръ; безъ этого никакая собака не будетъ путной.

— Да, тебѣ хорошо разсуждать: у тебя только и дѣла-то, что охота; а тутъ уйдешь на службу — братишки маленькіе и поднимутъ возню съ собакой; всю перепортили, пострѣлы!

— Конечно, да все же своей заботливости мало: не на руки попала! — стоялъ на своемъ Абрамъ, всегда любившій подтрунить надъ неопытными охотниками и вплести въ свою рѣчь хвастливое слово.

Вышли. Сырой вѣтеръ таково неприятно пахнулъ намъ въ лицо. Дождь пересталъ, только сѣрая облака низко тянулись надъ нашими головами, да вся даль какъ-то туманилась, будто задернута была дымкой, чрезъ которую мутно сквозили окрестности съ полями, лугами и темнѣющимъ лѣсомъ. На востокъ, на самомъ краю горизонта, просвѣчивалась голубая полоска неба. Абрамъ пристально посмотрѣлъ на нее и рѣшилъ, что оттуда непременно къ вечеру разнесеть, и завтрашній день будетъ ясный.

Сдернули лодку съ берегу, уложились, сѣли: я на корму, Абрамъ въ весла, а Александръ Ивановичъ по срединѣ, на чемоданъ; собаки улеглись ему въ ноги.

— Черезъ Копанецъ? спросилъ Абрамъ.

— Конечно черезъ Копанецъ: ближе; придется лодку тащить, да не бѣда! отвѣчали мы.

Поѣхали внизъ по Сысолѣ. Быстрое теченіе воды, значительно поднявшейся отъ осеннихъ паводковъ, скоро повлекло нашу лодку, подгоняемую дружными веслами. Вотъ миновали мы горизонные амбары съ полосатою будкою и мѣрно шагающимъ часовымъ; вотъ промелькнули мимо насъ жалкіе, искривившіеся два овинишка; срубленные на берегу Сысолы въ какія-то давнія времена лѣнливою рукою зырянина; вотъ и деревня Кулига, разбросанная затѣйливымъ беспорядкомъ по подгорью; вотъ и Вычегда... а тамъ, дальше, на высоко и круто приподнятомъ берегу ея мелькнула ниж-

неконская часовня! Пристально взглянулъ я въ эту мглу, въ которой едва замѣтно бѣлѣлись стѣны часовни, а въ густомъ сѣромъ туманѣ тускло свѣтился ея крестъ, и предомной начали проходить живою толпою воспоминанія о недавно прожитомъ, прожитомъ всею силою молодости, съ полнымъ захватомъ жизни; и далеко далеко увели меня мои мысли...

— Что это, батюшка, куда вы правите? вѣдь надо вверхъ теперь подниматься! прервалъ мои разбродившіяся мечты Абрамъ, сильно загребая правымъ весломъ и поворотивъ такимъ образомъ лодку противъ теченія Вычегды, въ которую мы успѣли уже вѣхаться. Я спохватился, поставилъ лодку по направленію нашего пути, и мѣсто пріятныхъ воспоминаній осталось за спиною.

— О чемъ это вы такъ замечталнсь? спросилъ меня Александръ Ивановичъ.

— О быломъ и суетѣ міра сего, отвѣчалъ я ему, невольно, но тяжело вздохнувши.

— Стоить! что прошло, того не воротишь; а что идетъ, того не измѣнишь.

— Правда; объ этомъ-то именно я и думалъ, что прошедшаго не воротишь, а идущаго не измѣнишь.

— Такъ не для чего по пусту и голову ломать; а вотъ, поболтаемте-ка лучше объ охотѣ: хоть время какъ-нибудь скоротаемъ.

— А пожалуй поболтаемъ и объ охотѣ! Вотъ Абрамъ можетъ что-нибудь намъ рассказать. Ну-ка, Абрамъ, разводи бобы!..

— Развелъ бы, да не очемъ: все переговорилъ.

— Ужъ и не о чемъ! Покопайся въ памяти, авось чтонибудь и найдешь, сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Оно, конечно, какъ не найти. Рассказать развѣ о лисицѣ, что прошлой зимой изъ-подъ дула у меня улизнула?..

— Какая такая лисица? съ любопытствомъ спросилъ В.

— Хорошая лисица, чернобурая, изъ рукъ просто ушла; вспомнить не могу безъ болѣсти сердечной... да вѣдь вы слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ, сказалъ В.; ну-ка расскажи.

А вотъ слушайте, какъ дѣло было. Весь великій постъ бродилъ я прошлый годъ за волками. Много ихъ было тогда: по городу шатались, собакъ съ крылецъ таскали. Въ двухъ мѣстахъ положены были у меня пропадины, на сторожку ходилъ, да хитры оченно: точно кто имъ скажетъ,— ни за что не придуть въ ту ночь, когда сидишь; а послѣ придуть безпремѣнно и пропадину сожрутъ всю и кости растаскаютъ. Ставилъ я около притравы капканы, но и тутъ никакого толку не выходило; чуютъ желѣзо, что-ли, или постанова нечиста, только каждый разъ обойдутъ то мѣсто, гдѣ стоитъ капканъ, и подойдутъ къ пропадинѣ съ другой стороны; или вовсе не подходятъ; побродятъ только около, да и уйдутъ въ уйму. Опять раздирательные уды вѣсилъ съ кусками говядины, и то вздорнымъ дѣломъ выходило: утренникъ такъ заморозить говядину, что всѣ уды на плотно свяжутся и вовсе не дѣйствуютъ. Такимъ-то манеромъ я и провозился дарма до пятой недѣли, не добывши ни на грошъ. Время подходило къ веснѣ, теплѣе сдѣлалось, ночи стали такія звѣздныя, свѣтлыя, зори такія длинныя, ясныя.

Какъ теперь помню, въ воскресенье вечеромъ были у насъ гости, просидѣли за картами часовъ до двухъ. Вышелъ я ихъ провожать; слышу—воймя воетъ волкъ на Сысолѣ, прямехонько противъ собора. Такіе тоны заунывные выводить, будто съ него, проклятаго, чертъ лыки дереть. Я скорѣе за ружье (картечами давно приготовлено было), и побѣжалъ на голосъ. Добѣжалъ я до спуска, гдѣ дорога на Сысолу черезъ рѣку идетъ, спустился до половины взвоза,

и сталъ подъ навѣсъ сарая, который подъ горой-то стоитъ. Ночь была тихая, звѣздная. Видѣть можно было далеко; только противъ меня густая тѣнь падала на дорогу отъ сарая и застилала ее. Это-то мнѣ всю статью и испортило. Вотъ, стою я такъ подъ навѣсомъ-то и слышу волкъ гоняеть что-то по Сысолѣ: внизъ угонку сдѣлалъ, да заворотилъ, назадъ погналъ, потомъ опять внизъ, а тутъ опять вверхъ и все чуть мнѣ какъ взвизгиваетъ онъ и рѣется. Я съ мѣста не двинулся, не шевелюсь, жду, что будетъ дальше. Вдругъ вижу—по дорогѣ-то, прямо съ этой стороны, какъ клубъ катится, несется ко мнѣ что-то небольшое. А, думаю, собака! видно ее и гонялъ волкъ; вотъ и онъ вслѣдъ за ней пожалуетъ. Поднялъ ружье, взвелъ курки, дожидаясь. Только эта собака какъ митель поднялась по взвозу, пробѣжала мимо меня саженьяхъ въ двухъ и сѣла не подалеку;—такъ шагахъ въ двадцати; но въ тѣни никакъ не можно было разсмотрѣть хорошенько; видно только было, что мордочка такая тоненькая, ушки востренькія; посматриваетъ туда подъ гору. Что за чудо, думаю: на собаку какъ будто не похоже; дай-ка я ее тяпну! Приложился, совсѣмъ хотѣлъ курокъ спустить, да опять раздумалъ; что же, моль, убью я собаку, а волкъ сейчасъ долженъ быть слѣдомъ за ней: только испугаю его, вернется. Опустилъ ружье, да и мызгнулъ я этой собакѣ. Какъ она услышала мое мызганье,—повернула назадъ, да мимо меня опять подъ гору-то шмыгъ! а волкъ то ей на встрѣчу прямехонько и выкатилъ; она видитъ что дѣло не минучее, какъ кинется съ дороги на-лѣво черезъ бугоръ снѣгу, хвостъ-то и развился, пушистый такой, толстый. Тутъ-то я и догадался, что это была лисица. Волкъ за ней прыжокъ, да такъ надалъ, что вотъ чуть-чуть не сѣлъ ей на шиворотокъ; въ это самое время я приложился по волку—бацъ! Откачнулся онъ въ сторону, палъ и началъ кататься. Я изъ другаго ствола,—осѣчка. Спра-

вился волкъ и утянулъ черезъ рѣку. Вотъ я скорѣй бѣжать домой (близко тутъ), ногъ подъ собой не слышу, луплю, да самъ себя ругаю за просакъ: лисица въ шести саженьяхъ сидѣла, сама въ руки давалась, и не съумѣлъ я дѣла обдѣлать! Какой я есть охотникъ!.. Можжухой такого охотника провѣнчать. Прибѣжалъ домой, зарядилъ ружье, засвѣтилъ фонарь и опять на то мѣсто, гдѣ стрѣлялъ волка. Освѣтилъ, вижу — кровь, и таково много; видно сильно поранилъ. Отлегло немного отъ сердца: хоть волка-то удорожилъ, и то добыча. Пошелъ я по слѣду — вездѣ кровь, и не то, чтобы каплями, а такъ, дорожкой: видно струей била изъ раны. Версты я двѣ этакъ прошелъ. Во многихъ мѣстахъ волкъ катался, гдѣ и лежалъ, и все кровь. Пересталъ я его слѣдить, оставилъ до утра, потому свѣчка въ фонарѣ догорѣла, темно стало слѣды разбирать. Воротился домой, легъ, но не спалъ; съ ума не сходила лисица; все такъ и мечется въ глаза, какъ она бѣжала мимо меня, какъ сидѣла передо мной, какъ тѣнь эта проклятая отъ сарая помѣшала мнѣ рассмотреть ее, какъ она побѣжала назадъ, прыгнула черезъ бугоръ, только хвостомъ пушистымъ подразнила, точно медомъ по губамъ помазала. Всю ноченьку пролежалъ въ думѣ, съ боку на бокъ ворочаясь и себя ругаючи. Лишь начало брезжиться, пошелъ я волка искать. Лыжъ хорошихъ въ тотъ годъ у меня не было: дѣло, вишь, вскорѣ по прїѣздѣ сюда случилось, не успѣлъ заготовить, просто ходилъ на лямпахъ *), а на нихъ, сами знаете, какая ходьба — чуть горка маленькая, сугробъ - ли, скидавай съ ногъ, да и ползи на четверенькахъ, потому нисколько не держатъ, не то что заправскія лыжи, подбитыя оленьими кисами: на тѣхъ хоть на какую огромнѣйшую гору полъзай, вершка не сдадутъ назадъ. Вотъ на этихъ - то самыхъ лямпахъ

*) Ляпами въ зырянской сторонѣ называются простыя лыжи, необитыя оленьей шкурой.

пустился я слѣдить волка. Версть шесть или семь прошелъ я съ того мѣста, гдѣ вчера оставилъ его слѣдъ, и все кровь урѣзная хлестала изъ него не перемежаючись, а въ коихъ мѣстахъ лежалъ, такъ снѣгъ до самой земли протаялъ отъ крови. Диву дался я, какъ онъ не подохъ, окаянный, отъ потери столько руды!.. И гдѣ онъ только не шелъ: и ко-согорами-то, и въ буераки-то спускался, въ надуви залѣзалъ, съвозъ чащи продирался. Тошно, видно, было сердечному; вездѣ облегченья искалъ. Вижу, впереди два зарода (стога) сѣна стоятъ, слѣды примехонько къ нимъ. Думаю, не залегъ-ли онъ тутъ; дай брошу обходную лыжницу *)! Только хотѣлъ я сдѣлать кругъ, а онъ и выскочилъ изъ огородовъ-то. Такіе прыжковъ десять отмахалъ, что какъ-будто никогда ранень не былъ; а потомъ таково легонько и покойно похрѣмалъ, оборачивая свою толстую голову на меня. Какой волчина былъ здоровенный! Хвостище какъ помело волочится, лапищи, грудь! Стрѣлять было далеко, я пріударилъ за нимъ въ догонку, да нѣтъ, ничего не могъ подѣлать, утекъ. Такъ я слѣдилъ его до-поздна, съ наволоку сбилъ въ лѣсъ и оставилъ опять до утра. На другой день нашелъ я его на лежкѣ въ чащѣ подъ выворотью: уже окоченѣлъ. Версть пятнадцать отошелъ онъ отъ того мѣста, гдѣ я его вчера оставилъ и протянулъ ноги. Тутъ я его, голубчика, оснималъ и на радостяхъ возвратился домой съ добычей. Но пока я за волкомъ-то тратилъ время, другую добычу-то, дорогую-то, потерялъ: не миѣ досталась. Не хватило у меня догадки послѣдить хотя немного лисьимъ слѣдомъ съ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ по волку; а штука-то такая вышла, что не отошла лиса пятидесяти сажень, какъ дала кровь. На слѣдъ ея, день спустя, попалъ Никита изъ Тентюкова, охотникъ. Сдогадался онъ и давай слѣдить. Дошелъ только до первыхъ кустовъ, что за Сы-

*) Обойти кругомъ на лыжахъ.

солой, и нашелъ ее подъ елью подохшею. Конечно, другой бы честный человекъ не воспользовался, но, говорятъ, честь-то прежде почитали здѣсь, а теперь она не въ ходу: вишь честь не сиѣсь, поклономъ ее не чествуютъ и держаться, значить, ея незачѣмъ, накладисто. А лисица-то вышла чернобурая, за тридцать цѣлковыхъ продалъ; нашему брату не шутка такія денежки. Досадно было, что добычей не попользовался. Однимъ выстрѣломъ двумъ звѣрямъ отходную пропѣлъ, а на руки попалъ только одинъ и то дешевый: за волка взялъ только три съ половиною цѣлковыхъ. Вотъ какъ иной разъ, батюшка, можно проштыкнуться и промѣнять кукушку на ястреба!

— Да, это ты ужъ маху далъ! Что-бы тебѣ было хоть немного пройти лисьимъ слѣдомъ, тѣмъ болѣе, если оба звѣря при выстрѣлѣ были на одну мишень: не вѣсть какая хитрость догадаться, что и лисицу могъ ранить! Жалко, братъ Абрамъ! съ участіемъ сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Чего не жалко, батюшка! ужъ такъ-ли жалко, что и сказать нельзя, да дѣлать-то нечего; близкогъ локоть, да не укусишь; чернобурая была...

— Ну хоть не чернобурая, сиводушка*) можетъ. Чернобурая стоитъ рублей шестьдесятъ, и сто и полтораста бываетъ. Нынче объ ярмаркѣ видѣлъ я, пару чернобурыхъ лисицъ продавали... что за лисицы! Шерсть какъ шелковая, густая!

— Видѣлъ, да это выкормыши; выкормыши стоятъ дешевле; выкормыши дрянъ противъ гульной! отвѣчалъ Абрамъ съ замѣтнымъ пренебреженіемъ къ искусственному откармливанію звѣрей.

— Что бы ты, Абрамъ, заговорилъ я, — попробовалъ

*) Съ рыжеватостью и просѣдью.

лисенятъ поискать, да самъ бы занялся выкормкой? Вѣдь прибыльно!

— Прибыльно, батюшка, да несвычайно; возни съ ними много, а пуще отыскивать очень трудно; не нашихъ рукъ дѣло.

— Да, вѣдь, не боги же горшки дѣлаютъ! возразилъ Александръ Ивановичъ. — Какъ нибудь отыскиваютъ.

— Знаю я, какъ отыскиваютъ-то, да та статья, что мѣсть здѣшнихъ не знаю. Кто ихъ вѣдаетъ, гдѣ они здѣсь гнѣздятся. Хитрѣющій звѣрь, добавилъ Абрамъ.

— Да ты когда нибудь вынимываль-ли лисятъ-то? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Вынимать-то не вынималъ, а какъ дѣлаютъ это, знаю, — штука не то чтобы больно замысловатая. Звѣрь самъ скажетъ, гдѣ у него гнѣздо, нора значить: лисицы все въ норахъ щенятся. Искать ихъ надо по послѣднимъ настамъ, послѣ Благовѣщеньяго дня. Въ нашей Ярославской губерніи въ густомъ лѣсу лисей норы не ищи, а гдѣ-нибудь на вспольѣ, въ кустеръкахъ, въ заврагахъ, или тамъ на берегу ручья, въ старой угольной ямѣ. Здѣсь другое дѣло: иди въ самую трущобу, въ ломъ, гдѣ старыя деревья спустили корни и отпали, большія выбило въ берегахъ весенней водой. Здѣсь въ такомъ мѣстѣ ищи лисью нору. Версты полторы и двѣ не доходя, уже ты замѣтишь, что лиса гнѣздится гдѣ-нибудь тутъ. Слѣды ея это обозначаютъ. Какъ она выльзетъ изъ норы и отправится на добычу, для дѣтокъ или тамъ для себя пропитанье искать, песокъ-то съ ногъ на снѣгу и останется: сейчасъ и видно, что гнѣздовка ходитъ, потому что самецъ никогда не живетъ по зимамъ въ норахъ, и холостая тоже не живетъ. Какъ найдешь такіе слѣды, и иди къ норѣ. Отпорки *) всѣ забей наплотно, да и раскапывай. Лисята въ то время бываютъ

*) Побочные выходы.

у нея самыя маленькіе; иной разъ вынуть такихъ, что молочкомъ съ рожка приходится кормить, ну, а потомъ запрутъ въ сарай и бросаютъ разную живность: тутъ ужъ дѣло не трудное. Только надо, чтобы сарай съ поломъ былъ, а то непременно подкпоаются подъ стѣну и дадутъ тягу. Когда выгунѣютъ и вычистятся совсѣмъ по зимнему (около Рождества это бываетъ), убиваютъ и тащатъ на продажу; но ужъ выкормыши — выкормыши и есть; сейчасъ имъ различіе найдешь: шерсть не мягкая и не ровная, подбрюшье жидковато, хвостъ закомелистый. То ли дѣло словленная лисица! Не въ тѣснотѣ какой-нибудь выросла! Вишь у Бога сарай-то какой: глазомъ не *окинешь!

— Оно конечно бы такъ, Абрамъ, сказалъ В., — но вѣдь ловить - то ихъ, окаянныхъ, бѣдовое дѣло: хитрый звѣрь!

— Звѣрь хитрѣющій, и говорить нечего, но и между зырянами есть такіе истошники, что найдутъ только слѣды лисы, ужъ и ихняя. Ловли тутъ никакой не надо устроить: капканы, петли, кляпсы или тамъ западни какія, хлопущки, ямы ни къ чему на лису не пригодны; она въ нихъ не пойдетъ ни за какіе сдобники. Надо дѣйствовать отравой; но и тутъ все со сноровкой, а не то чтобы такъ, спроста, напихалъ мышьяку или сулемы въ кусокъ говядины, да и бросилъ; — нѣтъ, она эдакъ не возьметъ ни за что, этимъ ее не поддѣнешь, — воровата. А, вишь, какъ надо: нашелъ лисій слѣдъ и дѣлай лыжицу *). Все ужъ послѣ и ходи по ней; слѣдовъ не клади много, а то сейчасъ звѣря отвадишь, сдается отъ этого мѣста прочь. По обѣимъ сторонамъ лыжицы накидай кусочковъ говядины, да подальше отбрасывай, и кусочки чтобы были маленькіе, въ орѣхъ грецкій — не больше. Можно, пожалуй, бросить и пропа-

*) Сдѣлать лыжицу — пройти на лыжахъ по прямой линіи до извѣстнаго пункта.

дину, только небольшую. Иной вворотить цѣлую лошадь и кормить звѣря до отвалу. Плохая тутъ задача бываетъ. Звѣрь-то привадится, объ этомъ и говорить нечего, да взять-то его не возьмешь: на отраву онъ не кинется, — и безъ нея много говядины, въ капканъ не попадетъ, хоть на-часто наставь ихъ около пропадины; такъ знатно обойдетъ, что только руками разведешь, будто при немъ было ставлено, или, тамъ, кто сказалъ ему, что вотъ, молъ, тутъ капканъ стоитъ. Особо мастерица на это росомаха: той хоть на тропу *) ставь, — отвернетъ отъ капкана въ сторону — такое чутье сильное! Одинъ разъ у меня что росомаха сдѣлала: шла по тропѣ таково смѣло (пороша была въ ночи, видно было по слѣдамъ), дошла до капкана и остановилась, поприсѣла, да какъ махнетъ черезъ — и прямо къ пропадинѣ; нажралась и опять также. А ужъ какъ чисто было поставлено! И лапки были выдѣланы на снѣгу, и около лапшечкой сровняно и подметено; самому трудно узнать, гдѣ стоитъ капканъ. Вдругорядь росомаха не дошла аршина два, начала выгребать снѣгъ, и такъ подрывалась подъ капканъ, проклятая, что онъ весь на вѣсу очутился и сдалъ. Такъ поди вотъ и лови ихъ!

— Желѣзо чуетъ! замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Какъ ей чуютъ-то, диковина! Каждый день обтираешь капканы нихтой и ставишь не голыми руками. Ужъ такой смысленный звѣрь! Ничѣмъ другимъ его не возьмешь, какъ отравой. Лиса тоже. Накидалъ кусочковъ около лыжницы, и посматривай этакъ черезъ день, беретъ ли? Сперва лиса будетъ ходить около лыжницы несмѣло, потомъ начнетъ выгребать куски изъ снѣгу и ѣсть. Опять ей новыхъ подбрось, да кусочка два вмѣстѣ съ другими отравы. И брось ихъ такъ, чтобъ пали на пустое мѣсто, а не около куста или дерева. Случись вѣточка или былиночка тоненькая, гдѣ

*) Постоянная дорога звѣря отъ логовица къ корму.

падетъ кусокъ, конечно лисица ужъ не возьметъ. Но и въ томъ есть хитина, какъ отраву приготовить. Не всякому это извѣстно, а промежь зырянами есть такіе дошлые люди, что сѣумѣютъ статью эту обдѣлать на издивленье. Берутъ сулему что ни-на есть самую лучшую, и въ воскъ или сѣру завертываютъ — не знаю навѣрное, а потомъ какъ-то заливаютъ въ масло. Шаричекъ будетъ величиною съ каленый орѣхъ. Такъ и бросай его вмѣстѣ съ кусками говядины, отъ лыжницы эдакъ сажень на пять. Ужъ лисица тамъ найдетъ по духу безпремѣнно, и коли сѣбла—вѣрная добыча: иди и ищи по слѣду. Сажень сто отойдетъ, начнетъ кровь изъ себя выбрасывать: забрало значить, скоро ляжетъ. Но бываетъ и такъ, что уйдетъ версть на двадцать и на тридцать, особенно если отравы попала въ сытый желудокъ; и потомъ ужъ издохнетъ. Россомаха еще дальше уходитъ; та выносливѣе.

Пока длились рассказы Абрама, мы огибали песчаный мысъ лѣваго берега Вычегды. Мысъ этотъ прибавлялъ намъ рѣчнаго пути версты на четыре и состоялъ изъ наноснаго крупнаго хряща, положеннаго грядями, обросшими тощими кустиками сѣверной ивы, молодые, голые побѣги которой сквозили на снѣгу какъ тонкая растянутая сѣть. Такіе мысы, или правильнѣе сказать отмели, непрерываются по Вычегдѣ. Переходя то на ту, то на другую сторону, они съ каждымъ годомъ нарастаютъ все болѣе и болѣе, заставляя рѣку мѣнять свой фарватеръ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовывать и цѣлые острова. Замѣчаніе Абрама о погодѣ оказалось справедливымъ: день въ самомъ дѣлѣ началъ разгуливаться. Весь восточный бокъ неба совершенно очистился отъ облаковъ, туманная мгла разсѣялась и явственно выступила окрестная даль съ темною, непрерывною массою лѣса. По лѣвому берегу рѣки разстилались пожни, прорѣзанныя во многихъ мѣстахъ глубокими логами, идущими па-

раллельно рѣкѣ. Судя по формѣ этихъ логовъ, по ихъ развалистому ложу, не трудно догадаться, что они обязаны своимъ существованіемъ своенравному теченію Вычегды.

Не богата красами здѣшняя сѣверная природа: широкая извилистая рѣка въ плоскихъ берегахъ, направо лѣсъ, налѣво тоже лѣсъ безъ конца. Кой-гдѣ разбросаны луга, по нимъ разбросаны кустарники, вдали видѣнъ нагорный берегъ Вычегды, а на немъ снова тотъ же темный лѣсъ. Изрѣдка встрѣтятся двѣ-три березы, стоящія гдѣ-нибудь особнякомъ на берегу небольшого озера, затянутаго водорослями, двѣ, три плакучія ивы, въ полулежащемъ положеніи съ расклдистыми вершинами, да нѣсколько тощихъ рябинокъ съ красными кистями ягодъ. Вотъ и вся картина.

Показался Коианецкій перешеекъ, черезъ который мы должны были тащить лодку. Мы перевалили на другую сторону Вычегды и поѣхали подлѣ самаго берега. Здѣсь теченіе рѣки безпрестанно прерывалось маленькими водоротами и заводами отъ неровностей крутаго берега, острыми углами вдавагося въ рѣку. Лодка наша, выльвиши въ заводи, пошла свободнѣе и скорѣе; только по временамъ набѣгала она на струю, бившую съ какого-нибудь остраго мыса, и ее отбрасывало быстриною назадъ; но отъ трехъ, четырехъ дружныхъ ударовъ весель она снова попадала на спокойную воду и легко летѣла вверхъ. Такъ добрались мы до волока, проѣхали нѣсколько десятковъ сажень небольшимъ заливомъ и подняли лодку на берегъ. Тащить приводилось сажень сто. Мы перетянули это пространство въ три приѣма, подкладывая подъ лодку палки и тонкіе обрубки кряжей, по которымъ она катилась довольно легко и скоро. Съ другой стороны волока былъ тоже заливъ, нѣсколько глубже перваго; въ него и спустили мы лодку. Отъ залива до залива чрезъ волокъ шла извилистая рывтина, промытая какъ видно переваломъ воды во время весеннихъ разливовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нѣсколько десятковъ

лѣтъ Вычегда пробьетъ себѣ этою рытвиною цѣлый рукавъ, сокративъ свой путь верстѣ на двадцать. Такихъ сокращеній въ своемъ теченіи эта прихотливая рѣка уже сдѣлала много, отсѣбая мысы и образуя изъ нихъ острова. Такъ произошелъ островъ, находящійся противъ города Устьсысольска и имѣющій въ окружности около двадцати пяти верстѣ. Здѣсь Вычегда прорыла рукавъ въ Сысолу, соединившись съ послѣднею выше ея устья шестью верстами.

— Вотъ и Ляйкоджа! сказалъ Абрамъ, указывая на противоположную сторону рѣки, когда мы выбрались изъ залива и выѣхали на Вычегду; но рѣкѣ было бы верстѣ около тридцати, а чрезъ Копанецъ близехонько. Вотъ и баня: видите на пригоркѣ стоитъ, подь сосной? Тутъ ночевать будемъ.

— Что за баня? да и къ чему она здѣсь? спросилъ я Абрама.

— Баня не баня, а просто избенка съ каменкой, для ночлега зырянami сдѣлана, а только такъ она прозывается баней, — вотъ увидите.

Мы спустились внизъ по теченію сажень сто и передо мною открылся весь разрѣзъ мѣстности, которая слыветъ здѣсь подь названіемъ Ляйкоджа. Это широкій плоскій мысъ, обращенный подь пожню и изрѣзанный на-часто продольными логами, берега которыхъ то круто приподняты, то развѣлисты, какъ у блюда. Мѣстами по пожиѣ прошли полоски еловаго лѣса, съ смѣсью рябины и осины; послѣднія ярко краснѣли осеннею листвою на черномъ фонѣ хвои. Прямо черезъ мысъ, между прогалинами лѣса, сквозило верхнее плѣсо Вычегды, дѣлавшей въ этомъ мѣстѣ крутой полукругъ. Основаніемъ своимъ мысъ Ляйкоджа упирался въ крутой уваль, поросшій большимъ сосновымъ лѣсомъ. Такой же уваль видѣлся на другомъ берегу рѣки. Между ними образовалась лоцина, по срединѣ которой изгибомъ текла Вычегда. Взглянувъ попристальнѣе на такую мѣстность, не трудно догадаться,

что увалы были первоначальными окраинами береговъ Вычегды, а долина — дномъ ея, выступившимъ на степень суши въ позднѣйшія времена. Таковы прибрежья почти всеѣхъ сѣверныхъ рѣкъ. Двина, Мезень, Печора имѣютъ подобныя же параллельныя гряды возвышенностей: нынѣ онѣ отстоятъ на нѣсколько верстъ другъ отъ друга, но, безъ сомнѣнія, прежде омывались струями этихъ рѣкъ, которымъ онѣ служили берегами въ эпоху высокаго стоянія водъ.

Скоро перемахнули мы чрезъ рѣку, спустились по противоположному берегу около четверти версты, заѣхали въ небольшой заливцеъ и пристали къ тому пригорку, на которомъ подъ раскидистою густою сосною пріютилась крошечная избенка, срубленная на скорую руку. Собаки весело выскочили на сушу и начали строить козлы, радуясь, что наконецъ кончили долгій курсъ неподвижнаго сидѣнья въ лодкѣ. Абрамъ сбросилъ весла, бережно, съ признаками особеннаго уваженія вытащилъ свое ружье изъ чехла, отеръ его полою, хотя оно этого не требовало, потому что было совершенно чисто, пощупалъ въ выходѣ дула пальцемъ, промолвивъ: «ружьцо, смертодавчикъ, догоняло сердечный, не выдай!» поставилъ его къ соснѣ и предложилъ намъ помочь ему вытащить находящуюся въ лодкѣ поклажу, что сейчасъ же и было исполнено.

Во время нашего переѣзда до Ляйкоджа мы видѣли не одно стадо летящихъ гусей. Пока день былъ пасмуренъ, вереницы ихъ тянулись низко, пробираясь между вершинами деревъ, какъ будто вышывая изъ глубины лѣса. Но по мѣрѣ того, какъ погода прояснялась, какъ начало проглядывать и пригрѣвать солнышко, стаи гусей поднимались все выше, летѣли быстрѣе и стройнѣе, звонко оглашая воздухъ своимъ металлическимъ говоромъ. Каждую стаю Абрамъ далеко провожалъ глазами и заранѣе опредѣлялъ ей мѣсто ночлега.

— Вотъ эти, говорилъ онъ, на Сидоръ-Вичъ опустятся,

а эти на Бѣломъ-Бору жировать будутъ. Посмотрите, эка стая-то! на версту растянулась, въ Сисы-Божь летить, тамъ ночевать нарохтится!

— Да почему ты знаешь, гдѣ какая стая сядетъ? спрашивалъ Александръ Ивановичъ.

— По полету видно.

— Какъ же можно по полету видѣть?

— Да ужь видно! отвѣчалъ на подобные вопросы обыкновенно уклончиво и коротко Абрамъ.

Но предреканія Абрама чаще всего не сбывались, и гуси садились вовсе не на тѣ мѣста, которыя онъ имъ указывалъ. Впрочемъ онъ этимъ нисколько не смущался: «не сѣли на Сидоръ-Вичъ, ну такъ значитъ полетѣли дальше, въ Нидзесъ, тамъ отдыхи дѣлать будутъ,» обыкновенно рѣшалъ онъ дальнѣйшій вопросъ о будущемъ притонѣ летящей стаи.

Я любопытствовалъ заглянуть въ хату: маленькія дверцы, сколоченныя щиткомъ и укрѣпленныя на деревянныхъ петляхъ, визгливо заскрипѣли и на меня пахнуло какимъ-то вонючимъ, затхлымъ воздухомъ и запахомъ копти, которою покрыты были стѣны и потолокъ ночлежной зырянской бани. Согнувшись въ три погибели, я пролезъ въ дыру дверецъ и очутился въ тѣсной клѣтушкѣ, съ отдушиной вмѣсто окна и съ грудой мелкаго булыжника, сложеннаго въ беспорядкѣ въ уголь, вмѣсто печи. Противъ дверей устроены были нары, аршина въ полтора шириною; на нихъ валялось сѣно, тонкая подстилка ночлежниковъ, перетертая отъ долгаго употребленія въ труху. Вотъ и все внутреннее содержаніе и удобство дырявой и грязной хаты, скорѣе похожей на хлѣвъ, чѣмъ на баню.

— Почему же это названо баней, Абрамъ? допытывался я послѣ осмотра ночлежной клѣтушки, находя названіе бани во все для нея неумѣстнымъ.

— Да потому и названо, что каменка въ углу есть, видѣли? Зырянскія бани, гдѣ парятся, точнехонько такія-же крошеваточныя подгузки: десятокъ на одной плѣши умѣстится. Полокъ подь потолкомъ, а въ углу гряда камней, сожгутъ три, четыре полѣна на нихъ, накалятъ, бросятъ на парь, запрутся и жарятся пихтовыми вѣниками. Часа черезъ два тепло все выйдетъ, сдѣлается поморозня; ну тогда опять калить каменку; такъ и пробавляются. Такое же дѣло и здѣсь: зимой или, тамъ, по глухой осени, застигнуть зырянина нужда ночевать, — придетъ онъ въ ночлежную баню, накалитъ каменя, самъ задыхается отъ дыму, когда топится избенка, ничкомъ въ это время на нарахъ лежитъ, или дожидается за дверьми, пока протопится и дымъ повытянетъ, а потомъ закупорить огна, затворить двери на-плотно, и на боковую. Сначала теплота сдѣлается такая, что хоть въ нагомъ тѣлѣ спи, но къ утру безпремѣнно выстынетъ, и случается такъ, что цыганскій потъ до костей проберетъ. Вотъ, вѣдь, лѣсная сторона здѣсь считается, строеваго не оберешься, а банишки сдѣлать лѣнь, овинишки сколочены на скорую руку и кое какъ теньзять, да и жилия-то избы построены такъ, что смѣхъ въ люди сказать. Тунеядливый народецъ эти зыряне, нерачивъ больно, акуратности въ жизни никакой нѣтъ и окромя того, что безтолковъ...

— Коли пріѣхали, Абрамъ, такъ надо за дѣло приниматься, лясы-то точить здѣсь нечего, пора ужъ, вечеръ скоро! прервалъ Александръ Ивановичъ словоохотливость нашего неистощимаго рассказчика.

— А вотъ сейчасъ сложимъ поклажу, да и маршь въ разныя стороны. Давайте-ка сюда чемоданъ-то!..

Абрамъ залѣзъ въ баню; мы съ трудомъ протискали къ нему чемоданъ сквозь узкое отверстіе дверецъ и подали туда же самоваръ и корзину съ припасами. Онъ все это запихалъ подь нары и прикрылъ сѣномъ.

— Вотъ и совсѣмъ. Вы куда пойдете?

— Мы здѣшнихъ мѣстъ не знаемъ; ты намъ растолкуешь, отвѣчалъ я.

— А по моему разумѣнью вотъ какъ: я поѣду на ту сторону, особнякомъ отъ васъ, чтобъ не мѣшать. Вамъ идти въ мысь къ Вычегдѣ: тамъ много озеръ найдете, утки есть, да и гуси мѣстами пристають. Александру Ивановичу идти къ лѣсу; тутъ около опушки лощина идетъ, по ней тоже озера, утокъ много. Дальше по лощинѣ пойдете, песокъ къ Вычегдѣ будетъ, гуси каждый разъ тутъ стануютъ; а въ лѣсу водятся рябичи. Дудка съ вами есть?

— Какъ же, есть, только сиповато что-то пищить, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ.

— Вотъ, возьмите мою, хорошая. Да коли найдете выводокъ рябчиковъ, не разганивайте ихъ очень, хорошенько разглядывайте: они съ подъему садятся низехонько: всѣхъ перебить можно: а какъ будете съ дерева на дерево перегонять, въ вершину забьете, ничего не подѣлаете. Гусей опять найдете, осторожниѣе подбирайтесь. Этотъ народецъ вороватый, мигомъ оглядитъ. Ну, теперь съ Богомъ; да рано не возвращайтесь: по зарѣ-то самая лучшая охота и будетъ; до-поздна надо быть въ полѣ. Ономеднись, совсѣмъ ужъ темно было, мишени не видать, я убилъ гуся.

Издавившись, мы пошли по указаніямъ Абрама, который, отчаливъ лодку и усадивъ въ нее своего Султашку, началъ торопливо переправляться на другую сторону Вычегды.

— Александръ Ивановичъ! закричалъ я своему товарищу, отошедшему отъ меня уже шаговъ на сто:—вѣдь Абрамъ-то насъ надулъ!

— Какъ надулъ? спросилъ тотъ остановившись.

— Да вѣдь онъ, плуть, поѣхалъ на ту сторону потому, что гуси должно быть, здѣсь не садятся, а все тамъ.

— Не можетъ быть, садятся и здѣсь: посмотрите, какое мѣсто!

— А вотъ увидите, что надулъ; впрочемъ пойдемте.

— Эй, Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ! раздался голосъ Абрама, подъѣзжавшаго уже къ другому берегу Вычегды:—держитесь все такъ, чтобъ солнце-то въ правое ухо било! чтобъ все въ правое ухо! А вы, закричалъ онъ мнѣ,—чтобъ все въ затылокъ, въ затылокъ-бы солнце-то!

— Ладно! отвѣчали мы и разошлись.

Параллельно съ Вычегдой, на моемъ пути, тянулся глубокой логъ, наполненный водой. Правый берегъ лога былъ крутъ и оканчивался хребтомъ или валомъ, за которымъ была лощина, настолько низкая, что могла скрывать свободно идущаго по ней человѣка. Я направился по этой лощинѣ, по временамъ выходя на хребетъ и высматривая на логу утокъ, но, къ моей досадѣ, ничего не могъ оглядѣть на узкой лентѣ мутной воды, тянувшейся отъ меня вдаль версты на полторы и пропадавшей тамъ въ какомъ-то кочковатомъ болотѣ. Собака моя шла по лощинѣ и искала, но лѣнливо; она видимо скучала отсутствіемъ дичи. Такъ прошелъ я около версты. Выглянувши изъ-за хребта въ послѣдній разъ на логъ, я увидалъ въ самомъ концѣ его нѣсколько черныхъ точекъ. Сначала я принялъ ихъ за кочки, но потомъ, послѣ внимательнаго разглядыванья, убѣдился, что это были утки. Подойти къ нимъ изъ-за вала было удобно и ловко; я подкрался на самую близкую дистанцію и, держа ружье наготовѣ; поднялъ голову. Штукъ шесть или семь кряковней рылись на берегу, въ грязи, и съ десятокъ плавало ихъ на водѣ, безпрестанно въ нее кувыркаясь. Оглядѣвши меня, утки всполошились и вытянулись. Я выстрѣлилъ въ тѣхъ, которыя сидѣли погруднѣе. Двѣ остались на мѣстѣ: всѣ остальные поднялись и полетѣли въ рассыпную, такъ что, сдѣлавши второй выстрѣлъ въ угонъ,

на лету, я убилъ только одного кряковня. Удачное начало охоты меня потѣшило: осенняя утка, когда и самецъ и самка, совершенно перелинявши, успѣли одѣться въ крѣпкое перо, очень жирна и можетъ считаться всегда за хорошую добычу, которою не побрезгаетъ никакой егеръ.

Подобравши утокъ, я пошелъ далѣе уже по низменности самаго лога, перешедшаго въ ржавое болото, или, лучше сказать, паточину, съ мелкимъ кочкарникомъ и мочевиными, поросшими тонкой осокой. Именно такого мѣста давно я искалъ въ здѣшнихъ обрестностяхъ. Подобное болото — истинное наслажденіе для охотника на красную дичь, такъ рѣдкую на здѣшнемъ далекомъ сѣверѣ. Бекасъ, дупель, гаршнепъ, курохтанъ, при своихъ перелетахъ въ теплыя страны, большими высыпками опускаются на ржавыя мочевины на роздыхъ, и живы въ моей памяти тѣ счастливыя поля, когда, бывало, въ Ярославской губерніи, попавши на подобный высыпокъ, по пятидесяти выстрѣловъ выпускалъ я въ нѣсколько часовъ, наполняя ягдташь голенастигами. Зырянская же сторона не дала мнѣ подобнаго удовольствія ни разу.

Я радъ былъ встрѣтить хоть мѣстность съ тѣми признаками, которые указываютъ на присутствіе красной дичи. Діанка, вступивши въ болото, тоже какъ будто ожила и перемѣнила искъ. Вотъ она начала дѣлать крутые вольты, вотъ потянула и картинно остановилась. Сорвался бекасъ и, привѣтствуемый двумя выстрѣлами, перемѣстился на другой конецъ лощины. Опять стойка — гаршнепъ — убить; три, четыре вольта, снова стойка, тоже гаршнепъ и этотъ убить. Изъ густаго хохолка осоки поднялись вдругъ два курохтана: одинъ снущенъ на повалъ, другой повалился съ перешибеннымъ крыломъ. Далѣе — еще бекасъ, еще курохтаны, гаршнены; и я, не пройдя и половины болота, выстрѣлялъ весь мой запасъ мелкой дроби. Принялся за круп-

ную, но тутъ начались безпрестанные промахи, дичь полетѣла, собака стала горячиться, надо было кончить бесполезное пуханье; я вышелъ изъ лощины на высокій, крутой горбъ, которымъ оканчивалась здѣсь окраина лѣваго берега Вычегды, и сѣлъ отдохнуть.

Предо мною открылся удивительно знакомый видъ. Широкая рѣка величаво и спокойно катила свои воды. Круто поворачивая за острый мысъ, обросшій густымъ еловымъ лѣсомъ, она вдругъ пропадала на довольно значительное пространство и потомъ, выбѣжавши снова на первое свое направленіе, свѣтилась своею глянцовитою поверхностью уже вдали, нѣсколькими верстами ниже. На другой сторонѣ рѣки возвышался пригорокъ, обросшій курчавыми кустиками; съ одной стороны онъ постепенно понижался и переходилъ въ ровную, гладкую пою со множествомъ зырянскихъ зародовъ, съ другой — обрѣзывался крутымъ оврагомъ, который рѣзко упирался въ Вычегду, образуя по обѣимъ сторонамъ остроконечные холмы. Подъ головою праваго холма, подъ высокою курчавою березою, приютилась маленькая бревенчатая лачужка, съ крышею на одинъ скатъ. Все это было чрезвычайно мнѣ знакомо; точно такую же мѣстность я видѣлъ, но гдѣ и когда — ни какъ не могъ припомнить. Вотъ ясно, отчетливо рисуется въ моей памяти такая же широкая рѣка, тотъ же темный лѣсъ, изъ котораго она выходитъ, тотъ же холмъ, тотъ же оврагъ, даже береза, даже старая хижина и закатъ солнца, сквозь рѣдкую занавѣсь тонкихъ облаковъ блѣдно освѣщавшій своими послѣдними лучами бѣдную, но мягкую въ очертаніяхъ, скромную въ краскахъ сѣверную картину.

Но гдѣ же, когда же я видѣлъ эту картину? Какъ ни силился я допытать свою память, какъ ни ломалъ я голову, рѣшительно не могъ вспомнить. Должно быть подобная мѣстность удержалась во мнѣ изъ давно-прошедшаго, изъ дале-

каго, но всегда живаго и впечатлительнаго дѣтства. Иначе я помнилъ бы по той очень естественной и простой причинѣ, которая кроется въ зрѣломъ возрастѣ, когда на все окружающее смотришь сознательнѣе.

Наступили сумерки, пасмурныя, сырыя осеннія сумерки. И даль, и лѣсъ, и пожни начали мѣшаться между собою, сливаясь во что-то одно цѣлое, тусклое и безразличное.

Въ небольшомъ отъемцѣ хвойнаго лѣса трещали дрозды, перелетая съ одного дерева на другое; гдѣ-то далеко слышенъ былъ стукъ топора, да скрипъ веселья плывущей по Вычегдѣ лодки.

Вотъ несется стая мелкихъ куличковъ, со свистомъ разсѣкая воздухъ; за ними какъ стрѣла мчится ястребъ, вотъ онъ ударилъ въ самую стаю, но прошибся, взвился на воздухъ, остановился на немъ и однообразно замахалъ крыльями, держась въ одной точкѣ. А кулички полетѣли все далѣе и далѣе и наконецъ пропали изъ виду.

Раздался выстрѣлъ; эхо глухо на него откликнулось. Понеслась гавканья гусей; ему вторило карканье цѣлаго стада воронъ, да сильный голосъ всполохнувшейся ряковой утки.

Вотъ надъ лѣсомъ показался какой-то черный движущійся клинъ. Гуси летятъ низко, плавно. Я сбѣжалъ съ холма и спрятался за высокую дуплистую вѣтлу. Стая тянула прямо на меня; я приготовилъ ружье и дожидался съ замирающимъ сердцемъ, съ тѣмъ поглощающимъ волненіемъ, которое такъ понятно въ этомъ случаѣ охотнику.

Но передовой гусь взялъ вправо и вся стая пошла въ сторону. Досадно. Однако-жъ они какъ-будто спускаются. Вотъ залетѣли за кустъ, промелькнули между деревьями, поднялись, сбѣдали кругъ и сѣли тихо, молча.

Я переждалъ нѣсколько минутъ, чтобы дать гусямъ обсе-дѣться, перерядилъ одинъ стволъ картечами, другой дробью безымяной и пошелъ подбираться. Діанка шла сзади.

Между тѣмъ вечерѣло, темнота сгустилась, наступила ночь, звѣздочка засверкала въ небѣ, филинъ заухалъ на лѣсу.

Впередѣ длинная узенькая полоска лѣса. Казалось, гуси спустились за него. Тихо подошелъ я къ полоскѣ, осторожно пробрался въ частый осинникъ, которымъ она заросла, и началъ всматриваться.

Широкая равнина пожни тонула въ темнотѣ. Нѣсколько отдѣльныхъ кустовъ ивняка, да три высокихъ березы, да два свѣтлыя пятна отъ озеръ — только и видны были на всемъ пространствѣ, открывшемся передо мною.

Стараясь оглядѣть гусей, я взлѣзалъ на дерево, припадалъ къ землѣ, прислушивался къ малѣйшему шороху, но ничего не могъ ни увидѣть, ни услышать: темнота поглощала все, и глубокая тишина только и нарушалась однообразно-дикимъ голосомъ филина, доносившимся издалека. Я пошелъ на удачу къ одному изъ ивовыхъ кустовъ. Вдругъ собака моя причуяла, круто повернула вправо и повела. Въ это самое время мѣсяць, пробившись сквозь облака, бросилъ на пожню блѣдную полосу свѣта. Я легъ на землю, и въ томъ направленіи, которое указывала Діанка, оглядѣлъ огромнѣйшее стадо гусей, бродившихъ по лугу саженьяхъ въ семидесяти отъ меня.

Тихо, тихо поползъ я къ нимъ. Вотъ встрѣтилась рытвина, вотъ маленькій логъ, далѣе пригорокъ; вотъ мышъ шмыгнула изъ-подъ клочка завалавшагося сѣна, лягушка вскочила въ сторону, полуночникъ пролетѣлъ надъ головой, всхлопывая крыльями; я все подаюся впередъ, осторожно, безъ малѣйшаго шума, самъ не слыша своихъ движеній. Еще далеко, а ужъ сторожевой гусь зыкнулъ; опасность замѣчена; я не выдержалъ и началъ торопиться. Еще поданъ голосъ, затѣмъ еще звучнѣе и какъ-то рѣшительнѣе — и вотъ все стадо заговорило; пора стрѣлять:

иначе гуси снимутся и полетятъ. Вставши на одно колѣно, я выпалилъ на удачу картечами въ средину движущагося чернаго пятна. Съ громкимъ крикомъ и шумомъ поднялись испуганные гуси и скрылись въ темнотѣ.

Прибѣжавши на мѣсто, гдѣ сидѣло стадо, я нашель уже тамъ мою Діанку. Она возилась съ гусемъ, который, въ послѣднихъ предсмертныхъ усиліяхъ, ползаль по землѣ. Я отозвалъ ее и послалъ поискать еще; она сдѣлала кругъ, потомъ другой и снова воротилась къ прежнему гусю, лежавшему уже безъ движенія. Убѣдившись, что въ добычу достался только одинъ, я прицѣнилъ его въ торока моей ягдташки и отправился обратно къ банькѣ. На охотѣ я пробылъ въ полномъ смыслѣ до-поздна.

Во время возни моей съ гусями я таки достаточно позакружился и не поналъ на обратный путь; чтобы выйти оставалось одно средство: выбратъся на Вычегду и, огибая по ея теченію большой песчаный мысъ, добратъся такимъ образомъ до баньки. Но и на Вычегду попасть было не легко. Утвердительно я не зналъ, въ которой она сторонѣ; одна-кожъ, на половину по соображеніямъ, на половину на удачу, пошелъ вправо. Сдѣлавши около полуверсты, я увидѣлъ въ темнотѣ небольшую почлежную баньку, и вскорѣ до меня дошли довольно громкіе голоса разговаривающихъ въ ней.

Обрадовавшись, что встрѣтился случай поразспросить о пути, я подошелъ къ банькѣ и постучался.

— Кто тамъ такой? спросилъ меня дряблый старческій голосъ.

— Отвори, голубчикъ, пожалуйста! мнѣ нужно погово- рить съ тобой, отвѣчалъ я.

— Да ты кто такой?

— Да вотъ выйдешь сюда, такъ увидишь.

Слышно было, что заскрипѣли нары отъ встающаго съ нихъ человѣка, потомъ заунывно заголосила дверь и

передо мной явился высокаго роста плечистый старикъ, съ длинною, окладистою бородою и широкой лысиной.

— Что тѣ, родимый, надо? спросилъ онъ меня, почесывая колѣнку.

— Да вотъ, голубчикъ, скажи, какъ мнѣ понасть въ баньку, что на этомъ мысу, на самомъ берегу Вычегды выстроена — подъ кужлявой такой сосной? Тамъ мои товарищи.

— Это, значить, въ Цивилевскую баню! А вотъ иди все прямо, такъ въ нее и упрешься; да вонъ никакъ огонекъ тамъ мелькаетъ.

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ очень слабый огонекъ, чуть чуть мерцающій въ кромѣшной тьмѣ осенней ночи.

— Такъ это огонекъ-то у нея и есть?

— У нея, родимый, у самой у нея, такъ все и ступай прямо.

— Хорошо, дойду теперь; спасибо, голубчикъ.

— Да ты самъ-то отколь? Изъ Усть-сысолы *) что-ли? спросилъ меня старикъ.

— Да, я оттуда, дѣдушка; а вы зачѣмъ здѣсь? прохожіе что-ли?

— Нѣтъ, кормилецъ, мы рыбу со внучкомъ лучить приѣхали; да, вишь, еще раненько, такъ соснуть съ вечера-то часокъ на другой прилегли, отвѣчалъ старикъ.

— Прощай, дѣдушка!

— Съ Богомъ, родимый.

*) Такъ зовется въ простонародьи между зырянами здѣшній городъ Устьсысольскъ.

— Ну, ты, что ершишься? кушъ! закричалъ Абрамъ на своего Султана, который, почуявъ мои шаги, сердито смотрѣлъ въ темноту и ворчалъ.

— Гонъ! гонъ! окликнулъ меня Александръ Ивановичъ.

— Гонъ! отвѣчалъ я, подходя къ огню.

На толстомъ сосновомъ обрубкѣ Абрамъ чистилъ леца; Александръ Ивановичъ рубилъ дрова и подбрасывалъ ихъ на огонь, отчего пламя на нѣсколько секундъ заглушалось, потомъ ярко вспыхивало и поднималось кверху языкомъ.

— Наипочтительнѣйше поздравляю васъ съ богатымъ полемъ! привѣтствовалъ меня В. съ веселой усмѣшкой, изъ чего я заключилъ, что и его охота была недурна.

— Съ полемъ, батюшка, съ полемъ, съ удачной охотой, значить! воскликнулъ въ свою очередь Абрамъ.

— Спасибо, спасибо! Ну, а какъ ваши дѣлишки? спросилъ я, сбрасывая съ себя егерскіе доспѣхи и усаживаясь къ огню.

— А наши дѣла по пути шли, отвѣчалъ Абрамъ.

— Рыбу-то гдѣ досталъ?

— Рыбу у знакомаго рыбака на утку вымѣнялъ, вотъ теперь знатную уху себѣ скострячимъ.

— Уху, это хорошо, что ты догадался; ушки поѣсть на чистомъ воздухѣ, послѣ трудовъ тяжкихъ — дѣло вельми пріятное...

— Я знаю, что вы любите, вотъ и добылъ. Знатный лецъ, свѣжій. При мнѣ изъ мережи вынять.

— Ну, рассказывайте же мнѣ, какъ вы охотились? Александръ Ивановичъ, начинайте свое повѣствованіе.

— Да, моя добыча скромная; но ничего, пріятная. Я охотился нынче хорошо.

— Что же убили?

— А убилъ я тетерьку, да пару рябчиковъ, да ва-люшня...

— Это хорошо! Какъ вамъ удалось вальдшнепа-то подцѣпить?

— Вѣдь я по лѣсу ходилъ, изъ-подъ ногъ сорвался, я его и хлобыснулъ; какъ трапка!.. и В. сдѣлалъ выразительный жестъ рукою, досказывающій какъ повалился вальдшнепъ.

— Вы спросите-ка Александра то Ивановича, какъ онъ проудилъ глухаря! Вотъ вы объ этомъ-то его спросите! сказалъ Абрамъ.

— А глухаря проудилъ, и таить нечего; досада была страшная! Видите, походивши, я значительно проголодался и вздумалъ закусить. Середка пирога была въ ягдтанѣ. Я закинулъ ружье на плечи, и началъ преаппетитно ее убирать, а самъ иду. Сосенки, знаете, этакія, мошокъ, болотинка. Только вдругъ откуда ни возьмись передо мной огромнѣйшій глухарина!... Выбѣжалъ изъ-за кочки и остановился шагахъ въ пятнадцать. Я такъ и ошалѣлъ: въ рукахъ кусокъ пирога, ружье за плечами, не знаю, что дѣлать! а онъ посидѣлъ себѣ довольно долгонько, да и полетѣлъ; я схватился было за ружье, да ужъ поздно было: улетѣлъ, проклятый.

— И по-дѣломъ, батюшка! помните мою пословицу: что на охотѣ за успѣхи, когда собака ищетъ мышей, а охотникъ щелкаетъ орѣхи! подтрунилъ Абрамъ.

— Ну, а какъ твои успѣхи?

— Мои? а мои вотъ смотрите! — Абрамъ вытащилъ изъ баньки связку дичи, состоящую изъ трехъ гусей и нѣсколькихъ паръ утокъ.

— Э! да это цѣлый возъ дичи. Ну, Абрамъ, знатное поле! Ты лучше всѣхъ насъ поохотился.

— Охулки на руку не положилъ, хорошо-то хорошо, а все бы лучше надо...

— Помилуй! да чего же тебѣ еще больше?

— Эхъ батюшка! еслибъ вы видѣли, что гуся-то бы-

ло—тучи! Я только переѣхалъ отъ васъ на ту сторону, такъ съ разу и наткнулся на стадо: ходять по лощинѣ, подборъ чудный, давай ползти! ужъ я ползъ-ползъ, корячился-корячился, добрался до куста,—гуси отъ меня саженьяхъ въ тридцати, точно овцы бродять и траву пощипываютъ. Дерябнулъ картечами — ни одного! На подъемѣ еще разъ — тоже ни одного. Полетѣло стадо ничемъ нередимо...

— Что же такъ? Тридцать сажень картечами недалеко; трудно пропуделять по стаду, замѣтилъ я.

— Не задача; объ этомъ-то я и толкую, что больше бы убить слѣдовало!.. Опять, какъ вы мнѣ досадили, что и сказать нельзя.

— Я? вотъ это мило! Какъ я могъ тебѣ помѣшать, если былъ совсѣмъ на другой сторонѣ?

— А вотъ какъ. Увидѣлъ я — большущее стадо гусей сѣло за кустъ. Подобрался близко, смотрю сквозь вѣтви: ходять кучно, положить можно не одного. Сталъ просовывать ружье, только вдругъ вы какъ-разъ противъ меня на здѣшней сторонѣ—баць, баць! Гуси и поднялись, въ летъ изъ кустовъ было нельзя; такъ и улетѣли. Экая досада была! Не повѣрите,—слезы проступили!

— Чѣмъ же я, Абрамъ, виновать? я стрѣлялъ по бекасамъ и вовсе не зналъ, что ты подъ гусями.

— Конечно не знали, грѣхъ ужъ такой; невзначай досадили: ну, да и я же двумъ здѣшнимъ охотникамъ насолилъ.

— Какъ насолилъ?

— Иду, знаете, лощиной такой. Ужъ гусь, да пара утокъ были убиты у меня. Иду, да посматриваю на отнесокъ (мысомъ такимъ вдаюся въ Вычегду): нѣтъ-ли, думаю, гусей? Пристаютъ они на этакихъ мѣстахъ. Впереди меня горбъ. Вдругъ откуда ни возьмись тройка шилохвостовъ—прямехонько на меня такъ и деруть; я впоперечъ — баць

по одному!—скатился; баць по другому—лежить; а изъ-за горба-то саженьхъ въ сорока отъ меня, какъ оболочко, гу-си и поднялись. Вижу — и два охотника встають: Пашка, да Ванька Коданевъ; рожи вытянулись длинныя такія, по-стныя. Ну, говорятъ, Абрамъ, какъ же ты насъ обидѣлъ: съ полдёнъ, говорятъ, подъ гусями лежимъ; а ты, нако-поди, спугнулъ». Да чорта ли же вы тутъ дѣлали? отчего не стрѣляли? спрашиваю.—Мы, говоритъ, все ждали, что-бы погруднѣе сошлись; а тутъ вдругъ тебя и выдернуло!—Коли ждали моль, такъ сами виноваты; стрѣляли бы, бла-го подобрались такъ близко. А они къ гусямъ-то были са-женъ въ десять. Ужъ бранили меня, бранили...

— Еще бы не бранить! Вѣдь ты досадовалъ же на меня...

— Дѣло понятное; я много съ ними и разговаривать не сталъ, скорѣе прочь; еще въ задоръ войдутъ, пожалуй по загровку наудятъ. А гуси-то перелетѣли съ версту и опу-стились на песокъ. Мѣсто я запримѣтилъ и подобрался къ нимъ ловко: пару положилъ. Одного по сидячимъ, да на подъемѣ одного.

— Отчего же охотники не подбирались къ перемѣстив-шемуся стаду? По всѣмъ правамъ это имъ слѣдовало бы? спросилъ Александръ Ивановичъ Абрама.

— Да они, какъ ругались со мной, такъ и не замѣ-тили, что гуси сѣли. А я что бы за дуракъ, чтобы сказать имъ?.. Самъ, батюшка, охотникъ.

— И то дѣло. Теперь ваша очередь рассказывать намъ о своихъ подвигахъ въ сегодняшнее поле, — обратился ко мнѣ В.

Я передалъ послѣдовательно все, что уже извѣстно чи-тателю изъ предыдущихъ страницъ.

Между тѣмъ уха поспѣла. Мы усѣлись кругомъ ко-телка и начали ужинать.

— А водочки по чапорухѣ, вѣдь слѣдуетъ? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Подобаеть—для возбужденія аппетита и подкрѣпленія силъ! отвѣчалъ я.

Добыли изъ погребца флягу и пропустивши по стаканчику, передали Абраму.

— Пошла душа въ рай! проговорилъ онъ, выпивая свою порцію.

Принялись за ужинъ. Уха показалаь для всѣхъ удивительно вкусною; молча углубились мы въ опорожниванье котелка.

А надъ нами и кругомъ стояла глухая, темная, тихая почь. Ни звука, ни движенія, ни малѣйшаго шороха, ни на землѣ, ни на водѣ, ни на лѣсу, ни въ воздухѣ.

Много ночей на разныхъ широтахъ Россіи проводилъ я подъ открытымъ небомъ, но не запомню я такой страшной мертвенности, такого полного отсутствія жизни, какое было на этотъ разъ. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ глухую полночь, когда погружается въ сонъ вся природа, хоть какой-нибудь неясный, неопредѣленный звукъ, откуда-то доносившійся, — жужжаніе ночной бабочки или жука, глухой гулъ въ лѣсу отъ крика далекаго полуночника, трескъ лопнувшей коры на деревѣ, шорохъ мыши въ кустѣ или тихій всплескъ рыбы, — что-нибудь да обличало живыя силы; а здѣсь все было мертво какъ въ могилѣ; казалось вся природа перешла въ непробудное оцѣпенѣніе.

— Здѣсь встрѣтилась мнѣ удивительно знакомая мѣстность, Абрамъ,—сказалъ я, развалиясь передъ тлѣющими угольками, послѣ совершеннаго удовлетворенія аппетита ухомъ.

— Кое мѣсто? спросилъ тотъ, старательно обчищая голову леща.

— Да вонъ тамъ, за логомъ, на выходѣ къ Вычегдѣ, съ горба: за рѣкою ровъ, на крутоярѣ этого рва береза, а подъ ней избушка маленькая...

— А, знаю, знаю! Этакое мѣсто, какъ изъ рѣпки вырѣзанное—похожее, есть на Шексиѣ близъ села Разваляева, гдѣ вы жили маленькій, годовъ шести; вотъ оно вамъ и памятно.

— А избушка подь березой? И она что-то мнѣ мерещится.

— А избушка подь березой такая же была и тамъ у рыбака дѣдушки Михѣя; помните—такой старикъ высокій, сѣдоловый съ большой плѣшью; еще рыбу къ вамъ на домъ нашивалъ. Дѣдушку Михѣя я знавалъ хорошо! И — и какой старикъ былъ умный, царство ему небесное!

— Постой, Абрамъ: съ нимъ случилась какая-то исторія, дочь погибла... что-то такое страшное было?

— Да, батюшка, страшное съ нимъ было. Исторію эту я знаю всю до ноготка.

— Расскажи, Абрамъ, пожалуйста; мнѣ помнится что то неясно.

— А вотъ слушайте. Дѣдушка Михѣй былъ крѣпостной помѣщика Н. Старикъ онъ былъ суровый, умный, уважаемый старикъ, при разваляевскомъ приходѣ старостой церковнымъ двѣнадцать годовъ служилъ. Остался онъ бобылемъ, выстроилъ по близости села хату, поселился въ ней съ дочкой и началъ рыбачить. Дочка его, Анна Михѣевна, волга была дѣвка: полная, высокая, бѣлая, статная, идетъ, точно лебедь плыветъ; изо всего села дѣвка! Этакихъ хорошихъ дѣвогъ я ни допрежь, ни послѣ не видывалъ, да кажись и не увидишь никогда. На рѣчахъ умница, въ хозяйствѣ рачивая, старательная; знатная была дѣвка! Жениховъ гуча сватались и съ воли было много; да за вольныхъ выходить и думать было нечего: баринъ не позволилъ-бы; ну, а за своихъ не хотѣлось ей что-ли, или по сердцу не приходился ни одинъ, не знаю ужъ; только не торопилась она замужъ. Такъ старикъ съ дочкой и жили, ни с чемъ не тужили, хорошо и покойно. Онъ ѣздилъ на рѣку ловить рыбу переметами, самоловами и канатами; она мастерица была мережи вязать, плиски сучить, во всемъ была правой рукой отцу, подмогой доброй.

У Н. лакей былъ Семень, дѣтина ражій, съ лоскомъ. Грубое слово сказалъ онъ своему барину что-ли, или тамъ проступокъ какой сдѣлалъ, только сослалъ его Н. на Разваляево за какую-то провинность. Семень поселился у своихъ сродственниковъ, началъ себѣ жить да поживать, да къ дѣдушкѣ Михѣю частенько похаживать. Вишь, Анна крѣпко пришла ему по сердцу, онъ и сталъ увиваться около дѣвушки, какъ хмѣль около тычипки. А про Анну опять же ничего нельзя сказать было такого, чтобъ въ чемъ видно было ей согласье съ Семеномъ; держала она себя поодаль и особой ласки къ нему не оказывала. Не то, чтобъ онъ ей претилъ очень, да и любовь видно особенно небылъ, а такъ, что называется, «и милъ, да не по сердцу, и хорошъ, да не по любви». Прошло у нихъ многожько времени ни въ томъ, ни въ семъ. Семень сильно врёзался въ дѣвку и исхудалъ. Пошло сватовство. Дѣдушка Михѣй не прочь, а Анна сказала: «какъ хочеть батюшка». Написали къ барину. Н. въ тѣ поры въ Питерѣ былъ, кружился тамъ, говорятъ, въ мотовствѣ, отвѣта никакого не далъ; написали вдругорядь, опять никакого отвѣта нѣтъ. Староста поѣхалъ въ Питеръ съ оброкомъ къ барину; съ нимъ приказали. Возвратился; говорить, самъ будетъ въ разваляевскую усадьбу. Вы усадьбу-то помните? Домна ужастеннѣйшій былъ, двухъ-этажный, со столбами и съ балхономъ.

— Чуть-чуть припомню; она послѣ сгорѣла, кажется.

— Сгорѣла. Ну, вотъ пріѣхалъ баринъ. Время было великимъ постомъ, поостанъ пути. Пріѣхалъ, да сразу же и закутилъ. Ухо былъ человѣкъ!.. Кличъ подалъ сельскимъ бабамъ и дѣвкамъ, цѣлую вотчину ихъ созвалъ и пошла изба по горницѣ; пѣсни, скачъ, плясъ, гамъ, крикъ, дымъ коромысломъ въ домѣ. Въ это время къ нему и приступу не было; знали ужъ, и дѣдушка Михѣй зналъ тоже, не смѣлъ просить, пока не устоится, въ разумъ свой, зна-

чить, не войдетъ. Черезъ недѣлю времени оправился, — и пошелъ по селу шляться каждый вечеръ, ради здоровья. Въ тѣ-поры и мнѣ не однажды доводилось его встрѣчать, годовъ четырнадцати ужь я былъ, помню его хорошо: попадется во тмѣ перекрестись; такой былъ красавецъ писанный помеломъ изъ лахани! Высокій, черный, рябой, носъ горбатый и вострый, какъ у волжской расшивы. И озорноватый же онъ былъ человекъ, большой обидчикъ и придира. Какъ теперь помню, какъ онъ медвѣжатниковъ проучилъ. Видите-ли, два нижегородца на Разваляево пришли съ ручными медвѣдями. Село сбѣжалось смотрѣть; особо бабы и мальчишки по глупости своей большое удовольствіе находить позѣвать на медвѣдя, тащатъ вожакамъ печенаго и варенаго, масла и яиць всячины. Такъ было и о ту пору: бабы и ребятишекъ куча набралось около медвѣдей. Началось преставленье: стали показывать, какъ малые ребята горохъ воруютъ, какъ красныя дѣвицы передъ зеркаломъ сидятъ одѣваются, чистою водицею умываются, алыми румянами натираются; какъ старыя старухи и бѣлолицыя молодухи на барщину идутъ хромячи, а съ барщины—припѣваючи, а медвѣдь всё это выдѣлываетъ: на барщину идетъ, — подпирается палкой, ногу волочить, прихрамываетъ; а съ барщины бѣгомъ, въ припрыжку... Вдругъ откуда нивозьмись на это самое мѣсто Н. «Вы, говорить вожакамъ, что за народъ такой? Вы, говорить, какъ смѣете крестьянъ моихъ смущать, да вмѣстѣ съ ними надъ барщиною потѣшаться? Я, говорить, покажу вамъ, какъ ходить на барщину! Эй, берите, говорить, ихъ, да въ хлѣвъ; да сейчасъ дать знать становому и исправнику; надо проучить хорошенько этихъ негодяевъ. Тѣ въ ноги. Батюшка, говорятъ, помилуй! Мы твоей чести обижать не хотѣли; отпусти ты насъ Христа-ради! сейчасъ уйдемъ изъ села вонъ. — Э, итъ, говорить, други любезные! я вамъ

дамъ себя знать, вы у меня дешево не раздѣляетесь! Въ хлѣвъ, говоритъ, ихъ, да медвѣдей отобрать, да сейчасъ къ становому. Взыли бѣдняги мужики: — «возьми, говорятъ, съ насъ что хочешь, только отпусти!» Ну, онъ ихъ и обдушилъ же: какія деньжонки были, полотнишки, даже масло-то, яйца-то, все обобралъ, бездушникъ, и чистехонькихъ изъ села вонъ прогналъ. А дѣло-то ихъ бѣдное, промыселъ этотъ самый горькій: хоть и съ медвѣдями, а все равно, что нищѣ, по міру же ходятъ, по копѣйкамъ да по грошамъ собираютъ, во всю зиму-то какихъ-нибудь по полу-сотнѣ рублишковъ наколотятъ и тѣ для оброка. Онъ этимъ не сжалился: выпотрошилъ у бѣдныхъ карманы и прогналъ. Вотъ каковъ былъ сахаръ медовичъ!

— Помилуй, Абрамъ, да вѣдь это чертъ знаетъ что такое! Ну, пусть посылаетъ за становымъ, — противозаконнаго тутъ нѣтъ ничего, замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Эхъ, батюшка! вы это по нынѣшнему говорите, а въ тѣ годы было не то: пріѣхалъ бы становой, стали бы орать два голоса вмѣсто одного и еще больше бы жожаковъ настращали; такъ лучше отступиться отъ грѣха.

— Опять весной съ мужиками охотниками какіе штуки выкидывалъ. Мѣста около Разваляева привольныя; утки въ водополищу тьма-тьмуца, а все держатся около полей. Вотъ, крестьяне, у кого ружьишки есть немудрыя, и позалягутъ съ вечера въ межи; особо передъ праздникомъ, когда дичинки-то и для кашицы, и для жарковца хочется. На ночь вся утка слывается къ берегамъ на старую жниву кормиться; охотники и дожидаются, пока вплоть до дула налѣзутъ утки по десятку, чтобъ однимъ выстрѣломъ положить нѣсколько паръ. Какъ только провѣдаетъ Н., что мужички по межамъ разлеглись на сторожку утокъ, и отправится въ поле съ собакой. Песъ у него былъ лягавый страшной величины, Ерусланомъ кликали. Выйдетъ баринъ на самую середину

поля, схватить своего Еруслана за шиворотъ и давай вздуть нагайкой; а горло-то у того было какъ кадка, и зареть; а онъ его нагайкой-то еще больше, а тотъ еще пуще; утки взлетять со всѣхъ мѣстъ, вслѣдъ за ними и охотники пачнутъ подниматься съ длинными рожамъ; а Н. покатывается со смѣху: весело, что начудесилъ.

— Пошелъ дѣдушка Михѣй поговорить съ бариномъ насчетъ своего дѣла. Тотъ ничего, выслушалъ и, какъ быть слѣдуетъ, разспросилъ обстоятельно обо всемъ, потомъ пожелалъ повидать невѣсту, Анну Михѣевну, значить. Привелъ старикъ дочку, баринъ взглянулъ на нее, и глаза у него замаслились, какъ у голоднаго волка на лакомый кусокъ. «Хорошо, говорить, Михѣй, я подумаю, еще время не ушло; все, говорить, устроимъ; ступайте съ Богомъ».

— Постой, Абрамъ! ты не сказалъ, женатый былъ баринъ-то или холостой? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Былъ женатъ, да жену въ могилу свелъ, милостивая говорить, и добрая была барыня, въ чахоткѣ сгинула; двое дѣтокъ остались, по пансіонамъ распихалъ; мать старуха была, барыня такая высокая, горбоносая, сухая, точно вяленый судакъ, между своими была строгая, на сусѣдствѣ уважаемая: ту почиталъ и побаивался ее. Пристрастье къ церкви старуха имѣла, стращала имѣнія лишить, такъ онъ у нея былъ постоянно на притужальникѣ, при ней и остерегался... Да дома-то она мало жила: по монастырямъ больше, да у дочери, — замужъ была выдана въ Тверскую губернію за богатаго барина; такъ все больше тамъ проживала; а когда наѣзжала на Разваліево — шелковый шри ней дѣлался. Хитерь, бѣсъ!

— Пашня наступила. Весна въ тотъ годъ была — благодать Божія: теплая, ясная, тихая. Старуха Н. пріѣхала въ усадьбу къ сыну съ какой-то богомолкой трясушкой, да съ блаженнымъ странникомъ. Любила, покойница, всѣхъ этихъ

божьихъ людей. Приѣхала и появилась въ домѣ неугасимая лампадка; а самъ къ хозяйству усердный такой сдѣлался: съ утра до вечера въ полѣ. Дѣдушка Михѣй къ старухѣ опять насчетъ своей просьбы. Та на отрѣзъ сказала: не мое дѣло; сынъ всѣмъ у меня завѣдываетъ, къ нему ступай; я, говорить, ни во что сама не вступаюсь. Такъ старикъ не причемъ опять и остался. А Семень все больше и больше любить дѣвку, все худалъ и сохъ. Анна же, какъ пташечка, расиѣвала себѣ пѣсенки, и по праздникамъ весело водила хороводъ, ни о чемъ не горюючи; да и горевать-то, правда, было не о чемъ: на счетъ замужества отецъ больше хотѣлъ, а ей до Семена, кажись, и дѣла никакого не было; значить все шло по пути, и дѣвка жила во всемъ своемъ желаньи.

— Баринъ же тѣмъ временемъ на Анну тоню сталъ закидывать; смущалъ ее подарками, подсылалъ Микитиху (старуха такая на селѣ жила, семьдесятъ ужъ ей было, а еще козыремъ смотрѣла, старая вѣдьма, и всѣми этими дѣлами мастерица была заправлять); дѣвка не поддавалась, не шла ни на какія приманки, потому значить, на чести хотѣлось ей жить и худой славы про себя не прокладывать. Барина это сильно занозило; давай онъ дѣломъ вертѣть круто. Семена отослалъ въ другую усадьбу на жительство, а дѣдушкѣ Михѣю объявилъ, что беретъ онъ его и съ дочкою во дворъ. Такъ бы это дѣло и было, еслибъ не старуха Н. Пришелъ къ ней дѣдушка Михѣй и сталъ просить милости.—«Чѣмъ я, говорить, сударыня, прогнивалъ барина? Какой я работникъ во дворѣ, коли кости отъ старости въ тѣлѣ совсѣмъ порасхлябались и скрипѣть начали? Помилуйте, говорить, матушка, заставьте за себя Бога молить»... ну, и такъ упросилъ старуху; она сказала: «хорошо!» а ужъ коли сказала это, значить и будетъ такъ. Ушолъ Михѣй. Старуха призвала сына и такъ на него, говорятъ зыкнула, что тотъ сразу осѣлъ; блѣдный отъ нея вышелъ, точно въ холодной

водѣ выкупался; однакожъ намѣренія своего насчетъ Анны не оставилъ, только другимъ манеромъ дѣло повелъ. Пригнулся мелкимъ бѣсомъ и давай за дѣвкою ухаживать: пойдетъ-ли на охоту или въ поле, старается съ ней встрѣтиться, и какъ будто это невзначай; при встрѣчѣ ласковое слово ей скажетъ, пошутить весело, и та ничего, остановится съ нимъ, пошутить и посмѣется: дѣвка была бой, развеселая дѣвка, нисколько не застѣнчивая.

— Поразъ поѣхали мы съ дѣдушкой Михѣемъ переметы гнать, и Анна была съ нами. Дѣдушка сидѣлъ на кормѣ, я подсаживалъ червяковъ на брючья, Анна была въ веслахъ. Только это мы устались на рѣкѣ, а дѣдушка Михѣй спустилъ первый камень, — изъ за мыса показалась шляпочка. Лодочка была такая раскрашенная, маленькая; въ ней все развалевскій баринъ и ѣздилъ. На кормѣ править прикащикъ его Давидъ Инатычъ (тоже кровопійца былъ покойникъ, не тѣмъ будь помянуть, царство ему небесное!), въ веслахъ гребетъ молодой лакей Андрюха, а самъ сидитъ посреди лодки, точно гагара длинную-то шею свою вытянулъ. Поровнялся онъ съ нами и закричалъ Михѣю: «Богъ помощь, ловъ на рыбу!» Михѣй снялъ шляпу и поклонился, Анна тоже поклонилась. Въ это самое время изъ бичевника съ берегу вдругъ поднялась тетерька: барскія собаки должно быть ее сполохнули, по берегу бѣжали; поднялась и потянула на ту сторону прямо черезъ наши головы. Н. вскинулъ ружье и выстрѣлилъ; тетерька губаремъ скатилась въ нашу лодку, въ ноги дѣдушкѣ Михѣю. — «Возьми себѣ на кашницу! закричалъ баринъ, — и ѣшь за мое здоровье». Анна удивилась такому ловкому выстрѣлу и посмотрѣла на Н. таково открыто, во все глаза, потомъ какъ будто что-то хотѣла сказать ему, заикнулась, покрасилась и ничего не сказала. Проѣхалъ Н., а мы долго еще болтались на рѣкѣ гнавши переметы, и все дѣдушка Михѣй подсмѣивался надъ Анной;

дѣвка вдругъ такая странная сдѣлалась, какъ-будто кто ее ошпарилъ кипяткомъ: безпрестанно задумывается, гребеть не тѣмъ весломъ, какимъ нужно, переметь спутала, поднаплавницу не сбросила съ лодки, такъ что подъ конецъ дѣдушка Михѣй закричалъ на нее: «что ты, говорить, чѣмъ думаешь-то»? Ну, она послѣ этихъ словъ какъ бы и очнулась не надолго, а потомъ опять въ душу впала...

— Послушай, Абрамъ,—неужели ты думаешь, что Анна полюбила Н. именно съ той минуты, какъ тетерька свалилась въ лодку къ Михѣю? спросилъ я.

— А то какъ же? Знамо дѣло съ той самой минуты. Злаго народу, батюшка, много на бѣломъ свѣтѣ. Иные сухоту пуцають на платно: кто найдетъ платно, у того и сухота на сердцѣ заведется; иные на цвѣтокъ, на вѣточку черемуховую; есть такіе, которые наговоръ дѣлають на рыбу, на хлѣбъ, на воду, а всего дѣйствительнѣе на птицу. По всему видно, не сироста свалилась эту тетерька въ Михѣеву лодку...

— Если не сироста, Абрамъ, прервалъ Александръ Ивановичъ, — то всего вѣроятнѣе приключиться сухотѣ у дѣдушки Михѣя, потому что тетерька упала къ нему въ ноги, а не къ Аннѣ?

— Да ужъ вы тамъ какъ ни разсуждайте, а притча въ томъ, чтъ съ той самой минуты дѣвка сильно начала стыскать сердцемъ по Н. И вскорѣ стали говорить въ народѣ, что она къ нему по вечерамъ похаживаетъ, что у нихъ ужъ завелись шуры-муры, и что дѣдушку Михѣя обо всемъ этомъ скорбь беретъ непроходимая. Прошло лѣто и осень прошла; по зимѣ еще виднѣе всѣмъ стало, какъ Анна ходить къ барину и цѣлыя ночи съ нимъ проводить. И какъ-же она измѣнилась! Узнать ее трудно было супротивъ прежняго; такъ спала она съ лица! Худая стала, блѣдная, рѣчи все такія печальныя, а иной разъ и совсѣмъ отъ нея

никакихъ рѣчей не добьешься. Въ церковь перестала ходить, нигдѣ въ народѣ не показывалась; на посидѣлкахъ во всю зиму не видали ее ни разу; совсѣмъ отлученной какой-то сдѣлалась. Съ весной, замѣтно стало, что Аннѣ въ тѣлѣ спорынью Богъ даетъ, забеременѣла, значить. Какъ только узналъ это Н., началъ ее отъ себя отваживать; говорятъ, гонялъ даже, и одинъ разъ Еруслана своего науськнулъ на нее: тотъ укусилъ ее въ ногу. Черствый былъ человекъ! чай, на томъ свѣтѣ сидитъ теперь у чорта въ сибиркѣ. Анна же, на гибель свою, привязалась къ нему всѣмъ своимъ помышленіемъ, души своей не чаяла, простаивала на пролетъ ночи у его крыльца, да подь окномъ.

— Какъ теперь помню, около Ильина дни, было дѣло. Встрѣтилъ я Анну,—идеть утромъ рано отъ барина. Поздоровался я съ ней, окликалъ было ее, хотѣлъ спросить что-то о дѣдушкѣ Михѣѣ: старика давно почему-то не видать было; но она ничего мнѣ не сказала, не поклонилась даже, только посмотрѣла на меня, и посмотрѣла-то таково не хорошо, таково дико. Послѣ слышно было, что въ это самое утро Н. Анну сильно чѣмъ-то обидѣлъ, потаскушкой назвалъ, прогналъ и настрого запретилъ людямъ пускать къ себѣ; сказалъ, чтобъ ни подь какимъ видомъ нога ея на дворѣ барскомъ не была, чтобъ она и на глаза ему ни гдѣ не смѣла показываться.

— Дня три спустя послѣ этого, бѣгутъ мальчишки съ рѣки и кричатъ благимъ матомъ; вслѣдъ за мальчишками бабы что-то зашебетали — смотрю и много народу возбузыкалось, и всѣ бросились, что было мочи къ Шексиѣ; побѣжалъ и я. Прибѣжалъ къ перевозу, вижу—большая толпа народу собралась подь горой; шумять, иные бѣгаютъ около берега, да въ трехъ лодкахъ разъѣзжаютъ по рѣкѣ, и Петро, Пятелинъ сынъ (удалой такой былъ дѣтина на Развляевѣ, отлично плавалъ и нырялъ), спускается около плота

въ воду. Спрашиваю, что такое случилось, утонулъ что-ли кто? Говорятъ, Анна Михѣвна утонула?—Какъ такъ утонула?—«А такъ, бросилась съ плота, да и утонула; ребята видѣли». Что за оказія! а дѣдушка Михѣй гдѣ?—«А дѣдушка Михѣй, говорятъ, вонъ тамъ на плоту». Прибѣжалъ я туда; дѣдушка Михѣй стоитъ на плоту, а противъ него безперечь ныряетъ въ воду Петро. Дѣдушка Михѣй проситъ его, чтобъ онъ всѣ силы свои употребилъ, сыскалъ Анну, проситъ и тутъ же указываетъ, какъ по струѣ тѣло надо искать, а у самаго голосъ такой ровный, такой твердый и покойный голосъ, не воетъ и не стонетъ, только лицо поблѣднѣло очень, бѣлое сдѣлалось, какъ писчая бумага, да на рѣсницѣ крупная, крупная слеза дрожить.

— Долго искали Анну, и невода закидывали, но никакимъ способомъ не могли попасть на тѣло. Одинъ разъ тащили было въ неводѣ что-то тяжелое, думали, что это она; подтащили къ берегу—пусто; одна только свѣтленькая-пресвѣтленькая сорожечка запуталась было въ чучѣ, да пробила сквозь ячею и нырнула въ воду. Бабы плели, что это ея душенька была, простилась со свѣтомъ и обратилась опять въ рѣку, гдѣ судилъ ей Господь пробить до тѣхъ поръ, пока грѣхи ея тяжкія не омоются.

— Уже вечеромъ поздно разошелся народъ по домамъ; одинъ только дѣдушка Михѣй остался на рѣкѣ. Съль, сердечный, на плоту, опустилъ голову свою сѣдую на локотки и все смотрѣлъ на воду, на то самое мѣсто, гдѣ утонула Анна. Такъ просидѣлъ онъ всю ночь и весь другой день, и опять всю ночь, и просидѣлъ бы можетъ еще долго, глазъ не спускаючи съ воды, еслибъ его не увели домой...

— А что же, Абрамъ, Н.-то? неужели его совѣсть не мучила? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Захотѣли! Нашли у человѣка совѣсть. Когда ему

сказали Анна утопилась, нисколько злое его сердце нескрянулось, только промычалъ: «утопилась? А! ну, ладно, туда ей и дорога», взявъ ружье, мызгнувъ Еруслану и пошелъ на охоту; вотъ вамъ и вся совѣсть.

— А послѣ-то, Абрамъ, неужели онъ никогда объ ней не вспоминалъ? допытывался В.

— А вотъ слушайте до чего дойдетъ. Недѣлю снустя послѣ этого поѣхалъ Н. въ городъ. Дорога туда шла черезъ Веригино: большое такое село въ сорока верстахъ отъ Развалаева, ниже по Шекенѣ стоитъ. День былъ дождливый и холодный. Проѣзжаетъ Н. селомъ Веригинимъ и видить у старостина брыльца два тарантаса стоятъ. Спрашиваетъ: «кто здѣсь такой?» Говорятъ, исправникъ, становой, стряпчій, лекаръ, —временное отдѣленіе; значить. Все это люди свои Н., приятели закадычные; приворотилъ. Войти въ избу, а тамъ пиръ горой: всѣ ужъ подъ порядочнымъ хмѣлькомъ; особо исправникъ да становой молодцы были выпить; какъ, бывало, съѣдутся, такъ ужъ каждый разъ какъ стельки и накатятся. Исправникъ былъ такой высокій, тучный, обрюзглый, плѣшь у него сіяла, какъ солнце, говорилъ онъ обыкновенно громко и слюнами при этомъ брызгалъ и носомъ приевистывалъ. А становой низенькій, рыженькій; волосы у него были коротко выстрижены и стояли на головѣ щетинкой; глаза такіе большіе, сѣрые и всегда гноились; въ рѣчи былъ частоплетъ и запка; пятого слова ужъ у него бывало никогда не поймешь: запкается, губу нижнюю вытянетъ, глазами поведетъ, хлебнетъ водки и ужъ тогда только справится, будетъ говорить порядкомъ, а потомъ опять на пятомъ словѣ запкнется, опять за водку; все такъ и пробавляется бывало. Исправникъ со становымъ, когда выпимши, превеселые люди дѣлались и большой руки проказники. Помню я, какъ-то были они въ Развалаевѣ на слѣдствѣ, порубку кажется свидѣтельствовали.

Иду я, знаете, полемъ; вижу на одной лошади два человѣка ѣдутъ верхомъ. Лошаденка такая тощая, одеръ-одромъ, едва двигаетъ ноги; а они-то ее хлещутъ почему ни попало. Кто бы это, думаю? Кажется не изъ сельскихъ, по барски одѣты? А это пьяные исправникъ со становымъ! И какъ же ихъ угораздило усѣсться: одинъ, исправникъ - то, какъ и слѣдуетъ быть, лицомъ впередъ, къ головѣ, а становой-то лицомъ къ хвосту, держится за него одной рукой, а другой клячу-то такъ и наяриваетъ, такъ и наяриваетъ. Повстрѣчался я съ ними, не могъ утерпѣть, покатился со смѣху; а исправникъ кричитъ: «что ты, дуракъ, смѣешься?» Ну, и зѣло же они оба тогда были! — Вотъ хорошо. Входить Н. въ избу. На столѣ самоваръ бурлитъ, исправникъ со стряпчимъ пунштъ распиваютъ. Становой съ своимъ писмоводителемъ да съ лекаремъ въ карты задуваются. — Лекарь этотъ былъ изъ нѣмцевъ. Я и его хорошо помню: на низенькихъ ножкахъ, такой пузатенькой человѣчикъ, въ бѣлыхъ панталонахъ все ходилъ, зеленыя большія очки носилъ, и еще до простобваши съ сахаромъ да съ корицей былъ большой охотникъ. Всѣ встрѣтили Н. съ радостью, какъ дорогаго гостя, съ обниманьемъ, да цѣлованьемъ, и сейчасъ же пуншту крѣпкаго ему закатали. Вотъ и пошли у нихъ лясы да балясы, тары да бары, да дешевые товары; спрашиваютъ развалаевского барина: «куда, молъ, ты ѣдешь?» — Въ городъ, говоритъ; а вы за чѣмъ здѣсь?» —

— «Да вотъ по дѣлу, говорятъ: утопленницу съ подозрительными признаками прибило на песокъ къ Веригину, такъ слѣдство производить приѣхали».

— «Утопленницу? спрашиваетъ Н.:— да не моя-ли это дѣвка? прераспутная была, съ недѣлю тому назадъ утоплась въ Развалаевѣ, дайте взглянуть».

— А вотъ, говорятъ, сейчасъ Карлъ Адамычъ будетъ натоить ее, увидите».

— Какъ время-то стояло дождливое, то тѣло съ берегу перенесено было въ избу,—черезъ сѣни отъ той избы, гдѣ временное отдѣленіе помѣщалось: всѣ и вошли въ нее. Н. вошелъ со стаканомъ пуншту и съ цыгаркой. Трупъ лежалъ на рогожкѣ, посинѣлый; вздуло его страшнымъ манеромъ, и смрадомъ несло непомѣрно. На лбу была глубокая преглубокая рана: видно она, сердечная, бросившись въ воду, ударилась съ размаху головой объ тычку. Н. заглянулъ трупу въ лицо и сразу же призналъ Анну: «она, говорить, и есть; экъ ее вспучило!» Отошелъ къ сторонѣ, и какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ себѣ прихлебывать изъ стакана да покуривать цыгарку, хоть бы бровью шевельнулъ, хоть бы отворотился!.. Только и было, говорить, что судорога губы свела на одну минуточку; а то все стоялъ покойно, поглядывалъ себѣ таково равнодушно, прихлебывалъ изъ стакана пунштъ, да цыгарку курилъ... Такъ вотъ, батюшка, какой онъ былъ человекъ; а вы еще спрашиваете, мучила ли его совѣсть за Анну, да вспомнать ли онъ ее когда нибудь!..

— Что же случилось послѣ съ дѣдушкой Михѣемъ?

— А что? ничего, умеръ съ горя.

— Куда же Н. дѣвался? Живо еще это сокровище? продолжалъ спрашивать В.

— Вотъ про Н.-то, батюшка, что съ нимъ послѣ этого случилось, я подробно рассказать и не умѣю. Знаю только, что года черезъ два послѣ всѣхъ этихъ дѣлъ съ Анною умерла горбоносая старуха, мать его, а потомъ погорѣлъ домъ на Разваляевѣ. Приказчикъ донесъ—отъ божьяго милосердія; бабы же на селѣ плели другія басни: говорили, будто бы, что грѣшная душенька Анны странствовала по ночамъ около дома, что плачь и стонъ слышали противъ кабинета, гдѣ бывало, Анна простаивала цѣлыя ночи. И въ самыхъ покояхъ-то будто бы огни видали въ неуказное время, верескъ ребенка слышали, старую барыню на колѣ-

няхъ въ образной на молитвѣ замѣчали. Въ домѣ-то послѣ никто не жилъ: пустой стоялъ и окна были заколочены, такъ и плели, что въ немъ чудится. А въ ту ночь, какъ ему погорѣть, — случилось же это какъ-разъ въ годину по Аннѣ, — видѣли сѣдаго старика, украдкой къ дому пробирался; всѣ подумали на дѣдушку Михѣя. Потомъ будто бы и Анну видѣли; такъ и положили, что мертвецы домъ сожгли. Старая Ульяна, такая дошлая женщина жила на Разваляевѣ, у Кіевскихъ чудотворцевъ семь разъ была, къ соловецкимъ ходила, — она при всѣхъ рассказывала, что собственными глазами видѣла, какъ душеньки дѣдушки Михѣя и Анны во время пожара поднялись въ полымъ къ небу... И мало-ли чего не болтали, всѣхъ рѣчей не переслушаешь! А инымъ дѣломъ домъ-то и въ самомъ дѣлѣ сгорѣлъ отъ божья милосердія, потому гроза въ ту ночь была большая. Можетъ и то, что подожгли сами крестьяне изъ своихъ расчетовъ. Н. какъ только услышалъ, что домъ сгорѣлъ, сейчасъ же прикатилъ на Разваляево, выпустилъ всѣхъ барщинскихъ крестьянъ на оброкъ, усадьбу порѣшилъ и опять возвратился на житье въ Питеръ. Былъ потомъ слухъ, что онъ поступилъ на службу, гдѣ наша земля сходитя съ нѣмецкой, въ какіе-то чиновники... Ну, вотъ и былъ слухъ, что онъ тамъ служилъ, и служилъ-то сначала хорошо; а потомъ замѣченъ въ чемъ-то нехорошемъ начальствомъ; нарядили судъ; а Н. возьми да и сбѣги, да и свяжись съ какими-то жуликами, и долго съ ними жилъ онъ, говорятъ, за одно, вмѣстѣ мошенничали; такъ и сгибъ. Такъ про него рассказывали.

— Достойный конецъ такому человѣку! глубокомысленно замѣтилъ В.

Пора было на ночлегъ. Дрова на нашемъ пожгѣ уже всѣ погорѣли и едва тлѣющія головешки густо подернулись пеленою бѣловатаго пепла. Мѣсяць склонялся къ закату: одна

рогатая половина его же спряталась за лѣсъ, другая же выставялась изъ-за темныхъ елей острымъ клиномъ, какъ сошникъ Зырянской косули. Издалека доносилось однообразное трещаніе козодоя и заунывное вабенье зайца въ лапу, первые звуки, нарушившіе тишину глухой, осенней ночи.

— Ишь его косога забираетъ, какіе тоны выводить! сказалъ Абрамъ, прислушиваясь къ заячьему вабенью.— Съ полуночи своротило, пойдете-ка на боковую.

— Ты почему знаешь, что съ полуночи своротило? спросилъ В.

— А, вишь, заяцъ надоланиваетъ въ лапу: это онъ утреннюю зорю бьетъ.

— Будто это заяцъ? Непохоже что-то. Не ошибаешься ли ты, Абрамъ? Птица, можетъ, какая нибудь? возразилъ опять В.

— Я вамъ говорю—заяцъ. Ужъ это я доподлинно знаю, потому самъ видѣлъ, какъ онъ это видѣлываетъ. А вотъ какъ и видѣлъ-то: случилось мнѣ быть на тягѣ валюшной въ Даниловскомъ уѣздѣ—въ березовыхъ полоскахъ. Только запоздалъ я, знаете. Ужъ штуки три было у меня убито, пора бы домой, да еще одинъ валюшень леталъ, такъ вздумалось его подождать съ полчаса; стою у густой такой ели, да слушаю, какъ соловушко распѣваетъ. Вдругъ около самого меня: «ва-ва-ва,-ва-ва!» и смолкло. Я оглянулся—ничего нѣтъ. Потомъ погода немного опять заголосило; опять осматриваюсь—опять ничего. А ужъ темненько было, заря потухала и звѣздочки на небѣ рѣденько свѣтились. Минуточку спустя зашобостило что-то въ кустѣ, заяцъ выскочилъ, матерой такой; присѣлъ подлѣ самого меня, поднялъ переднюю лапу, и давай себя колотить по мордѣ, а самъ «ва-ва-ва-ва-ва!» Э, думаю, шукарь; такъ это ты запускаешь такіе тоны! Прежде, знаете, я слыхивалъ часто по зарямъ этотъ голосъ, и, какъ ваше же теперъ дѣло,

недоумѣвалъ, чей бы это былъ? А вышло вотъ чей, — заячій. Ну, вотъ стою я, не шевелюсь, дожидаясь, что будетъ дальше. Долго косою вабилъ въ лапу и послѣ каждаго раза въ промежутки станеть на заднія лапы и прислушивается. Вдругъ другой заяць, самка должно быть, выскочила изъ полоски къ этому и давай съ нимъ козлы строить. Бѣгали, бѣгали и легли другъ противъ дружки, какъ щенки, когда разыграются. Въ это самое время откуда ни возмись лисица, и крадется къ нимъ, и крадется какъ кошка подъ воробьевъ, а у самой глаза-то такъ и сверкають, какъ двѣ огненные искорки. Одинъ косою увидалъ и шмыгнулъ въ кусты. Другой только приподнялся на заднія лапы, должно быть послушать хотѣлъ, какъ она и сѣла ему на шиворотокъ, да тутъ же въ одну минуту и свернула его...

— Что же ты не стрѣлялъ по лисѣ - то, Абрамъ, коли все это передъ тобою происходило? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Эхъ, батюшка, да вѣдь я же говорю вамъ, что это случилось на тягѣ валюшней, значить, ружье было заряжено бекасинникомъ; а бекасинникомъ - то ей ни рожна не подѣлаешь. Да если и не бекасинникомъ, не сталъ бы стрѣлять: что занапрасно звѣря губить! Весной лиса клокастая: отеребокъ-отеребокъ, никуда негодная, не-почто, значить, и бить ее.

Забравшись въ баньку и изладивъ на нарахъ постель, мы улеглись на нее всѣ трое въ позалку. Александръ Ивановичъ заснулъ скоро, потомъ захрапѣлъ Абрамъ, за тѣмъ и я впалъ въ какое - то полузабытье, въ полусонъ. Миѣ было отчего-то тяжело и душно, голова горѣла, въ вискахъ стучало и все тѣло какъ-то болѣзненно ныло. Такого состоянія я никогда на себѣ не испытывалъ: меня клонило ко сну, но лишь только я засыпалъ, какъ непомѣрною тяжестью начинало давить грудь, дыханіе становилось труднымъ и,

при странномъ замيرانіи сердца, всего меня невольно прохватывалъ какой-то ужасъ. Я чувствовалъ, что это во снѣ и хотѣлъ пробудиться, но не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языкомъ. Лишь только удавалось мнѣ сбросить съ себя сонъ, снова томительная дремота, снова страшно тяжелое состояніе сна, спираніе дыханія, невыносимо—мучительное страданіе въ сердцѣ и боль во всѣмъ тѣлѣ.

Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ уснуть здоровымъ крѣпкимъ сномъ, я вышелъ изъ баньки на свѣжій воздухъ, который сейчасъ же оживилъ меня, и я почувствовалъ себя хорошо.

Ночь все еще была очень темна, звѣзды заволокло облаками; только едва замѣтный свѣтъ утренней зари, предвѣстникъ наступающаго дня, протянулся на востокѣ узенькой красноватой ленточкой. По Вычегдѣ въ разныхъ направленіяхъ путешествовали огни, отражаясь въ водѣ длинными мерцающими полосами; ихъ медленное движеніе безъ звука, безъ малѣйшаго шума, среди черной, тихой ночи, представляло изъ себя какое-то чудесное, таинственное явленіе изъ сверхъ-естественнаго міра. Вотъ цѣлый снопъ яркаго пламени тихо ползеть около того берега рѣки. Свѣтъ его переливами дрожить и играетъ въ водѣ, длиннымъ столбомъ бѣжитъ на другую сторону и острыми, раскаленными иглами вонзается въ берегъ. Вдругъ крутой поворотъ, часть огня заслонена; противъ него обрисовался черный силуэтъ человѣческой фигуры, на одно мгновеніе, и снова яркій пылающій снопъ, сыплющій миллионы искръ въ черную тьму.

То разбѣжали рыбаки съ лучемъ: способъ ловли рыбы самый добычливый, общепотребительный и распространенный между всѣми зырянами.

Но диво-дивное творилось въ воздухѣ. Волны неисчислимыхъ звуковъ неслись на землю, будто шли надъ головою невидимыя дороги, по которымъ путешествовали съ

неимоверною быстротою несмѣтные полки воздушныхъ странниковъ. Говоръ гусей, свистъ и звонъ крыльевъ несущихся стай утокъ, заунывное курлыканье журавлей, разнородный пискъ куликовъ мѣшался съ пронзительными переливами трубнаго лебединого голоса.

Въ невольномъ изумленіи стоялъ я передъ этимъ дивнымъ явленіемъ птичьяго отлета. Никогда не случилось мнѣ быть его свидѣтелемъ. Я вперилъ глаза вверхъ, но, за темнотою ночи, ничего не могъ разглядѣть. Между тѣмъ звуки раздавались все громче и громче; все плыли и плыли стаи, все гуще становилось ихъ въ воздухѣ, такъ что чувствовалось вѣяніе звенящихъ отъ быстрого полета крыльевъ, какъ будто надъ головою вились и парили духи.

— Вдругъ я замѣтилъ въ темнотѣ, почти около самаго меня, неподвижно стоящую человѣческую фигуру. Подхожу—Абрамъ.

— Абрамъ, это ты? что ты тутъ дѣлаешь?

— Слушаю и не могу наслушаться, что это такое дѣлается тамъ! шепотомъ отвѣчалъ онъ, ткнувши въ воздухъ указательнымъ пальцемъ.

— Да давно ли ты здѣсь?

— Да ужъ давно, еще до васъ. Птицы-то, птицы-то сколько! Господи! сродясь такого чуда не видывалъ.

А свистъ, говоръ, шумъ,—какъ будто на разные голоса пѣлъ самъ воздухъ,—всего оглушительнѣе и разнороднѣе становился въ вышнихъ.

Въ этомъ общемъ птичемъ хорѣ голосовъ слышны были звуки, о которыхъ трудно было сказать, къ какой породѣ дичи они относятся: пѣвчія ли то птицы, водяная ли дичь, или кулики, обитатели болотъ и прибрежныхъ песковъ.

Я побѣжалъ въ баньку и началъ толкать разоспавшагося В.

— Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ!

— Что вамъ? Дайте поспать.

— Полноте спать, вставайте!

— Зачѣмъ?

— Вставайте, вставайте скорѣй. Пойдемте чудо слушать.

— Какое еще тамъ чудо? спать хочется.

— Да отстаньте вы съ вашимъ сномъ! Говорятъ пойдете! До сна-ли?

В. поднялся, зѣвнуль протяжно и громко и наконецъ полѣзъ изъ баньки.

— Эка темень! Какъ рано разбудили! Гдѣ же чудо-то? спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ, все еще не приходя совершенно въ себя.

— А вотъ слушайте, что на небесахъ творится. Это совершенно особый мѣръ жизни. Слышите-ли, слышите-ли, какія тамъ голоса?

Э-э! вотъ что! Ну, это валовой отлетъ. Здѣсь въ это время всегда такъ бываетъ.

— Экъ варить! экъ тамъ варить, точно въ котлѣ! проговорилъ Абрамъ.

— Да и ты здѣсь, Абрамъ! а я тебя и не замѣтилъ. Видалъ-ли ты такой пролетъ? спросилъ его В., уже совершенно отрезвившійся отъ сна.

— Гдѣ, батюшка, видать. И не слыхивалъ даже. Что это, *нагонъ* что ли?

— Какой *нагонъ*! Просто дичь съ поморья летитъ въ теплыя страны, холодъ чуетъ.

— Да ужъ что-то ее безъ числа много?

— Да потому и много, что птица разная. Вотъ, слышишь-ли точно серебряные позвонки бряцаютъ? Это ржанки летять, такія маленькія красивенькія курицы, весною встрѣчаешь иногда ихъ на поляхъ, по озимямъ.

— Знаю, знаю! сѣменнухи по нашему, сказалъ Абрамъ.

— Ну, да, по вашему сѣменнухи, а здѣсь зовутъ ихъ

еще ячменниками. Летать они всегда большимъ стадомъ на ужасной высотѣ и постоянно при этомъ пищать своими серебряными голосками. А чу—и черная утка отправилась съ сѣверныхъ рѣкъ. Слышишь ли свистъ, похожій на то, какъ ребятишки въ глиняныя дудки наигрываютъ? Это ихъ голоса.

— Ну, дичи! ну, дичи! И во снѣ про столько не снилось. Экъ какая пропасть помѣщается ее на матушкѣ землѣ русской! сказалъ въ изумленіи Абрамъ и можетъ быть сказалъ великую истину...

— Дичи много. Мѣста на поморьѣ удивительныя: много тинистыхъ и чистыхъ озеръ, болотъ, трясинъ, разныхъ потныхъ мѣстъ, мшерины непроходимыхъ и всякаго приволя, а на отмеляхъ чудные жиры, потому разная птица и любитъ держаться около тѣхъ мѣстъ, продолжалъ Александръ Ивановичъ. Вотъ опять вслушайся-ка, какіе звуки: точь въ точь какъ на водоносѣ ведра поскрипываютъ: это петрули летять, маленькія морскія чайки, сушіе, говорятъ, разбойники по своему быстрому полету и ловкости. Ихъ иначе называютъ буревѣстниками, потому что поморы всегда по нимъ предъзнаютъ бурю.

— Да гдѣ же это такое поморье есть, Александръ Ивановичъ? спросилъ Абрамъ.

— А поморьемъ называется вся сторона, которая идетъ по морю отъ Архангельска и дальше туда по Ледовитому океану. Вотъ бы гдѣ, братъ Абрамъ, поохотиться-то! Рассказывали мнѣ бывалые люди, что это тамъ за охота. Два раза въ сутки дѣлается въ морѣ приливъ и отливъ. Во время отлива образуются огромнѣйшія отмели, покрытыя гдѣ иломъ, гдѣ пескомъ, со множествомъ лужъ и разныхъ ложбинокъ, по которымъ собирается на кормежку утки, гуся, лебедя и разныхъ куликовъ и морскихъ птицъ видимо—не видимо. Особо привольно птицѣ по иламъ; потому море во время отлива оставляетъ на иловой отмели морскихъ чер-

вячковъ и разную питательную шмару. Чтобы попасть на отмели, нужно съ берега переѣзжать на нихъ черезъ глубину въ лодкѣ. Худо знающему время морскихъ приливовъ и мѣстность отмелей пущаться на эту охоту, опасно, — можно поплатиться жизнью: заберешься глубоко въ отмели, застанетъ приливъ, сорветъ съ песку лодку, море начнетъ хлестать убѣгающаго охотника по пятамъ и наконецъ снесетъ въ глубину. Такъ погибло много изъ горяченькихъ. Но между поморами есть много опытныхъ и сметливыхъ охотниковъ, въ случаѣ надо имъ поручить себя; ужъ они знаютъ, какъ поступать, потому цѣлую жизнь обходятся съ моремъ, понимаютъ всѣ его причуды и не выдадутъ товарища. Обыкновенно въ вечерній отливъ, передъ зарей, отправляются на отмели. Выберутъ удобныя мѣста, самыя становища дичи, выкопаютъ ямы и позасядутъ въ нихъ. Птицы по зарѣ налетаетъ несмѣтное количество, особо много наплекой утки морянки, гусей и разнаго вида куликовъ. Стрѣльба приводится все въ летъ больше. У поморъ ружья харчистыя, по горсти пороху засыпаютъ въ зарядъ. Какъ изъ этакой фюзен дохнетъ по летящему стаду, такъ и вырветъ въ немъ окошко. Убитую птицу не собираютъ до самаго окончанія охоты, до тѣхъ поръ, пока поморець не подастъ сигнала, что пора уже съ отмелей убираться на берегъ. Тогда зажигаѣ фонарь, если тихо—лучину, и ужъ съ огнемъ собираѣ свою добычу; а ее въ удачный летъ набираютъ иногда на одно ружье такъ много, что не подь силу человѣку стащить. Чего, говорятъ, не почувствуетъ въ этой охотѣ новичекъ-охотникъ: и радость, когда разноголосая дичь близится цѣлымъ облакомъ, и страхъ когда море стонетъ и реветъ! Помору же дѣла нѣтъ до моря. Чудный народъ эти поморы!..

И затѣмъ Александръ Ивановичъ началъ Абраму длинный разговоръ о неустрашимости приморскихъ жителей, о ихъ

смѣлыхъ поѣздахъ по промышленнымъ дѣламъ на далекіе острова, о зимовкахъ на Новой землѣ и охотѣ тамъ на моржей и тюленей, о посѣщеніи промышленниками Калугева и Вайгача и истребленіи на этихъ островахъ гусей, лебедей, гагъ и утокъ. Много интересныхъ подробностей передалъ въ своемъ разсказѣ В., много и красныхъ словцовъ для эффекта было имъ ввернуто. Онъ видимо подбиралъ свое повѣствованіе въ томъ содержаніи, чтобъ поразить чудесами охотничью любознательность Абрама и не остаться у него въ долгу по разсказнямъ. А тотъ слушалъ и удивлялся, ахалъ и хлопалъ руками...

Между тѣмъ разсвѣло на-бѣло. Красно и широко разлилась заря по небу, заходилъ туманъ по рѣкѣ и озерамъ, а пожни убѣлились инеемъ перваго крѣпкаго осенняго утра. Мелкая птица провалила; только небольшія станички курохановъ и зукъ, то свиваясь клубкомъ, то разсыпаясь сѣтью, мчались въ южныя страны съ неимовѣрною быстротою, какъ будто торопились они изо всѣхъ силъ догнать своихъ улетѣвшихъ товарищей. Огромныя же отдѣльныя вереницы гусей и лебедей видны были во всѣхъ направленіяхъ. Они летѣли на страшной высотѣ стройными трехугольниками, громко перекликаясь между собою.

— Не ѣхать ли домой, Абрамъ? Утреннее поле сего дня не можетъ быть удачно: вся дичь въ отлетѣ, — сказалъ я.

— Тоже и я мекаю; да немного то походите.

— Походить, пожалуй, походимъ; да, вѣдь, понапрасну будетъ.

— А кто знаетъ! «На грѣхъ и курица чихнетъ»; можетъ и убьемъ что-нибудь.

Разошлись. Я отправился на вчерашнія мѣста, пронялъ на сквозь все болото, гдѣ такъ удачно охотился на бекасовъ и курохановъ, обошелъ нѣсколько озеръ тинистыхъ и

чистыхъ, но не видалъ, что называется ни пера. Около полдня Абрамъ подалъ голосъ къ домамъ. Онъ также не убилъ ничего; одинъ только Александръ Ивановичъ, бродивши по лѣсу, заповлевалъ пару рябчиковъ.

На возвратномъ пути разговорились о зырянскихъ преданіяхъ. Александръ Ивановичъ, какъ мѣстный уроженецъ, хорошо знающій Зырянъ, былъ на этотъ разъ нашимъ главнымъ рассказчикомъ.

— Преданіями зырянская жизнь бѣдна, повѣствовалъ онъ. — Одно изъ самыхъ древнихъ, это преданіе о Ягъ-Мортѣ *).

— Ягъ-Мортъ значить «лѣсной человѣкъ». Рассказываютъ объ немъ такъ:

— Въ самыя отдаленныя времена, когда еще Зыряне были язычниками, появился на берегахъ рѣки Кучи, впадающей въ Ижму, страшный человѣкъ, такой человѣкъ, который если по лѣсу шелъ—руками сосны разводилъ, голосомъ говорилъ—буйный вѣтеръ заглушалъ. Ужасную обрзину имѣлъ Ягъ-Мортъ: обросшее черными волосами лицо, кровавые глаза и медвѣжья шкура, изъ которой сшита была его верхняя одежда, дѣлали великана похожимъ скорѣй на звѣря, чѣмъ на человѣка. Никто не зналъ, откуда пришло на берега Кучи это чудовище. Обыкновенно говорили, что Ягъ-Мортъ выросъ вмѣстѣ съ дремучими лѣсами Запечорья и ему было столько же лѣтъ, сколько и этимъ лѣсамъ. Жилъ онъ одиноко, въ неприступныхъ мѣстахъ, за непроходимыми болотами, и появлялся между зырянскими селеніями только для разбоя и убійствъ.

*) См. „В. Г. В.“ сороковыхъ годовъ, ст. г. Мельникова: „Въ изложеніи преданія мы слѣдуемъ порядку этой статьи, исключая изъ нея поэтическія вольности и исправляя ошибочно переданныя мѣста. Мы имѣли случай провѣрить сказаніе объ Ягъ-Мортѣ въ разныхъ углахъ зырянскаго населенія и теперь передаемъ его съ самою точною вѣрностію.

«Для нападеній своихъ Ягъ-Мортъ выбиралъ темныя ночи, при чемъ поджигалъ деревни, и въ общей суматохѣ пожара безчинствовалъ, сколько того кровожадная душа его хотѣла. Онъ уводилъ женъ и дѣтей, угонялъ скоть или просто рѣзалъ его на мѣстѣ. Ненависть Ягъ-Морта ко всему живущему доходила до того, что онъ часто безъ всякой надобности убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго. Зыряне, выведенные изъ терпѣнія злодѣйствами разбойника, старались всѣми способами извести его. Они начинали ловить его, какъ дикаго звѣря, т. е. строили засады, выкапывали громадныя ямы,—но ничто не помогало. На хитрость Ягъ-Мортъ былъ самъ хитеръ; открытая же схватка съ нимъ была не по плечу робкимъ, мѣшкватымъ Зырянамъ; во всемъ Запечорьѣ не находилось молодца, который-бы осмѣлился помѣряться съ нимъ силами. Къ тому же Ягъ-Мортъ слылъ въ народѣ великимъ колдуномъ. Оспу, болѣзни всякія, скотскій падежъ, бездождіе, безвѣтріе, лѣтніе пожары,—вообще разныя физическія бѣдствія и необыкновенныя явленія природы суевѣрные зыряне приписывали мрачнымъ волхвованіямъ Ягъ-Морта. Онъ повелѣвалъ стихіями, помрачалъ солнце, луну и звѣзды и, по понятіямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародѣи — разбойника, и потому онъ чудесилъ себѣ на полной свободѣ въ мрачныхъ лѣсахъ Запечорья.

«Разъ у старшины одного изъ зырянскихъ селеній пропала безъ вѣсти единственная дочь, красавица Райда. Это была такая дѣвка, какой еще не видывали между Зырянами. Проходить день, два, проходятъ цѣлыя недѣли—Райды нѣтъ какъ нѣтъ! Мать ея выплакала глаза отъ слезъ, отецъ съ женихомъ своей дочки выходили всѣ ближнія селенія, всѣ лѣса окрестные, но не нашли нигдѣ Райды. Вотъ кликнули кличъ, созвали народъ на совѣтъ, объявили свое горе — и всѣ, отъ стараго до малаго рѣшили общимъ голосомъ, что Райдѣ самой негдѣ потеряться, а что это должно быть дѣло

Ягъ-Морта: вѣроятно онъ похитилъ зырянскую красавицу, и увлекъ ее въ свою звѣриную берлогу. А на Ягъ-Морта кого просить будешь? Гдѣ на него судъ найдешь? Погибла Райда! Такъ потолговали, пошумѣли и разошлись по домамъ, не сдѣлавъ ничего путнаго. Но неудовольствовался этимъ рѣшеніемъ удалой женихъ Райды. Онъ съ прочею молодежью, своими товарищами, снова бликнулъ кличъ, взволновалъ все Запечорье собралъ нѣсколько десятковъ удалцовъ и въ общемъ совѣтѣ положили, во что бы то ни стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живаго или мертваго, извѣстнаго окаяннаго колдуна или самимъ погибнуть! Составилось ополченіе: ратники вооружились стрѣлами, копьями, пѣшными, вилами, кто чѣмъ могъ, и двинулись въ походъ сто противъ одного. Хоть ихъ и много было, но не безъ страха ожидали они встрѣчи съ Ягъ-Мортомъ, съ силачемъ разбойникомъ и колдуномъ. Нѣсколько сутокъ прошло въ напрасныхъ поискахъ злодѣя; нигдѣ онъ не попался Зырянамъ; но они и не думали отступать отъ своего намѣренія; о возвращеніи домой не было и слова. Пошли они на тропу Ягъ - Морта, по направленію къ рѣкѣ Ижмѣ. Долго искали они ее и наконецъ въ темномъ дремучемъ лѣсу напали на торную дорогу, пробитую чудовищными ножищами колдуна. Зыряне рѣшили, что онъ часто долженъ ходить по этой дорогѣ и засѣли близь нея, въ густую трущобу лѣса, на угорѣ рѣки Ижмы. Долго-ли, коротко ли таились они въ засадѣ, но вотъ однажды видятъ—Ягъ-Мортъ переходитъ въ бродъ рѣку Ижму, прямехонько противъ того мѣста, гдѣ спрятались товарищи. Тутъ вѣрно не одно зырянское сердце ушло въ пятки и замерло тамъ отъ страха, но отступать было уже поздно; Зыряне, волей или неволей, а должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только Ягъ-Мортъ ступилъ на сухой берегъ—копья, стрѣлы, каменя градомъ посыпались изъ чащи лѣса въ его мохнатую шкуру. Озадаченный

первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился, но не отступилъ ни шагу... Онъ грознымъ, кровавымъ своимъ взглядомъ искалъ враговъ въ чащѣ лѣса и измѣрилъ пространство, отдѣлявшее его отъ нихъ,—а удары непрерывно сыпались на его грудь и голову, стрѣлы вонзались въ бока и даже въ лицо... Наконецъ взревѣлъ Ягъ-Мортъ, взмахнулъ тяжелой палицей, ворвался въ средину нападающихъ и пошелъ косить на-право и на-лѣво. А Зыряне не отступали, окружили его со всѣхъ сторонъ, разили разбойника, кто какъ могъ—и началось страшное побоище! Ягъ-Мортъ долго съ необычайнымъ ожесточеніемъ и силою отбивался отъ многочисленной толпы своихъ противниковъ, палица его разможила много головъ, многихъ изуродовала на-смерть, но изнемогъ же онъ и самъ; усталость и раны до того его обезсилили, что онъ грохнулся на землю. Тогда товарищи схватили Ягъ-Морта, отсѣкли ему руки, грозили снести и голову, если онъ не откроетъ имъ своего жилища. И вотъ обезоруженный и изуродованный силачъ-колдунъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей. Онъ повелъ ихъ далѣе въ самую чащу лѣса, гдѣ въ высокомъ отвѣсномъ берегу рѣчки Кучи выкопана была просторная пещера, убѣжище великана Ягъ-Морта. Неподалеку отъ входа въ пещеру, на большой грудѣ разнаго хлама и костей лежалъ полуистлѣвшій трупъ человѣческой... Это были обезображенные остатки нѣкогда прекрасной Райды. Во внутренности пещеры Зыряне нашли множество разной добычи, сложили ее въ кучу и сожгли, а страшный притонъ Ягъ-Морта засыпали землей, забросали камнями и заклали бревнами. Затѣмъ привели обратно своего плѣнника на то мѣсто, гдѣ съ нимъ бились, отрубили ему голову, въ спину забили осиновый колъ, чтобы еретикъ, по зырянскому повѣрью, не могъ встать изъ мертвыхъ, и закопали трупъ разбойника въ глубокую могилу. Такъ рассказываютъ о Ягъ-Мортѣ между ижемскими Зыря-

нами,—заключилъ Александръ Ивановичъ,—и до сихъ поръ показываютъ тамъ, близъ свѣтлой рѣки Кучи, на одинъ курганъ, называя его могилою Ягъ-Морта. Всякій проходящій мимо этого кургана долженъ бросить на него камень, хворостину, или что нибудь, и плюнуть. Это обыкновеніе ведется у ижменцевъ съ незапамятныхъ временъ и обратилось у нихъ въ привычку. Если кто пренебрежетъ этимъ обыкновеніемъ, то тутошныя старики какъ разъ осудятъ. «Не видать ему добра, говорятъ они о такомъ человѣкѣ, онъ даже не плюетъ на могилу Ягъ-Морта».

— Объ этомъ курганѣ, продолжалъ В. — много басенъ ходитъ въ народѣ и всѣ онѣ основаны на чертовщинѣ. Старики увѣряютъ, что въ прежнее время въ темныя осеннія ночи запоздалыя промышленники встрѣчали тамъ какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, видали синеватый огонь, исходящій изъ кургана и часто слышали страшныя вопли и завыванія. Бабы особенно вѣрятъ этимъ розказнямъ и боятся подходить близко къ проклятой могилѣ Ягъ-Морта.

— Не знаете вы, Александръ Ивановичъ, повторяется ли басня о Ягъ-Мортѣ въ другихъ мѣстахъ Зыряндіи? спросилъ я.

— Вотъ въ томъ-то и статья, что преданіе объ этомъ господинѣ распространено очень широко: въ верховьяхъ Вычегды есть свой Ягъ-Мортъ, объ томъ разсказывается иначе; на Удорѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ, туда къ Мезени— есть свой Ягъ-Мортъ, объ томъ опять своя басня: а отъ Ижмы выше по Печорѣ, около печорскаго погоста — Ягъ-Мортъ просто значить лѣсовикъ, т. е. лѣсничій. Тамъ про него и пѣсня колыбельная поется для неугомонныхъ дѣтей:

„Ягъ-Мортъ ыджыдъ, кыдзь буръ козь,

„Ягъ-Мортъ сіодь, кыздзь паць шомъ.

„Энь бѣрдъ, ціо! Ягъ-Мортъ воась,

„Кутанъ—бордны—тѣно сѣясь!“

— Это значить: «Ягъ-Мортъ высокъ какъ большая ель, Ягъ-Мортъ черенъ какъ печной уголь. Не плачь, замолчи! Ягъ-Мортъ придетъ; станешь плакать—съѣсть»!

— Вѣдь съ чего нибудь да взято это преданіе о Ягъ-Мортѣ? замѣтилъ я.

— Конечно съ какого-нибудь дѣйствительнаго случая: можетъ, въ старину и въ самомъ дѣлѣ былъ какой нибудь силачъ-бродяга, настрашалъ трусливыхъ зырянъ своими проказами, вотъ оно имъ и памятно! — рѣшилъ Александръ Ивановичъ.

Въ это время мы вѣхали въ «Потеряй» въ широкій рукавъ, соединявшій Вычегду съ Сысолой. До Устьсысольска оставалось не болѣе шести верстъ.

— Чу! Зыряне по волчьи развылись! экъ ихъ прорвало! проговорилъ съ досадою Абрамъ, заслышавъ какіе-то дикіе протяжные голоса, похожіе скорѣй на вой и причитанье, чѣмъ на пѣніе.

— Что это такое? Это что-то не похоже на пѣсни, сказалъ я Александру Ивановичу, вслушиваясь въ нестройныя мужскія и женскія завыванія, заглушаемые по временамъ громкимъ говоромъ.

— А свадьба должно быть! догонимте, любопытное увидимъ, отвѣчалъ В.

Абрамъ поналегъ на весла; я дружно помогалъ ему съ кормы. Лодка быстро понеслась внизъ, разсѣкая на обѣ стороны журчащую воду. Черезъ нѣсколько минутъ, обогнувши Артемьевскій мысъ, мы вѣхали въ Сысолу. Сверху спускалось до десятка зырянскихъ лодокъ съ разряженнымъ по-праздничному народомъ. Мы примкнули къ нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ это была свадьба. Везли невѣсту къ вѣнцу. На лодкѣ жениха шла попойка; на чистенькой новенькой лодочкѣ невѣсты пѣлись прощальныя свадебныя пѣсни съ воемъ и всхлипываньемъ.

Покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, кивая головой на-право, и на-лѣво, и нещадно хлопая себя руками по толстымъ ладвеямъ, невѣста пѣла свое слезное слово:

Спасъ и пречистая благословите! *).

Боже, благослови

Полною житницей!

Отець, благослови

Полной набирушкой (корзиной) хлѣба!

Небо, благослови

Зеленую травую!

Вода, благослови

Живую рыбой!

Лѣса, благословите

Лѣсною птицей!

По-Божью я сидѣла

На чистомъ полѣ;

По-людскому сидѣла

На зеленомъ мѣстѣ;

Подъ ногами, какъ сидѣла

Помость былъ...

Большимъ камнемъ сидѣла

Не двигаясь;

Смолянымъ пнемъ сидѣла

Не отрываясь!

Охъ! не хотѣла бы я въ вѣкъ

Отрываться!

Желѣзный ломъ меня бы

Не выворотилъ!

Человѣкъ отцовскій сынъ

На домъ пришелъ:

Его мягкій языкъ

Поднял меня!

*) Это слезное слово невѣсты въ большомъ ходу между зырянскими свадебными припѣвами особенно въ печорскомъ краю. Оно поется по русски и не лишено нѣкоторыхъ поэтическихъ уподоблений, почему мы и приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

На горѣ сѣсть—
Осыпается;
На берегъ сѣсть—
Берегъ въ воду ползеть;
Середь Вычегды сѣсть—
Въ Двину нестеть;
На Двину попасть—
Въ море уплывешь;
Средь моря попасть—
Всю жизнь плавать,
По волнамъ щепкой мыкаться,
Краевъ не видать!

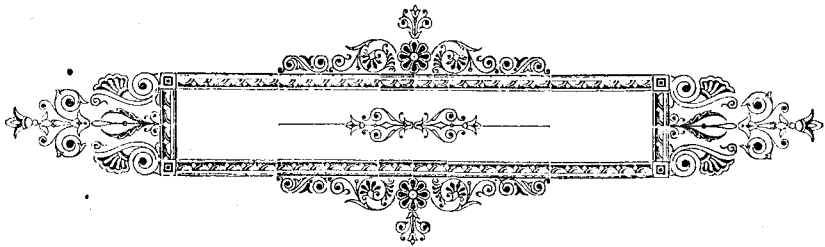
Я надъ омутомъ сижу,
Держусь крѣпко;
Я, какъ ель сижу,
Почернѣвши;
Какъ береза сижу,
Побѣлѣвши;
Какъ осина сижу,
Пожелтѣвши;
Какъ сосна сижу,
Растрепавъ вѣтви.
Ой! сегодняшній день
Молодое дерево согнулось;
А согнувшись оно
Затрепало и сломалось.
Ой! сегодняшній день
Воля дѣвичья прошла:
Красно солнышко—
Воля дѣвичья!

Свадебный поѣздъ привѣтствовалъ насъ очень добро-
душно. Вообще Зыряне гостепрѣимны, разговорчивы и ла-
сковы. Насъ подчивали пивомъ и шаньгами (ячменными ле-
пешками на молокѣ). Абрамъ разрѣшилъ даже стаканчикъ
водочки, поднесенный ему дружкою. Другка былъ молодой,

красивый и ловкій парень, хорошій промышленникъ и страстный охотникъ. Онъ рассказывалъ намъ много интереснаго объ охотѣ на оленей и выдръ.

Такъ мы среди разговоровъ и пѣсень, свадебныхъ причитаній и добросердечнаго угощенія, незамѣтно доплыли до города.

V.

„Л Ё М Ъ - Ю“.

Люнь въ срединѣ. Дни теплые, ясные: по ночамъ насквозь свѣтло: одна заря потухаетъ, другая начинается. Погода чудная; въ полдень, правда, жарко, томительно, особенно на припежѣ, гдѣ солнечные лучи бьютъ почти въ упоръ; но чуть солнце начинаетъ немного склоняться къ закату, этагъ часовъ около четырехъ или пяти, и пойдутъ похаживать облачка, сперва въ рассыпную, мелкими барашками, потомъ соберутся въ тучку, заволокутъ солнце, и брызнетъ такой дружный, прохлаждающій дождикъ, прибѣтъ пыль, освѣжитъ, умоетъ сѣверную природу, и затѣмъ вновь засіяетъ Божье свѣтило во всемъ своемъ блескѣ и льетъ свои благодатные лучи на зеленяя пожни, и на озера среди нихъ, и на тихую, покойную поверхность рѣки, и на лѣсъ за рѣкою. Такъ сдѣлается легко и привольно! Смолистый запахъ отъ пихтъ и лиственницы, смѣшавшись съ сѣрнымъ запахомъ молодого березоваго листа, разольется въ воздухъ; глубоко вдохнешь въ себя этотъ благорастворенный воздухъ и чувствуешь себя какъ-то особенно бодро и благополучно.

Охота до времени покончена. Всякая птица давнымъ давно засѣла на гнѣзда. Болтаются кой-гдѣ одинокіе селезнишки, но около крѣпей, по глухимъ озерамъ, откуда ихъ никакимъ побытомъ достать невозможно. Вальдшнепъ тянетъ по берези-

намъ черезъ прогалины, но въ зырянскомъ краѣ этихъ долгоносиковъ такъ мало, что не стоитъ изъ-за нихъ отдавать себя на жертву комарамъ, появляющимся въ несмѣтномъ количествѣ въ лѣсахъ вечернею порою. Въ концѣ Мая налетѣли было громадныя стада ржаногъ на пашни около города; пострѣляли мы ихъ въ изрядномъ количествѣ; да держались они не долго: какъ-то послѣ слишкомъ жаркой баталіи всѣ станички вдругъ поднялись съ полей, залетали, закружились, перекликались между собою своими мелодическими голосками, свились въ одну большую стаю и покатили клубкомъ въ дальнюю сѣверную сторону. Затѣмъ уже не было никакой охоты; вотъ уже болѣе двухъ недѣль какъ ружья и всѣ охотничьи доспѣхи развѣшаны на гвозди и смиренно пребываютъ на стѣнѣ между картинами охотничьяго содержанія. Произведенія самороднаго художника съ талантомъ не признаннымъ и погибшимъ! живо передаете вы мнѣ весьма многія интересныя сцены изъ охотничьей жизни, навѣвая воспоминанія изъ невозвратно прошедшаго, съ его милыми сердцу друзьями — собратами на охотничьемъ поприщѣ. Вотъ Александръ Михайловичъ Кондачевъ, переброя черезъ болото, зачерпнулъ и выливаетъ воду изъ сапога; а въ это время его Султанко, скусивъ изъ тороковъ утку, уписываетъ ее за кочкой. Сѣрое небо, плоскія окрестности, изгибъ широкой рѣки, кочковатое болото, покрытое длинною осокой и обрамленное мелкимъ листовнымъ лѣскомъ — напоминаютъ пришекспіанскую мѣстность. Вотъ Яковъ Васильевичъ Бушинъ травитъ русака, который мастерски схваченъ на прыжкѣ черезъ ивовый кустикъ; за русакомъ скачутъ двѣ борзья, а другія двѣ растянули молоденькаго барашка; нѣсколько вдали стая гончихъ врѣзалась въ стадо овецъ и вертитъ ихъ на повалъ; трое охотниковъ отбиваютъ собакъ арашиками. Широкое озеро, мѣстами затянутое водорослями и ситовникомъ. По берегамъ густыя ракиты, отчетливо отражающіяся въ тихой, какъ зеркало лоснящейся водѣ.

По срединѣ стадо кряковыхъ утокъ въ розсыпную. Изъ осоки, около небольшого ивоваго кустика торчитъ голова Абрама съ непоколебимымъ хладнокровіемъ дожидающагося, пока сплывутся утки въ кучку, чтобы за одинъ выстрѣлъ повалить ихъ нѣсколько штукъ. Картина освѣщена яркою полосой утренней зари. Художникъ выбиралъ комическіе моменты изъ нашихъ охотничьихъ походовъ, и съ необыкновенною отчетливостію смѣло и типично передавалъ ихъ на полотнѣ. При взглядѣ на эти картины каждый разъ дорогіе образы встаютъ въ воображеніи и невольно заставляютъ блуждать мысли въ отдаленномъ прошедшемъ. Но обратимся къ дѣйствительности:

На дворѣ, противъ окна, подъ тѣнью старой рябины, Абрамъ натачиваетъ крючки подольника, разложеннаго на осиновомъ лоткѣ, и курныкаетъ вполголоса пѣсенку:

Сторона-ль моя сторонушка,
Сторона-ль моя родимая—
Славный городъ Ярославль.

— Завтра поѣдемъ въ Лѣмъ-ю-то, али въ Воскресенье? обратился ко мнѣ Абрамъ сквозь отворенное окно.

— Пожалуй завтра, если всё готово?

— У меня всё налажено; а вы зарядовъ наготовьте похарчистѣе; пуль и картечь взять надо: на оленей можемъ наткнуться, на водоной ходить.

Лѣмъ-ю—на зырянскомъ языкѣ значитъ черемховая рѣка, т. е. по окраинамъ береговъ обросшая черемховымъ кустарникомъ. Она вытекаетъ изъ дремучаго лѣса и впадаетъ въ Вычегду. Рѣчка эта, какъ рассказывали намъ, омутистая, мѣстами текущая по переборамъ, мѣстами имѣющая глубокія, чистыя плеса. Въ ней водится великое множество харьюзозъ, очень миловидной вкусной рыбки изъ породы сига, достигающей вѣсомъ до двухъ и даже трехъ фунтовъ. На нихъ то мы и ополчались. Въ июнѣ на харьюзозъ самый горячій ходъ; они ловятся около переборовъ, на удочку, наживленную обык-

новеннымъ землянымъ червемъ, и хватаютъ такъ жадно, что усиѣвай только насаживать крючки да забрасывать. Такъ по крайней мѣрѣ рисовали намъ уженъ харьюзовъ Зыряне, преверженные ко всякимъ рыбнымъ ловлямъ не менѣ охоты за звѣремъ и птицею.

— Алексѣя прихватить съ собою слѣдуетъ, заговорилъ Абрамъ; лодку поможетъ тянуть; противъ воды высоко подниматься надо; опять-же и мѣста онъ знаетъ, въ конхъ харьюзъ больше держится.

— Такъ какъ-же?

— Да я занимаю сбѣгаю, не откажется: время теперь праздное, до страды еще далеко; посулить ему двугривенный да чаемъ попить, вотъ и доволенъ будетъ.

— Ну, бѣги, а я приготавливаться буду.

Начались сборы. Крючки надо было осмотрѣть у удочекъ; нѣкоторые подточить, нѣкоторые перевязать; парочку удочекъ изладить запасныхъ; затѣмъ наострить блесну *), привязать къ ней поводокъ; потомъ приготовить съ собою по части желудочной потребности различныхъ запасовъ: бѣлаго и чернаго хлѣба, кусокъ телятины, чаю, сахару, мѣдный чайникъ, котелокъ для варки ухи. Пока я возился со всѣмъ этимъ, завертывалъ и укладывалъ въ корзину, явился Абрамъ съ Алексѣемъ.

— Рано выѣзжать надо? спросилъ я ихъ.

— Да на свѣту надо, отвѣчалъ Абрамъ, Алексѣй говорить—версть тридцать будетъ и всё противъ воды; а тамъ рѣченкой-то худо ѣхать: ломно очень и переборовъ много.

— На свѣту — такъ хоть и съ вечера поѣзжай, все свѣтло.

*) *Блесна* или *дорожка*—искусственная рыбка изъ олова съ большимъ крючкомъ, къ которому пришитъ маленькій лоскутокъ краснаго сукна. Пущенная позади лодки на длинномъ суркѣ, она крутится въ водѣ и блеститъ какъ рыбка; щука хватается ее и попадаетъ на крюкъ.

— Нѣтъ, соснуть надо; а тамъ какъ заря утренняя зардѣется и въ путь.

— Ладно; такъ ужинать что-ли да ложиться спать.

На томъ и порѣшили: поужинали и легли спать.

Проснулся я очень рано, подошелъ къ окну, отворилъ его, взглянулъ за рѣку на противоположную сторону, гдѣ лежали обширные луга, взглянулъ и изумился: ни пожней, ни перелѣсковъ на нихъ, ни озеръ, ни даже самой рѣки не было видно, а куда только глазъ могъ проникнуть разстилалось широкое, безбрежное пространство воды; изъ отдаленнаго края ея выставлялся бокъ восходящаго солнца и первыми своими лучами золотилъ это бѣлое безпредѣльное пространство. То былъ туманъ. Черезъ нѣсколько времени онъ началъ колебаться и мало по малу стали прорѣзываться сквозь него сперва ближайшіе предметы, а потомъ и отдаленный лѣсъ; и кудрявый кустарникъ на пожнѣ. Наконецъ засверкала и стальная поверхность Сысолы. Тишина была невозмутимая. Только съ полюевъ и озеръ изрѣдка доносились крики чаекъ, да пѣночка въ полисадникѣ, забравшись въ густой кустъ черемухи, звенѣла какъ колокольчикъ.

— Эй, ребяташки, вставайте! Ужъ солнце взошло, проспали!

Мигомъ вскочилъ Абрамъ и началъ весьма безцеремонно толкать разоспавшагося Алексѣя.

— Алексѣй, Алеха! вставай! Ъхать пора; эгъ его, окаяннаго, какъ онъ храпить, точно на волонторнѣ играетъ; вставай говорить... Вотъ такъ сонъ... Алеха, ей!...

Алексѣй открылъ глаза, сѣлъ, запустилъ обѣ руки въ густыя, курчавыя волоса и началъ чесать голову изо всѣхъ силъ.

— Экой обмѣнъ какой! да полно тебѣ, чурбанъ, чесаться-то, Ѫхать, говорить пора, вишь солнышко-то гдѣ, ужъ надъ лѣсомъ...

Черезъ полчаса, забравши съ собою всё приготовленное съ вечера, мы въ своемъ маленькомъ челнокѣ отвалили отъ берега и поплыли противъ теченія Сысолы.

Туманъ клубился надъ водою, волнуясь и разстилаясь волокнами по ея поверхности. Утренній холодокъ пріятно щекоталъ нервы; въ одно мгновеніе исчезла наша сонливость и лѣнь.

— Поналягъ Алеша! поналягъ дружиѣй! командовалъ Абрамъ съ кормы; обогнемъ мысокъ—бечевкой потянешь; а что *дорожить* будемъ, пускать блесну-то?

— Разумѣется будемъ—разматывай и пускай; вишь утро какое знатное, тишина; да и щукѣ теперь самый ходъ.

Переѣхали черезъ рѣку; Алексѣй выскочилъ на берегъ, сдѣлалъ изъ кушака ляжку и прикрѣпивъ къ ней бичевку, потянулъ лодочку противъ теченія. Абрамъ, чтобъ удобнѣе было дорожить, отрыснулъ далеко отъ берега. Блесна, пущенная на длинномъ снуркѣ, заиграла въ водѣ какъ се-ребриная звѣздочка.

— Ты въ зубы возьми поволокъ-то отъ дорожки, кричалъ Алексѣй съ берега Абраму, въ зубы возьми, а то не услышишь—какъ щука хватить!

— Я на палецъ намотаю: все то-же будетъ.

— То, да не одно: на зубахъ лучше услышишь: мы все въ зубы беремъ!...

— Ладно, ладно: тяни знай; хватить щука, такъ не уйдетъ, справимся, не безпокойся.

Алексѣй довольно скоро пошелъ по берегу и лодка весело полетѣла противъ теченія; водяныя струйки зажурчали подъ носомъ, разбѣгаясь на обѣ стороны. Съ каждымъ изгибомъ рѣки мѣнялся ландшафтъ окрестностей: то разстипались луга на необозримое пространство, съ густою, сочною травою, между которой различными колерами пестрѣли полевые цвѣты сѣверной флоры, то мелкій березовый

лѣсокъ полосами тянулся по суходоламъ; мѣстами встрѣчались глубокія долины, переходящія въ болото; или вдругъ берегъ, понижаясь почти къ самому уровню воды, открывалъ великолѣпное озеро, съ тихою, покойною водою, поросшею около береговъ широкими листьями лопухи; по берегамъ озера группами стояли столѣтнія сосны; могучія вѣтви ихъ, свалившись надъ водою, отражались въ ней—какъ въ зеркалѣ.

Июньское утро было во всемъ своемъ блескѣ: природа торжествовала многочисленными голосами: стономъ-стонами чайки и крачки. Жаворонки то и дѣло подымаясь изъ травы, заливались въ воздухѣ; по всемъ направленіямъ кричали коростеля, громко насвистывали болотные курочки, надъ водою разстилались береговые стрижи; а надъ болотомъ, описывая широкія круги, голосилъ—кроншнепъ.

Правымъ берегомъ Сысолы мы поднялись до Потеря*). Черезъ Потеряй, пройдя въ Вычегду, мы снова начали подниматься вверхъ по теченію. Сначала берега Вычегды шли съ ровными, обрывистыми окраинами, возвышавшимися аршина на три или на четыре надъ водою. Затѣмъ потянулись широкія песчанія косы.

— Вотъ, батюшка, видите пески-то эти, заговорилъ Абрамъ.

— Какъ не видѣть; что-же?

— А это самыя притоманныя мѣста для гусей въ осенній пролетъ. Вотъ на этихъ самыхъ мѣстахъ я ихъ лонилъ и подчищивалъ.

— Какъ-же это ты ухитрился? здѣсь мѣсто совсѣмъ открытое и подобраться къ гусямъ никакой нѣтъ возможности?

— Подобраться нельзя, а охотился я на нихъ вотъ какимъ способомъ: послѣ Успеняго дни недѣлю спустя, а

*) Рукавъ, соединяющій Вычегду съ Сысолой.

если время стоит теплое то и двѣ, пойдетъ гусь въ отлетъ: летить онъ сначала небольшими стаями, такъ штукъ по десятку и по два, летить надъ самымъ лѣсомъ въ тихомолку: нани когда проговорить какойнибудь изъ молодыхъ и то въ поль-голоса. Это значить гусь не проходной, а такой, который здѣсь на жиры остановится. Вотъ и слѣди за нимъ, зорко слѣди въ кое мѣсто онъ опустится. Если летить утромъ или въ полдни, больше на пески сваливается. Самый станъ ихъ вотъ на этихъ пескахъ. Налетитъ ихъ тутъ видимо невидимо и днюютъ себѣ преспокойно, расхаживая по заплеску, да глотая камушки. Тутъ ихъ и не помышляй стрѣлять: ни какими средствами ничего неподѣлаешь; а затаись да высматривай, сиди себѣ, какъ медъ кисни — да дожидайся. Какъ только солнышко пойдетъ за лѣсъ, начнетъ сниматься гусь съ песковъ — тоже небольшими стаями, какъ и слетался; вотъ начнетъ сниматься и тихо, такъ тихо, какъ пташка — какая малая, безголосая, потянетъ надъ самой землей на лѣсные озера. Дождайся, пока весь слетитъ, дай имъ тамъ обсиѣться и когда совсѣмъ стемнѣетъ, иди подбираться.

— Какъ-же тутъ, Абрамъ подбираться, когда темно: не будешь знать — куда идти, еще заблудишься.

— А смѣлка-то на что? Въ плечи-то вѣдь не горшокъ ввинченъ, а голова, ну и соображай, значить. Осенесь какъ мнѣ довелось: послѣдняя стая снялась, совсѣмъ темно сдѣлалось; вѣтерокъ маленькій подувалъ, такъ хилочекъ, дождичекъ накрапывалъ. А я въ засадѣ былъ на другой сторонѣ Вычегды, — какъ разъ противъ песковъ. Вотъ перевалилъ я на другую сторону, выдернулъ свою лодченку на берегъ, опрокинулъ ее и пошелъ по тому направленію, по которому летѣли гуси. Не отошелъ и ста сажень, наткнулся на лѣсъ; пошелъ потихоньку лѣсомъ; отойду сажень десятокъ, да и останавлиюсь, слушаю: ничего нечуть; тишина

такая, что слышно, какъ капельки дождевыя падаютъ съ деревьевъ на сухой листь. Опять по-пойду, опять остано-влюсь. А темень — хоть глазъ выколи, на деревья натыкаюсь, а все иду потихоньку впередъ. Вдругъ слышу зыкнуло: вѣтерокъ-то на меня напахнулъ звукъ-то: гуси! и недалеко. Приостановился я, долго слушалъ, болѣе получаса, опять чу — зыкнуло еще ближе: безъ сомнѣнiя гуси. Вотъ давай шагъ за шагомъ подвигаться впередъ; ступаю осторожно, чтобъ подъ ногой не треснуло, листь-бы не зашелестилъ. Вотъ чувствую въ гору поднимаюсь; не круто хоть, а всетаки въ гору. Сдогадался я, что это берегъ озера. Здѣсь у лѣсныхъ озеръ все больше берега приподняты. Вотъ сталъ я на колѣна, поползъ и жутко стало мнѣ таково: ползу, не знаю куда, зги не видно, все ночь закрываетъ, черная-рас-черная ночь, какъ горно въ кузницѣ. Взглянешь вверхъ — звѣздочку оглядѣть бы, не тутъ-то было: только деревья такими большими кажутъ, какъ-будто имъ и конца нѣтъ; стоятъ они черными столбами и таково-то страшно, дико шумятъ вершинами. Ползу, руками мѣсто впереди ощупываю, колодина попадетъ — осторожно перевалюсь черезъ нее, смертодавъ свой легонько впередъ двигаю. Вотъ гдѣ пословица-то — «темно — хоть глазъ выколи», на дѣлѣ могла приключиться: того и гляди, на какой-нибудь рожонъ налѣзешь и по правдѣ глазъ высадишь. Чувствую я, что мѣсто подо мною на уклонъ пошло, — остановился, сталъ прислушиваться: вѣтерокъ поразшумѣлся и чуть мнѣ какъ струйки на водѣ поговариваютъ. Я вглядываться началъ — различилъ: отблескъ такой отливаешь со всѣмъ особеннымъ свѣтомъ, понятно — отъ воды: озеро; добрался, славу Богу; давай ползти по берегу дальше. Всѣ страхи и ужасы вонъ повывскакали — только и держу на умѣ гусей; и горяшка мало, что одинъ одинехонекъ среди тьмы кромѣшной въ дремучемъ лѣсу незнакомомъ. Проползъ я, такъ полагаю, сажень

съ пятьдесятъ. Вдругъ и стало слышно мнѣ, какъ щелу-
чать гуси воду и по грязи шлепають, и близко кажется.
Вотъ подался я еще сажень десятокъ: слышно, передъ са-
мымъ передо мной возьется, въ пяти саженьяхъ,—такъ и за-
мерла душенька! еще подвинулся я сажени двѣ и легъ съ
тѣмъ рѣшеніемъ, чтобъ до утренней зари, какъ стрѣлять
будетъ можно, не двигаться; вытянулся, лежу на брюхѣ
около какой-то кочки. Только, что-же бы вы думали? кочка
эта, около которой я растянулся, случись муравейникъ, и
поползли они, проклятые, по рукамъ, по загривку, по лицу,
за шиворотокъ полѣзли, на спину, во всякое мѣсто, да какъ
начали жечь, да какъ начали жечь! моченьки нѣтъ, хуже
всякой крапивы, а пошевелиться нельзя — гуси рукой
подать, такъ и возьется, такъ и мутятъ воду передъ самымъ
носомъ. Господи, что тутъ дѣлать? Стрѣлять — да куда же
я буду стрѣлять, коли ничего не видно. Ну, батюшка, эта-
кой пытки, какъ началъ жить, никогда не извѣдывалъ;
силъ никакихъ нѣтъ, дыханіе захватываетъ, губы себѣ
въ кровь закусилъ, а лежу, не ворохнусь. Паль мнѣ тутъ на
умъ приговоръ для усмиренья муравьевъ, давай читать про
себя: «царь муравей, укроти своихъ дѣтей, чтобъ не ѣли
мое тѣло, не пили мою кровь», прозудилъ до трехъ разъ,
какъ будто получше стало; потомъ пуще прежняго остер-
венились...

— Да ты бы хоть отодвинулся немного въ сторону! не-
ужели нельзя было?

— Въ томъ то и дѣло, что нельзя: налѣво отъ меня
колодина лежитъ претолстующая—ощуналъ руками... и сучки
отъ нея торчатъ, шевельнуться боюсь, неровно — треснетъ
и поминай гусей, какъ звали, впереди озеро — и гусятна
эта въ немъ не хуже муравьевъ ворочается, вотъ такъ
въ упоръ, только руку протянуть, то, кажись, какого-ни-
будь пострѣла и схватишь за хвостъ, либо за голову, на-

право эта окаянная куча... ну хоть что хочешь... а муравьи такъ и золить, такъ и золить, ну никакого терпѣнія нѣтъ: тѣло сперва какъ отъ огня горѣло, а тутъ ныть начало: въ жаръ меня всего бросило, и въ глазахъ какіе-то круги красные съ зеленымъ отливомъ заходили: силушки нѣтъ... рѣшился закатить на удачу; и ружье было началъ подымать, вижу — свѣтлѣе сдѣлалось: взглянулъ къ верху—звѣздочки блеснули—и мѣсяць изъ за тучъ началъ выплывать... и вдругъ это свѣтлая пресвѣтлая отъ него полоса ляпнула на озеро — и воду передо мной — какъ серебромъ облило—и вижу я—все озеро какъ шубой покрыто:—слошной гусь!.. Взметнулъ я ружье и царапнулъ въ самую густую кучу; зарядище положенъ былъ здоровеннѣйшій... Господи, что и сдѣлалось: такъ и закипѣло! такъ и заварило тамъ—какъ въ мельничной заборовѣ! гуси загалдѣли въ тысячу голосовъ: только стоишь стоять по лѣсу; взлетѣли, загружились, словно сѣтка раскинулась надо мною, а крыльями такой шумъ подняли—примѣни-буря! А мнѣ не до того: отбѣжалъ я сажень десятка два, черкнулъ сичку, кое-какъ на скорую руку развелъ огонька, стащилъ съ себя одежку—давай вытрясать муравьевъ. Вотъ какъ кончилъ я это самое дѣло—развелъ большой пажокъ и улегся около огня спать: долго не могъ уснуть: зудъ часа два неунимался: такъ настрекали меня окайные мураши...

— Сколько-же гусей досталось въ добычу...

— А вотъ слушайте. Только разсвѣтало, побѣжалъ я къ озеру. Смотрю—шесть штукъ гусей ухайдачилъ на-поваль; вѣтеркомъ нанесло ихъ на мою сторону; досталъ. Потомъ пошелъ по краю озера: нѣтъ-ли гдѣ пораненнаго. Озеро оказалось длинное, съ полверсты; по сторонамъ кое-гдѣ трава, а середина вся чистая. Не прошелъ я и пятидесяти сажень, еще гуся нашелъ тоже уснуваго. Иду дальше—вижу что-то на середкѣ болтается, отъ берегу са-

женяхъ въ двадцати. Подхожу напротивъ — гусь. Нанесло его на какую-то орясину, такъ онъ и засѣлъ около нее: нельзя его достать ни какимъ манеромъ, а бросить не хочется. Вотъ нашель я двѣ толстыхъ сушины, приволокъ ихъ на озеро, спустилъ на воду, а поперегъ сушинъ настлалъ тоненькихъ жердочекъ, сѣлъ по срединѣ и поплылъ, шестикомъ поталкиваясь. Двигаюсь полегонечку: пошевелиться боюсь, чуть что — рассынется весь мой плоть и какъ разъ нырнетъ въ озеро: а глубоко, шестикъ аршина на четыре уходилъ въ воду. Такимъ-то манеромъ добрался я до гуся, оттолкнулъ его отъ корежины и благополучно прилавилъ къ берегу. Восемь гусей — поша, едва въ могуту тащить. Осенью гусь крѣпкій, сытый, иной вѣсомъ фунтовъ двѣнадцать, такъ въ восьми-то нуда два съ половиною выдегъ. Ловко-же я хлобызнулъ ихъ....

— Восемь штукъ за одинъ выстрѣлъ—чего еще больше: пному охотнику такъ выстрѣлить во всю жизнь не удастся— замѣтилъ я.

— Что говорить. Въ другой разъ привелось мнѣ быть на охотѣ за гусями-же въ Бай - Божѣ, такъ вотъ что со мною случилось...

Но дальнѣйшее повѣствованіе моего охотника замерло на языкѣ; разсказа на этотъ разъ услышать неудалось: рука Абрама, на которой намотанъ былъ поводокъ отъ блесны, вдругъ отскочила отъ весла, и порывъ настолько былъ силенъ, что сообщилъ даже нѣкоторое сотрясеніе лодкѣ.

— Стой, стой, Алеха! щука на дорожку врѣзалась!.. Неистово возопилъ Абрамъ Алексѣю и въ одно мгновеніе сбросилъ съ уключины бичевку, посредствомъ которой тинулась лодка.

— Ходу давай ей, ходу! травы бичевку-то, травы! кричалъ Алексѣй, вишь ты какъ она забираетъ!.. Ловко сѣла, не уйдегъ. Ого, въ глубь пошла: а здоровая щуковина, не зѣвай смотри, не зѣвай!

Дѣйствительно щука хватила очень большая. Натуго натянувъ поводокъ отъ блесны, она носилась сперва изъ стороны въ сторону по поверхности воды, безпрестанно поворачивалась къ верху брюхомъ, крутилась и дѣлала такіе сильные прыжки, что брызги фонтаномъ разлетались надъ водою. Абрамъ спустилъ часть запаснаго поводка. Щука, почувствовавъ свободу, стремительно бросилась въ глубь. Черезъ нѣсколько секундъ мы начали потихоньку вытягивать поводокъ. Онъ сталъ выходить сначала легко, и мы подумали, что щука сорвалась; но вдругъ онъ снова натянулся въ струну и лодка наша пошла гулять по рѣкѣ. Дѣло выходило не шуточное. Добыча по величинѣ превышала наши ожиданія, и вытащить ее изъ воды было нелегко, тѣмъ болѣе, что поводокъ на дорожкѣ былъ не толстый. Слѣдовало утомить щуку.

— Только-бы не запуталась на днѣ за корезину, а то не уйдетъ, проговорилъ Абрамъ—вишь какъ везеть, точно лошадь.

Щука бросилась внизъ по теченію.

— Ну, назадъ въ Устьсысольскъ поѣхали, кричалъ Алексѣй: не тяни! не тяни, держи вольготно, пусть ее ходить на свободѣ, скорѣй уходится!..

Пробѣжавъ сажень пятьдесятъ серединой рѣки, лодка наша остановилась, поводокъ ослабъ, но черезъ минуту снова натянулся и мы поѣхали къ берегу, на обрывѣ котораго съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ суетился Алексѣй.

— Взять-ли щучій-то топоръ? спросилъ онъ шопотомъ Абрама, когда лодка наша, притянутая щукой тихо плыла около самаго берега снова противъ теченія воды.

— Взять... передайте, батюшка, вонъ онъ въ кормѣ лежитъ, обратился ко мнѣ Абрамъ.

Я передалъ.

Щучій топоръ состоитъ изъ тяжелой въ аршинъ длиною

березовой рукоятки, въ которую влочены въ палець толщиною штуки четыре плоскихъ и острыхъ гвоздя, съ глубокими зазубринами, какія бываютъ на острогѣ.

Установившись колѣнками на кормовую скамейку, Абрамъ осторожно началъ выбирать поводогѣ. Щука шла безъ сопротивленія. Вотъ она уже близко къ лодкѣ. Минута рѣшительная для охотника: я ждалъ съ величайшимъ душевнымъ трепетомъ появленія хищницы... еще секунда и около самой лодки показалась ея голова съ широко разинутой пастью... не успѣлъ я мигнуть, какъ въ хребетъ щуки былъ уже всажень топоръ, ловко и сильно направленный рукою Абрама; зубцы взошли почти по самую рукоятку.

— Помогите, батюшка, помогите! тащите ее въ лодку-то чертову перечницу!..

Я схватилъ за рукоятку топора обѣими руками, лодка наша накренилась на бокъ, черпнула воды, но щука была вытащена и сдѣлалась неотъемлемой нашей добычей.

— А, мошенница, попалась! Нѣтъ ужъ, братъ, баста, окончилось твое водяное странствіе; въ восторгѣ говорилъ Абрамъ, управляясь со щукою. Смотри-ко Алеха, штука-то какая—важнецкая!..

— Дорогая штука... давай тащи ее на берегъ!.. Топоръ вынемъ... приголемъ, а не то хребетъ сломать...

Щука была около полутора аршина длины и необыкновенной толщины. Въ ней было по крайней мѣрѣ фунтовъ тридцать пять вѣсу. Добыча завидная и рѣдкая, воодушевившая всѣхъ насъ чрезвычайно.

— Ну, штука: смотри ты — какъ бревно толстая, а пузище-то—точно скатерть бѣлая... сказалъ Алексѣй, тыкая пальцемъ въ щуку, которая была уже вытащена изъ лодки на берегъ и корчилась на травѣ. Въ часъ, парень, выѣхали... Да и садонуть-же ты ее топоромъ-то ловко, не вытащить.

Дѣйствительно топоръ засѣлъ въ щукѣ такъ крѣпко, что пришлось его вырѣзывать. Изобиходовши все это дѣло какъ слѣдуетъ, уложивши уже заснувшую щуку въ кадочку, которая взята была съ собою на всякій случай для харьюзовъ, мы снова потянулись вверхъ по Вычегдѣ.

— Такъ что же случилось съ тобой въ Бай-Божѣ-то? спросилъ я Абрама, стараясь навести его на прерванный разговоръ.

— А что случилось; оказія случилась такая — уму невообразимо. Видите, какъ дѣло было: поѣхалъ я въ Бай-Божѣ за гусями, тоже въ осенній пролетъ. Погода была ненастная: сѣверякъ дулъ холодный, рѣзкій. Гусь попутнаго вѣтра не любитъ и въ такую погоду дольше стануетъ по кормежкамъ. Бай-Божѣ — мѣсто широкое, открытое, лѣсныхъ озеръ пропасть, и всѣ они концами выходятъ на наволоку: такіе низменные, обширные по Вычегдѣ сѣнокосы, они-то и слывуть Бай-Божемъ. Приѣхалъ я на мѣсто подъ вечерокъ. Смотрю — гуся ужась много; кои стаи ходять по песчанымъ мысамъ, кои по наволоку. Выдернулъ я лодку, спрятавъ въ тальникѣ, а самъ засѣлъ въ лѣсной опушкѣ, дожидаясь, когда гусь поднимется. Ужъ совсѣмъ темно стало, какъ стаи повалили на лѣсныя озера. Вотъ такимъ-же манеромъ, какъ давя рассказывалъ, пошелъ я къ нимъ подбираться. Долго шелъ, потому — ломно, озера длинныя, версты по двѣ есть, а гусь въ самый конецъ, въ трущобу забирается. Подошелъ къ одному озеру: по моему соображенію гуси должны быть тутъ. Прислушиваюсь, ничего не чутъ. Вотъ давай подвигаться впередъ понемногу. Заслышалъ я, какъ-будто гдѣ-то кавкнуло, но глухо, издали. Потомъ, погода еще, ужъ явственнѣе слышалось. Гуси, но не близко. Давай идти осторожно на голосъ вдоль озера. Слышу, что не на томъ, къ которому подошелъ, а дальше; значитъ это обойти надо, а другимъ берегомъ

опять назадъ сдаваться. Вотъ обошелъ. А гуси все — нѣтъ, нѣтъ, да и подадутъ легонько голосокъ. Я — на голосъ; опять озеро, опять не на томъ, опять обходить... Да озеръ пять обошелъ, промучился до утренняго свѣта, все не могу добраться до гусей. Заря ужъ явственно показала, какъ подошелъ я къ тому озеру, гдѣ въ концѣ былъ весь гусь. Озеро широкое, по берегамъ травяникъ; гуся и на середкѣ, и по краямъ видимо невидимо, а въ самый конецъ, въ залонину такую, набилось ихъ нагусто, щелучать воду. Вотъ зашелъ я напротивъ этого самаго мѣста, давай ползти, ужъ такъ ли осторожно, такъ ли тихо, какъ только можно было: каждую вѣточку отведу, каждую сушинку, чтобъ не треснула, прочь откину. Совсѣмъ свѣтло сдѣлалось: все стало видно. Вижу впереди выворотъ, коблюхъ такой большущій, какъ заслонъ передо мною стоитъ у самаго озера, я къ нему, подлѣзь подъ самый, отдохнулъ немного; ужъ теперь опасаться было нечего: какъ за стѣной сижу, ни одинъ не оглядитъ. Погодя минутку, сталъ я высматривать изъ-за коблюха, какъ взглянулъ на озеро, такъ чуть меня изъ ума вонъ не выкинуло: воды не видать — все гусь! А коблюхъ-то, батюшка, былъ отъ матерѣющей осины: погодой видно ее вывернуло, она такъ и пала на озеро; гуси на стволь-то и понасажались вплоть другъ къ другу, штукъ до пятидесяти. Самый ближній былъ отъ меня сажени въ двѣ. Ружье со мной было двухствольное, заряды закачены крѣпкіе, дробь — безымянка. Вотъ накинулъ я прямо, значить, по дереву-то въ линію, въ дальнюю цѣлюсь, чтобъ весь порядокъ обобратъ! Баць! и что бы вы думали?

— Что, лоскомъ положилъ?

— Ни одного не убилъ, вотъ что; только на подъемѣ, изъ другаго ствола, трехъ спустилъ.

— Какъ ни одного не убилъ, да развѣ это возможное дѣло?

— Да ужь тамъ какъ знаете, а не убилъ ни одного; вотъ вамъ и оказія!

— Да ты, можетъ, безъ дроби хватилъ?

— Вотъ что сказали, — безъ дроби: изъ потроновъ зарядъ еще дома, не торопясь; просто на просто обзарился, взялъ выше, а близко было, такъ зарядъ-то и просвисталъ, ни одного не зацѣпивши.

— Вотъ досадно-то было Абрамъ?

— И не говорите: какъ живу, не бывало такого случая: цѣлую ночь маялся подбираючися, подползъ подь самыхъ и такой грѣхъ случился: такъ вотъ, кажется, и изорвалъ бы себя въ ключья.

Время подвигалось къ полудню. При совершенной тишинѣ, жара сильно начинала на насъ дѣйствовать; солнце такъ и обливало своими жгучими лучами... Еслибъ не прохлада отъ воды, нѣсколько освѣжавшая, то было бы просто не втерпеть. Возопіяло во мнѣ желаніе отдохнуть въ тѣни часикъ другой и удовлетворить аппетитъ, начинавшій пробуждаться.

— Какъ-бы, Абрамъ, привалъ сочинить: мѣсто-то знатное, лѣсокъ: въ тѣни можно укрыться.

— А вотъ еще съ верстушку проѣдемъ: Лёмъ-ю будетъ, на устьѣ и привалимъ.

Добрались до Лёмъ-ю. Рѣчка почти подь прямымъ угломъ вливалась въ Вычегду. Въ устьѣ она была около пятнадцати сажень шириною; берега ея представляли ровную, весьма правильную выемку; они возвышались надъ водою не болѣе сажени и мѣстами обросли рагитовыми кустами. Мѣстность при впадении Лёмъ-ю принадлежала къ луговымъ пространствамъ. Вода въ Лёмъ-ю рѣзко отличалась отъ Вычегодской нѣсколько мутноватой воды: она была прозрачна, какъ хрусталь.

— Ей, шабашъ! на привалъ, Алексѣй; сматывай бичевку, да иди выносить изъ лодки клажу! скомандовалъ Абрамъ, выбирая дорожку.

Мѣстечко, гдѣ мы остановились на отдыхъ, выдалось очень уютное, на лугу, подъ тѣнью густаго черемушника. Сейчасъ-же развели огонь и принялись за приготовленіе въ нашемъ походномъ котелѣ уха изъ щуки, отъ которой для этой цѣли отрѣзанъ былъ изрядный кусокъ.

Часа черезъ два, заправившись изрядно ухую, мы двинулись вверхъ по Лѣмъ-ю уже на веслахъ. Тягою подниматься было невозможно: довольно высокіе кусты по окраинѣ берега препятствовали идти съ бичевкой. Сначала лодка шла довольно ходко, наконецъ стали встрѣчаться переборы, т. е. мелкія мѣста, по которымъ теченіе валить съ усиленною быстротою, перебираясь по песчаному дну, усѣянному булыжникомъ. Глубина на переборахъ понижалась до двухъ вершковъ, и, вода игривыми струйками съ шумомъ разбѣгалась здѣсь по чисто вымытымъ и вылощеннымъ разноцвѣтнымъ камушкамъ. Лодку приводилось перетаскивать сажень по десяти и болѣе; но это служило только нѣкоторой остановкой; затрудненія-же большаго не представляло, такъ какъ челнокъ нашъ былъ не тяжелъ и мы передергивали его втроемъ черезъ переборы безъ особенныхъ усилій. За переборами шли глубокія омутистыя плеса иногда версты на двѣ и на три; по чѣмъ выше мы поднимались къ верху, тѣмъ быстрѣе становилось теченіе и чаще начали встрѣчаться переборы.

Между тѣмъ берега и окрестности у Лѣмъ-ю принимали иной видъ: наволоки съ мелкими кустами раkitника стали смѣняться уремою и густой лѣсъ все ближе и ближе подступалъ къ рѣкѣ, берега которой становились все выше, все отвѣснѣе. Ландшафтъ становился темнѣе. Сначала небольшой ельникъ и пихта, а потомъ и совсѣмъ глухой сосновый боръ надвинулся къ самой окраинѣ берега. Деревья громадной величины широко раскидали свои вѣтви, склонили съ береговъ

свои густыя вершины надъ рѣкою и переплелись сучьями, такъ что мѣстами мы ѣхали подъ непроницаемымъ зеленымъ сводомъ.

Въ глубокихъ плесахъ и омутахъ берега спускались въ воду обрывами, подъ которыми теченіемъ воды, вѣроятно въ весеннее половодіе или въ осенніе паводки, выбило такія глубокія пазухи, что въ нихъ легко могла установиться маленькая лодочка. Древесные корни толстыми жгутами свѣшивались къ водѣ надъ такими пазухами.

— Вотъ гдѣ приволье выдрѣ-то! я, чай, много ее тутъ водится, Алексѣй? заговорилъ Абрамъ.

— Въ Лёмъ-ю выдры ужасъ много, особенно вверху; да ловить ее здѣсь неспособно: вишь какія вымоины подъ берегами: чуть гдѣ на переборѣ захватить-бы, сейчасъ она подъ берегъ, а тамъ въ воду занырнетъ, да опять подъ берегъ въ пазуху, такъ и уйдетъ, не сослѣдишь...

— Добываютъ-же ее здѣсь какъ-нибудь? спросилъ я.

— А зимой капканами. Черезъ мысы съ омута на омутъ она тропы дѣлаетъ; вотъ на этихъ тропахъ капканы и ставить; попадаетъ.

— Что она и рыбы доведетъ, проклятая; норка — и та рыбы много доводитъ, а эта — въ десятеро больше, замѣтилъ Абрамъ.

— А я, Абраха, видывалъ, какъ она рыбу промышляетъ; вотъ теиерь, видишь-ли, сукъ у дерева свѣсилъ подъ омутомъ. Вотъ она по этакому суку и растянется; притантса такъ, стерва, точно прирастетъ къ суку-то, голову свѣситъ, избоченить ее этакъ на сторону, и смотритъ въ воду, все смотреть. Какъ завидитъ большую рыбину, бултыхъ прямо въ омутъ: такъ и вцѣнитса въ рыбину-то и волочетъ ее на берегъ, сожретъ, опять ползетъ на сукъ сторожить.

— Гдѣ это довелось тебѣ выглядѣть? спросилъ Абрамъ.

— А на Лёмъ-ю-же высмотрѣлъ; тоже харьузовъ ѣздилъ

сюда удить, года съ три тому. Да и какъ мнѣ въ тотъ разъ занало: двухъ выдръ видѣлъ, да медвѣдь на меня налѣзь чуть не на самого.

— Ну, братъ, это штука! — какъ-же это было?

— А вотъ какъ было: пріѣхалъ, видишь-ли, я на мѣсто отсюда верстъ двадцать по Лѣмъ-ю выше будетъ: тамъ харьюзъ держится крупнѣе; вотъ пріѣхалъ и ужь день, другой ужь, — много наловилъ рыбы, насолилъ. Еще хотѣлось день перебыть, кадочка не полна была, думаю — довершу и домой отправлюсь. Сижь, знаешь, въ самый полдень въ лодкѣ, да рыбу потрошу, присаливаю. Въ полдень харьюзъ не беретъ. Лодченка у меня была въ кустъ поставлена, — половина на берегъ вытащена, половина на водѣ. Я въ носу сидѣлъ на лавочкѣ. А кустъ, въ кой лодченка-то сунута, былъ густой прегустой черемушникъ, такимъ шатромъ надо мной свѣсился. Направо отъ меня саженьхъ въ пяти переборъ, къ нему выдался отлогій берегъ и песокъ по берегу. Вотъ сижу я, чищу рыбу. Тишь такая въ лѣсу стояла, жара. И чуть мнѣ, какъ-будто что-то треснуло. Я давай прислушиваться. Опять, слышу, хруститъ, идетъ что-то къ рѣкѣ прямо на меня. Пало мнѣ на думу — олень на водопой... Слушаю: близко что-то подходитъ, шаборститъ на берегу-то, крошечку этакъ отъ меня поправѣ; я взглянулъ сквозь кусты: черное что-то, большое двигается по песку на переборъ... вотъ совсѣмъ выдвинулось. Господи! медвѣдь! да какой медвѣдище-то ужастенной! Подошелъ къ водѣ, пить началъ, а близехонько, сажень шесть отъ меня. Такъ морозъ по кожѣ меня и подралъ; чувствую, — картузишко на головѣ поднимается: волосъ, значить, дыбомъ.... Что тутъ подѣлаешь? Никакого орудія; одинъ ножишко въ рукахъ дряненькій, совсѣмъ пропащее дѣло, заламаетъ. А не видитъ меня, пьетъ не отрываясь. Поднял я легохонько весло, да какъ тресну имъ по лодкѣ, да какъ крикну что есть силы!

Онъ какъ рывкнеть! да черезъ переборъ во всё лопатки, да на берегъ прямо, а берегъ-то выдался крутой: вцѣпился въ урѣзь передними лапами, оборвался, внизъ покатился: еще пуще заревѣлъ; опять потарачился на берегъ, влѣзь и пошелъ ломить по лѣсу, самъ и ревить и фырчать, и ревить и фырчать! Вотъ же вѣдь скотина какая: силенъ, братаецъ, а переполоху боится пуще зайца....

— Я думаю, ты животикки надорвалъ, какъ онъ съ берегу-то, окаянная сила, кубаремъ покатился, замѣтилъ Абрамъ.

— Нѣтъ ужъ, Абрамъ Абросимовичъ, не до смѣху было: минутой забралъ весь свой хламъ въ лодченку, да поскорѣй домой: ужась какъ напугался! Еще пришло мнѣ въ голову переполошить-то его; а то осмотрѣлъ-бы меня, задралъ!

— Не задралъ-бы; медвѣдь, говорятъ, самъ никогда не нападаетъ на человѣка, возразилъ я.

— Ну это какъ-когда; иное и нападаетъ: вишь, нравъ-то у него необразованный: какъ начнетъ противъ шерсти пудрить, такъ небо съ овчику покажется, сказала Абрамъ. А переполохъ для него хуже всего на свѣтѣ; съ переполоху онъ совсѣмъ иной разъ доводится, кровью изойдетъ. Случилась какъ-то разъ на Янѣ, въ Моложскомъ уѣздѣ такая штука: повадился медвѣдь въ лѣтнюю пору въ овесъ. Въ лѣсу, на нивѣ былъ посѣянъ. Ходить, животное, сосеть себѣ овесъ: вымялъ его такъ, что и на серпъ нехватишь. Вотъ два мужиченка и подсмотрѣли. Охотники тоже были нераженькіе: бѣлку да рябка промышляли. Сторона тамъ лѣсная, дичь водится и ружьишка есть у многихъ. Высмотрѣли это они медвѣдя да и построили на высокой ели лабазы, какъ разъ надъ самой медвѣжьей тропой; вишь все по одному мѣсту выходилъ изъ лѣсу на ниву-то. Жеребьевъ налили, зарядили ими свои мѣшалки и залѣзли на лабазы еще до за-

какъ солнца. Сидять. Пока свѣтло было—дѣло у нихъ шло какъ слѣдуетъ, дожидались смирнехонько; а какъ солнце спустилось за лѣсъ, да начало темнѣть, такъ и обуяль ихъ такой страхъ—несосвѣтливой, что и домой-бы съ лабазовъ-то стреконуть радехоньки: да опять спуститься боят-ся: пожалуй, чего добраго прямо къ медвѣдю въ лапы по-падешь. Вотъ слышать, идетъ, вотъ близко подходитъ: въ конецъ струсили охотники: ужасъ ихъ пронялъ до самаго нутра и лихорадка забила: забыли зачѣмъ и пришли, и до ружьишекъ своихъ недотронутся. И стали они другъ къ другу жаться, да жаться: чтобъ медвѣдь вишь, не огля-дѣлъ ихъ на лабазахъ-то. Вдругъ—трахъ! обломились ла-базы: одинъ охотникъ ухватился за вѣтви, а другой тычьмя головой полетѣлъ внизъ и прямо угодили на медвѣдя; а онъ, какъ давя ты рассказывалъ, тоже какъ рывнетъ! пе-репужался пуце охотника и пошелъ свистать въ лѣсъ что есть поры-мочи, только пятки сверкають. А изъ него такъ и хлещетъ кровище, такъ и хлещетъ. Съ версту отбѣжалъ какую нибудь—издохъ вѣдь. На другой день нашли его мужики; всей деревней ходили. Вотъ оно переполохъ-то для него что значить. Ну, да и охотнику не поздоровилось: какъ слетѣлъ этакъ головой-то внизъ, такъ за-мертво тутъ и остался: росшибся-ли онъ очень, или тоже съ перепугу, только съ мужикомъ насилу отводились: недѣли три при смерти вылежалъ.

— И ты бы, Алексѣй, послѣдилъ бы своего медвѣдя-то, можетъ—тоже издохъ съ переполоху, сказалъ я.

— Куда тамъ... Самъ обробѣлъ до того, что не чув-ствовалъ, какъ выкатился съ Лѣмъ-ю; страсти!

— Какъ-бы и намъ не потолкнуться на экое чудыш-ко; да вотъ онъ — медвѣдь-то: смотри-ко какой чертъ ле-жить на самой дорогѣ, сказалъ Абрамъ.

Поперегъ рѣчки лежалъ громадный пенъ, а нѣсколько

выше его множество сухоподстойныхъ древесныхъ стволовъ, свалившихся съ берега. Начались рѣчные заломы. Небольшія лѣсныя рѣчки на нашемъ сѣверѣ переполнены такими заломами, сильно препятствующими свободному плаванію по нимъ даже въ самыхъ легкихъ лодочкахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крутые, отвѣсныя берега рѣчки близко подходятъ къ руслу, теченіемъ въ весеннее время, когда вода высоко поднимается въ рѣчкахъ отъ таянія снѣговъ, подмоетъ окраину берега, и она рухнетъ въ воду вмѣстѣ съ растущимъ на ней лѣсомъ. Затѣмъ землю около древесныхъ стволовъ быстрою прополощетъ, и въ рѣчкѣ образуется заломъ, вродѣ беспорядочно набросанной груды бревенъ, хворосту и пней, удерживаемыхъ корнями и сучьями въ всячемъ положеніи надъ водою. Мѣстами такіе заломы тянутся по рѣчкѣ сажень на пятьдесятъ и болѣе. Они увеличиваются еще наносомъ разнаго суслику и хламу, наплывающаго сверху иногда въ такомъ громадномъ количествѣ, что не бываетъ видно текущей подъ нимъ воды.

— Какъ же мы пройдемъ, Алексѣй? спросилъ я.

— А лодку тащить надо; въ Лёмъ-ю заломовъ немного, не то что въ Чевью: тамъ поднялся верстъ на десять и ѣзды нѣтъ; а здѣсь этотъ заломъ перетащимъ — опять хорошее плесо пойдетъ версты на три; давай, выходи изъ лодки, тащи!

Заломъ былъ не болѣе десяти сажень; мы подняли на него нашу лодочку, легонько передернули ее по немъ, какъ по мосту и поплыли далѣе. Берега у Лёмъ-ю не удерживались постоянно въ одномъ характерѣ. Видъ ихъ безпрестанно мѣнялся: то рѣчная выемка дѣлалась шире, открытѣе, лѣсъ и угоры уходили далѣе; то береговья окраины прорывались долиною, среди которой рисовалось озеро съ тихими, покойными водами, обросшими около береговъ осокою и лознякомъ; то зеленый лужекъ отлого подбѣгалъ къ самой рѣчкѣ и очерчивалъ ее такую чистенькою, ласкаю-

щею взоръ рамочкою, что глазъ не хотѣлось отвести; то снова подступали высокіе угоры, сдавливали рѣку въ тѣсныя, обрывистые берега, съ которыхъ лѣсъ непроницаемымъ шатромъ висѣлъ надъ нашими головами. Такіе контрасты въ этой дикой, безлюдной мѣстности имѣли особенную прелесть, исполненную какой-то очаровательной таинственности!

Вечерѣло. Мы миновали уже нѣсколько перекатовъ и заломовъ и приближались къ цѣли нашего путешествія, забравшись въ плеса, гдѣ уже водился крупный харьюзъ. Пора бы и на приваль. Мы выбирали мѣстечко, пригодное для ночевки; но такового мѣстечка пока не попадалось: мы ѣхали теперь по Лѣмъ-ю между скалистыми берегами, которые круто, стѣною поднимались отъ самой воды. Приютиться было негдѣ, негдѣ было поставить лодку, разбить палатку, развести огонь. Между тѣмъ сумерки густымъ мракомъ ложились на землю; темнота увеличивалась быстро. Занятыя нашимъ плаваніемъ, мы и не замѣтили, какъ со всѣхъ сторонъ поналѣзли откуда-то сѣрыя, густыя облака; надъ нами вдругъ, совсѣмъ неожиданно, очутилась туча мрачная, суровая. Тишина была невозмутимая. Громадныя сосны рисовались на береговомъ урѣзѣ какими-то грозными великанами. Ни одна вѣтка ихъ не шевелилась. Не было слышно никакихъ звуковъ: все какъ-будто притаилось, присмирѣло передъ чѣмъ-то. Воздухъ былъ тяжелъ и душливъ; въ немъ чувствовалась гроза.

Вотъ вдали послышался громовой ударъ, и не умолкая, онъ становился все ближе и ближе, волнуясь и переливаясь все сильнѣе и сильнѣе.

Я не боюсь грозы, но не люблю ея. Она наводитъ на душу какое-то тревожно-тоскливое чувство. Передъ этими бунтующими стихіями природы сознаешь все свое ничтожество и безсиліе, всю невозможность и неумѣнье отвратить ихъ, и невольно смущаешься духомъ.

Молніи пока не было; громовые удары повторялись. Но вотъ блестящей змѣйкой свергнула надъ нами бѣловатая полоска, обдавъ насъ яркимъ фосфорическимъ блескомъ; громовой ударъ въ ту же секунду верескнулъ надъ нашими головами и зарокоталъ по лѣсу.

— Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ! произнесъ Абрамъ, снимая съ себя шапку и благоговѣнно осѣняясь крестомъ.

— Гроза, Абрамъ Абросимовичъ, страшно! произнесъ какъ-то вполголоса и глухо Алексѣй.

— Вотъ что, дуракъ, сказалъ — страшно! Отъ Божья милосердья никуда не уйдешь; а ты крестись, да знай твори молитву: вотъ и все; пугаться тутъ нечего. Вотъ пристать-бы надо; давай, подадимся еще немного; вишь лужокъ впереди, давай туда!

Берега Лѣмъ-ю раздались въ обѣ стороны, образовавъ широкій омутъ саженъ пятнадцать въ діаметръ и круглый какъ чаша. Правый берегъ омута былъ песчаный; лѣвый состоялъ изъ зеленого, чистенькаго лужка, отлого сбѣгавшаго къ самой водѣ. Далѣе, за этимъ зеленымъ лужкомъ, съ какою-то необыкновенною отвагою, круто и смѣло поднимался угорь, и на высотѣ его угрюмо стоялъ сосновый лѣсъ, покрывая черною тѣнью и лугъ, и воду омута.

Мѣсто было для нашей временной осѣдлости превосходное, лучшаго желать нельзя. Мы привалили къ лужку и торопливо начали выносить нашу кладь изъ лодки. Всѣ наши припасы, ружья, удочки, котелокъ и проч. уложили въ кучу и въ предосторожность отъ дождя, покрыли кожей. Лодку выдернули на берегъ и перевернули ее кверху дномъ, подперевъ съ одной стороны колышкомъ, чтобъ можно было усѣсться подъ нее въ случаѣ дождя.

Между тѣмъ гроза усиливалась. Молніи свергала безпрестанно, то змѣйкою извиваясь въ темныхъ облакахъ,

то вспыхивая ослѣпительнымъ синеватымъ бенгальскимъ огнемъ. Громовые удары быстро слѣдовали одинъ за другимъ; могучіе звуки ихъ неумолкаемо, какъ волны, переливались въ воздухѣ, отчетливо отражаясь въ лѣсныхъ высотахъ, и не успѣвая звукъ громоваго удара замереть, какъ его подхватывалъ другой ударъ. Лѣсъ стоналъ непрерывно. Дождь еще не начинался; не чувствовалось ни малѣйшаго присутствія вѣтра. Грозно чернѣлъ омутъ, тихо и сердито смотрѣли его воды, и ни одна струйка не колыхалась, ни одна вѣтка не шевелилась на деревѣ. Эта мертвая неподвижность воздуха придавала грозѣ еще болѣе ужасный характеръ.

По другую сторону омута, за песчанымъ берегомъ, лѣсъ поднимался по угору террасами, становясь все выше и выше. Прямо противъ насъ изъ него выступалъ конусообразный холмъ, въ видѣ громадной насыпи, — покрытой какъ скатертью — бѣлымъ мохомъ. Очертаніемъ своимъ онъ напоминалъ курганы южныхъ степей Россіи. Кругомъ этого холма красовались нѣсколько сосенъ величины необыкновенной; самая же вершина его представляла небольшую, голую площадку.

Ночная темнота быстро усиливалась отъ тучи, обложившей все видимое нами пространство неба. Наконецъ въ промежуткахъ между молніею мракъ сдѣлался до такой степени силенъ, что мы уже не въ состояніи были различить окружающихъ предметовъ: все потонуло въ какой-то черной, непроницаемой безднѣ. При вспыхиваніи молніи окрестности вдругъ обливались ослѣпительнымъ освѣщеніемъ и на одно мгновеніе били въ глаза малѣйшими своими подробностями. Съ особеннымъ же эффектомъ обрисовывался въ эти моменты находящійся противъ насъ холмъ: онъ то выступалъ, то скрывался какъ волшебный призракъ, окутанный бѣлымъ саваномъ. Я не могъ отвести отъ него глазъ. Онъ приковывалъ мое вниманіе къ себѣ какою-то необъяснимою силою.

Вдругъ ярко освѣтила молнія, въ ту же секунду вспыхнула еще разъ, зигзагомъ пронизала вѣтви сосенъ и въ видѣ огненного шара широкимъ пламенемъ пронеслась надъ ихъ вершинами, и на площадкѣ кургана я увидалъ огромной величины оленя: онъ явился тутъ такъ же неожиданно и мгновенно, какъ самая молнія. Я увидалъ его стоящаго къ намъ бокомъ, какъ-будто удержаннаго вдругъ сверхъестественною силою въ моментъ прыжка. Разразился страшный громовый ударъ; сверкнула вновь молнія, и оленя уже не было на вершинѣ холма. Явленіе было мимолетное, но стройная, гордая осанка оленя, явившагося на высококомъ холмѣ, какъ на огромномъ пьедесталѣ, освѣщенномъ ослѣпительнымъ электрическимъ свѣтомъ, его закинутые назадъ вѣтвистые рога, нѣсколько вытянутая шея, вся поза красавца такъ и отчеканилась въ моей памяти, и никогда я не забуду этой чудной картины въ такую торжественную величественную минуту. Я помню, какъ у меня захватило дыханіе, и сердце какъ-будто упало, замерло: такъ ошеломленъ я былъ этой чрезвычайной нечаянностью.

— Видѣлъ? спросилъ я шепотомъ Абрама.

— Видѣлъ, отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, не менѣе меня изумленный, Абрамъ; Алексѣй, видѣлъ ты?

— Видѣлъ, отвѣчалъ и Алексѣй. Здѣсь оленя много: мшерина тутъ неподалеку.

— Это не простой олень?

— Не простой, — ланью слыветъ. Простой вдвое меньше; этотъ рѣдко встрѣчается.

— Это не тотъ-ли, что въ Сибири называютъ Изюбромъ? спросилъ я Алексѣя.

— Должно тотъ, навѣрное не знаю: мы ланью зовемъ *).

*) Описанный Черкасовымъ въ запискахъ Сибирскаго Охотника Изюбрь (*Cervus elaphus*) водится не въ одной Сибири; онъ обитаетъ и въ Вологодской губерніи въ сѣверо-восточныхъ ея предѣлахъ. Здѣшніе промышлен-

Между тѣмъ начали спускаться крупныя капли дождя. Издали послышался необыкновенно сильный гулъ. Приближался ливень. Мы забрались подъ лодку. Черезъ нѣсколько минутъ дождь хлынулъ какъ изъ ведра, и зашумѣлъ въ-

ники называютъ этого оленя ланью, хотя подъ именемъ лани извѣстно въ классификаціи двухкопытныхъ совсѣмъ другое животное: *servus dama*. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ лань одновременно съ лосемъ начали совершать свои переселенія съ сѣвера на югъ. Какія причины заставили этихъ благородныхъ животныхъ оставить обширныя и болѣе свойственныя для обитанія ихъ сѣверныя приволья, рѣдко населенныя человѣкомъ, и двинуться на мелкіе лѣса, почти въ густоту людскаго жилища — рѣшить трудно. Лѣсные-ли пожары, которые часто бывали въ сѣверныхъ лѣсахъ въ послѣдніи два десятилѣтія, тому виною, настойчивое-ли преслѣдованіе промышленниковъ или измѣненія природы въ климатическомъ отношеніи, къ чему вообще звѣри весьма чувствительны, только лось и лань упорно стремятся къ югу, безпрестанно появляясь въ мѣстахъ, гдѣ прежде никогда ихъ не выдввали. Лань встрѣчается болышею частію одиночками; но лось — семьями, а иногда и стадами до десяти и пятнадцати головъ. Замѣчательно, что лось, забравшись въ южныя части Вологодской и Новгородской губерній и даже въ нѣкоторые уѣзды Ярославской, видимо сконфужень своимъ положеніемъ, какъ человѣкъ, который стерялъ путь и, заблудившись, идетъ на удачу, не зная, куда приведетъ принятое имъ направленіе. Лось бродитъ зря, заходя иногда въ такіе мелкіе отъемы, гдѣ трудно укрыться даже зайцу, не только крупному звѣрю, такъ наприм. въ 1872 году лось зашелъ въ кустъ мелкаго лѣса въ десятину величиною около города Мологи; или забирается въ поемныя мѣстности и торфяныя болота совсѣмъ неудобныя для его обитанія, какъ случилось это на Шекснѣ въ 1873 году, гдѣ нѣсколько штукъ лосей окружены были разливомъ воды на маленькомъ островкѣ. При всѣхъ этихъ блужданіяхъ звѣрь гибнетъ въ громадномъ количествѣ подъ ударами икурятниковъ, не разбирающихъ ни времени, ни мѣста для его истребленія. Я знаю многихъ охотниковъ изъ мужиковъ, которымъ удавалось убивать въ снѣжныя зимы по семнадцати штукъ лосей. Лось въ обширныхъ лѣсахъ сѣвера выносливъ, силенъ, смѣлъ и даже отваженъ, такъ что не только обороняется отъ нападенія, но въ случаѣ крайней для него опасности и самъ нападаетъ. Здѣсь-же онъ слабъ, робокъ и не выражаетъ ни малѣйшаго проявленія къ защитѣ.

Аз.

теръ, быстро усиливающийся и скоро перешедшій въ страшную бурю. Лѣсъ застоналъ. Высокія сосны бѣшено захлестались другъ о друга своими вершинами. Вдругъ гдѣ-то хряснуло дерево и съ трескомъ повалилось на землю, потомъ другое, третье и по всему лѣсу раздался грохотъ отъ падающихъ деревьевъ, и среди этого ужаснаго треска, среди бушующаго урагана, шума вѣтвей ударовъ грома, ливня и безпрестанно сверкающей молніи, раздался откуда-то ревъ, — дикій пронзительный, ревъ принадлежащій какому-то живому обитателю лѣсовъ и поражающій свѣими хрипло-густыми завываніями до такой степени, что я почувствовалъ невольный ужасъ. Едва замерли эти дикіе воли, какъ вблизи насъ завылъ другой такой-же голосъ...

— Что это, Алексѣй?

— А, вишь, *буреломъ*, сухоподстойный лѣсъ валить, такъ *самка* росомаха — значить, реветъ.

— Экъ голосина-то у дьявола точно у медвѣдя: вишь пасть-то распустила: «ореть, точно съ нее чортъ лыки дереть», замѣтилъ Абрамъ; она вѣдь не опасна, пустой самой звѣрь, только глотка-то широка.

Черезъ полчаса гроза начала стихать, громовые удары становились рѣже и слабѣе; вѣтеръ спалъ; дождь прекратился. Въ воздухѣ посвѣжѣло. Мало-по-малу начала разсѣиваться нагнанная грозовою тучею темнота. Мы вылѣзли изъ подъ лодки, и какою дивною благодатью повѣяла на насъ освѣженная грозою природа. Куда дѣвались эти бунтующія силы, куда исчезли, скрылись всѣ эти ужасы, за нѣскольکو минутъ тому развернувшіеся передъ нами такую грозную, поражающею тропическимъ величіемъ картиною. Стояла спокойная ночь; на небѣ искрились звѣздочки, отчетливо отражаясь въ темномъ ложѣ омута. Вновь водворилась тишина, слышно было какъ съ древесныхъ вѣтвей падали на землю капли и бормотали струйки вздувшейся отъ ливня рѣчки.

Первымъ нашимъ дѣломъ было осмотрѣть багажъ, *хламъ*, какъ называютъ зыряне. Съверху онъ оказался совершенно сухъ: кожа спасла его отъ дождя; но съ низу потокомъ дождевой воды подмочило кафтанъ Абрама, часть нашей палатки и Алексѣевы сапоги; остальное было все сухохонько. Главное я боялся за наши съѣстные припасы, но Абрамъ догадался корзину съ ними поставить однимъ концомъ на мѣдный чайникъ, другимъ на котелокъ, и такимъ образомъ они уцѣлѣли во всей своей неприкосновенности.

Съ трудомъ развели мы огонь, набравши сушенику изъ подъ береговой кручи, гдѣ не хватало дождемъ и валежнику изъ подъ большихъ елей. Топливо наше сперва трещало, шипѣло, дымило, наконецъ вспыхнуло яркимъ огнемъ и запылало. Мы обсушились, закусили, раскинули нашу палатку и залегли спать.

Солнце уже взошло, когда я проснулся и вылѣзъ изъ палатки. Яркіе золотые лучи его пробивались сквозь вершины сосенъ, на хвоѣ которыхъ искрились дождевыя капли. Утро было свѣжее, тихое, душистое. Надъ рѣкою вились туманы. Товарищи мои, утомленные наканунѣ переѣздомъ, спали крѣпкимъ сномъ, и мнѣ не хотѣлось ихъ будить. Я спустился къ рѣкѣ. Вода отъ ливня была еще мутна. При такомъ ея состояніи нечего было и думать о ловлѣ харьюзовъ, который идетъ на удочку только на свѣтлой водѣ. Я надѣлъ патронташъ, закинулъ ружье за плечи и пошелъ вверхъ по Лемъ-ю по тропиакѣ, пробитой промышленниками—охотниками.

Лѣса въ зырянскомъ краѣ изрѣзаны по всѣмъ направлѣніямъ охотничьими тропами. Это пути, по которымъ промышленники дѣлаютъ обходы по пастамъ, слонамъ, петлямъ, силкамъ и различнаго рода насторожкамъ на звѣря и лѣсную птицу. Такого рода тропы называются *путиками*, вѣроятно отъ слова путь. Каждый промышленникъ имѣетъ свой раіонъ

для путиковъ, по которымъ другой промышленникъ уже не ставитъ ловушекъ, и это обычное право сохраняется между Зырянами во всей своей святости. Главный путикъ слѣдуетъ обыкновенно по берегу какой-нибудь лѣсной рѣчки; отъ него въ стороны расходится цѣлая система тропъ, то твердо убитыхъ, то едва замѣтныхъ на мшистой почвѣ лѣса. На ловушкахъ кладутся однообразныя мѣты, единожды навсегда присвоенныя тѣмъ промышленникамъ, которымъ ловушки принадлежатъ. Промышленничьи путики имѣютъ весьма длинное протяженіе, такъ что весь обходъ по нимъ простирается часто верстъ до тридцати, и по всему обходу количество ловушекъ иногда восходитъ до 700 и болѣе. Понятно, что такое большое число насторожекъ нельзя промышленнику осмотрѣть въ одинъ не длинный осенній или зимній день; по этому и не дѣлается: осмотръ ловушекъ обыкновенно совершается по частямъ, и только въ недѣлю два раза выполняется весь обходъ. Замѣчательно, что относительно ловушекъ существуетъ въ обычаѣ зырянскихъ промышленниковъ правильный законъ наслѣдственности: очень часто можно встрѣтить, что ловушки въ какомъ-нибудь путикѣ перешли промышленнику отъ пра-дѣда, — этимъ объясняется огромное ихъ количество: каждый наслѣдникъ, поправляя и поддерживая въ порядкѣ старья, строить на удобныхъ мѣстахъ вновь нѣсколько ловушекъ, такъ что послѣдній обладатель считаетъ ихъ въ своемъ районѣ около тысячи. Если промышленникъ умираетъ бездѣтенъ, ловушками наслѣдуютъ родственники; если нѣтъ родственниковъ, то права на нихъ переходятъ къ обществу, или чаще всего, по отказу покойнаго, — къ церкви, и тогда путикъ, съ известнымъ числомъ ловушекъ, съ известными на нихъ мѣтами, становится арендною статьею. Зыряне обращаются съ своими ловушками весьма хозяйственно: передъ весною они считаютъ за непремѣнную обязанность спустить всѣ насторожки на птицу на томъ основаніи, чтобы рябчикъ, глу-

харь и тетеревъ-польникъ, попавъ въ ловушки на путигѣ, когда уже закончено *льсованье*, не сгибъ понапрасну. Съ бѣличьими ловушками они не предпринимаютъ этой предосторожности.

Пройдя съ полверсты глухимъ сосновымъ боромъ, я замѣтилъ, что мѣстность понижается, постепенно переходя въ ядину, и вдаль просвѣчивается какая-то чисть. Соснякъ смѣнился пихтой и елью, черничникъ и зеленый мохъ густо покрывалъ почву. Оставивъ вправѣ торную тропу, которая шла по берегу Лѣмъ-ю, я направился тоже по тропочкѣ, только менѣе утоптанной, къ виднѣющейся впереди чистовинѣ. Скоро я слышалъ криги чаекъ и догадался о близости озера. Лѣсная растительность сразу приняла другой характеръ: пихта и ель смѣнились березой, ивнякомъ, черемушникомъ и ольхой; изрѣдка начали встрѣчаться большія торфяныя кочи. Вотъ и озеро. Тихо, осторожно подошелъ я изъ-за коблюха къ самому его краю и остановился.

Оно было шириною сажень въ сорокъ и около шестидесяти сажень въ длину. Множество заливовъ, вдавшихся въ берега то острыми углами, то овальными изгибами, придавали ему совершенно неправильную форму. Противоположный край озера, сажень на пять отъ берега, густо заросъ ситовникомъ, и вообще около береговъ все озеро затянута было почти сплошнымъ покровомъ водяныхъ и болотныхъ травъ. Оба берега его въ восточной части сходились на весьма близкое разстояніе; по очертанію ихъ и по уходящей вдаль узкой безлѣсной полосѣ, вродѣ просѣвки, замѣтно было, что озеро давало начало какой-нибудь небольшой рѣчкѣ или лѣсному потоку. Средина озера была чистая. Тихо, покойно лежала вода между болотными травами; солнце еще не обогрѣвало воздуха; кое-гдѣ вставали и шевелились надъ озеромъ туманы, раскинувшись надъ нимъ газовымъ покровомъ. Множество чаекъ и рыбалокъ вились

надъ водою. Саженья въ сорока отъ меня, плавали, покеркивая, двѣ маленькія гагары, иногда ныряли, подолгу пропадали подъ водою и появлялись опять на томъ-же мѣстѣ. Вдругъ, саженья въ пятнадцати отъ меня, зашелестила осока, раздалась на водѣ круги, и медленно, гордо выплылъ гусь. Я быстро вскинулъ ружье, но еще не успѣлъ спустить курка, какъ замѣтилъ нѣсколько штукъ молодыхъ гусенятъ въ желтенькомъ пушку, веревочкой тянувшихъ за маткою. Руки мои опустились. Я не посмѣлъ оставить сиротами, можетъ-быть, только что явившихся на свѣтъ божій малютокъ, присѣлъ за коблюхъ и началъ наблюдать.

Семья выплыла на средину озера, циплята поцивкивали, matka тихо съ ними гоготала. Я насчиталъ девять гусенятъ; всѣ они плавали въ разсыпную по озеру, но держались не далеко отъ матки и безпрестанно что-то ловили, можетъ быть мошекъ или водяныхъ кружалокъ. Вотъ matka крикнула зычно, пронзительно; вдали, со стороны потока, раздался отвѣтный крикъ такой-же рѣзкій и сильный, и черезъ нѣсколько минутъ со всего размаха шлепнулся на озеро гусакъ; вода шумно раздалась отъ его груди на обѣ стороны. Гусакъ быстро забилъ крыльями и началъ кружить около выводка: онъ видимо радовался; видимо, это была его родная, кровная семья. Онъ какъ-то особенно нѣжно, мягко гоготалъ и затѣмъ такіе началъ выдѣлывать курбеты, такъ быстро сталъ полоскаться около гусенятъ, что брызги высоко полетѣли къ верху и залили ихъ: matka отплыла съ своимъ выводкомъ нѣсколько въ сторону. Наконецъ, гусакъ успокоился, бодро, высоко поднялъ голову и зорко началъ осматриваться. Я въ это время поднялся изъ-за коблюха. Гусакъ въ ту же минуту увидалъ меня и, съ крикомъ поднявшись съ озера, далъ тягу; matka торопливо поплыла въ ситовникъ, а за нею цѣпочкой поковыляли гусенята.

Возвратившись къ нашему охотничьему биваку, я нашелъ своихъ товарищей уже занятыхъ рыбною ловлею: оба сидѣли съ удочками на берегу омута. Абрамъ избралъ мѣстечко на кручкѣ; помѣстившись на маленькую площадку подъ черемуховымъ кустомъ, онъ закидывалъ удочку подъ нависѣль рачитника. Поставивъ ружье къ дереву и снявъ патронташъ, я подошелъ къ нему осторожно.

— Что, какъ дѣла? спросилъ я шепотомъ Абрама.

— Ни шевельнетъ!...

— Не берется?

— Ни, ни: хоть-бы клюнула.

— Да, можетъ, харьюза нѣтъ?

— Нѣтъ!? Посмотрите-ка въ омутъ-то пристальнѣе, что тамъ дѣлается: нагусто!...

Я подошелъ поближе къ окраинамъ берега и началъ вглядываться въ воду. Дѣйствительно, очень крупные харьюзы тихо расхаживали въ омутѣ на различной его глубинѣ: ихъ было множество. Они медленно двигались по всеѣмъ направлениямъ, иногда всеѣ вдругъ исчезали, уходя въ глубь, иногда вдругъ, неожиданно громадной стаей выплывали изъ-подъ берега. Увидѣвъ рыбу на такомъ близкомъ разстояніи, спокойно разгуливающую многочисленными стадами, я сейчасъ же побѣжалъ за своими удочками и, избравъ удобное мѣстечко, тоже усѣлся удить.

Одну удочку, нажививъ червемъ, забросилъ я далеко отъ берега на глубокое мѣсто, другую — поближе къ краю, около большого камня, гдѣ весьма часто показывались харьюзы. Удилища обѣихъ удочекъ я воткнулъ въ берегъ. Наживка послѣдней удочки отчетливо обрисовывалась въ водѣ: видно было, какъ хвостикъ червяка извивался на крючкѣ, то растягиваясь въ прямую линію, то скручиваясь въ узелокъ. Вотъ изъ-за камня выплылъ крупный харьюзъ и медленно началъ приближаться къ червяку; вотъ онъ уже близе-

хонько, на разстояніи трехъ вершковъ отъ насадки. Я осторожно наложилъ руку на удилице, чтобъ не прозѣвать ту секунду, въ которую производится подсѣчка. Харьюзъ подплыль къ червяку вплоть, толкнуль его носомъ, спокойно, не торопясь, повернулся по направленію къ серединѣ омута и уныль въ глубину. Что за чудо! Отъ чего такое равнодушіе рыбы, всегда жадной къ лакомому блюду, которое такъ любезно предлагается ей на крючкѣ! Вотъ плыветь цѣлое стадо харьюзовъ около самаго крючка и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на червь, проходитъ мимо. Наконецъ, со всѣхъ сторонъ появляется рыба, гуляетъ возлѣ самой насадки, нерѣдко задѣваетъ ее то бокомъ, то спиной, иногда приближается къ крючку какъ-бы съ намѣреніемъ клонуть, прикоснется къ червяку носомъ, будто понюхаеть — и отойдетъ. Такъ прошло очень много времени. Хотя харьюзъ и не клеваль, но мнѣ не скучно было сидѣть за удочкой: я любовался свободно расхаживающей рыбой и все ждалъ, все надѣялся, авось, схватить наживку, авось начнется клевъ! но клевъ не начинался.

— Пустое дѣло, такъ дарма сидимъ, громко заговорилъ Алексѣй.

— Что-же это значить, что харьюзъ не клюеть? спросилъ я.

— А, вишь, онъ весь въ омутѣ; коли въ омутѣ, такъ хоть тресни, ни по чемъ брать не будетъ.

— Рыба, значить, съ характеромъ, заговорилъ Абрамъ изъ своего черемховаго куста, не хочетъ брать, такъ ничѣмъ ее не ублаготворишь. Я и хлѣбъ насаживаль, и бѣлымъ папушникомъ подчиваль ее, а теперь ужу на овода: не клюеть, дуй ее горой-то!

— Вишь въ омутѣ; на переборѣ нѣтъ ни одной. Выйдетъ на переборѣ, и клевъ начнется, поясниль Алексѣй.

— Да, жди ее, когда она выйдетъ.

— Къ вечеру, можетъ, выйдетъ, а то до утра подождать надо... Полагать должно, грому она испугалась.

— Пойдемъ-те кашницу варить, пообѣдаемъ, да соснемъ. Что больше дѣлать-то, рѣшилъ Абрамъ, завивая свою удочку.

Сошли съ омота, развели огонь. Абрамъ началъ хлопотать о приготовленіи кашницы, Алексѣй сталъ запасать дрова для пажка, а я занялся кипяченіемъ воды для чая. Часа черезъ полтора кашница наша была готова, и мы, усѣвшись около котелка, всѣ трое аппетитно начали уписывать Абрамовустряпню.

— Дѣло плохо, Алексѣй! пожалуй вернемся съ Лёмъ-ю съ пустыми руками, — какъ ты думаешь? спросилъ я.

— Не бывало этого; подождать надо, — клевать будетъ: грому испугалась.

— Ты, Абрамъ, хитины не знаешь ли какой, чтобъ рыба клевала?

— Какой хитины?

— Ну, тамъ заговору что ли? ты вѣдь мастеръ на эти вещи, сказалъ я, съ намѣреніемъ вызвать его на откровенность по этой части.

— Знаю кой-какіе...

— Ты бы и прочиталь...

— Да, вѣдь, читать-то нужно то же во время; не въ часъ прочитаешь, будетъ не пользительно.

— А развѣ для этого часы назначены?

— А то какъ-же! иной заговоръ читать надо на солнечномъ восходѣ, лицомъ стать на восточную сторону, да съ вѣрой, какъ молитву.

— Пожалуйста, скажи-ка, хоть одинъ такой заговоръ.

— Я и знаю-то всего одинъ; а сказать его нельзя: всю силу потеряетъ... да, признаться, я и запомнилъ немного, отвѣчалъ уклончиво Абрамъ. А вотъ слова есть такіа для уженья, — тѣ можно сказать.

— Какія же такія слова?

— А, какъ станешь наживлять червя на крючекъ и проговори трижды: «рыба свѣжа, наживка сальна, — клюнь да подерни, ко дну потяни!»

— Ужь ты, вѣрно, пустиль въ ходъ эти слова давича; да что-то, братъ, рыба-то не послушалась.

— Не послушалась и то. Да заговоръ-то это пустой, не силенъ: коротокъ больно.

— А тотъ заговоръ, что сказать-то нельзя, длинный? спросилъ я.

— Тотъ длинный; на солнечномъ восходѣ его надо читать, а мы на солнечномъ-то восходѣ еще въ лучшую спали. Я проснулся, хватъ, а васъ нѣтъ. Вы съ ружьемъ-то ходили, видѣли-ли что?

Я рассказалъ объ озерѣ и о гусяхъ.

— Въ этомъ озерѣ карасей много, и карась страхъ крупный — по фунту, сказалъ Алексѣй.

— Вотъ ботальной мережи не взяли... Ты что-же не сказалъ, толстоголовый? ботальница-то есть: не вѣсть какой трудъ въ лодку-то ее сунуть! укоризненно обратился Абрамъ къ Алексѣю, эхъ ты мѣшокъ, право мѣшокъ!.. Съ рыбой-бы были: карась теперь перестится, — самый настоящій ему ходъ на этой недѣлѣ...

— Да кто-жъ ее... не вдомекъ, проворчалъ Алексѣй.

— Какъ не вдомекъ! да, вѣдь, ты про озеро-то зналъ, зырянская, ты, размазня этакая!..

— Да зналъ-же!

— Такъ зачѣмъ-же ты не сказалъ? горячился Абрамъ.

— Да кто-же ее...

— Ну: «затвердила ворона Якова, будетъ про всякаго»...

— Полно вамъ перекоряться-то! пойдемте-ка въ палатку спать, сказалъ я, поднимаясь отъ пажка.

Послѣ отдыха, часу въ четвертомъ, мы снова усѣлись было съ удочками, но такъ-же безуспѣшно, какъ и въ первый разъ. Вода въ омутѣ совершенно отстоялась, сдѣлавшись необыкновенно прозрачною: на глубинѣ сажени можно было разсмотрѣть малѣйшій камушекъ, и разгуливающая рыба обрисовывалась еще отчетливѣе. Каждому охотнику до ужения понятно, какая досада разбираетъ рыбака при видѣ огромнаго количества рыбы, равнодушно плавающей около самаго врючка. Понапрасно просидѣвши часа полтора, мы бросили ужение и занялись чаемъ.

— Не пойти-ли намъ пошататься съ ружьями? предложилъ я Абраму.

— А пойдете, можетъ мошника гдѣ нибудь подцѣпимъ; что тутъ попусту-то время терять.

— Не знаешь-ли ты, Алексѣй, по близости здѣсь такого острова, гдѣ бы росъ большой дремучій лѣсъ? Забрались вѣдь мы далеко, а все не попадаетъ такого лѣсу, гдѣ-бы топоръ не былъ, гдѣ-бы деревья были сплошь громадные, — все вырубки, да выпади.

— А пойдете, сведу: версты двѣ отсюда, не больше, и такой-ли лѣсище, подъ небеса вѣтся! отвѣчалъ Алексѣй.

— Пойдемте, полюбуемся; а можетъ и попадетъ что дорогой. Хорошо туда идти-то? спросилъ я.

— Болотинка есть небольшая, да сухо дойдемъ, — далеко-ли.

Мы отправились.

Лѣсъ этотъ лежалъ на лѣвомъ берегу Лѣмъ-ю. Мы перешли рѣку бродомъ и, около того холма, на которомъ я видѣлъ въ грозу оленя, поднялись въ гору. За береговымъ угоромъ мы сейчасъ-же попали на *путтикъ*. Алексѣй былъ нашимъ вожатымъ. Пройдя по тропѣ около полуверсты, мы круто повернули направо и спустились въ болото. Передъ нами открылось обширное пространство, покрытое мохомъ,

съ рѣдкимъ насажденіемъ приземистой корявой сосны. По болоту были кочи, поросшія клоновникомъ, болотнымъ верескомъ и кустами голубицы. Въ роспавяхъ, между кочами, густо разбросался моршечникъ, уже съ образовавшимися ягодами, поспѣвавшими здѣсь обыкновенно въ первыхъ числахъ іюля. Ноги наши такъ и грузли въ мягкій, какъ пухъ, мохъ, изъ котораго на каждомъ шагѣ выжималась вода. А Алексѣй сказалъ — сухо! Впрочемъ, въ его понятіи — это такъ: если Зырянинъ скажетъ, что въ болотѣ мокро, это значитъ, что придется брести по поясъ. Идти было въ высшей степени утомительно: при ходьбѣ по моховому болоту нога не чувствуетъ подъ собою твердой опоры, а лѣзетъ въ глубь во что-то мягкое, засасывающее, и пока вытягиваешь одну ногу, другая тонетъ — и такъ поочередно, — это изнуряетъ до крайности. Но вотъ конецъ и болоту. Мы поднялись на гриву, покрытую зеленымъ мохомъ. Между соснами стали провертываться ель и пихта. Лѣсъ становился гуще и гуще. Наконецъ, мы забрались въ такую чащу, что съ трудомъ сквозь нее продирались, и вотъ взошли въ большой лѣсъ, сквозь густыя вѣтви котораго не пробивались даже солнечные лучи. Вѣковыя ели необычайной вышины, дряхлыя, обросшія мохомъ, спускающимся съ вѣтвей ихъ въ видѣ съдыхъ бородъ, какъ-то печально кивали своими головами; что-то грустное и важное видно было въ этихъ великанахъ, которые, какъ можно было замѣтить, уже валяются отъ собственной своей старости. Отъ того здѣсь безпрестанно начали попадаться упавшія деревья и вывороты. Стволы лежавшаго лѣса были до такой степени толсты, что чрезъ нихъ приходилось въ буквальномъ смыслѣ перелѣзать. Это мертвое, гніющее царство можетъ служить надежнымъ пріютомъ для медвѣдей, и миѣ пришло это на мысль.

— Что, Абрамъ, если мы да на медвѣдя нарѣжемся?

— Такъ что-же?

— Какъ такъ что-же? да вѣдь ружья то дробью заряжены.

— Што, что дробью; я и дробью его ляпну.

— Ну, братъ, это ты вздоръ говоришь, не ляпнешь!

— Ей Богу ляпну! Такъ всю харю ему и залѣплю. Вы думаете, испугаюсь что-ли? не испугаюсь, право нисколько не испугаюсь!

Я увѣренъ былъ, что Абрамъ говоритъ правду; и попадись ему медвѣдь, дѣйствительно бы онъ его ляпнулъ не только крупной дробью, но даже бекасинникомъ. Чувство страха ему какъ-то мало было знакомо. Онъ въ этихъ случаяхъ или не сознавалъ, или не понималъ опасности.

Мы прошли большимъ лѣсомъ болѣе двухъ верстъ и ничего въ немъ не встрѣтили: ни дичи, ни пѣвчей пташки, какъ будто онъ былъ совершенно необитаемъ ни единымъ живымъ существомъ. Но вотъ что-то вспорхнуло надъ нашими головами: дятель. Съ сухой сосны онъ перелетѣлъ на ель и усердно началъ долбить сухоподстоину. Не даромъ дятла называютъ пустыннымъ: онъ одинъ только попался намъ среди этого хмураго, непривѣтливаго лѣса.

— Великъ-ли этотъ лѣсъ? спросилъ я Алексѣя.

— Верстъ на пятнадцать въ длину будетъ, а поперекъ-то, въ самомъ широкомъ мѣстѣ — верстъ пять, не больше.

— Не заблудиться-бы намъ?

— Гдѣ заблудиться!.. Вотъ тутъ сейчасъ гарь будетъ: на гарь выйдемъ.

Вскорѣ начала просвѣчиваться гарь. Выйдя на нее, я понялъ, по какой причинѣ уцѣлѣлъ этотъ островной лѣсъ отъ пожара, истребившаго рядомъ съ нимъ на обширное пространство можетъ быть такой же огромный по насажденію лѣсъ: около самой гари проходилъ ручей; онъ-то вѣроятно и остановилъ дальнѣйшее слѣдованіе огня. Ручей протекалъ въ глубокихъ, обрывистыхъ, голыхъ берегахъ; по откосу

ихъ расплзались толстыя плети кореневъ отъ исполинскихъ елей и сосенъ, растущихъ на урѣзѣ. Видно было, что гарь эта существуетъ уже много лѣтъ, не засѣляясь подростомъ новыхъ растений. Нѣкоторыя изъ обгорѣвшихъ сосенъ и елей упали, но еще множество сухаго лѣса стояло въ ожиданіи бури, которая уложитъ когда-нибудь на вѣчный покой вѣковыя деревья, образуя изъ нихъ *природный висячій мостъ*. При моихъ странствованіяхъ по глухимъ лѣсамъ въ Вологодской и даже Новгородской губерніи, я не разъ наталкивался на такіе мосты. Это въ своемъ родѣ весьма замѣчательное явленіе природы, образуемое слѣдующимъ процессомъ: пройдетъ огонь по густому сосновому или еловому насажденію, — мелкія деревья сгорятъ тутъ же, при самомъ пожарѣ, стволы-же крупныхъ деревьевъ останутся. Черезъ нѣсколько лѣтъ корни сухоподстойнаго лѣса подгниваютъ, по мѣсту гари пробѣгаетъ буря и валитъ множество сухоподстоинъ по направленію своего хода. Но упавшія деревья неплотно прилегаютъ къ землѣ: въ комлѣ — корни, а въ вершинѣ — сучья удерживаютъ стволъ дерева навѣсу, аршина на два надъ землею. Черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, черезъ много десятковъ лѣтъ, ударитъ буря съ другой стороны и еще свалитъ рядъ деревьевъ, которыя лягутъ на перекрестъ первымъ. Такимъ способомъ полегшій сухоподстойный лѣсъ образуетъ висячій мостъ на цѣлыя десятки верстъ въ ширину и длину. Замѣчательно, что свалившіяся деревья долго не гніютъ: они еще на корню высохли до того, что при ударѣ звенятъ, какъ металлическая трубка. Потомъ почва подъ ними обѣменится отъ соседственнаго живаго насажденія и начинается медленное заростаніе. Молоднякъ просовываетъ свои вершинки въ промежутки лежащихъ деревьевъ и впоследствии выбѣгаетъ въ довольно большой лѣсъ, скрывая въ своей тѣни совершенно цѣлымъ висячій мостъ. На все это уходитъ, можетъ быть,

болѣе столѣтія времени. Если случится промышленнику при своихъ лѣсовьяхъ наткнуться на такой мостъ, онъ взлѣзаетъ на него и, переходя съ дерева на дерево, перебирается совершенно свободно черезъ все замощенное пространство. Собака его бѣжитъ по землѣ, внизу.

Поздно вечеромъ, усталые возвратились мы къ мѣсту ночлега. Во все время нашей ходьбы мы подняли только пару глухарей, стрѣлять по которымъ не привелось, и выводокъ рябчиковъ: молодые въ немъ до того были малы, что едва могли летать.

Развели огонь, выпили по рюмкѣ водки, загусили довольно плотно разными, взятыми съ собою, припасами и погрузились въ чаепитіе. Ночь стояла свѣтлая, тихая и теплая. Милліоны звѣздъ ярко горѣли на небѣ, и мѣсяцъ серебромъ обливалъ лоснящуюся поверхность омота. Издалека доносилось уханье филина; сова хохотала, и изрѣдка тянулъ свою трескучую пѣсню козодой. Насъ клонило ко сну. Алексѣй уже спалъ около огня, Абрамъ дремалъ въ полулежачемъ положеніи, и я былъ готовъ къ тому-же; надо-бы забираться въ палатку, да не хотѣлось какъ-то подняться, лѣнь было вставать; уставши, такъ пріятно было понѣжиться у пажка. Смолкли филинъ и сова. Глухая полночь. Ни звука. Глаза слипаются; клонить прилечь, да пошевелиться не хочется. Вдругъ пронесся стонъ, жалобный, болѣзненный стонъ; чутко раздался онъ среди невозмутимой тишины и замеръ. Откуда этотъ странный голосъ? съ лѣсу, съ воды или съ воздуха? Что это такое? звѣрь-ли простоналъ, птица-ли прокричала? Необъяснимо.

Пажокъ нашъ прогорѣлъ и началъ потухать. Въ воздухѣ потянуло холодкомъ. На востокѣ побазался красноватый отблескъ утренней зари. Мы забрались въ палатку и скоро заснули въ ней крѣпкимъ сномъ.

Солнце было уже надъ лѣсомъ, когда я проснулся, Аб-

рамъ и Алексѣй спали еще въ лучшую. Я осторожно вылъзъ изъ палатки и спустился къ омуту посмотреть харьюзовъ. Вода, казалось, сдѣлалась еще чище; на днѣ омута можно было разсмотрѣть каждую тонкую волотку отъ корня водяныхъ травъ, каждую песчинку, но странно — рыбы въ омутѣ не было: я не могъ оглядѣть ни одного харьюза, — они куда-то исчезли. Я оставилъ омутъ, осторожно подкрался къ перебору и изумился: сотни харьюзовъ толпились на мели; они стояли на перекатѣ цѣлымъ плотомъ, стремясь выбраться на самую сильную струю и, видимо, сопротивляясь быстрому теченію воды. Я взялъ удочку, наживилъ ее червомъ крючекъ и тихо закинулъ на перекатъ, въ самую середину рыбьей стаи. Едва наживка коснулась воды, какъ на крючекъ сѣлъ около фунта харьюзъ и былъ вытащенъ на берегъ. Я закинулъ во второй разъ и въ ту же секунду снова выудилъ такой же величины харьюза. Клѣвъ, настоящій клѣвъ, тотъ, за которымъ ѣхали, котораго желали! Бѣгомъ поднялся я въ гору и впопыхахъ весьма безцеремонно началъ будить своихъ товарищей.

— Абрамъ, Алексѣй! вставайте скорѣй, ради Бога! рыба вся на переборѣ: клюетъ!

— Клюетъ? нешто клюетъ: выудили? торопливо спросилъ Абрамъ, выскакивая изъ палатки.

— Выудилъ пару, клюетъ: только успѣвай таскать!

— Въ разныхъ мѣстахъ надо удить; сгруживаться не нужно: спугаешь рыбу, отозвался Алексѣй, тоже поспѣшно вылъзая изъ палатки; теперь, знай, валяй! Сразу посадимъ гадушку!

Мы размѣстились по перебору, шагахъ въ пятнадцати другъ отъ друга, и пошла потѣха. Клѣвъ былъ непрерывный: едва крючекъ съ червемъ касался воды, какъ его жадно схватывалъ харьюзъ и тащилъ въ сторону вѣрно, безъ обмана. Поплавокъ тутъ былъ совсѣмъ лишній: все дѣло

совершалось въ виду, на глазахъ, — только знай, закидывай удочку, да таскай рыбу. Мнѣ случалось на Волгѣ уживать на наплавную удочку уклейку, — беретъ бойко; но въ ея борѣ всетаки есть *поклевка*: уклейка сперва поиграетъ съ насадкой, подергаетъ ее и потомъ уже, схвативъ, побѣжитъ въ сторону. Разъ, еще въ дѣтствѣ, на Шекснѣ я удилъ на метлякъ чешу. Ходъ былъ тоже необыкновенный: рыба бралась ежеминутно, но всетаки въ подсѣчкѣ бывали промахи, иногда чеша и срывалась. Здѣсь же совсѣмъ не то: какъ бросилъ удочку, въ ту же секунду харьюзъ безъ всякой поклевки хватаетъ наживку и волочетъ; подсѣчка безъ промаха, клѣвъ безъ промежутка. Я попробовалъ навязать на лесу два крючка и каждый разъ началъ выуживать по парѣ харьюзовъ. Наконецъ, для испытанія я не погружалъ наживку въ воду, а держалъ на разстояніи полувершка отъ ея поверхности, тогда харьюзъ прискакивалъ изъ воды и схватывалъ насадку на вѣсу. Въ какой-нибудь часъ времени я наидаль харьюзовъ множество; всѣ они были одной мѣры: около фунта величиной. Абрамъ и Алексѣй тоже дѣйствовали съ меньшимъ успѣхомъ. Далѣе продолжать ловлю было бы напрасной алчностью: рыбы некуда было дѣвать; мы закончили уженье и занялись посолкою нашей добычи. Харьюзъ — рыба чрезвычайно нѣжная: на жару она скоро портится и потому присаливать ее тутъ-же на мѣстѣ совершенно необходимо.

Кадочка была наполнена до верху, прикрыта кружкомъ, надавлена камнемъ. Мы наудили рыбы болѣе трехъ пудовъ. Такого добычливаго уженья я не испытывалъ во всю жизнь мою ни разу.

За чисткою рыбы и солениемъ ея прошло довольно много времени. Явилось общее желаніе подгрѣниться съѣстнымъ. Достать свѣжей, животрепещущей рыбы ничего не значило; въ нѣсколько минутъ взяли мы изъ Лѣмъ-ю, какъ изъ

садка, пятнадцать штукъ харьюзовъ и сварили изъ нихъ превосходнѣйшую уху.

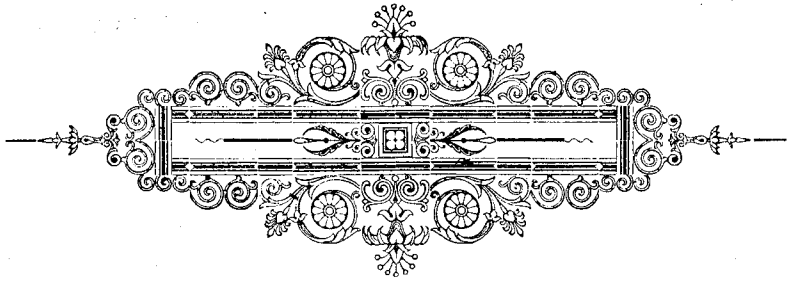
Обратное путешествіе наше совершилось весьма скоро. На переборахъ и заламахъ нѣсколько затрудняла кадка съ рыбою, прибавившая тяжести, но зато на глубокихъ плесахъ лодка по теченію воды летѣла соколомъ. Вотъ и Вычегда; по ней, выѣхавши на струю, помчались мы еще быстрѣе.

Скоро доѣхали до Потеряя; черезъ него попали въ Сысолу и торжественно, съ пѣснями, довольные успѣхомъ своей поѣздки, привалили къ городскому берегу.

Противъ пристани, заслышавъ пѣсни, показалась, повязанная красненькимъ платочкомъ, жена Абрама.

— Эй, Домна! закричалъ онъ своей подругѣ жизни, иди сюда! помогай вытаскивать харьюзину изъ лодки!

VI.

Щ у г о р ь.

Почти параллельно Уральскому хребту величаво улеглась въ обрывистые берега громадная сѣверная рѣка Печора. Вытекая изъ Пермской губерніи и принимая на своемъ двухтысячномъ протяженіи довольно много большихъ и малыхъ притоковъ, рѣка эта широкимъ русломъ вливается въ Ледовитый океанъ. Уральскія горы мѣстами такъ близки къ Печорскимъ берегамъ, что кажется тутъ и есть, рукой подать: такъ отчетливо и рѣзко рисуется этотъ горный кряжъ на восточномъ горизонтѣ. На равнинѣ, между Печорою и Ураломъ, параллельно съ послѣднимъ, часто встрѣчаются отдѣльные кряжи, которые Зыряне называютъ пармами. Одинъ изъ пармъ длинная, другія короче, но всѣ онѣ образовались въ видѣ складокъ при поднятіи Уральского хребта. Самая длинная цѣпь этихъ горъ извѣстна подъ именемъ Высокой Пармы. Она поворачиваетъ къ сѣверо-западу, проходитъ около деревни Почеремъ и разстилается затѣмъ въ плоскость по берегамъ Печоры. Долины у подошвъ уральскихъ откосовъ и отдѣльныхъ кряжей покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, который, постепенно рѣдѣя и перемѣшиваясь съ лиственными породами, восходитъ до извѣстной высоты, сохраняя прямизну деревьевъ и здоровый ихъ видъ. Граница произрастанія лѣса возвышается и понижается, смотря

по крутизнѣ склоновъ и по странѣ свѣта, къ которой они сходятъ; болѣе всего понижается эта граница обыкновенно на сѣверозападной сторонѣ горъ, потому что дующіе съ сѣверозапада холодные вѣтры задерживаютъ ростъ и развитіе деревьевъ. Надъ чертою лѣса крутыми подъемами возвышаются горы, которыхъ самые крайніе очерки принимаютъ преимущественно двѣ отличныя одна отъ другой формы: или длинныя хребты съ скалистыми ребрами, или бугляя гегли совершенно похожія на базальтовые и трахитовыя горныя вершины другихъ странъ. Пологости и проходы въ горахъ покрыты мохомъ и чахлою травою, выступающей изъ черныхъ щелей и трещинъ дикаго камня. Вдоль источниковъ, которые обыкновенно здѣсь берутъ свое начало съ горъ, тянется мѣстами ивовый кустарникъ, заглушенный высокими травами и представляющій разнымъ водоплавающимъ птицамъ излюбленнѣйшія мѣста для свиванія гнѣздъ. Крутые скаты и вершины всѣхъ горъ представляютъ нагроможденныя въ беспорядкѣ кучи каменныхъ глыбъ, переходящія иногда въ отвѣсныя, зубчатыя, изрѣзанныя щелями стѣны. На высотахъ, покрытыхъ кучами камней, растутъ одни только лишай. Еще выше, и только тамъ, гдѣ отвѣсныя скалы оканчиваются небольшими площадками, по берегамъ пробивающихся изрѣдка источниковъ, засѣдаетъ мохъ и мурава—единственные признаки жизни мертвыхъ окрестностей. Выходъ на эти горныя стремнины весьма затруднителенъ: надобно подниматься съ большою осторожностію, чтобъ не ступить на шаткій камень, который легко можетъ потерять равновѣсіе и покатиться въ пропасть вмѣстѣ съ входящимъ человѣкомъ; но за то по этимъ глыбамъ можно, какъ по лѣстницѣ, достигнуть такихъ высотъ, на какія при другомъ образованіи горъ не могъ бы взобраться и самый отважный альпійскій охотникъ. На одномъ изъ откосовъ Урала возвышается гора съ обнаженнымъ теменемъ, извѣстная подъ

именем Моицкаго Болвана. Остяцкое названіе: Остяки называютъ себя—Манци. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ еще до сихъ поръ сохранился обычай Остяковъ приносить своимъ идоламъ жертвы. На такихъ жертвенникахъ нерѣдко встрѣчаются поставленные на камняхъ или воткнутые на шестѣ олени черепа съ рогами и разбросанные въ безпорядкѣ кости заколотыхъ въ жертву животныхъ. Страненъ обычай Остяковъ убивать животныхъ назначенныхъ для этой цѣли: они заколачиваютъ оленю всѣ отверстія: ноздри, ротъ, уши и проч. деревянными кольями и этимъ мучительнымъ способомъ умерщвляютъ его. Въ прежнія времена, впрочемъ, давнія, Остяки приносили въ жертву идоламъ, кромѣ оленей, также серебряныя украшенія и монеты, но съ того времени, какъ нѣкоторые ссыльные въ Обдорскѣ сдѣлали въ отыскиваніи остяцкихъ жертвенниковъ и въ обираніи съ нихъ серебра—очень выгодный для себя промыселъ, такія жертвоприношенія прекратились.

Противъ селенія Усть-Щугора, прорѣзавъ Ыджеди Парму, впадаетъ въ Печору Щугоръ, вытекаая изъ Уральскихъ горъ. Рѣка эта по своему чрезвычайно извилистому пути имѣетъ протяженіе не болѣе 350 верстъ; она очень глубока и необыкновенно быстра, какъ вообще всѣ горныя рѣки, имѣющія крутое паденіе. Прозрачность воды въ Щугорѣ изумительная: маленькіе камешки, песчинки крупнаго хряща можно разсмотрѣть въ ней на саженой глубинѣ. Вода въ Печорѣ довольно чиста, но когда вливаетъ въ нее свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отлчаются отъ Печорской воды, не утрачивая своей прозрачности на нѣскольکو верстъ внизъ по теченію Печоры, около праваго ея берега.

Въ концѣ іюля 186... года, въ легкой, но приспособленной для дальнихъ переѣздовъ лодочкѣ, спускаясь внизъ по теченію Печоры вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ по путешествію П. Д. Волковымъ и промышленникомъ Зыряниномъ, за-

матерѣлымъ охотникомъ и рыболовомъ — Алексѣемъ Теньтюковымъ, добрался мы до устья Щугора, изслѣдованіе котораго входило въ планъ нашей поѣздки по Печорскому краю. Погода стояла превосходная. Мучительное комариное время уже прошло. Мы перенесли его на верховьяхъ Печоры. Комары на Печорѣ, въ концѣ Мая, Іюнѣ и началѣ Іюля, это одна изъ невыносимыхъ казней египетскихъ. Міріады этихъ кровососущихъ, какихъ-то особенныхъ, необыкновенно крупныхъ, рыжеголовыхъ, нападаютъ на человѣка и на всякое живое существо тучами, мѣшаютъ ѣсть, пить, работать, думать; отъ нихъ нѣтъ спасенія: накомарники *) не помогаютъ; они какъ-то ухитряются залѣзть и подъ нихъ; да въ знойные дни и душно въ накомарникахъ; смазываніе открытыхъ мѣстъ тѣла пахучими веществами не служитъ ни къ чему. Одинъ только вѣтеръ нѣсколько прогоняетъ несносныхъ пскуновъ.

Къ Щугору мы прибыли на солнечномъ восходѣ. Надъ водою колыбался туманъ. По лѣвую сторону Печоры безконечно широко разстилалась равнина съ поросшимъ на ней темнымъ лѣсомъ, по правую, вдаль отъ береговой полосы, возвышались горы, изъ-за которыхъ солнечные лучи золотомъ обливали покойную поверхность водъ Щугорскаго устья, доходящаго сажень до ста ширины. Берега Щугора при устьѣ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ состоятъ изъ наносной равнины, поросшей березами и ивами, и чѣмъ далѣе къ Камню **) , тѣмъ выше они поднимаются, переходятъ въ угоры, дѣлаются каменистѣе и покрываются хвойнымъ лѣсомъ. По прибрежной равнинѣ Щугора кое-гдѣ разбросаны поляны. Дымившійся паръ съ этихъ полянъ и крикъ чаекъ изобличали присутствіе *курей* (луговыхъ озеръ).

Мы сдѣлали привалъ къ луговой части берега, захвативши

*) Сѣтки, надѣваемыя на голову и лицо въ родѣ пчелиныхъ, употребляемыхъ при выниманіи меда изъ ульевъ.

**) Горный крикъ Урала.

въ заводъ, образовавшуюся подь небольшою острою коскою. На красивой луговинкѣ, подь раскидистой ивой, въ виду двухъ громадныхъ рѣкъ, устроилась наша временная стоянка.

— Какъ у насъ запасъ провизіи, Павелъ Дмитриевичъ? на исходѣ надо полагать? обратился я къ своему товарищу, завѣдывавшему въ пути хозяйствомъ.

— Поиздержались таки; чаю и сахару еще много; а вотъ насчетъ хлѣба насущнаго — плоховато: одни только сухари и остались; соли довольно.

— Значить — жить еще можно; о приваркѣ только позаботиться слѣдуетъ: экскурсію охотничью сочинить нужно.

— Вали на курьи; всякой утки здѣсь, что мякины — не перестрѣлять; а мы съ Алексѣемъ въ прозрачныхъ чертогахъ справку наведемъ: рыбешки не поймаетъ-ли.

Съ собою взяты были разныя рыболовныя принадлежности: удильные крючки, животные крюки, жерлицы и даже небольшія ботальные мережи. Въ длинномъ путешествіи по малонаселенному краю эти рыболовныя снасти оказывали намъ большую услугу въ продовольственномъ отношеніи.

Затянувъ патронташъ, перекинувъ сумку черезъ плечо и ружье за спину, я направился на крикъ чаекъ, рассчитывая попасть или на большое торфяное озеро, или на водомоину. Послѣднія часто встрѣчаются въ луговыхъ причорскихъ низинахъ. Образованіемъ ихъ служатъ быстро стекающіе съ горъ потоки, во время весенняго таянія снѣговъ. Такія водомоины, или черторои, обростають по берегамъ ракитникомъ, заглушаются болотными травами и служатъ превосходнѣйшимъ мѣстомъ для обитанія утокъ.

Сначала пришлось мнѣ пробираться сквозь частый кустарникъ; но я скоро вышелъ на луговину, которая извилистымъ долочкомъ тянулась около березовой рощи. Черезъ четверть часа ходьбы долина начала принимать все болѣе широкіе размѣры и наконецъ раскинулась обширнымъ сѣнокоснымъ

наволокомъ. На лѣво, къ угору, свергнула вода; я повертилъ къ ней. Подхожу, — логъ, сажень около двадцати ширины, съ сухими березами; по окраинамъ—осока, на водѣ широкіе листья лопуха покачиваются вѣтеркомъ, и мѣстами рѣзунъ плотно заткалъ воду, разбросавшись по ней своими колючими, мясистыми листьями. Изъ подъ ногъ, изъ осоки, сорвалась кряковая утка: ружье было на плечѣ, я сбросилъ его, взялъ на прицѣлъ, но было уже не въ мѣру, не успѣлъ выстрѣлить: утинула. Черезъ нѣсколько шаговъ еще поднимается пара; я ударилъ по правой: со всего размаха шлепнулся въ воду тяжелый кряковень, гулко раздался выстрѣлъ, какимъ-то перекастиевымъ эхомъ застоналъ онъ по равнинѣ и вотъ громаднѣйшія стада утокъ различныхъ видовъ начали взлетать изъ осоки и изъ подъ нависѣли ракетника, и закружились въ воздухѣ. Шурканье крыльевъ, крякотня, свистъ раздавались со всѣхъ сторонъ. Выстрѣлъ мой надѣлалъ необычайный переполохъ обитателямъ здѣшнихъ болотъ и озеръ: всюду залетали стада, то опускаясь далѣе вновь на воду, то забираясь высоко въ воздухъ. Вотъ мчится прямо на меня нѣсколько десятковъ свѣзей: я далъ имъ сравняться, онѣ взмыли надъ моею головою, порвались вправо и силютились въ клубокъ. Я шархнулъ въ самую гущу: три штуки покатались въ середину лога. Въ горячности я и не замѣтилъ, что наглупилъ: утки упали далеко отъ берега, достать ихъ невозможно, значитъ не зачѣмъ было и стрѣлять по направленію къ водѣ. Сломилъ я хворостину аршина въ четыре, попыталъ глубину у берега: не хватаетъ до дна; плыть нельзя: водяная растительность, плотнымъ ковромъ засѣвшая около береговъ, не позволила бы двинуться. А убитая дичь покачивается на водѣ: одна свѣзья лежитъ кверху брюшкомъ; ярко блеститъ на солнцѣ ея бѣлесоватая хлупъ; три штуки вверхъ спинками, опустивши внизъ головки. Жаль утокъ, хочется ихъ добыть,

но и не могъ придумать средство — какъ-бы это сдѣлать: хоть-бы веревка была, навязать бы палку, забросить далѣе за утокъ и, такимъ способомъ, прилавить ихъ къ берегу. Это случалось практиковать съ успѣхомъ, но веревки не было.

Вѣтерокъ сталъ дуть посильнѣе, зарябилъ поверхность лога и погналъ мою дичь къ противоположной сторонѣ. Двѣ утки, занесенныя въ рѣзунъ, засѣли въ немъ безнадежно, другія двѣ угодили въ небольшую чистенькую прогалинку и довольно близко подбились къ берегу; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось отсюда. Слѣдовало обойти логъ, чтобы достать утокъ съ той стороны. Зарядивъ ружье, я пошелъ по окраинѣ лога, по направленію къ лѣсу: Печора оставалась у меня назади, а Щугоръ съ лѣвой руки. Не прошелъ я и ста шаговъ, какъ услышалъ позади себя необыкновенный шумъ въ воздухѣ: я обернулся, вижу — летитъ какой-то большой ястребъ, сдѣлалъ кругъ надъ моими убитыми утками, легъ надъ водою, вытянулъ поджатые ноги и подхвативъ крякушу, тяжело поднялся съ нею на противоположный берегъ, пролетѣлъ надъ ракивою зарослью и спустился за кустомъ. Обидно, подумалъ я, досталась добыча чорту въ лапы, а подѣлать ничего нельзя: не перескочишь черезъ воду. Я прибавилъ шагу, изъ опасенія, чтобы и остальныхъ утокъ не постигла таже участь.

Мѣстность начала понижаться, перейдя въ сыроватую съ небольшими болотистыми впадинами. Наконецъ я уперся въ довольно большое кочковатое болото, сплошь заросшее густою осокою. Изъ лога вдавался въ это болото заливъ. По берегу лога пробираться далѣе не было возможности, я взялъ влѣво и пошелъ въ обходъ болота, держась его окраины. Изъ подъ ногъ вырвался бекасъ, потомъ другой, наконецъ вдругъ поднялось штукъ пять: я не выдержалъ и послалъ голенастикамъ два выстрѣла въ догонку: крупная дробь не

задѣла ни одного, но выстрѣлы подняли вновь безчисленное множество дичи: кромѣ утокъ, всюду залетали стада куликовъ, быстро промчалась возлѣ меня стапичка ржанокъ, закружились въ воздухѣ крошечныя, зычно гдѣ-то крикнулъ гусь, и благимъ матомъ загалдѣли журавли. Во истину, великое и обильное царство пернатыхъ! Отъ такого множества всевозможной болотной дичи рыному охотнику можно обзумѣть. Я и обзумѣлъ: съ изумленіемъ, какъ шальной, забывъ зарядить ружье, смотрѣлъ я на кружащіяся стада. Если сравнить ихъ со стаями летающихъ грачей надъ вершинами старыхъ березъ обширнаго заброшеннаго сада или съ стѣткою галокъ надъ городскими церквами, то это будетъ весьма слабое понятіе того, что совершалось надо мною... И все это пицало, кричало, крякало, все это производило какой-то невообразимый, смѣшанный гвалтъ. Черезъ четверть часа разсѣлась снова дичь по мѣстамъ, снова все затихло, лишь изрѣдка слышалась переключка кряковыхъ утокъ и вѣсканье бѣлоголовика, на недосыгаемой вышинѣ парившаго надъ озерами. Зарядивъ ружье, я двинулся по избранному пути. Болото становилось глуше, водянистѣе. Изъ травы грузно поднялась утка и повалилась съ выстрѣла; изъ налетѣвшаго на меня вслѣдъ за этимъ стада ржанокъ, я изъ лѣваго ствола вышибъ трехъ штукъ; потомъ еще убилъ вскорѣ пару утокъ. Черезъ четверть версты берегъ болота сдѣлался суше. Показались кустарники можжевельника и рѣдочи еловой подрости. Вдругъ изъ одного еловаго куста, мимо котораго я проходилъ, поднялась съ большимъ шумомъ какая-то крупная птица; на секунду она застряла въ вершинахъ деревъ и потомъ вытянула предо мною на чистовину; вижу — глухарь; я хватилъ его впоперечь: свалился, какъ снопъ. Выстрѣлъ до того былъ удаченъ, что даже досадно сдѣлалось, что некому было полюбоваться на него со стороны; глухарь матерый, громадныхъ размѣровъ,

около 20 фунтовъ вѣсу. Зарядъ угодилъ ему въ бокъ и уложилъ наповалъ.

Казалось бы и будетъ дичи, можно бы и назадъ возвратиться къ лодкѣ, но жаль было оставить убитыхъ утокъ, за которыми я пошелъ въ обходъ, да и мѣстность настолько меня заинтересовала, что мнѣ захотѣлось еще походить, поизслѣдовать ее. Двинулся далѣе. Кустарникъ дѣлался плотнѣе и наконецъ перешелъ въ еловую чащу, составляющую опушку сплошнаго лѣса, въ который съ правой стороны отъ болота вдавалось острымъ угломъ чистое озерко. Продираясь сквозь ельникъ, я началъ обходить это озерко. На срединѣ его, внѣ выстрѣла, ныряли около десятка чернетей. Замѣтивъ меня, онѣ сжались въ кучу и, покеркивая, изогнувъ головки нѣсколько въ сторону, вдавившись какъ-то въ воду по самую шею, бойко поплыли къ противоположному берегу. Обойдя озерко, я снова вышелъ на обширную луговую пожню и, все держась берега, началъ, какъ мнѣ показалось, возвращаться съ противоположной стороны назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ убитыхъ утокъ. Но вдругъ я уперся въ поперечную промоину, сажень около семи ширины; она отрѣзала мнѣ возможность обхода. Слѣдовало бы воротиться назадъ, но продираться вновь сквозь лѣсную чащу, идти старымъ мѣстомъ, не достигнувъ цѣли, мнѣ не захотѣлось, и я пошелъ по берегу промоины, въ надеждѣ отыскать бродъ. Мѣстами промоина суживалась до трехъ сажень, мѣстами расширялась сажень до двадцати и болѣе. Изъ-подъ нависѣли ракушечника, кой-гдѣ раскидававшегося по окраинѣ промоины, поднимались довольно часто свѣязи и ряквы; но пылъ во мнѣ уже поулегся: я не стрѣлялъ ихъ — не потому, впрочемъ, что находилъ мой ягдташъ достаточно наполненнымъ, но съ подъема утки направлялись на противоположную сторону, и я не былъ увѣренъ, что, убивши, воспользуюсь ими.

Я шелъ по берегу промоины около версты: мѣсто было открытое, плоское. Вижу — впереди опять вода. Я натолкнулся на новое озеро, съ которымъ соединялась промоина, представлявшая такимъ образомъ проливъ между двумя небольшими водоемами. Почувствовавъ нѣкоторую усталость, я присѣлъ отдохнуть на берегу озера. Оно было круглой формы и имѣло въ поперечникѣ около 200 сажень. Судя по наружному виду, глубина въ немъ вѣроятно весьма значительна, потому что, не смотря на прозрачность воды, дно не просвѣчивалось. Окраины озера сухія, мѣстами обросшія ракитникомъ. Берегъ съ моей стороны отлогій, лугсвой, а противоположный, прилегающій уже къ горнымъ склонамъ уральскаго кряжа, крутой и обрывистый, съ скалистыми осыпями, по урѣзу которыхъ тянулся небольшой сосновый лѣсокъ. Озеро было красиво; гладкая поверхность воды лоснилась, какъ стекло. Множество чаекъ вились и орали надъ водою; кое-гдѣ плавали гагары, да громадное стадо чернетей то и дѣло перелетало съ мѣста на мѣсто. Изрѣдка всплескивалась рыба; расходящіеся широко круги на водѣ показывали, что экземпляры водяныхъ обитателей были изрядной величины.

Время близилось къ полудню. Солнце пригрѣвало такъ усердно своими горячими лучами, что мнѣ захотѣлось поосвѣжиться въ озерѣ, свѣтлая, прозрачная вода котораго такъ и тянула выкупаться. Раздѣвшись, я бросился въ воду; у самаго берега глубина озера оказалась чрезвычайная: опустившись, я не могъ достать дна; берега сходили въ воду не только отвѣсной стѣной, но еще имѣли подъ себя подмоины, или, какъ называютъ рыбаки, пазухи, куда удобно укрыться рыбѣ при ловлѣ ея неводомъ и вообще всякими сѣтями. Мнѣ не разъ случалось видѣть въ окрестностяхъ Шексны небольшія съ подобными свойствами озерины. Въ нихъ всегда было множество рыбы, которую изъ этихъ

бездонныхъ котловъ, съ глубокими рытвинами, далеко уходящими подъ берега, невозможно добыть никакими снастями, кромѣ единственной, самой ничтожной между рыболовными принадлежностями, — это удочки. И здѣсь, купаясь въ водахъ неизвѣстнаго мнѣ озера, пріютившагося въ пустынной мѣстности на склонѣ уральскихъ отроговъ, я искренне пожалѣлъ, что въ моемъ ягдташѣ не было въ запасѣ этого скромнаго рыболовнаго снаряда. Не взирая на мое бултыханье въ водѣ, рыба то и дѣло плавилась во всѣхъ мѣстахъ озера, даже около самого меня. Часто, при сильномъ всплескѣ, дробно разсыпалась мелкая рыбешка въ разныя стороны, почему можно было безошибочно судить, что это щуки или окуни гонялись за добычею. «Жерлицы бы пустить на колодахъ, животные крюки поставить бы, мелькало у меня на мысляхъ, не остаться ли на устьѣ Щугора на сутки для потѣхи, придти сюда съ Павломъ Дмитріевичемъ и попытать счастья; уже поговорю съ нимъ, размышлялъ я, можетъ и согласится».

Послѣ купанья, меня начало клонить ко сну. Наканунѣ, плывя по Печорѣ, мы почти всю ночь не спали изъ желанія поспѣть къ утру на устьѣ Щугора, да и побродилъ я, должно быть, много; дѣлая обходы пологевъ, болотъ и озеринъ, я исколесилъ порядочное пространство, такъ что чувствовалъ утомленіе. Я прилежъ на случившейся тутъ небольшой холмикъ. Надо мною раскидывалась безконечная, недостижимая высь блѣдно-голубаго неба; солнце сіяло ярко; на западѣ громоздились отливавшіе жемчужнымъ блескомъ комья небольшихъ облаковъ; на востокѣ обрисовались зубчатая вершины горнаго кряжа, вздымаясь въ высоту какими-то фіолетовыми буграми; ниже ихъ темною полосой разстилался хвойный лѣсъ. Направо, верстахъ въ четырехъ, видѣлись береговья очертанія Печоры, верхнія плеса которой въ крутыхъ изворотахъ блестяли широкими серебряными лен-

тами. Оглядѣвши мѣстность, я сообразилъ гдѣ находится устье Щугора и наша стоянка. Заблудиться было невозможно. Хотя я на этотъ счетъ и успокоился, но среди пустынной, безлюдной мѣстности чувствовалъ какъ-то совершенно себя одинокимъ: ничто здѣсь не изобличало присутствія человѣка, не было слышно ни говора, ни пѣсни людской, никакого отклика. Но въ тоже время иная жизнь, жизнь природы непрерывно обхватывала меня со всѣхъ сторонъ: безчисленные голоса чаекъ оглашали окрестность громкими, словно чего-то вымаливающими криками; стаи куликовъ сновали передо мною безпрестанно, перекличка кряковыхъ утокъ раздавалась со всѣхъ сторонъ. Плюханье рыбъ по озеру, стонъ крачекъ, перелетъ нырковъ, голоса на водѣ, голоса въ воздухѣ не прекращались ни на минуту. Вдругъ около самого меня шарахнулась какая-то разомъ обвѣявшая меня масса: это бѣлоголовикъ кубаремъ ударился въ воду, подхватилъ довольно большую рыбку, взмылъ вверхъ и, ровно махая крыльями, полетѣлъ за озеро, въ полосу чернѣющаго лѣса; его со страшнымъ гвалтомъ преслѣдовали чайки.

Солнце жгло меня на пригоркѣ невыносимо. Я перебрался въ тѣнь, подъ ракиновый кустъ, къ самому озеру, положилъ ружье около себя и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проспалъ я около трехъ часовъ. Когда проснулся—погода поизмѣнилась: съ запада подувалъ довольно крѣпкій вѣтерокъ; кучевыя облачка похаживали по небу. Въ воздухѣ свѣжѣло. На озерѣ, шагахъ въ тридцати отъ меня, плавало стадо штукъ въ тридцать чернетей, безпрестанно нырявшихъ. Я заслоненъ былъ отъ нихъ кустикомъ ракитника, сквозь вѣтви котораго и осматрѣлъ утокъ. Осторожно поднявъ ружье, подползъ я еще ближе къ кусту, просунувъ сквозь вѣтви стволы, и выждавъ тотъ моментъ, когда чер-

нети скучились, выстрѣлилъ въ средину стада; три остались на мѣстѣ, остальные, поднявшись, залепетали по водѣ. Изъ втораго ствола, въ угонку, еще вырвалъ одну штуку. Вѣтерокъ погналъ убитыхъ утокъ къ тому берегу. Я былъ вполне увѣренъ, что ихъ прибѣдетъ къ нему прежде, нежели я успѣю обойти озеро; къ обходу-же не представлялось по видимому никакихъ препятствій. Берега сухіе и возвышенныя. Обходъ не великъ, немного болѣе версты, времени до вечера еще много, силы подкрѣпились сномъ. Я бодро пустился въ путь. На половинѣ обхода окраина озера понизилась, берега отлого сбѣжали къ водѣ и образовался узкій заливъ, вдавшійся въ видѣ языка сажень на сорокъ въ длину луговаго пространства. Залива этого я прежде не замѣтилъ: его закрывалъ отъ меня ракитникъ и ольховыя кусты. Сразу можно было видѣть, что эта часть озера была мелка: по берегамъ осока и кочкарникъ, по водѣ плавуны, ряска и травяныя заросли; противоположная сторона залива состояла совсѣмъ изъ пересохшей отмели, переходящей въ тинистую грязь. Миріады мелкихъ куликовъ разныхъ видовъ бѣгали по болотинѣ, подбирая разную болотную шмару и насѣкомыхъ. Вдругъ я осмотрѣлъ въ концѣ залива, подъ берегомъ, весьма большую птицу, мѣрно шагающую по отмели. По сѣро-пепельному цвѣту и длинному носу я принялъ ее за журавля, но горбатая спина, опущенный кургузый хвостъ, петлей сложенная шея, прижатая къ плечамъ, длинныя косицы на головѣ—всѣ эти признаки изобличали, что это не журавль. Изъ за куста я подошелъ къ птицѣ шаговъ на двадцать; она меня замѣтила и молча поднялась, вытянувъ ноги назадъ, а шею загнувъ на спину: вижу—цапля. Что за чудо! Какою бурей занесло эту обитательницу умѣренныхъ странъ въ такіе далекіе сѣверные предѣлы? Впрочемъ не разъ случалось мнѣ встрѣчать пернатыхъ подъ несоотвѣтствующими ихъ обитанію широтами: въ Костромскомъ

уѣздѣ, въ обширныхъ луговыхъ пространствахъ поволжья, въ 1854 году, я убилъ пару стрепетовъ; въ Яренскомъ уѣздѣ во ржи не разъ слышалъ крикъ перепеловъ; въ Чевинскомъ болотѣ, въ окрестностяхъ Устьсысольска—видѣлъ черного аиста.

При обходѣ залива я встрѣтилъ потокъ, узенькимъ ручейкомъ пробирающійся по луговой ложбинѣ. Свободно перешагнувъ его, я скоро достигъ вновь сухой мѣстности и оглябая озеро уже съ противоположной стороны, поднимался постепенно все выше и выше. Вотъ и сосновый лѣсокъ, который я видѣлъ съ того берега. Почва сухая, песчаная, поросшая сѣро-пепельными лишаями. Сосны небольшія, приземистыя, съ кужлавыми раскидистыми верхушками. Мѣстами подъемъ былъ крутъ; я шель все къ верху, все въ гору. Сосновая группа деревъ раздалась; я вышелъ на не большую площадку и ахнулъ отъ изумленія: передо мною развернулся вдругъ великолѣпный, поражающій пейзажъ; подъ ногами, надъ крутымъ обрывомъ, круглое, чистое глубокое озеро. Кужлавыя сосны и густыя ивы, и береговая песчаная отсыпь опрокинулись черезъ отраженіе въ тихую гладь его водъ; далѣе—на западъ обширное луговое пространство, по которому точно сотни раскиданныхъ исполинскихъ стеколъ ярко блестяли по всѣмъ направленіямъ курьи и полои, озерины и протоки; еще далѣе—широкое плесо величественной Печоры, а за нею темное море безконечнаго лѣса, сливающагося непрерывною массою съ горизонтомъ. На востокъ тоже темная полоса лѣснаго пространства, но ограниченная далѣе волнистою грядою уральскихъ предгорій, рѣзко обрисовывавшихся въ воздухѣ своими голыми вершинами. Солнце зашло за тучку: вся даль, вся эта обширная плоскость съ безчисленными озеринами потонула въ аломъ блескъ, облившемъ багровымъ цвѣтомъ и широкое плесо Печоры. Какъ хорошо здѣсь: конца краю нѣтъ этому дикому

приволью, не налюбуеться имъ вдосталь. И невольно пришло на мысль: «чтобы здѣсь, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, на взлобкѣ, гдѣ стою, построить уютный домикъ, поселиться въ немъ съ самыми близкими людьми и въ этомъ уединенномъ углѣ, среди богато-населенной рыбой и дичью природы, среди немолчныхъ голосовъ обитателей лѣса и воды, пожить на свободѣ и вдали отъ горя и подневныхъ заботъ, отдохнуть душою отъ нашей тяжелой исковерканной неправдой людской и общественными условіями—жизни»!...

Береговой обрывъ противъ меня возвышался саженъ на сорокъ надъ водою, но сойти по немъ было возможно, что я и сдѣлалъ, спустившись къ самому заплеску воды, и пошелъ по песчаной отмели, тянувшейся узкою полосой подъ береговою кручею. Отсыпь въ разрѣзѣ состояла изъ слоистой глины, въ которой послѣдовательно залежали свѣтлосѣрый плотный известнякъ, глинистый черный сланецъ и зернистый кварцитъ. Скоро нашелъ я убитыхъ мною утокъ; ихъ поднесло всѣхъ четырехъ къ берегу почти въ одно мѣсто. Приторочивъ свою добычу къ ягташу, я снова началъ подниматься на береговую окраину, нѣсколько понизившуюся въ этомъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько шаговъ я попалъ на тропу, торно пробитую по береговому откосу. Всмотрѣвшись въ нее, я различилъ оттиски раздвоенныхъ копытъ, отчетливо отпечатанныхъ на глинистой почвѣ. Ясно—это тропа оленей; они ходятъ по ней къ озеру на водоной и купанье. На кустахъ ельника и вересняка, между которыми извивалась тропа, висѣли кое гдѣ клочки оленьей шерсти.

Извѣстно, что въ знойные лѣтніе дни на оленей кучами нападаютъ насѣкомыя, преимущественно овода и слѣпни, кусаютъ и кладутъ въ густую шерсть ихъ свои яйца. Въ эту пору олени—великіе страдалцы, вода для нихъ спасеніе. Забравшись въ нее по шею, они простаиваютъ такимъ образомъ цѣлые дни, выставивши на поверхность одну

голову съ вѣтвистыми рогами. Именно на такое мѣсто попалъ я въ настоящую минуту. Спустившись по тропѣ къ самой водѣ, я вышелъ на песчаную отмель: весь песокъ около воды измятъ былъ копытами: именно тутъ, въ этомъ мѣстѣ купаются олени. Но время для этого уже прошло: въ концѣ іюля овода отъ холодныхъ ночей пропадаютъ и олени перестаютъ принимать ванны; а то удобно было - бы и постеречь ихъ здѣсь, конечно съ ранняго утра, запасшись для этой цѣли особыми охотничьими снарядами.

Не отошелъ я и десяти сажень отъ оленьей тропы, какъ замѣтилъ на песокѣ другой слѣдъ, совершенно свѣжій, подѣйствовавшій на меня весьма внушительно: широкая лапа и оттиски громадныхъ когтей несомнѣнно убѣждали меня, что сюда-же является Михайло Ивановичъ, для освѣженія озерной водой своей клокостой особы. Встрѣтиться съ нимъ, въ моемъ одиночномъ положеніи, при настоящихъ слабыхъ средствахъ для борьбы, т. е. съ простымъ дробовикомъ, съ запасомъ одной шестого номера дроби, было весьма непріятно. Признаюсь откровенно, мнѣ сдѣлалось жутко, какъ Робинзону, открывшему слѣды дикарей на своемъ необитаемомъ островѣ. Помнится у меня какъ будто шевельнулось что-то подъ картузомъ, мурашки какія-то пробѣжали по кожѣ. А слѣдъ былъ такъ свѣжъ, такъ отчетливъ, что, казалось, медвѣдь былъ здѣсь не только сегодня, но нѣсколько минутъ тому назадъ. Мнѣ даже послышался шелестъ въ ивовыхъ кустахъ, засѣвшихъ далѣе сплошною массою около самой воды озера. Первымъ моимъ послѣ такого открытія дѣломъ было подняться снова наверхъ, на ту площадку, съ которой я любовался величественнымъ видомъ. Затѣмъ предстояло рѣшить какимъ путемъ воротиться назадъ къ устью Щугора: идти тѣми-же мѣстами, какими шелъ сюда — надо продираться сквозь лѣсную чащу, чего мнѣ, изъ опасенія встрѣчи съ медвѣдемъ, крайне не хотѣлось; взять направ-

леніе влѣво, на берегъ Печоры и затѣмъ Печорою дойти до устья Щугора—было далеко. Но все-таки я остановился на послѣднемъ: этотъ путь предстоялъ по открытымъ мѣстамъ, гдѣ сбиться невозможно, да и Печора въ виду; значительная часть ея плеса видна отсюда, а если и скроется она отъ меня, когда спущусь въ низины, то береговые урѣзы этой громадной рѣки все-таки будутъ передъ моими глазами. Придется можетъ быть дѣлать обходы озеринъ и курей, но это ничего: лишнія двѣ—три версты не составитъ для такого ходока, какъ я, большой важности. Да кстати, возвращаясь этимъ направлениемъ, я могъ подобрать и утокъ, убитыхъ первыми выстрѣлами и оставленныхъ на логу. И такъ надумалъ я взять лѣвое направленіе и съ этимъ рѣшеніемъ обошелъ правую юго-восточную часть озера и спустился въ луговую плоскость.

Но недолго шель я по избранному пути; не болѣе какъ черезъ четверть часа, я уперся въ широкій проливъ: справа онъ соединился, по моему соображенію, съ тѣмъ логомъ, на которомъ остались утки, слѣва уходилъ въ луговое пространство, неизвѣстно на какое разстояніе. Я пошелъ въ обходъ. Къ счастью пролой съузился сажень до десяти. По растущей въ узкомъ мѣстѣ густой осоки и болотному хвощу можно было замѣтить, что тутъ неглубоко. Я раздѣлся съ намѣреніемъ перебраться на другую сторону. Спустившись въ воду, попробовалъ съ осторожностью дно, боясь попасть въ вязиль, изъ котораго пожалуй, ногъ не вытащишь. Тинистыя, засасывающія озеринны зачастую попадаютъ на сѣверѣ, да и вездѣ онѣ не рѣдки. Охотясь въ вычегодскихъ болотахъ, близъ Устьсыольска, я одинъ разъ забился въ такую зыбучую урему, что если-бъ не товарищи, такъ бы и покончилъ въ ней свое земное странствіе. Дно въ пролоѣ оказалось хотя и илистое, но довольно твердое, глубина немного выше колаѣна. Перебродя, я поднялъ трехъ кряко-

выхъ утокъ: онѣ съ шумомъ взвились въ воздухъ, сдѣлали небольшой кругъ и спустились въ этотъ же пролой, саженъ пятьдесятъ отъ меня далѣе. Но мнѣ было не до утокъ: поспѣшно одѣвшись, я почти бѣгомъ пустился впередъ, по направленію къ Печорѣ. Торопиться слѣдовало: солнце склонялось къ западу и, кромѣ того, я съ утра ничего не ѣлъ: меня довольно чувствительно началъ донекать голодъ. Все болѣе надвигался вечеръ. Вотъ золотистый дискъ солнца врѣзался въ темно-сѣрую полосу облака, растянувагося на горизонтѣ надъ самыми верхушками лѣса; яркими, ослѣпительными цвѣтами заиграли края этого облака, принимая причудливыя формы. Лиловый блескъ вечера мягко ложился на широкій просторъ Припечорья. Но когда душа не покойна, голова полна тревожными мыслями и желудокъ пустъ, то не до красотъ природы. Я спѣшилъ изо всѣхъ силъ, а онѣ все болѣе и болѣе ослабѣвали: въ ягдташѣ моемъ было порядочно дичи, отъ которой онъ дѣлался часъ отъ часу тяжелѣе и страшно оттягивалъ плечо. Я отцѣпилъ уже глухаря отъ то-роковъ и несъ его въ правой рукѣ: такъ какъ-будто полегчало.

Долго бродилъ я между курьями и озеринами, то перебродя ихъ въ мелкихъ мѣстахъ, то дѣлая обходы. Все чаще и чаще встрѣчались на моемъ пути препятствія въ видѣ пролоевъ, промоннъ, горловинъ, проливовъ, логовъ и болотъ. Иногда подходилъ я къ Печорѣ весьма близко, казалось, былъ отъ нея не болѣе версты, но вдругъ встрѣтившійся какой-нибудь водоемъ уклонялъ меня въ противоположную сторону, и я снова шелъ прочь отъ Печоры, путаясь между озеринами. Усталость и голодъ мучили меня невыносимо, безпомощность положенія и приближающаяся ночь наводили страхъ. Я боялся запоздать; мнѣ жутко было ночевать въ этомъ лабиринтѣ водъ, въ которомъ я совершенно сбился съ пути и не зналъ, гдѣ отыскать выхода, понавъ въ безконечный переплетъ воды и земли между собою.

Давно закатилось солнце. Все гуще и темнѣе становились сумерки, все рѣже слышались голоса птицъ и ихъ перелеты. Вотъ и молодой мѣсяцъ блеснулъ на небѣ золотымъ краемъ, звѣздочки вспыхнули на востокѣ, заря вечерняя поблѣднѣла, стихъ гомонъ чаекъ, не слышно переклички утокъ. Настала ночь. Гдѣ-то вдали, далеко ухнулъ филинъ, гагайкнула сова, потомъ простонало что-то, не то олень проревѣлъ, не то росомаха, а можетъ быть и медвѣдь. Я все шель, все блудился по суходоламъ между озеринами. Наконецъ попалъ я на чистое, длинное озеро и пошелъ по его берегу, какъ-будто по направлению къ Печорѣ. Ноги едва двигались, болѣе по инерціи. Я былъ чрезвычайно утомленъ. Черезъ четверть часа я наткнулся на новую воду: широкая курья соединилась подъ острымъ угломъ съ тѣмъ озеромъ, на берегу котораго я стоялъ, и пресѣкла мнѣ путь. Въ изнеможеніи я опустился на траву и рѣшительно растерялся: почевать, развести огня — спичекъ съ собою не было. А въ воздухѣ стало холодѣть, ночь темнѣла, разстроенное воображеніе начало представлять крайніе случаи. Пронадешь, думалось, въ этихъ озерахъ, не выйдти изъ нихъ ни ночью, ни днемъ, съ голоду умрешь, или съ отчаянія пойдешь по прямой линіи и, перебираясь чрезъ курьи и болото въ бродъ, то вылавь, засядешь въ какой-нибудь тинѣ, гдѣ такъ и погибнешь; а можетъ быть и медвѣдь прикончить: по кустамъ все малинникъ тутъ, можетъ быть косолоная животина ходить по немъ: натолкнешься на него, изуродуетъ, искалѣчить, — такъ и Богу душу отдашь мучительной смертью.

Около часа пролежалъ я на луговинѣ безъ движенія. Сильно началъ прохватывать меня ночной холодъ, а подняться, походить, чтобы согрѣться, возможности нѣтъ: всѣ члены отяжелѣли и требовали отдыха. Ночь была тихая: ни звука жизни. Вдругъ донеслись до меня какіе то глухіе удары. Я началъ прислушиваться. Шлепанье по водѣ, бульканье все приближалось. Мѣсяцъ выкатился изъ-за тучи и обиль с-

ребромъ разстилавшееся передо мною озеро. Вижу — какая-то темная масса движется по направлению ко мнѣ. Чтобы это такое? Слѣжу внимательно, всматриваюсь: лодка. Сердце взыграло радостью: «Господи! неожиданная помощь. Но кто же здѣсь въ этомъ глухомъ углу и ночью, зачѣмъ, что дѣлать въ такую пору?»

— Коды таны (кто здѣсь)? закричалъ я позырянски.
— Кодэсь енъ ваэ? (кого Богъ даетъ) отвѣчалъ мнѣ густой, крѣпкій голосъ человѣка съ лодки.

— Бывтъ тадче, буръ мортъ, отдавъ менымъ: мэвоши и гула чыгъ-понда! (подплывай сюда скорѣе, добрый человѣкъ, помоги мнѣ: я заблудился и умираю съ голоду) Лодка приблизилась. Едва коснулась она носомъ берега, какъ я поспѣшно въ нее ввалился: куда и усталость дѣвалась.

— Коды тэ сэчэмъ? (кто ты такой) спросилъ меня зырянинъ, увидѣвъ вовсе не своего собрата, а какого-то чужака, невѣдомо какъ сюда забравшагося. Я объяснилъ ему о себѣ подробно и просилъ доставить къ товарищамъ на устье Щугора, обѣщая за это вознаградить его деньгами или порохомъ.

— Ничего не нужно *), какія тутъ деньги; на соль развѣ что дашь, и спасибо. Да и самому мнѣ туда же надо: я изъ села Усть-Щугора, пріѣзжалъ сюда рыбу ботать: вишь какихъ карасей наловилъ. И зырянинъ показалъ мнѣ дѣйствительно большаго, фунта въ полтора, карася, доставъ его изъ-подъ доски со дна лодки.

— Какъ же мы отсюда выйдемъ? спросилъ я.

— А вотъ все этой курьей; тамъ будетъ волока: лодку перетащимъ; вотъ вишь какая у меня для этого колесница. Въ лодкѣ лежали два колеса, выпиленные изъ толстаго

*) Находя не совсемъ удобнымъ для чтенія приводить въ разговорѣ зырянскія фразы, я буду передавать ихъ на одномъ русскомъ языкѣ, чего намѣренъ держаться и даѣе при моихъ послѣдующихъ встрѣчахъ съ зырянами въ этой повѣдкѣ.

кряжа и надѣтыя на деревянную грубо-обдѣланную ось, къ которой привязаны для тяги двѣ веревки въ родѣ постромогъ. Такіе скаты часто употребляютъ зыряне на волобахъ, когда приходится имъ перетаскивать лодки черезъ рѣчные перешейки или суходолы между озерами.

Перетаскивъ лодку въ разныхъ мѣстахъ раза три, наконецъ мы добрались до Печоры. Славу Богу, сердце стало на мѣсто.

— Далеко-ли отсюда до Усть-Щугора?

— Да чекмоса два слишкомъ будетъ.

Въ чекмосѣ семь верстъ. Далеко же забрался я, путаясь въ луговой низинѣ Припечорья, въ лабиринтѣ озеръ и болотъ.

Около полуночи подѣхали мы къ нашей стоянкѣ. На берегу у товарищей разведенъ былъ громадный пажокъ. Высокая, сутуловатая фигура Павла Дмитріевича ясно обрисовывалась противъ огня на темномъ фонѣ ночи.

— Ну, разодолжилъ! протяжно воскликнулъ Павелъ Дмитріевичъ, когда я, выдвинувшись изъ темноты и вступивъ въ кругъ яркаго свѣта, разливаемаго огнемъ, вдругъ явился передъ нимъ, какъ листъ передъ травой.

— Куда это тебя нелегкая занесла? — Мы до страсти перетревожились, думали — случилось что нибудь. Алексѣй и до сихъ поръ тебя ищеть: въ пятый разъ его послалъ!

— Да и то случилось: запутался въ озерахъ; и не выйдти-бы, если-бъ здѣшній рыболовъ, изъ Усть-Щугора, не помогъ, — отвѣчалъ я на вопросы Павла Дмитріевича, поспѣшно сбросивъ съ себя ягдташъ и съ наслажденіемъ повалившись на разостланную около костра полсть.

— Здѣсь это возможно; со мной въ этихъ же мѣстахъ года три тому назадъ такая оказія чуть не произошла, да я былъ съ промышленниками, такъ тѣ вывели. Изъ ума вонь предупредить тебя объ этомъ. Какъ же это ты, съ котораго мѣста запутался-то?

— Во-первыхъ, ѣсть давай что нибудь, я голодень, какъ акула!

— Гдѣ-же рыбакъ-то?

— Лодку привязываетъ. Дай - же Христа-ради чего нибудь перекусить!

— Угощу преотмѣнно: Алексѣй щуку фунтовъ въ десять вытащилъ на жерлицу, да я нару окуней выудилъ громаднѣйшихъ, что твои поросята: ушицу сварили первый сортъ. Сейчасъ разогрѣю.

И Павелъ Дмитріевичъ повѣсилъ котелокъ съ остатками ухи на колышекъ, по зырянски воткнутый наискось, надъ огнемъ.

Зыряне весьма опытные въ приспособленіяхъ при по-члегахъ подъ открытымъ небомъ, не дѣлають козловъ для котелка, какъ это водится у русскихъ, а втыкають въ землю колышекъ такимъ образомъ, чтобъ верхній конецъ его приходился какъ разъ надъ угольями. Повѣшенный на колышкѣ котелокъ удобнѣе тогда отводить отъ огня въ сторону, когда это бываетъ нужно.

Явился и проводникъ мой.

— Вотъ мой спаситель, рекомендую!

— Товарища моего отъ злой напасти спасъ!... спасибо дружище! Какъ тебя звать-то? обратился къ нему Павелъ Дмитріевичъ.

— Назаръ, изъ Усть-Щугора. Вишь въ курьяхъ заплутался: мѣстовъ здѣшнихъ не знаетъ, а я на этотъ разъ рыбу ботать выѣхалъ.

— Возьми, братъ, вотъ тебѣ за твою услугу цѣлковый: мало, прибавлю, сказалъ я, подавая Назару рублевую бумажку.

— На что мнѣ цѣлковый; не надо мнѣ твоего цѣлковаго, не стоитъ: по пути ѣхалъ; гривенникъ дай на соль да порошку малость.

Я далъ ему гривенникъ и пороху цѣлый фунтъ, чѣмъ Назаръ чрезвычайно остался доволенъ, благодарилъ много и искренно, подарилъ намъ пару большихъ карасей и, простившись, уѣхалъ.

Удовлетворивъ свой голодъ вдосталь ухомъ и затѣмъ напившись чаю, я сообщилъ Павлу Дмитріевичу подробно о своихъ странствованіяхъ.

— Чего-жь ты боялся безъ огня остаться; огонь всегда достать можно, когда ружье да порохъ есть: надави пороховой пыли, обваляй въ ней кудельный пыжь и выстрѣли легонькимъ холостымъ зарядомъ; пыжь затлѣтъ, а ты къ нему сухой травы подложи, раздуй—вотъ тебѣ и огонь.

— Знаю! Да въ тотъ разъ, когда отчаяніе меня пробирать начало, всякое соображеніе изъ головы вонъ повыскочило. Послѣ можетъ быть и обдумался бы. Но скажи пожалуйста — гдѣ же Алексѣй-то? какъ бы и онъ не заблудился?

— Не заблудится: не въ первые въ здѣшнихъ мѣстахъ да и *матка* *) съ нимъ.

— И я въ сущности не заблудился: Печора у меня была постоянно передъ глазами, въ какомъ направленіи наша стоянка—я зналъ, но запутался въ неизчислимомъ множествѣ озеръ и курей и не могъ найти изъ нихъ выходу; тоже можетъ случиться и съ Алексѣемъ, возразилъ я.

— Въ куряхъ онъ отыскивалъ тебя днемъ, а теперь пошелъ вверхъ по Щугору: нечего тревожится, придетъ — успокоивалъ меня Павелъ Дмитріевичъ, подкидывая на пажокъ дрова.

Глухая, тихая, звѣздная ночь. Впечатлѣніи ночнаго мрака прокрадываются въ душу, словно въ ней самой сгущается этотъ мракъ. Ни малѣйшій шелестъ не нарушалъ тишины. Закатился мѣсяцъ. За кругомъ свѣта отъ огня темнота ка-

*) Зырянскій карманный кошелекъ.

залась совершенно черною и непроницаемою; за то ближайшіе предметы къ огню освѣщались необыкновенно ярко, такъ что каждый листочикъ ветлы, подъ которою разложенъ былъ пажокъ, отчетливо обрисовывался въ воздухѣ. Вдругъ выстрѣлъ; эхо какъ-то глухо, отрывисто на него откликнулось и замерло,

— Это Алексѣй сигналъ подаетъ, замѣтилъ Павелъ Дмитриевичъ, взялъ мое ружье и выстрѣлилъ въ воздухъ. Спрячься!—скажу, что ты не пришелъ, напугаю его: — на поиски, молю, опять надо идти! то-то охать, да стонать будетъ.

— Притомился, братъ, я: не до того мнѣ, да и около огня такъ развалило, что и встать не хочется; какія тутъ прятки!

Черезъ четверть часа явился Алексѣй, увидѣлъ меня и обрадовался.

— Слава Богу, отыскался; гдѣ пропадали?

— Путался въ курьяхъ, кабы не зырянинъ здѣшній и не вышелъ бы.

Разказалъ я и Алексѣю какъ было дѣло. Пожалѣлъ и поахалъ онъ обо мнѣ, не менѣе пожалѣлъ и объ уткахъ, оставшихся зря, занапрасно на курьѣ.

— Не благословясь пошли; поглумилися надъ вами *вэрса*, а можетъ и *куль-ва* *) подшутили, добавилъ онъ въ заключеніе своихъ соболѣзнованій.

— Надо полагать, что они; а много ихъ здѣсь живетъ?

— На каждомъ мѣстѣ ихъ тьма тьмуца, особливо въ здѣшнихъ труппахъ имъ житье привольное, церквей мало, ну и варзаютъ.

— По этой части не знаешь ли ты чегонибудь такого? поразказалъ-бы!

— Со мной не случалось, а съ иными промышленниками

*) *Вэрса*—лѣшій, *куль-ва*—водяной.

всего бывало: блудились и пропадали, въ дома свои не возвращались. Многимъ Мортъ-юръ казался.

— Кто такой Мортъ-юръ?

— А безголовый человѣкъ такой ходитъ по рѣчкѣ, что въ Ылыздъ впадаетъ.

— Басня эта мнѣ знакома, заговорилъ Павелъ Дмитріевичъ, закуривши папирску и разлегшись рядомъ со мною на полсть; здѣсь Мортъ-юра мало знаютъ: преданіе объ немъ всецѣло хранится между жителями Печорскаго верховья. Тебѣ извѣстно, что Печора при выходѣ изъ Пермской губернии въ Вологодскую, въ тридцати верстахъ отъ знаменитой въ томъ краѣ Якшинской пристани, называется *Малою* Печорою. Это названіе она удерживаетъ за собою до впаденія въ нее рѣки Ылыдзи, которая течетъ, какъ и Щугоръ же, отъ Уральскаго хребта и, не уступая по обилію воды самой Печорѣ, увеличиваетъ эту рѣку отъ слиянія съ нею болѣе нежели вдвое, такъ что послѣ впаденія Ылыдзи Печора называется уже *Большою*. Въ Ылыздъ, версть около полтораста вверхъ отъ ея устья вливается небольшая, извилистая и быстрая рѣка Мортъ-юръ.

— Постой, однако-жь, какъ же это: то Мортъ-юръ — безголовый человѣкъ, то рѣка? не понимаю.

— А вотъ слушай! Мортъ-юръ въ прямомъ переводѣ значитъ *человѣчья голова*. Давно тому назадъ рѣчка эта была безымянная. На берегахъ ея началъ появляться безголовый человѣкъ; съ тѣхъ поръ она и получила названіе Мортъ-юръ. Почему появлялся безголовый человѣкъ на берегахъ этой рѣчки рассказываютъ слѣдующее преданіе. Когда-то два товарища-промышленника охотились тутъ на птицу и разнаго звѣря. Одному изъ нихъ случилось необыкновенно: много убилъ онъ рябчиковъ, куницъ, бѣлокъ, даже нѣсколько штукъ соболей хранилось у него при ночлежномъ пивзанѣ въ *щамъ* *)

*) Щамъ я — амбарчикъ на столбѣ для склада дичи и провизіи.

за своими мѣтками. Другому вовсе несчастливо: измученный, усталый и постоянно съ пустыми руками возвращался онъ на мѣсто ночлега и, видя необыкновенную удачу своего товарища, началъ сильно завидовать ему. Кончилось тѣмъ, что неудачно охотившійся промышленникъ убилъ своего товарища въ то время, когда тотъ наклонился къ рѣчкѣ пить, отрубилъ ему голову, далеко забросилъ ее въ чашу лѣса, а трупъ столкнулъ въ воду. Съ тѣхъ поръ обезглавленный человѣкъ ищетъ въ темныя осеннія ночи своей головы, пугая случайно заходящихъ на рѣчку Мортъ-юръ промышленниковъ.

— По поводу Мортъ-юра со мною въ тѣхъ мѣстахъ случилось небольшое приключеніе, продолжалъ Павелъ Дмитріевичъ; это было лѣтъ пять-шесть тому назадъ, въ самый разгаръ лѣсной дѣятельности Латкина и компаніи, сгубившей множество пѣчорскихъ лѣсовъ, заготавливаемыхъ для заграничнаго отпуска почти что несостоявшагося. Въ то время работалъ здѣсь уполномоченный отъ компаніи нѣкто Газе, господинъ характера твердаго и воли несокрушимой, имѣвшій желѣзное терпѣніе прожить много лѣтъ безвыѣздно въ лѣсахъ припечорья. Лиственничный лѣсъ цѣнныхъ сортиментовъ въ среднемъ Печорскомъ бассейнѣ подобрался. Газе командировалъ меня на развѣдки въ верховья Печоры, поручивъ сколь возможно далѣе подняться по Ылдызи и осмотрѣть рѣчки въ нее вливающіяся, въ особенности Мортъ-юръ, гдѣ, какъ намъ сказывали, сохранилось много хорошаго лиственничнаго лѣса. Въ здѣшнихъ широтахъ лѣтнія ночи почти непримѣтны: читать очень мелкую печать въ нихъ можно насквозь; но осенью ночи бываютъ до того темны, что не уступаютъ знаменитымъ воробьинымъ ночамъ Малороссіи. Можешь себѣ представить какой мракъ въ такия ночи покрываетъ воды маленькой рѣчки, излучисто текущей по дремучему лѣсу и надъ которой между деревьями

прорѣзывается лишь узенькая полоса небснаго свода. Небесный же сводъ въ эту пору не теплится ни одной звѣздочкой, а бываетъ покрытъ густымъ слоємъ тучъ, изъ которыхъ сыплется не дождь, а какія - то мелкія - премелкія, частыя насквозь пронизывающія капли—*жмычка*, какъ называютъ промышленники.

— Была уже глубокая осень, когда я съ четырьмя рабочими отправился вверхъ по Печорѣ, по которой предстояло проѣхать до устья Ыльдыя восемь зырянскихъ чемкосовъ или пятьдесятъ шесть верстъ съ небольшимъ хвостикомъ, при переложеніи чемкосовъ на версты. Изъ числа рабочихъ на моей лодкѣ одинъ по имени Пэдеръ (Федоръ) не былъ печорскій уроженецъ, но зашелъ сюда изъ любознательности съ Удоры, другой зырянской стороны, лежащей въ сѣверо-восточной части Яренскаго уѣзда по рѣкамъ Вашкѣ, Елвѣ и Ирвѣ. Удорскіе зыряне во многомъ отличаются отъ зырянъ обитателей Печоры, Вычегды, Сысолы и Лузы; даже языкъ ихъ имѣетъ много особенностей, не вполнѣ понятныхъ не туземцамъ. Пэдеръ отличался совершеннымъ отсутствіемъ суетвѣрія, что великая рѣдкость между зырянами, и страстной охотой къ пѣнію. Это послѣднее достоинство онъ выказалъ ранѣе чѣмъ скрылись отъ насъ крайніе дома поселенія праваго берега Мылвы. Голосъ пѣвца былъ чрезвычайно чистый и пріятный теноръ. Сначала я не могъ разобрать длинной протяжной пѣсни, которую пѣлъ онъ, хотя напѣвъ напоминалъ извѣстную русскую пѣсню: «зеленая ивушка». Когда же велушался хорошенько въ его тонкіе протяжные и какъ бы ласкающіе звуки, усвоилъ нѣсколько словъ изъ пѣсни, то понялъ, что это точно была «ивушка», буквально переведенная на зырянскій языкъ. Замѣчательно, что у зырянъ нѣтъ родныхъ пѣсенъ. Душевные восторги изліянія горя и радости не отразились у нихъ въ пѣснѣ, для которой оказался слишкомъ бѣднымъ ихъ языкъ. Вообще же

зыряне пѣть очень любятъ, но поютъ русскія пѣсни, часто не понимая ихъ словъ.

«Въ два дня мы проѣхали по Ылыдзѣ пятнадцать зырянскихъ чемкосовъ, или сто русскихъ верстъ съ походцемъ, и достигли наконецъ устья таинственного Мортъ-юра, имѣющаго при впаденіи до пятнадцати сажень ширины. Въ продолженіи этихъ двухъ дней ничего особеннаго съ нами не случилось, только множились и плодились рассказы о походахъ безголоватаго человѣка, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту его воображаемаго появленія, и часто слышались въ носу или кормѣ лодки, смотря по мѣсту, гдѣ собиралась компанія, извѣстныхъ восклицаній: «ну вотъ, ладно, хорошо»! непремѣнно сопровождающія каждый зырянскій рассказъ, да скептическія замѣчанія невозмутимаго Пэдера, оканчивавшаго всякое мудреное повѣствованіе словомъ; *пэрьяланъ*—надуваешь, обманываешь. Напрасно мой краснорѣчивый лоцманъ—Иванъ Казаковъ, приводилъ множество примѣровъ и доказательствъ, напрасно говорилъ, что „*ачисъ синтэмъ старикъ вичкодорысъ адзильсъ* — самъ слѣпой старикъ изъ погоста видѣлъ“. Непремѣннымъ слѣдствіемъ рассказа изъ усть невѣрующаго и неумолимаго Пэдера было тоже: «нэрьяланъ, вокъ, пэрьяланъ» — надуваешь, братъ, надуваешь. Ужъ какъ онъ его не уговаривалъ, сколько ни называлъ Пэдера и «сѣ шайтъ Удорысь»—сто рублей съ Удоры, и «зарни мортъ», — золотой человѣкъ, Пэдеръ не поддавался, а мы все ѣхали, да ѣхали вверхъ по Ылыдзѣ».

«Въ устьѣ Мортъ-юра сдѣлали привалъ, зажарили на сковородѣ и съѣли нѣсколько шанегъ, лепешекъ изъ пшеничной муки на коровьемъ маслѣ (любимое кушанье зырянъ) и, отдохнувши хорошенько, отправились по Мортъ-юру противъ извилистаго и довольно быстрого теченія».

«Въ концѣ первыхъ сутокъ плаванія по этой рѣчкѣ насъ застала темная, непроглядная ночь. Ни одной звѣздочки на

облачномъ небѣ, а на водѣ мракъ и тьма такіе, что съ кормы не видно было мачты, стоявшей на концѣ берестяной палубы. Плыли молча; рассказы прекратились, даже Пэдеръ пересталъ мурлыкать свою любимую «ивушку», какъ вдругъ на лѣвомъ берегу посреди непроницаемаго мрака сверкнулъ огонекъ. Жилья не было на сотни верстъ кругомъ, зырянамъ-промышленникамъ было еще рано заходить въ глубь лѣсовъ, и у всѣхъ на языкѣ шевелилось слово Мортъ-юртъ а, лоцманъ Иванъ Казаковъ многозначительно толкнулъ Пэдера и благоразумно надвинулъ лузанъ (наплечникъ изъ домашняго сукна съ внутренними сумами—спереди и сзади—для склада дичи) себѣ на голову... Весла перестали дѣйствовать, руки гребцовъ невольно опустились и лодка остановилась...

— «Мый оны кэрны? Что темеръ дѣлать? спрашивали шепотомъ другъ у друга испуганные зыряне.—«Омель дѣля якшасьны Мортъ-юръ кодъ — плохо имѣть дѣло съ Мортъ-юртомъ. Пэдеръ схвативъ свою длинную винтовку-моржовку, выскочилъ на берегъ и исчезъ по направленію къ огню. Посреди мрака и тишины не было слышно ни малѣйшаго шелеста шаговъ удалого удорца; онъ ползъ какъ умѣютъ ползать только зыряне-промышленники, подбираясь къ дорогой добычѣ. Вся компанія притаила дыханіе и съ нетерпѣніемъ ожидала,—что будетъ. Черезъ четверть часа самаго напряженнаго ожиданія, посреди торжественной тишины, оставшіеся на лодкѣ услышали глухой окликъ, обыкновенный между зырянами: «кодъ крещеный»? кто крещеный? сперва глухо, протяжно, потомъ съ угрожающимъ выраженіемъ, и на минуту все смоякло... Затѣмъ раздѣлился огонь на двѣ свѣтлыя точки, которыя быстро стали приближаться къ лодкѣ. Лоцманъ Иванъ не вытерпѣлъ и оттокнулъ лодку отъ берега, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Вскорѣ показались на берегу три темныя фигуры: двѣ большія съ

головнями въ рукахъ и третья поменьше. Въ одной компаніи узнала своего Пэдера, другая принадлежала неизвѣстному охотнику, а третья—собакѣ.

— Кодъ? (кто) спросилъ дрожащимъ голосомъ нашъ лоцманъ. И на этотъ спросъ спокойный голосъ Пэдера отвѣчалъ:

— Нинэмъ! таэ Филиппъ Саваягъ-ысъ»; — ничего это Филиппъ изъ савиноборской деревни.

Дѣйствительно это былъ промышленникъ Филиппъ, заплутавшійся на лѣсовѣ, потерявшій матку и на удачу шедшій къ Печорѣ.

— Убѣдились ли послѣ этого твои спутники, что Мортъ-юръ существуетъ только въ воображеніи.

— Нисколько: случай остался самъ по себѣ; а вѣра въ Мортъ-юръ сама по себѣ, тѣмъ болѣе, что и Филиппъ, присоединившійся къ нашему экипажу, поддержалъ эту басню своими убѣжденіями. Но подобныя розказни,—продолжалъ Павелъ Дмитріевичъ, великолѣпно знавшій зырянскій край,—какъ исторія о Ягъ-мортѣ и Мортъ-юрѣ неудивительны между жителями пустынныхъ и обширныхъ лѣсовъ припечорья, гдѣ такой широкій просторъ для фантазіи. Но вотъ что изумительно, что между здѣшнимъ населеніемъ упорно держатся преданія о разбойникахъ и кладахъ. Основательно сомнѣваться, что въ такой странѣ, какъ печорскій край, дикой и лѣсистой, малонаселенной и бѣдной по торговымъ и промышленнымъ оборотамъ, существовали шайки разбойниковъ, отнимавшія плоды тяжелыхъ и дальнихъ странствованій бѣднаго зырянина. Однакъ, по преданіямъ, разбойники были, а это наводитъ на мысль, что здѣсь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойниковъ не заведутся даромъ въ отдаленной глухой трущобѣ; имъ нечего тутъ дѣлать. Вѣроятно въ старину, во времена участія великаго Новгорода въ ганзейской торговлѣ, по р.р.

Сухонѣ и Вычегдѣ шли черезъ переволокъ между Мыльями на Печору и въ Сибирь европейскіе товары и по этому же пути вывозились произведенія зауралья. Такимъ же образомъ двигалась торговля черезъ р.р. Сось, Усу — по Печорѣ, Ижмѣ и Ухтѣ черезъ переволокъ на р. Вымѣ по Вычегдѣ и Сухонѣ къ великому Новгороду. Есть еще старинное преданіе о древнемъ торговомъ пути отъ Каспійскаго моря къ сѣверному океану; онъ будто бы тянулся по Волгѣ и Камѣ черезъ Чердынь на р. Вычегду и оттуда къ устью Двины и даже Печоры. Вѣроятность торговли въ прежнія времена въ Печорскомъ краѣ оправдывается еще тѣмъ, что находили здѣсь во многихъ мѣстахъ болгарскія серебряныя монеты; иначе какъ бы онѣ могли быть занесены на глубокой сѣверь.

— Рассказываютъ, что главнымъ притономъ разбойниковъ были рѣки Ыльдызъ и малая Печора, гдѣ они безъ боязни совершали свои кровавыя дѣла. И до сихъ поръ двѣ или три крутоберегія рѣчки, впадающія въ Ыльдызъ и Печору, называются разбойничьими. Зырянскія сказанія насчитываютъ довольно много разбойничьихъ именъ; я скажу тебѣ только объ нѣкоторыхъ:

«Сухановъ грабилъ сначала отдаленныя отъ Печоры страны и, говорятъ, доходилъ до Казани. Шайба его состояла изъ пятидесяти человекъ. Преслѣдуемые правительствомъ, они кинулись въ сѣверные лѣса, гдѣ и заблудились. Сухановъ для спасенія своей шайки и себя, далъ обѣтъ — въ первую рѣку, которая попадетъ, всыпать золото и въ первую церковь сдѣлать вкладъ, и потомъ жить смирно».

«Послѣ такого обѣщанія, первая попавшаяся рѣка была Ыльдызъ, въ которую разбойники высыпали мѣшокъ денегъ и положили подъ сосну вкладъ. Затѣмъ пришли они въ Печорскій погостъ, гдѣ и жили сперва нѣсколько дней мирно; но потомъ двое эсауловъ не выдержали и нанесли какое-то

оскорбленіе жителямъ. Атаманъ, по разсказамъ однихъ, въ негодованіи на дурной поступокъ своихъ подчиненныхъ, убилъ эсауловъ, а шайка, возмутившись на это, убила своего атамана. По разсказамъ другихъ, одинъ изъ эсауловъ Суханова, лично недовольный имъ, подговорилъ шайку убить своего предводителя, выбралъ удобное время и напалъ на Суханова съ возмутившимися разбойниками, которые окружили его со всѣхъ сторонъ, но онъ перескочилъ черезъ всю шайку и кинулся къ водѣ. Атамана не допустили до воды, схвативъ огромнымъ багромъ. Его долго и варварски мучили, наконецъ закопали живого въ землю по шею и продержали такъ трое сутокъ. Выкопанный и истерзанный, онъ попросилъ, чтобы его застрѣлили въ щеку. Убитаго разбойника похоронили близъ Печорскаго погоста, въ урочищѣ Пэ-ла-му (Дѣдушкино поле); нынѣ оно снесено водою».

«Другой разбойникъ—Тыль-Пурь-Якъ былъ крестьянинъ Устьсыольскаго уѣзда, Деревянскаго общества; онъ имѣлъ небольшую шайку и грабилъ суда, плававшія по малой Печорѣ и по Блудзю. Въ шайкѣ его былъ эсауломъ какой-то Антонъ. Разсорившись съ атаманомъ онъ отрубилъ ему голову и, принявъ начальство надъ шайкою, сталъ грабить по Печорѣ. Въ деревнѣ Подчерской онъ завелъ себѣ притонъ, въ который по временамъ приходилъ даже одинъ. Боясь грознаго разбойника, въ особенности ножа его, съ которымъ онъ никогда не разставался, крестьяне не смѣли взять Антона. Но однажды во время сна атамана пріятель его похитилъ изъ-подъ подушки ножъ и передалъ его крестьянамъ, которые утопили Антона въ четырехъ верстахъ отъ деревни Подчерской».

«Эти-то и другіе болѣе отдаленные разбойники, нѣкогда грабившіе по Печорѣ, зарывали въ землю свои сокровища, съ разными заклинаніями, и потому преданій о кладахъ здѣсь очень много. Особенно много говорятъ даже въ настоящее

время о кладѣ на горѣ Лазь-чукъ, близъ Троицкаго погоста, подъ тремя березами, посаженными на курганѣ. На рѣчкѣ Даць, впадающей въ Ыльдзь, говорятъ есть кладъ, который будто бы стережетъ медвѣдь, беспощадно разтерзывающій всякаго посягающаго овладѣть скрытымъ сокровищемъ. На рѣчкѣ Юкъ-со, впадающей тоже въ Ыльдзь, подъ старымъ кедромъ зарытъ цѣлый сундукъ съ золотомъ. На кедрѣ сдѣланы зарубины: сверху одна большая, продольная, означающая атамана, съ обѣихъ боковъ, внизу двѣ параллельныя—его эсауловъ и потомъ еще сорокъ продольныхъ, въ два ряда,—это число разбойниковъ составляющихъ шайку. Объ этомъ кладѣ ходитъ въ народѣ особенная записка».

Подъ рассказы Павла Дмитриевича, Алексѣй давнымъ давно уже всхрапывалъ, да и меня начала клонить дрема. Подложивъ дровъ на пажокъ, мы завернулись въ дорожные драповые плащи и спокойно улеглись на сонъ грядущій.

Когда проснулись, солнце стояло уже высоко; подувалъ довольно крѣпкій сѣверо-западный вѣтерокъ, Алексѣй кипятилъ воду въ котелкѣ на кашницу, для которой на доскѣ, принесенной изъ лодки, лежалъ совсѣмъ распластанный и вычищенный глухарь. Чайникъ, висѣвшій надъ огнемъ на другомъ колышкѣ, пофыркивалъ кипяточкомъ изъ рыльца. Сейчасъ-же заварили чай и доставъ изъ погребца стеклянку сливокъ отъ бѣшеной коровы (коньяку), усидѣли съ ними всласть стаканчика по три. Затѣмъ приготовили кашницу, вродѣ супа, съ овсяною крупкою и съ подправкою соленымъ свинымъ саломъ, — очень вкусное, никогда непрѣдающееся и скороспѣлое горячее въ пути, изжарили подаренныхъ Назаромъ карасей и плотно всѣмъ этимъ насытившись, уложились въ лодку и двинулись вверхъ по Щугору. Такъ какъ вѣтеръ стоялъ попутный, то мы распустили парусокъ. Небольшая, но все-таки помощь для гребли.

Версты три или четыре мы бѣжали Щугоромъ между

низменными берегами, состоящими из наносной равнины, покрытой то группами березы, то кустами раkitника. Далѣ берега стали возвышаться, растительность перешла въ хвойную, въ береговыхъ отсыпяхъ и по заплеску рѣки часто начали встрѣчаться камни и темносѣрый кристаллическій известнякъ. Теченіе воды пока держалось еще весьма тихое. Скоро мы приплыли къ рыболовной *стѣжъ*, или зашрудѣ, устроенной поперегъ рѣки, вплоть отъ берега до берега. Мы нашли здѣсь двухъ рыбаковъ-зырянъ изъ Усть-Щугора, постоянно живущихъ на сѣжѣ въ своемъ промышленничьемъ *пызванѣ* *). Встрѣча намъ была самая дружеская, искренняя, привѣтливая. Мы не могли отдѣлаться отъ ухи изъ свѣжей лоховины. Зыряне въ промышленничьемъ отшельничествѣ всегда отъ души рады стороннимъ людямъ, вносящимъ своимъ нечаяннымъ появленіемъ какую нибудь живую струйку въ ихъ одинокую однообразную жизнь. Разговорами и распросами при этомъ нѣтъ конца.

— Какъ въ нынѣшнемъ году удаченъ вашъ ловъ? спросилъ одного изъ рыбаковъ на сѣжѣ.

— Не конченъ еще: артели вверху, не знаемъ, что Богъ дастъ; а въ морды ничего себѣ идетъ изрядно, лучше лонишняго.

— Прибыленъ ли былъ весною семожный промыселъ? много ли добыли?

— Да пудовъ полтора на двѣ артели добыли. Продали по четыре рубля за пудъ. Цѣна бы ничего, но рыбы куда меньше стало противъ прежнихъ годовъ, и сравнить нельзя, и рыба мельче: нынѣ пудовая-то семга на рѣдкость, а прежде зачастую попадались.

— Четыре рубля за пудъ семги — это дешево. Печорскую семгу продаютъ въ Вологдѣ отъ 12—16 руб.

*) Пызванъ — ночлежная избушка.

— Да это не вешнюю; это осеннюю продають по такой-то цѣнѣ. За вешнюю дорого взять нельзя: засоль не тотъ.

— Долго-ли сидите на затонѣ, или снимаете его, какъ кончатъ неводить?

— До заморозковъ сидимъ, пока не покажется шуга (ледь). Рыба все идетъ понемногу.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимались отъ затона выше по Щугору, течение становилось все быстрѣе и берега рѣки отвѣснѣе, принимая все болѣе скалистую форму. Кристаллическій известнякъ въ нихъ являлся въ значительномъ содержаніи и притомъ такой твердости, что при ударѣ давалъ искру. Выходя часто на берегъ для ислѣдованія наслоеній, я находилъ здѣсь чрезвычайно много различныхъ окаменѣлостей. Обрывистыя, очень высокія каменные скалы, посреди плоскихъ окрестностей, представляютъ изъ себя видъ разсѣлины, сквозь которую напоромъ горныхъ водъ прорвалась рѣка. Таковы почти всѣ притоки Печоры, берущіе начало съ Уральскаго кряжа. Нерѣдко возвышенные каменные берега Щугора, переходятъ въ плоскіе наносы песка, и валуновъ известняка, кварцита и метаморфическихъ сланцевъ. Вѣроятно въ такихъ мѣстахъ въ древнія, историческія времена бушевали здѣсь громадной величины и неизмѣримой глубины озера, обставленные, какъ фортами, каменными утесами.

Все труднѣе дѣлалась гребля. Лодка подвигалась медленно впередъ. Гдѣ было возможно—шли бечевою. Часу въ пятомъ пополудни мы достигли устья небольшой рѣчки, впадающей въ Щугоръ съ лѣвой стороны. Здѣсь мы рѣшили переночевать, благо мѣсто удобное и ютное. Правый берегъ рѣчки изображалъ довольно высокую скалу, съ глубокой впадиной, полого склоняющейся къ водѣ. Въ этой впадинѣ, подъ защитою скалы, мы и основали свою стоянку.

Приготовивъ все для ночлега, закусивъ и напившись

чаю, мы съ Алексѣемъ возымѣли намѣреніе сходить хоть недалеко вверхъ по рѣчкѣ. По правому ея берегу тянулась тропа, проложенная несомнѣнно промышленниками къ своимъ охотничьимъ путикамъ. Мы отправились по этой тропѣ. Чѣмъ далѣе мы поднимались вверхъ, тѣмъ глуше и угрюмѣе становился лѣсъ. Наконецъ мы зашли въ совершенно глухой боръ, раскинувшійся по равнинѣ. Громадныя сосны, ели, лиственницы высоко поднимали свои вершины, сплетаясь ими въ едва проникаемый для свѣта зеленый сводъ. Этотъ исполинскій лѣсъ поразилъ насъ своею величавою растительностію, воистину достигшею своего апогея на дальнемъ свѣрѣ. Тихо въ немъ, мертво, беззвучно, но несмотря на это онъ какъ-то давить массой жизни, неслышно, незамѣтно обступаящей со всѣхъ сторонъ... Тропа уклонилась отъ рѣчки влѣво. Пройдя версты двѣ боромъ, мы натолкнулись на подошву горной вызвышенности. Лѣсъ порѣдѣлъ и понизился. Встрѣчались кедры со множествомъ шишекъ. Орѣхи ихъ еще не впислнѣ налились ядромъ. Собираніе кедровыхъ орѣховъ (меледы) доставляетъ здѣшнему населенію немаловажный доходъ; лѣтъ тридцать тому назадъ, когда кедровыхъ лѣсовъ было больше, промыселъ кедровыми орѣхами былъ едва-ли не выгоднѣе всѣхъ другихъ промысловъ Припечорья. Теперь онъ уменьшился болѣе чѣмъ на половину, чему виною сами зыряне, весьма неэкономично обращающіеся съ плодоносными кедровыми деревьями. Отыскавъ кедръ съ орѣхами, они, вмѣсто того, чтобы взлѣзть на него и осторожно оборвать шишки, срубаютъ дерево, обламываютъ тѣ вѣтви, на которыхъ больше шишекъ и складываютъ ихъ въ большую кучу, которую старательно прикрываютъ хвоей — отъ кедровки, великой любительницы и похитительницы кедровыхъ орѣховъ. Стоитъ только кедровкѣ отыскать такой складъ, она непременно перетаскаетъ всѣ шишки въ свою кладовую про запасъ на зимнее продовольствіе. Бѣлки тоже любятъ кедровые орѣхи

и также заготавливают ихъ для себя въ дуплахъ деревьевъ и гойнахъ. Замѣчательно, что какъ кедровка, такъ и бѣлка запасаютъ орѣхи самые лучшіе, крупные и непремѣнно съ полнымъ ядромъ. Зыряне старательно отыскиваютъ такіе запасы и обращаютъ ихъ въ свою собственность, нерѣдко вынимая изъ дупла по четверику и болѣе превосходѣйшихъ орѣховъ. Обломавъ срубленный кедръ, промышленники отыскиваютъ слѣдующій кедръ, съ которымъ поступаютъ такимъ же образомъ. Потомъ на возвратномъ пути сгруживаютъ все шишки въ общую массу и переправляютъ къ домамъ, гдѣ и выщелучиваютъ изъ шишекъ орѣхи. Ежегодно срубая въ громадномъ количествѣ кедръ, крестьяне уничтожили ихъ въ настоящее время почти въ конецъ, такъ что теперь хорошее кедровое дерево встрѣчается весьма рѣдко. Попавшіеся намъ кедръ были невелики — молоднякъ съ мелкой шишкой.

Поднявшись футовъ на триста на гору мы добрались до такой высоты, которая господствовала надъ окрестностями. Видъ открылся прелестный: темнымъ моремъ растиался передъ ногами лѣсъ; на востокъ въ отдаленіи вырѣзывался Уралъ—дикая каменная гряда, состоящая изъ беспорядочно перемѣшанныхъ между собою пиковъ, протянутыхъ длинными зубчатыми рядами и изъ шапокъ съ растрескавшимися вершинами. Зареве заката горѣло на верхушкахъ лѣса. Золотистые переливы солнечныхъ лучей причудливо играли на горныхъ вершинахъ. Гдѣ-то шумѣлъ водопадъ. Дерево треснуло: такъ, само по себѣ, или сломался сухой сукъ подъ ногами тяжелого звѣря. Рѣзко, необычно раздался этотъ трескъ и снова глухая тишина, лишь нарушаемая издали доносившимся звукомъ журчащей воды...

На возвратномъ пути мы вышли на новую тропу. Она шла влѣво по направленію къ ручью. Мы пошли по ней и скоро попали въ гряду того-же дремучаго бора. Съ высокой ели слетѣло большое стадо красныхъ птицъ.

— Что это за птица? спросилъ я Алексѣя...

— А клесты *). Здѣсь ихъ много. Дичина тоже: пещорцы ихъ промышляютъ и доставляютъ въ Чердынъ, Вятку и Устьсысольскъ. Въ пирогахъ куда хороши.

— На такую маленькую и выстрѣла то жаль. Стоитъ ли ихъ промышлять?»

— Гдѣ-же стрѣлять! не стрѣляютъ; силами ихъ ловятъ. Тьму налавливаютъ.

— Какъ же это: на деревьяхъ разставляютъ?

— Нѣтъ не на деревьяхъ; иначе ловятъ: зимой, какъ поуглубится снѣгъ, клестъ сдается къ жилью, по опушкѣ еловыхъ лѣсовъ держится, по тѣмъ деревьямъ, на которыхъ больше еловыхъ шишекъ. Для ловли выбираютъ рѣдколѣсье и нагребаютъ на немъ изъ снѣгу небольшіе холманчики. Потомъ холманчики эти обливаютъ краснымъ квасомъ. На вершину крестъ-на крестъ вдавливаютъ бруски съ силами изъ волоса. Клесты, какъ увидятъ красное, такъ цѣлымъ стадомъ и спустятся на холманчикъ, начинаютъ на немъ бѣгать, рыться и попадаютъ въ силъя. Большіе за этой птицей не ходятъ; ребятишки балуются,—это ихнее рукодѣлье. Дѣло-то не больно мудреное, а приучаются черезъ него къ лѣсу, къ промыслу приохачиваются.

Вышли на берегъ ручья. Сдавленный песчаными крутыми берегами, онъ бойко летѣлъ по переборамъ. Мѣстами появлялись омутки, въ которыхъ вода завиткомъ вертѣлась на одномъ мѣстѣ. Въ одномъ омутѣ сильно взметнулась какая-то большая рыба.

— Щука, должно быть, замѣтилъ я, обративъ вниманіе Алексѣя на всплескъ рыбы.

— Кто ее знаетъ: можетъ быть щука, а не то и лохъ.

— Ну какой тамъ лохъ: зачѣмъ ему забираться такъ высоко въ мелкую рѣчку.

*) Loxia.

— Что вы, помилуйте: да вы не знаете, что это за рыба: въ такія-ли мѣста она забирается—повѣрить трудно; чуть протокъ маленькой, только бы вода сочилась, да изрѣдка котловинки были,—скачкомъ, въ припрыжку, а ужъ заберется въ самый верхъ и лежитъ себѣ, какъ борось.

— И большіе?

— Большиціе, фунтовъ по пятнадцати, по двадцати. Рыбаки по маленькимъ потокамъ забиваютъ заязки и ставятъ верши. Когда начнутся осенью паводки, лохъ двинется внизъ и попадаетъ. А то по котловинкамъ и острогою бьютъ: вода въ рѣченкахъ чистая, видно до послѣдняго камушка, большую рыбу осмотрѣть легко, сейчасъ ее и на острогу... Много лоховины такъ налавливаютъ—и самой лучшей, жировой. На вольныхъ водахъ она выгуливается, а въ тѣсотѣ то до того тучнѣетъ, что какъ облитая саломъ. Изъ кишокъ жиру много натапливаютъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли къ пажку. Павелъ Дмитриевичъ возился съ ухою. Выглядѣвъ въ рѣчкѣ на переборѣ много харьюзовъ, онъ ухитрился учинить великолѣпное уженье ихъ, на сваренный яичный бѣлокъ, насаживая его маленькими кусочками на крючекъ.

— И хорошо брались? полюбопытствовалъ я.

— Удивительно! только успѣвай закидывать. Одно бѣда: худо держится на крючкѣ бѣлокъ, часто насадку срывали.

— Сколько же выудилъ?

— Да штукъ около тридцати накидалъ. Кромѣ ухи будетъ еще на жаркое.

На другой день, часовъ въ семь утра, достигли мы чрезвычайно живописнаго мѣста на Щугорѣ, извѣстнаго подъ именемъ Ульдоръ-Кырта (желѣзные ворота). Довольно широкая рѣка вдругъ сжимается съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами представляющими видъ настоящихъ воротъ. Стѣны эти тянутся сажень на пятьдесятъ, поднимаясь отъ 100 до 150 фу-

товъ. Онѣ состоятъ изъ бѣлаго, превосходно вывѣтрившагося известняка. Теченіе въ проходѣ воротъ необыкновенно быстрое: громко ревѣла здѣсь рѣка, наполняя окрестность глухимъ однообразнымъ шумомъ. По обѣимъ сторонамъ лодки, вода стремилась неудержимо, неся мимо насъ ключья пѣны. Мы гребли съ Алексѣемъ изо всѣхъ силъ. Лодка подавалась медленно, по куриному шагу. Въ самыхъ узкихъ мѣстахъ вода яро кружилась и разбиваясь и пѣнясь, массой кидалась по теченію и злобно шипя, клокотала въ подмонахъ отвѣсныхъ стѣнъ. Когда мы, наконецъ, выбились изъ воротъ и выѣхавъ на болѣе покойное мѣсто, взглянули на Ульдоръ-Кырта, то поражены были слѣдующею картиною: начиная съ самаго узкаго мѣста каждый пластъ известняка въ воротахъ отходилъ въ сторону далѣе предшествующаго ему, отъ чего ворота кажутся устроенными какъ-бы изъ натуральныхъ кулисъ. Самые пласты обнажены, гладки и ослѣпительно бѣлы, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежуткахъ между ними по разсѣлинамъ и трещинамъ, сбѣгаютъ въ нихъ зеленыя полоски дерна и кудреватаго кустарника, украшая, бѣлыя стѣны натуральными гирляндами. Черезъ узкій просвѣтъ воротъ, какъ сквозь камешныя рамы, видна по ту сторону широкая гладкая равнина рѣки; по ней, какъ бѣлые лебеди, плыли въ разныхъ мѣстахъ комья вздувшейся пѣны. Въ отдаленіи темный лѣсъ замыкалъ ландшафтъ. Въ плесѣ передъ воротами, гдѣ мы находились теперь, рѣка раскинулась въ великолѣпнѣйшій, широкій, гладкій, какъ зеркало-бассейнъ, обрамленный громаднымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Цѣлый день мы плыли между береговъ, состоящихъ то изъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, то изъ плоской лѣсистой равнины. Изрѣдка попадались намъ небольшія стада нырковъ, подпускали близко, но мы не стрѣляли ихъ: и безъ того былъ великъ запасъ дичи. За кормою лодки пускали мѣстами блесну: раза два садилась на нее щука, да какъ-то сры-

валась: плохо закрючивало. Разъ надъ головою перелетѣлъ громадный величины глухарь и скрылся въ зубчатыхъ вершинахъ лѣса.

— Вотъ глушь - то Павелъ Дмитріевичъ, живой души нѣтъ, а какія мѣста: не налюбуйешься: съ каждымъ поворотомъ рѣки все новые виды—одинъ другого лучше.

— И ни одного жилья: вотъ это грустно. Не люблю я безлюдныхъ мѣстностей, съ признакомъ досады и скуки отвѣчалъ мнѣ мой спутникъ.

— За то, по словамъ Алексѣя, другихъ жителей здѣсь пропасть: духовъ разныхъ—злыхъ и добрыхъ, въ водахъ и лѣсахъ и въ разсѣлинахъ скалъ. Много, чай, рассказовъ объ нихъ ведется между мѣстными жителями.

— Небогата этимъ фантазія здѣшнихъ зырянъ, хоть поле, казалось бы, для всякой чертовщины, тутъ и широкое. Прожилъ я нѣсколько времени въ Олонецкой губерніи, тоже въ лѣсной сторонѣ, между промышленниками: тамъ, куда больше басенъ про разныя чудесныя приключенія; и изъ нихъ есть весьма интересныя легенды, хоть баллады пиши.

— Не припомнишь ли?

— Какъ не припомнить; вотъ, напримѣръ, слѣдующая: «Пошелъ одинъ охотникъ осенью въ лѣсъ за бѣлками *). Долго онъ ходилъ по лѣснымъ трупамъ и уремамъ, но не только ничего не убилъ, но даже нигарого звѣря, ни дичи не видалъ. День выдался дождливый, охотника промочило насквозь. Задумалъ онъ вернуться домой и идетъ мимо небольшой полянки въ самомъ глухомъ лѣсу. Смотрить, а на самой серединѣ полянки стоитъ лисица, хорошая-расхорошая и что-то роетъ лапой. Остановился мужикъ, осторожно приловчился винтовкой къ деревцу и выстрѣлилъ: лисица перекувырнулась—и духъ вонъ. Подбѣжалъ охотникъ къ звѣрю,

*) Минорскій. Олонец. Сбор. 1875--1876 гг .

взялъ его, притащилъ подъ ель, разложилъ пажокъ и началъ сдирать шкуру. Выстрѣлъ былъ чудесный: пуля пробила грудь и въ крестцѣ вышла вонъ: «Славно угодилъ!» подумалъ мужикъ и повѣсилъ шкуру на сучекъ надъ огнемъ, чтобы попровяла, и самъ послѣ этого началъ закусывать. Поднялся вѣтеръ, сперва легонькой, а потомъ скоро перешелъ въ такую бурю, что сосны заскрипѣли. Шкура такъ и раскачивается, такъ и рвется съ сучка; рвалась, рвалась, соскочила и упала на лисье тѣльце. Вдругъ тѣльцо ожило, шкура вмигъ очутилась на немъ и лисица цѣла и невредима потихохоньку черезъ полянку ушла въ лѣсъ. Сдѣлалось это такъ скоро, что охотникъ только успѣлъ ахнуть отъ страха и дива. Лисица ушла, а мужикъ стоитъ и дивится да хлопаетъ о полы зипуна. «Не дивись!» слышитъ онъ изъ лѣсу голосъ, — «то ли еще бываетъ? Спроси-ка, что было съ Иваномъ Голымъ въ деревнѣ Зубарихѣ, на Шолѣ рѣкѣ». Голосъ замолкъ; мелкій осенній дождь усилился и охотникъ возвратился домой безъ всякой добычи.

Наступила весна. Мужикъ этотъ отъправился въ отхожія промысели—строить суда на рѣку Шолу, по найму отъ хозяина. Живетъ онъ цѣлую весну. Разъ и вспомнилъ онъ про ту деревню, о которой ему сказано было въ лѣсу. Сталъ спрашивать—не знаетъ-ли кто и не слыхалъ-ли о деревнѣ Зубарихѣ. Рабочіе, его товарищи изъ тѣхъ мѣстъ, и говорятъ, что есть такая деревня, въ глухихъ лѣсахъ стоитъ и дорогу къ ней рассказали. Подошло два сряду праздничныхъ дня, мужикъ пошелъ въ Зубариху. Деревня эта стояла въ самомъ глушнѣйшемъ, среди темнаго лѣса и была только изъ нѣсколькихъ дворовъ. Нашелъ онъ въ Зубарихѣ Ивана Голыго: это былъ уже пожилой мужикъ, жившій съ сыномъ и невѣсткою. Разговорились. Охотникъ нашъ и спросилъ, какое на вѣку съ нимъ диво въ лѣсу случилось, и рассказалъ ему въ чемъ дѣло.

— «Да было, отвѣчалъ Голой, доподлинно диво, только не со мной, а съ покойнымъ моимъ отцомъ. Назадъ тому лѣтъ тридцать, говоритъ, пошелъ отецъ осенью на охоту за бѣлками. Я остался дома—недосужно было. Ходилъ онъ по лѣсу день и счастья такого никогда ему не выдавалось: убилъ до пяти десятковъ бѣлокъ, да паръ семь рябковъ, да еще сколько, не знаю, тетерь, такъ что цѣлая ноша къ вечеру накопилась, едва въ мочь носить; къ тому же еще за плечами былъ съ харчами кошель. Дошелъ онъ къ вечеру до лѣсной избушки и расположился въ ней переночевать. Освѣживалъ, развѣсилъ шкурки, потомъ сварилъ ужинъ и началъ закусывать. А на улицѣ такая темь сдѣлалась той порой, что хоть глазъ выколи. Поднялся ветеръ, пошелъ дождь, лѣсъ зашумѣлъ, затрещалъ... ну, страсть, однимъ словомъ. Эка погода! думаетъ отецъ, можетъ—иной крещеный въ лѣсу плутаетъ въ это время»; только подумалъ онъ это, слышитъ къ избушкѣ кто-то бѣжить и охаетъ. Дверь отворилась и въ нее, смотреть, лѣзетъ высокій рыжий мужикъ въ армякѣ и острой мѣховой шапкѣ. — Хлѣбъ да соль, сказалъ пришелецъ. — «Хлѣба кушать» отвѣтилъ отецъ.—Это хорошо, говоритъ, ѣсть-то я давно хочу. Онъ сѣлъ на обрубокъ передъ столомъ и началъ убирать варено за обѣ щеки. Скоро онъ сѣлъ все, что было приготовлено отцемъ, но не насытился. «Ну, подчуй же, говоритъ, коли пригласилъ». Отецъ вытащилъ изъ кошеля коровай и положилъ на столъ. Коврига въ минуту исчезла и тутъ отецъ замѣтилъ, что у мужика былъ такой большой ротъ, что цѣлые ломти уходили въ него, не задѣвая за губы. — Ну, давай, что еще у тебя тамъ есть! говоритъ мужикъ. Отецъ вытащилъ все, что было съ собою запасу; тотъ и это все сѣлъ.—Ну, давай говоритъ еще! «Да больше нѣтъ ничего, сказалъ отецъ; вотъ буде хочешь—ѣшь бѣлокъ!» Онъ и бѣлокъ сѣлъ.—«Ну давай еще!—да вотъ говоритъ отецъ,

если душа вынесетъ, такъ собаку ѣшь. Мужикъ схватилъ собаку и легонько проглотилъ и ее. Отецъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ. Ну, думаетъ, съѣсть теперь и меня; началъ про себя читать отходную. — «Давай, говорить, что у тебя есть еще!» Больше, говорить, ничего нѣтъ. — «Ну коли ничего нѣтъ, такъ я тебя самого съѣмъ, только вотъ схожу недалеко.

«Ушелъ и унесъ порохъ и ружье. Остался отецъ безо всего: бѣжать, думаетъ, догонитъ... осовѣлъ, одно слово. Вдругъ слышитъ, просунулъ кто-то голову въ окно и говоритъ: «Бѣги, добрый человѣкъ, какъ можно скорѣе; въ правой рукѣ, недалеко, есть дорога, по этой дорогѣ сейчасъ проѣдетъ тройка лошадей, ты и скочи на телѣгу, да крѣпче держись и смотри — подъѣдешь ты къ тремъ соснамъ; у одной сосны сукъ самый толстый будетъ тянуться надъ дорогой, такъ ты обѣими руками захватись за него и повисни, а остальное тебѣ ужъ самому видно будетъ». Отецъ бросился изъ избушки и побѣжалъ въ правую руку. Началъ выходить мѣсяцъ, вызвѣздило и видно стало все. Не успѣлъ отецъ отойти и полсотни шаговъ, смотритъ — лежитъ прямая-препрямая дорога, а по дорогѣ во всю мочь скачеть тройка. Попронустивъ ее немного, отецъ приловчился, схватилъ за задокъ телѣги и вскочилъ въ кузовъ. Лошади пуще прежняго понеслись — летѣли что вѣтеръ, а около дороги все лѣсокъ тянется небольшой. Сидитъ отецъ, крѣпко держится въ телѣгѣ. Видитъ — сосна, тамъ другая, вотъ и третья, и отъ нея виситъ надъ дорогой толстый, претолстый сукъ. Поднялся отецъ, подскочилъ на телѣгѣ и повисъ на суку. Сотворилъ молитву — смотритъ: онъ въ своей избѣ виситъ, обнявши руками воронецъ. Мать еще не спала — пряла ленъ, ужась ее взялъ, какъ увидѣла, что отецъ будто съ крыши въ избу ввалился. Едва розняли мы ему руки, ровно примерзли къ брусу-то. Ну, не долго-же онъ и жилъ послѣ того. А ружье, собака, бѣлки и пгицы очутились на сараѣ.

«Вотъ, говорить, какое дѣло было съ моимъ отцомъ. А спросись онъ у лѣсоваго почевать, тотъ и не чудилъ бы: изба-то эта, надо полагать, была его».

Прибыли мы къ устью рѣки «Большой Патоги». Широкимъ русломъ, разливающимся по плоской равнинѣ, соединяется онъ съ Щугоромъ съ правой стороны. Къ сѣверо-востоку, надъ лѣсистыми окрестностями Патока, возвышается гряда горъ, которая по своему голому, съ отсутствіемъ всякой растительности хребту, названа «Мертвою пармою». Изъ нея вытекаетъ необыкновенно быстрый, шумливый ручей — Мертвый-Ель, тоже впадающій въ Щугоръ. По берегамъ этого ручья встрѣчаются большіе валуны зеленого сланца и появляются діориты и діоритовый порфиръ. Вотъ и другія каменные ворота — Шеръ-Кырта (средняя скала); они состоятъ тоже изъ бѣлыхъ отвѣсныхъ известковыхъ скалъ, стѣсняющихъ съ обѣихъ сторонъ рѣку въ узкое русло, съ тою только разницею, что по чрезмѣрной глубинѣ Щугора, теченіе воды въ нихъ едва замѣтно. Скалы не ниже, какъ и въ Ульдоръ-Кыртѣ, но какъ вверху, такъ и внизу онѣ состоятъ изъ песчаныхъ отсыпей, то и не имѣютъ той красоты. Третьи каменные ворота Щугора — Вельдоръ-Кырта (верхняя скала). Мы прибыли къ нимъ около полудня, на третій день нашего плаванія по Щугору. Погода по прежнему стояла ведренная, солнце не заслонялось ни однимъ облачкомъ; тихо, ясно, тепло, будто и не на сѣверѣ. Щугоръ пробилъ эти ворота крутымъ изгибомъ. Вслѣдствіе такого положенія разсѣлины или по другимъ акустическимъ причинамъ, но здѣсь поразило насъ необыкновенное эхо, повторяющее не только крикъ, но и слова въ разговорѣ, съ удивительною ясностію, раза по три и притомъ съ значительными промежутками.

Въ известковой стѣнѣ правой стороны воротъ открывается въ Щугорѣ трещина; изъ нея вырывается пѣнистый ручей — Вельдоръ-Кырта-Ель, текущій по каменистымъ мелкимъ пе-

реборамъ. При устьѣ ручья въ береговыхъ его насленіяхъ господствуетъ доломитъ. Мы остановились здѣсь. Намъ хотѣлось осмотрѣть на Кыртѣ-Ель водопадъ, посѣщенный въ 1847 году профессоромъ Гофманомъ, начальникомъ Уральской экспедиціи, которая снаряжена была нашимъ географическимъ обществомъ. Добраться до водопада берегомъ не представлялось возможности: стѣны разсѣлины, между которой бѣжалъ ручей, поднимались такъ высоко и такими обрывами, что около воды не оставалось мѣста для прохода, наверху же, по береговому обрѣзу, не было тропинки. Мы пошли ручьемъ, въ бродъ, что было весьма удобно, такъ какъ глубина воды не превышала пяти вершковъ, и дно оказалось твердое. За устьемъ, не въ дальнемъ разстояніи, началъ попадать въ берегахъ зернистый кварцитъ, съ примѣсю листочковъ талька и хлорита, которые все болѣе и болѣе преобладаютъ, такъ что наконецъ кварцитъ переходитъ въ тальковый и хлоритовый сланецъ. Затѣмъ началъ попадаться гнейсъ, діоритъ и порфиръ. Это замѣчательно въ томъ отношеніи, что присутствіе упомянутыхъ горныхъ породъ служитъ признакомъ золотоносныхъ россыпей.

Пройдя около трехъ верствъ ручьемъ, мы слышали гулъ водопада. Съ какой стороны доносился этотъ гулъ — рѣшить было нельзя: не то онъ стоялъ въ воздухѣ, не то вырывался изъ-подъ земли; то слышался сзади, то далеко, далеко впереди, то справа, то слѣва. Я приписалъ это необыкновенной отзывчивости эхо, играющаго здѣсь звуками съ волшебною причудливостью. Еще прошли нѣсколько извилинъ, выбрались на песчаный заплескъ, круто повернули около скалы, выдавшейся острымъ угломъ въ ручей, и очутились передъ круглымъ, какъ чаша, котломъ, шаговъ 30 въ длину и ширину, заключеннымъ въ каменные стѣны, достигающія футовъ до ста высоты. Въ этотъ котель, съ высоты по крайней мѣрѣ пяти сажень, съ ревомъ низвергался

прекраснѣйшій водопадъ. Мы стояли какъ разъ передъ нимъ. Вода разбивалась о лежащіе внизу два громадной величины камня; брызги летѣли въ воздухъ и стояли въ немъ мелкой пылью. Выглянуло солнце изъ-за облачка и освѣтило своими лучами массу движущагося воднаго хрустала, загорѣлась въ немъ разноцвѣтная радуга, а водяная пыль обрасилась ярко-лиловымъ цвѣтомъ. Ничего подобнаго въ природѣ я не видалъ во всю мою жизнь.

Долго мы стояли передъ водопадомъ, долго не могли отвести глазъ, очарованные его красотою. Вода крутилась въ котлѣ, какъ въ мельничной заборовѣ; особенно силенъ напоръ ея былъ на лѣвую стѣну, влѣдствіе чего образовалась въ ней глубокая выбоина. Какая-то рыба безпрестанно всплескивалась около этой темной пазухи. Стада мелкой, пестренькой рыбешки, извѣстной подъ именемъ *моля*, тѣснились по заплеску, у самыхъ нашихъ ногъ. Вдругъ Алексѣй толкнулъ меня легонько локтемъ.

— Смотрите! Видите подъ берегомъ-то на той сторонѣ?

— Что тамъ такое? не вижу.

— Выдра пробирается; видите около камня плыветъ! Вотъ подъ берегъ направилась, въ подмону.

По указанію Алексѣя, я оглядѣлъ звѣря: темной полосой, вся вытянувшись по водѣ, бойко плыла выдра, то скрываясь за глубами пѣны, то изрѣдка изъ-за нихъ вывертываясь. Скоро она скрылась въ береговую пазуху.

— Охъ, ружья не взяли: убили бы! больше десяти сажень не было, пожалѣлъ Навель Дмитріевичъ.

— Можетъ и убили бы, да звѣрь-то теперь плохъ, еще не выкунѣлъ: проку въ немъ мало, замѣтилъ Алексѣй.

На другой день мы достигли устья рѣки Ичеть (малый) Патокъ. Этотъ притокъ Щугора особенно славится изобиліемъ

лоха и харьюза. Рыболовныя артели забираются въ его верховья за этою рыбою такъ далеко, какъ только можетъ пройти лодка. Выше Ичеть-Патока Щугоръ значительно суживается, извиваясь крутыми изгибами между каменистыми берегами, мѣстами торчащими въ рѣку острыми выступами. Теченіе здѣсь необыкновенно быстро: только благодаря заводямъ, образующимся подъ острыми кремнистыми косами, возможно подниматься вверхъ; выѣзжая изъ заводи на струю, мы едва справлялись съ быстриною. Часто лодку нашу бросало съ такою силою на берега, что казалось разобьетъ ее въ щепы; но ловкость Алексѣя и его смѣтливость избавляли насъ отъ опасности.

— Что это за крестъ на берегу, Павелъ Дмитриевичъ, — въ знаменіе какого событія онъ тутъ воздвигнуть? Можетъ быть промышленникъ похороненъ? спросилъ я Волкова, увидѣвъ на площадкѣ одной косы старый, покривившійся крестъ, сдѣланный изъ чрезвычайно толстаго дерева.

— А это мѣсто названо «Молебной Костью», въ память одного происшествія, по случаю котораго и крестъ поставленъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: ты видишь до какой степени въ этихъ плесахъ быстръ Щугоръ, даже въ обыкновенное меженное время, какъ теперь. Въ паводки-же на Уралѣ Щугоръ почти мгновенно вздувается на нѣсколько саженъ выше меженнаго уровня и превращается въ узкихъ тѣснинахъ въ страшный порогъ, въ которомъ вода съ бѣшеною силою громаднымъ валомъ мчитъ внизъ по крутому паденію. Когда-то, въ очень давнее время, чердынскіе рыбаки, промышлявшіе въ верховьяхъ Щугора харьюзовъ и возвращавшіеся назадъ, были застигнуты врасплохъ, около этихъ мѣстъ, подобнымъ валомъ. Съ бѣлою пѣнящейся гривой подхватилъ онъ маленькую лодочку на свои плеча и понесся съ нею внизъ. Челнокъ бросало изъ стороны въ сторону, какъ легкую чурку, ежеминутно угрожая въ дребезги разбить

о каменистые берега. Рыбаки ожидали вѣрной гибели. Надѣяться на помощь не-откуда. Наконецъ удачнымъ поворотомъ волны около мыса лодченку выбросило вотъ на тотъ пологій откосъ, не причинивъ ни малѣйшаго вреда чердынцамъ. Они, въ знаменіе счастливаго избавленія отъ смерти, отслужили здѣсь сами — какъ съумѣли, молебенъ, назвавъ мѣсто «Молебною Костью» и водрузили на немъ этотъ самый крестъ.

— Я и въ другихъ мѣстахъ зырянскаго края видалъ кресты на пустоляхъ: видно зыряне любятъ ихъ ставить, замѣтилъ я.

— То больше надъ покойниками. Мало-ли умираетъ народу во время лѣсовья: надъ каждымъ умершимъ врыть крестъ зыряне считаютъ за святое дѣло. Ставятъ также кресты и на перекрестныхъ дорогахъ.

За «Молебною Костью» Шугоръ вновь расширяется. Берега значительно понижаются, переходя изъ скалистыхъ отсыпей въ ровную плоскость, поросшую до самой воды густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Къ вечеру мы добхали до красиваго острова, извѣстнаго подъ именемъ Лиственничнаго Дискаса. Название это произошло отъ четырехъ громадныхъ лиственницъ, растущихъ на островѣ. Подъ одной изъ нихъ мы основали нашу ночевку.

Развели огонь и, въ ожиданіи чая и ужина, улеглись на полсть. Чудный вечеръ. Тишина невозмутимая. Западъ блѣднѣетъ; блекнутъ яркіе отблески вечерней зари. Тускнутъ золотыя и багровыя глади шугорскихъ водъ. Сѣрый цвѣтъ ночи, мало-по-малу все расширяясь, надвигался съ востока, закрывая на немъ темнымъ мракомъ волнистыя гряды уральскихъ предгорій.

— Видишь гору впереди, заговорилъ Павелъ Дмитріевичъ, когда мы на другой день, послѣ нашей ночевки на Лист-

венничномъ Дискосѣ, снова вѣхали въ область скалистыхъ береговъ Щугора, — это «Толпасъ-Изь» — вѣтряное гнѣздо.

Высокая гора довольно длиннымъ хребтомъ тянулась отъ Урала и обрывомъ упиралась въ Щугоръ. Она увѣнчивалась зубчатымъ гребнемъ и двумя пиками, торчащими выше прочихъ, обнаженными и покрытыми каменными обломками.

— Почему такъ называется гора? спросилъ я Волкова.

— А существуетъ между здѣшними жителями такое по-вѣрье, что живетъ на этой горѣ вѣтеръ, что здѣсь его ко-ренное, постоянное обитаніе, его домъ, потому-то, рассказываютъ зыряне, самый слабый звукъ человѣческаго голоса, даже малѣйшій стукъ вызываетъ, будто-бы, около этихъ мѣстъ страшную бурю. Промышленники, проѣзжая мимо Толпасъ-Изь, сохраняютъ глубокое молчаніе и даже обертываютъ тряпками уключины весель, чтобы они не скрипѣли. Я много разъ подымался на эту гору и странное дѣло: какъ бы тихо не было, ни малѣйшаго хилка, листочекъ не пошевелится на осинѣ, на Толпасъ-Изь все что-то гудитъ и завываетъ; раковины такія большія бываютъ, видалъ, я думаю, приложишь ее къ уху и при полной тишинѣ и безмолвіи около тебя, слышишь въ раковинѣ рѣзкіе звуки, какъ будто поетъ въ ней кто; такъ и на Толпасъ-Изь.

— Странно это; чѣмъ нибудь можно же объяснить такое явленіе?

— Ничѣмъ другимъ, какъ особеннымъ расположеніемъ скалъ и пиковъ, съ особенною чувствительностію отражающихъ звуки. На этой горѣ есть озеро, изъ него текутъ въ Щугоръ два истока Пилипъ-Ель и Дуръ-Ель. Это чисто горные ручьи, низвергающіеся съ чрезвычайнымъ шумомъ съ крутизны. Можетъ быть этотъ шумъ чрезъ многочисленныя отраженія въ скалахъ и даетъ звуки, похожіе на завываніе бури.

Мы подѣхали къ южному обрыву Толпасъ-Изь весьма

близко. Гора показалась намъ на столько крутою, что взобраться на нее съ этой стороны мы не рѣшались. Далѣе Щугоръ поворачиваетъ на востокъ, лукой огибая Толнасъ-Изъ. Мы проѣхали версты три и привалили къ берегу, что бы взойти на гору съ восточнаго склона, болѣе пологого и потому удобнаго для восхожденія. Мнѣ хотѣлось посмотреть горное озеро, по словамъ Волкова, чрезвычайно характерное.

Отсюда до подошвы Толпазь-Изъ версты полторы. Все это пространство и самый склонъ горы покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Мы взяли съ собою ружья, захватили, по настоянію Павла Дмитріевича, ботальную сѣть съ бечевкою, кое-что изъ сѣстнаго и пустились въ путь.

Шли мы сначала все ельникомъ. Черника и брусника густо заволокли лѣсную почву. Сибѣлыя, крупныя ягоды черники весьма привлекали къ себѣ вниманіе Павла Дмитріевича, и онъ воздавалъ имъ должную честь. Часто попадались грузди, и какіе грузди — ума помраченіе: бѣлые какъ снѣгъ, съ толстымъ слоемъ прозрачнаго желе на шляпкахъ гриба. Начались чащи. Держась по компасу принятаго направленія, мы съ трудомъ сквозь нихъ пробирались. Поднялся глухарь, шумно захлопавъ крыльями; фыркнулъ выводокъ рябчиковъ; молоденькіе тутъ же, передъ нами, разсѣлись въ полдерева. Я убилъ пару, Волковъ одного. Вотъ и подошва горы. Издали она казалась пологой, а пришлось лѣзть чуть не на стѣну. Ель смѣнялась соснами. Чѣмъ выше — тѣмъ рѣже лѣсъ. Соснякъ стоитъ уже въ разбродѣ, небольшими группами и въ одиночку. Нѣкоторые изъ сосенъ, подмытыя въ корняхъ весенними потоками, накренились книзу, пошатнулись, красиво разметавъ свои кривыя, засохшія вѣтви. Все лѣземъ кверху, все выше, и, сквозь краснѣющіе стволы сосенъ, начали повертываться березы; мѣстами попадаетъ и ель, но корявая, обтанутая мохомъ, который густою бородою свѣши-

вается съ вѣтвей. Наконецъ мы достигли плоской равнины. Взвизгиваніе гагаръ и пронзительные крики чаекъ неслись къ намъ навстрѣчу. Еще нѣсколько сажень — и мы на берегу небольшого круглаго озера. Оно улеглось въ сѣдлѣ между двумя горными пиками. Берега пустынные: кое-гдѣ, какъ сторожевые маяки, стоятъ на нихъ громадныя сосны. Вода чиста — какъ хрусталь, но отъ чрезмѣрной глубины этого горнаго водоема кажется черною. Множество гагаръ разныхъ породъ плавали по озеру. Онѣ не пугались насъ. Видно было, что здѣсь не часто ихъ тревожатъ.

— Что-же мы будемъ дѣлать съ сѣтью, какая здѣсь рыба, какъ она на эту высь заберется? обратился я къ Волкову.

— Рыба есть; а какъ она сюда попала, ужъ этого я тебѣ объяснить не берусь! Пойдемъ къ истоку Дурь-Ель.

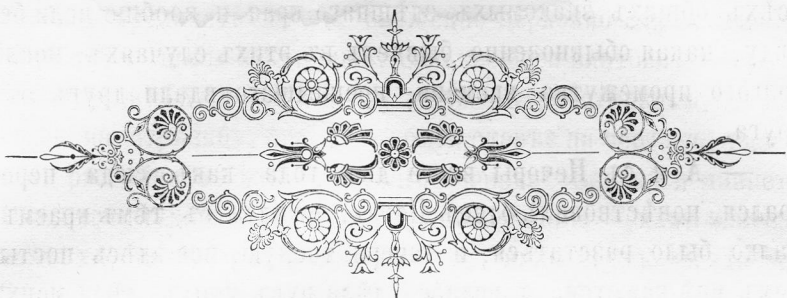
Идти было недалеко, не болѣе ста сажень, по сухому, песчано-илистому берегу. Изъ озера выдвигался узенькій заливчикъ, въ остромъ концѣ котораго образовался прорывъ, сажень въ пять шириною, служившій истокомъ Дурь-Ель.

Тихо подойдя къ заливчику, мы замѣтили въ немъ всплески рыбы. Алексѣй перешелъ рѣчку нѣсколько ниже истока по перебору. Мы перебросили ему бечевку и, посредствомъ ея, перетянувъ ботальную мережу въ узкомъ мѣстѣ заливчика, заперли рыбу. Затѣмъ, вырубивъ шестики, начали ими ботать. Съ первыхъ же ударовъ по водѣ, поплавки сѣти порывисто заиграли, безпрестанно окунываясь. Мы вытянули мережу, биткомъ набитую карасями. Нѣкоторые изъ нихъ были болѣе фунта.

Поздно возвратились мы къ лодкѣ; еслибъ не компасъ, вѣрный проводникъ зырянъ въ ихъ лѣсныхъ странствованіяхъ, то можетъ быть привелось-бы почевать на озерѣ. Погода измѣнилась: въ воздухѣ потянуло холодомъ и сыростью. На другой день свинцовыя облака обложили все небо, и зачастилъ дождь мелкій, пронизывающій, общія затяжное ненастье.

При такомъ состояннн погоды мы не рискнули ѣхать далѣе въ верховья Шугора и вернулись назадъ. Обратное плаваніе внизъ по теченію быстрого Шугора совершилось вдвое скорѣе. Выѣхавъ на Печору, мы встрѣтили посыльныхъ къ себѣ съ провизіей и распоряженіемъ отправиться внизъ по Печорѣ вплоть до Гуляевскихъ Кошекъ.

VI.

Попадья-охотница.

Нрѣхалъ я въ Подъельскъ, селеніе на Вычегдѣ, въ 96 верстахъ отъ Устьсысольска. Покончивши дѣла въ прavitеніи, пошелъ къ знакомому уряднику; навстрѣчу — священникъ.

— Голубчикъ вы мой, Ф. А., двадцать пять лѣтъ не видались, опять Господь Богъ привелъ!... состарѣлись же вы, состарѣлись!

— Здравствуйте, отецъ Петръ, сердечно радъ съ вами видѣться! Какъ не состарѣться: двадцать пять лѣтъ, не двадцать пять недѣль; да и васъ таки изрядно попрिгнуло.

Отца Петра я зналъ въ лучшую пору его жизни. Это былъ чернородый, живой священникъ, съ энергичными, блестящими глазами, съ стремленіемъ къ неустанной дѣятельности на трудномъ подвигѣ. Онъ былъ пастыремъ подвижной церкви на Печорѣ, боролся съ расколомъ, мужественно претерпѣвалъ разныя оскорбленія отъ населенія, зараженнаго ересью, какой-то смѣшанной, неизвѣстной секты. Теперь это — старикъ, съ посѣдѣвшими волосами, сгорбившійся и усталый. Отецъ Петръ затащилъ меня къ себѣ. По-

толковали о старинѣ, вспомнили прежніе годы, перебрали всѣхъ общихъ знакомыхъ здѣшняго края и вообще вели бесѣду, какая обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, послѣ долгаго промежутка времени, прошедшаго вдали другъ отъ друга.

— А я съ Печоры всего два года какъ сюда переехалъ, повѣствовалъ отецъ Петръ, сжилъ съ тѣмъ краемъ, жалко было расстаться, и теперь тоскую, все здѣсь постылымъ мнѣ кажется; а родное, дѣла рукъ моихъ, дѣла моихъ неуспѣшныхъ трудовъ, исполненныхъ съ благословенія Божія, тамъ оставилъ и болитъ теперь по нимъ сердце. Тамъ я себѣ гнѣздо свилъ теплое, уютное, на широкомъ привольѣ, а здѣсь въ чужомъ домѣ живу: во всемъ неустройство и неудобства разныя. Съ 1862 года я службу при подвижной церкви оставилъ и поселился осѣдло въ селѣ Щугорѣ священникомъ при мѣстномъ храмѣ. Домикъ себѣ выстроилъ на берегу Печоры, на возвышенномъ, красивомъ мѣстѣ, самъ бревна рубилъ, самъ возилъ ихъ, самъ топоромъ работалъ при постройкѣ. Огородъ за домомъ развелъ, пеня выкорчилъ, раздѣлалъ, удобрилъ: картофель, брюква, рѣдька родились превосходно. А на задахъ, сейчасъ за огородомъ, къ лѣсу, на моей же выгородѣ, ягоды самородныя прекраснѣйшія произрастали: земляника, поляника, клюква, морошка. Берега Печоры возвышенные, сухіе, а двинься сажень сто отъ берега, въ глубь лѣса — сейчасъ тутъ же и моховое болото. Осушилъ я его на своей дѣлянкѣ, канавки провелъ, стоки сдѣлалъ; отъ того, надо полагать, и ягоды у меня крупнѣе родились. Поселился я немного на отставѣ отъ селенія. Передъ моимъ домомъ росли громаднѣйшія лиственницы; я ихъ разрѣдилъ, десятка полтора сѣбѣ, чтобы видъ не заслоняли на Печору, а нѣкоторыя оставилъ для украшенія. Много разъ случалось осенью, въ тихія зори, утромъ, глянешь въ окошко, глухарь сидитъ или тетеря на

лиственницѣ. Конечно по сану моему стрѣльба недозволительна, проливать кровь священно-церковно-служителю не подобаешь, вотъ и кричишь: Сенька! бери винтовку, — мальчикъ лѣтъ 15-ти служилъ у меня въ работникахъ, ловокъ былъ на стрѣльбу, бестія, — бѣги скорѣе на чердакъ, пальни его, разбойника, изъ слуховаго окошка! Сенька и цапнетъ. Свалится глухарина съ высокой лиственницы — какъ пестерь, такъ хлопнется о мерзлую землю, нани гуль раздастся. Близо вѣдь: всего какихъ-нибудь десять, двѣнадцать сажень. Разъ сижу я у окна, книги церковныя провѣряю. Тоже осенью было, день тихій такой, сѣреньгій, дождичекъ изрѣдка побрызгивалъ маленьгій, точно сквозь сито. Вдругъ съ великимъ шумомъ птицы какія-то прилетѣли и усѣлись на лиственницу. Смотрю — рябчики. И какъ бы вы думали, батюшка мой, вѣдь много, штукъ пятнадцать; я экой стаи никогда рябцовъ и не видывалъ. Въ углу — винтовка совѣмъ налаженная, стрѣлять-бы, да по сану моему....

— Знаю, батюшка, недозволительно; ну, что-же вы?

— Опять за Сенькой. Бери, говорю, винтовку, дуи изъ слуховаго въ рябцовъ, да смотри, говорю, пострѣль, по нижнему сперва, по самому, говорю, нижнему. И я съ нимъ поднялся на чердакъ. Вали, вали по нижнему! Скотилъ одного, сидятъ рябцы, только стрекочуть, да головками повертываютъ; потомъ зарядилъ — и другаго; до пяти штукъ уложилъ, тогда уже снялись остальные и улетѣли. Польшиковъ тоже такимъ способомъ великое множество разъ стрѣлять приводилось.

— Все же, отецъ Петръ, — я думаю, скучненько вамъ было: безлюдье страшное, глушь!..

— Въ трудахъ праведныхъ, голубчикъ мой, время проводилъ, некогда о сугубъ-то было думать. А весной, Господи, какое раздолье то, какая ширь необъятная, безконечная! Выйдешь это на бережокъ, сядешь на скамеечку подъ лист-

венницу: тишина въ воздухѣ, тишина на водѣ, благообразие и благодать неописанныя. Взглянешь на сѣверъ — черное море лѣсовъ стелется, уходитъ въ даль и конца краю ему нѣтъ. Печора, точно широкая серебряная лента, прорѣзываетъ эти темные, дремучіе лѣса. На востокѣ Уральскій хребетъ горами да зубцами играетъ на небѣ; закучатся облачка по-за-нимъ, надвинутся на горы, и не различишь, гдѣ кончаются горы, гдѣ начинаются облака. Картина!.. да какъ ляпнетъ на эту картину свѣтъ солнечный и обольетъ ее золотомъ!.. Боже милостивый, какихъ чудесъ не совершилъ ты въ нерукотворенномъ созданіи своемъ! а тамъ, вверху Печоры, смотришь, струйка дыму змѣйкой ввивчивается въ воздухъ: это пароходъ бѣжитъ, чердынцы всякую провизию доставляютъ Печорскимъ жителямъ, каждую весну два-три раза, а отъ нихъ товаръ промысловый закупаютъ. Тутъ запасъ дѣлаешь на цѣлый годъ и живешь себѣ, — какъ у Христа за пазухой, — чудесно!

— Ну, а насчетъ рыбки какъ, отецъ Петръ, занимались конечно?

— Нѣтъ, къ этому я не былъ пристрастенъ, этимъ у меня матушка попадаья орудовала, это ея была охотка.

А матушка попадаья въ это время подаетъ стаканы съ чаемъ на подносѣ. Она еще видная, крѣпкая, бодрая старуха; доброта, привѣтливость и въ лицѣ, и въ глазахъ такъ и свѣтятся.

— Какъ же, родной мой, охотница была, страшная охотница, поясняетъ матушка; умирала на рѣкѣ: и неводъ сама таскала съ артельщиками по поясъ въ водѣ, и бреднемъ ловила, и сѣтями, и ветелями, и ботальной мережкой. Рыбы насолимъ, навялимъ, игры наготовимъ. Круглый годъ не переводился у насъ этотъ харчъ...

— Да вы говорите-ка съ ней хорошенько, перебилъ отецъ Петръ, потолкните-ка, какія дѣянія она совершала: охотой вѣдь занималась, по путыгамъ ходила.

— Ходила родной, ходила, какъ же: путикъ мой начался на задахъ нашего дворища, обходъ былъ малый, версть на восемь не больше. Сама и слопы настораживала, петли и ловушки разныя налаживала. Въ первые годы одна обходъ дѣлала, да по разъ медвѣдь, несъ окаянный, напугаль, опасно стало одной-то ходить; такъ Сеньку съ собакой стала брать.

— Какъ это онъ васъ?

— Звѣря этого много на Печорѣ. Повадится онъ ходить по путикамъ—бѣда, обереть всю дичь на чисто. Въ глухую осень это было, но еще снѣгъ не напалъ; пошла я въ обходъ. Подхожу къ глухарному слопу, смотрю, кто-то ворочается; а подъ вечерокъ, да и въ чащѣ, хорошо то разглядѣть не могу; подумала—кто нибудь изъ промышленниковъ не шалить-ли. Хоть не бывало этого у насъ, да какъ тутъ... на грѣхъ можетъ кто и соблазнился. Вотъ я это тихохонько крадусь, въ оплотъ подошла къ слопу, а онъ, чтобъ ему пусто, окаянному, слопъ то поднялъ, залѣзъ туда до половины, да и тащить мошника. Вижу—медвѣдь, да какъ взвизгну, онъ какъ рывкнетъ! и бѣжать, и бѣжать, а я въ другую сторону, не помню какъ домой ввалилась!

— Прибѣжала, лица на ней нѣтъ, добавляетъ отецъ Петръ; блѣдная, дрожить вся. Что, говорю, матка, аль испужалась чего, попритчилось что ли тебѣ? Такъ и такъ, говорить, медвѣдь.

— Будетъ по путикамъ ходить, говорю, оставь это рукомясло, работника посылай! Какое!.. на другой день опять въ обходъ пошла.

— Не встрѣчали уже больше медвѣдя-то?

— Нѣтъ не встрѣчала, должно быть сильно, дурень, испугался бабы, не приходилъ больше.

— Ну а какъ же въ зимнее время, матушка, по глубокому снѣгу; по путикамъ-то ужъ и кончено.

— Э, что вы говорите, полноте, кто ее удержитъ. Надѣнетъ она мои суконные старые штаны...

— Ты, отецъ Петръ, поунялся бы немного, все-то бы не болталъ, возразила матушка.

Правду говорю. Надѣнетъ это мои штаны, малицу на-тянетъ, шапку ушангу, пимы на ноги, лыжи, да какъ нач-нетъ уписывать, такъ что тебѣ промышленникъ добрый, мигомъ облетитъ весь обходъ. Ружейцо иной разъ прихва-титъ, бѣлченку устрѣлить, какъ-то разъ лисицу ухайдачила,

— Какъ, матушка, неужели и пострѣливали?

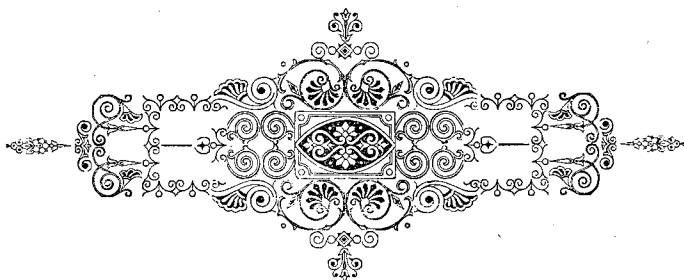
— Вреть онъ, родной мой; слушайте его, пустомелю стараго.

— Правду говорю, ей Богу цравду!

— Эге, отецъ Петръ, теперь я догадываюсь, кто изъ слуховаго-то окошка по дичинѣ стрѣлялъ!

Матушка, махнувши рукой, вышла изъ комнаты, а отецъ Петръ, подмигнувши лѣвымъ глазомъ, лукаво улыбнулся вслѣдъ матушкѣ.

VIII.

РЫБНЫЯ ЛОВЛИ ЗЫРЯНЪ.

Обиліе водъ въ зырянскомъ краѣ, богато населенныхъ рыбою, создало изъ каждаго зырянина отличнаго рыбака и потому-то рыбныя ловли производятся здѣсь повсюду: на Вычегдѣ, Вышерѣ, Немѣ, Сысолѣ, Лузѣ, Ильдзѣ, Мылвахъ, Подчерѣ, Щугорѣ, Печорѣ, на маленькихъ омутистыхъ рѣчкахъ, выбѣгающихъ изъ лѣсныхъ трущобъ, на поляхъ во время весенняго разлива и на тинистыхъ, затянутыхъ широко-лиственными лопухами озерахъ, въ безчисленномъ множествѣ разбросанныхъ по луговымъ и лѣснымъ пространствамъ зырянской стороны. Собственно-же промысловый уловъ, отъ котораго идетъ сбытъ рыбы въ восточныя губерніи Россіи, а такъ-же въ Москву, Петербургъ и Архангельскъ, — производится преимущественно по Печорѣ и ея притокамъ, начиная со впаденія въ неѣ рѣчекъ Пижмы и Цыльмы, противъ селенія Усть-Цылемскаго. Рѣка имѣетъ здѣсь ширину не менѣе полуторы версты, а двадцать верстъ ниже она начинаетъ уже метаться на рукава, вырѣзывая множество песчаныхъ острововъ. Чѣмъ ниже по Печорѣ, тѣмъ болѣе увеличивается число рукавовъ и это раздробленіе рѣки составляетъ весьма выгодное условіе для прохода рыбы вверхъ по рѣкѣ, куда она стремится метать икру.

Передъ впаденіемъ въ море, всѣ рукава Печоры сливаются въ одну огромную дельту, которая переходитъ уже въ заливъ океана, извѣстный подъ именемъ Печорской губы, гдѣ вода уже соленая. Изъ всѣхъ Печорскихъ рыбъ имѣетъ самое большое промысловое значеніе семга и затѣмъ нѣсколько сиговыхъ породъ: чирь, сигъ, нельма, пелядь, омуль и проч. Семга идетъ въ Печору изъ моря только однажды въ годъ, съ начала Іюля и до Сентября *). Она, какъ и осенняя семга бѣломорскихъ рѣкъ, въ ту-же осень икры не мечетъ, а поднимается за этимъ вверхъ чрезвычайно высоко, сворачивая на пути своемъ въ разные притоки Печоры. Въ довольно значительномъ количествѣ она сваливается въ свѣтловодную рѣку Щугоръ, текущую съ Уральскаго хребта и впадающую въ Вологодской губерніи при селеніи Усть-Щугорѣ. Замѣчательно, что зыряне, поднявшуюся въ Печорѣ для метанія икры семгу, называютъ лоховиной. По ихъ мнѣнію семгою она становится тогда, когда попадетъ въ соленую воду. Семгу ловятъ въ Щугорѣ въ то время, когда она, выбросивши икру, обратно спускается въ Печору, чтобы идти въ море; тогда она валитъ большими скопами. Ловъ этотъ производится одинъ разъ въ годъ, въ концѣ Іюля и въ началѣ Августа — неводами. Человѣкъ сорокъ или шестьдесятъ загораживаютъ рѣку въ узломъ мѣстѣ стѣнками или заколомъ, въ который закладываютъ морды; выше начинаютъ неводить, постепенно спускаясь къ заколу. Что не попадаетъ въ неводъ, то попадаетъ въ заколъ. Промыселъ этотъ, впрочемъ, уменьшается съ каждымъ годомъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, уловъ бывалъ нудовъ по 30 на человѣка, а нынче едва достается по два. Пудъ этой семги стоитъ теперь на мѣстѣ отъ 10 до 12 руб. серебр.

Печорская семга самая вкусная и жирная изъ всѣхъ сортовъ, встрѣчающихся въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ. Она

*) Исслѣдов. Данилевскаго 1860 годъ.

замѣчательно велика: тридцати фунтовыя рыбины здѣсь очень обыкновенны, а менѣе десяти фунтовъ составляютъ уже рѣдкость. Но есть и такія, которыя вѣсятъ въ полтора, два пуда. Въ 1852 году была поймана семга на Печорѣ вѣсомъ въ 2 пуд. 15 фун. Невода для ловли семги бываютъ отъ 100 до 400 сажень, но не болѣе четырехъ сажень вышиною. Ихъ шиваютъ изъ нѣсколькихъ сѣтей, каждое полотно которыхъ сажень по 10-ти длины, и съ ячеями въ $1\frac{1}{8}$ вершка. Невода—самые употребительнѣйшіе способы въ ловлѣ семги въ Усть-Цылемской волости, за ними слѣдуютъ поплавни, особеннаго рода мережа, сажень въ 200 длины, захватывающія не болѣе одной трети рѣки. Поплавни шиваются изъ сѣтей, имѣющихъ ячеи около двухъ вершковъ въ квадратъ. При ловлѣ одинъ конецъ пускаютъ вольно въ рѣку съ поплавкомъ, называемымъ *монофатомъ*, а другой конецъ держиваютъ на лодкѣ, и такъ спускаются внизъ по теченію. Правила ловли очень просты: желающіе ловить вмѣстѣ, на одной тонѣ, составляютъ артель и выбираютъ мѣсто для своего лова; при формированіи артели къ ней пристать можетъ всякій, и вообще это раздѣленіе на артели дѣлается полюбовно, безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ. Осенью ловятъ однѣ артели неводами, другія поплавнями; послѣднія рассчитываютъ преимущественно на ловъ семги, первыя же на ловъ бѣлой рыбы: сига и омулей, для которыхъ, впрочемъ, не держится въ Усть-Цылемскихъ дачахъ особливыхъ болѣе частыхъ поплавней. Часто случается, что неводная и поплавная артели ловятъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Какъ та, такъ и другая раздѣляются всегда на двѣ половины, чередуясь въ ловлѣ поденно: пока у одной артели ходитъ неводъ, другая просушиваетъ свои снасти. Уловъ дѣлится между участвующими въ артели свѣжею рыбою вѣсомъ, сообразно количеству доставленныхъ каждымъ снастей. Потомъ каждый солить уже про себя доставшуюся на долю рыбу. Неводъ или

поплавень или принадлежить весь одному семейству, если оно многочисленно, или бывает составной, т. е. принадлежить нѣсколькимъ одиночнымъ или малосемейнымъ хозяевамъ, соединившимся вмѣстѣ. На неводъ нужно отъ 8 до 9 работниковъ, считая въ томъ числѣ и женщинъ, и его закидываютъ отъ 8 до 10-ти разъ въ сутки. Для дѣйствія поплавнями нужно три человѣка, изъ которыхъ одинъ гребеть, а двое выметываютъ; двое же и вытягиваютъ поплавень изъ воды въ лодку. Въ Усть-Цылемской волости ходитъ всего около 300 неводовъ и поплавней. Случается рыбакамъ отправляться на ловъ далеко отъ своихъ домовъ, въ которые они не возвращаются мѣсяца по два, а часто и въ продолженіи всего лѣта. Въ такомъ разѣ они устраиваютъ на товахъ по нѣскольку сплетенныхъ изъ прутьевъ сараевъ, покрывая ихъ толстымъ слоемъ свѣжей травы. Это семейные пріюты въ промысловой жизни зырянъ.

Печорская семга солится вообще очень дурно. Это не отъ того, впрочемъ, чтобы здѣшній народъ пребывалъ въ глубокомъ равнодушіи къ своему дѣлу и пользамъ. Напротивъ, тутошній зырянинъ, особенно—если онъ Ижемецъ, очень развитъ въ отношеніи пониманія своихъ выгодъ; но дѣло-то не стоитъ того, чтобы объ немъ хлопотать много, такъ что лишніе труды и издержки на усовершенствованіе продукта не вознаградились-бы соотвѣтственно большими выгодами. Пойманную семгу передъ соленіемъ обмываютъ, разрѣзываютъ, и вынимаютъ у нея внутренности; но вмѣсто того, чтобы внутреннюю полость наполнить солью, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ, рыбу только пересыпаютъ солью внутри и снаружи, даже не втирая въ клескъ, и кладутъ въ широкія бочки, вышина которыхъ почти равняется ихъ діаметру. На одну бочку приходится не болѣе 1—2 пудовъ соли. Бочки наполняются медленно, и пока не наполнятся, не заколачиваются, а только покрываются рогожами. Печорская семга изъ всѣхъ

сортъ ея есть самая крупная и самая жирная и потому, требуя много соли для своего усола, скоро портится. Но отъ этого промышленники теряютъ мало: какъ только установится цѣна, зависящая отъ количества улова, закупщики платятъ имъ одинаково какъ за хорошую, такъ и за худую рыбу. Зачѣмъ же, послѣ этого, стараться хорошо солить ее. Къ тому-же закупщики семги вѣсятъ ее не вмѣстѣ съ солью, а одну рыбу, вынудивъ ее изъ рассола; слѣдовательно тотъ, кто больше положитъ соли, больше сдѣлаетъ совершенно бесполезнаго для себя расхода; а соль на Печорѣ чрезвычайно дорога. Вотъ почему засолъ печорской рыбы дуренъ.

По вскрытіи рѣки въ прежнія времена сейчасъ-же являлись по Печорѣ каюки, принадлежащія чердынскимъ купцамъ. Они привозили хлѣбъ и вообще все нужное для печорскихъ жителей и въ обмѣнъ на это брали рыбу. Одни, нагружившись рыбою весенняго улова, возвращались назадъ, другіе-же оставались на осень. Эти послѣдніе и составляли главныхъ покупщиковъ печорской семги, которая потомъ развезилась ими въ Казань, Пермь, Ирбитъ, Тобольскъ — однимъ словомъ, по приуральскому краю. Нынѣ порядокъ закупки этой рыбы измѣнился, сдѣлавшись достояніемъ двухъ, трехъ крупныхъ чердынскихъ коммерсантовъ, захватившихъ въ свои руки на Печорѣ по всѣмъ торговымъ операціямъ монопольное право. Вмѣсто каюковъ — теперь ходятъ по Печорѣ пароходы, съ хозяевами которыхъ рыболовныя артели взошли въ обязательныя и отвѣтственныя соглашенія — не продавать помимо ихъ на сторону ни одной рыбины. Главнымъ воротилой въ торговлѣ Печорскаго края является богатый чердынскій купецъ — Алинъ, который скупленную семгу направляетъ по своему усмотрѣнію то въ Москву, то въ Петербургъ, то въ нѣкоторые приволяжскіе губернскіе города. Вслѣдствіе монопольнаго давленія, семгу въ настоящее время не всегда возможно достать, даже за дорогую цѣну, и мѣстнымъ Устьысыольскимъ жителямъ.

Во время зимы зыряне не любят заниматься рыбными ловлями. Они всё тогда бросаются в лѣсовье за рябчикомъ и бѣлкой; этотъ послѣдній промыселъ составляетъ ихъ специальность. Но лишь только вскрыются рѣки, какъ сейчасъ-же и старыи и малыи начинаютъ рыбачить. Первая, послѣ зимы, самая ранняя ловля рыбы, бываетъ наметомъ по небольшимъ крутоберегимъ рѣчкамъ. Мутная, весенняя вода, ополаскивая грязные берега, подмываетъ ихъ склоны большими рытвинами и обрывами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ струя наваливаетъ на берегъ, она высверливаетъ въ берегахъ глубокія котловины. Въ этихъ-то котловинахъ, подъ береговыми обрывами, стѣною спускающимися въ глубину, любятъ толпиться крупныя сига, харьюзы, сороги-красноглазки, ерши, окуни, подъязки и хищница щука, добычливо охотящаяся тутъ за мелкою рыбою. Причинъ скопления рыбы въ такихъ мѣстахъ надо доискиваться въ ея инстинктивномъ стремленіи направляться въ весеннее время противъ течения, для удобнаго выбрасыванія икры, которую она вытираетъ о неровности обрывистыхъ береговъ. Тутъ-то ее и ловятъ наметами. Наметь — это большой сакъ, устройство его весьма просто: длинная, тонкая рукоятка вдолблена въ средину поперечника, къ которому наплотно прикрѣплена сѣть, вродѣ мѣшка, вытянутая по рукояткѣ трехъугольникомъ. Сѣтка сака вяжется изъ крѣпкихъ, но до того тонкихъ льняныхъ нитокъ, что при мутности весенней воды рыба ея совершенно не замѣчаетъ. Вообще зыряне чрезвычайныя мастера вязать всякаго рода мережи. Наметь закидывается рыбакомъ въ воду съ берега, погружается до дна и потомъ тихо ведется къ берегу подъ самый его урѣзь, загребая стоящую подъ нимъ рыбу. Случается наметомъ вылавливать зырянамъ рыбы очень много, но крупныхъ рыбинъ въ него не попадаетъ; всего болѣе добываютъ эту снастью ершей, уродливо раздутыхъ въ эту пору икрою. Ловля прииз-

водится по ночамъ; — въ тихія и теплыя ночи особенно хорошо попадаетъ рыба въ пасть.

Но вотъ вода выкатилась изъ береговъ и залила всё окрестности съ пожнями, курьями, большими и маленькими логами, ручьями и рѣчками. Въ зырянской сторонѣ весенніе разливы воды бываютъ замѣчательно велики. Вычегда и Сысола передъ Устьсысольскомъ представляютъ въ весеннюю пору огромное сплошное водное пространство, синѣющее во всё стороны, куда ни помотришь. Мелкіе кустарники по луговымъ мѣстностямъ, большіе еловые лѣса, растущіе по доламъ и низямъ — все заполняется разливомъ. Быстрина въ рѣкахъ, скрывающихся подъ водою свои берега, бываетъ въ это время чрезвычайно сильна; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ береговая окраина возвышается надъ поверхностью воды, происходятъ безпрестанные обвалы: быстрымъ теченіемъ подмоетъ берегъ, страшная масса, въ нѣсколько тысячъ пудовъ, рушится съ ужаснымъ шумомъ въ глубину, вода закипитъ, и огромный валъ мчится отъ берега до самой середины рѣки. Глухіе удары, точно подводные пушечные выстрѣлы, то и дѣло раздаются здѣсь въ весенніе разливы по всёмъ направлѣніямъ; это — береговые обвалы.

Изъ большихъ и малыхъ рѣкъ и озеръ рыба стремится въ разливную воду для метанія икры. Сейчасъ же начинается у Зырянъ весьма добычливая ловля рыбы вершами въ заплеты. Еще съ осени приготавливаются по склонамъ рѣчекъ и ручьевъ, въ лугахъ и поляхъ, въ плоскодонныхъ оврагахъ, долочкахъ и перевалахъ, во всёхъ извѣстныхъ ходовыхъ мѣстахъ, особаго рода огороды изъ тонкихъ прутьевъ въ переплетъ. Это и есть заплеты. Они располагаются въ формѣ ломаной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляется опредѣленной величины окошко или ворота. Какъ только разольется вода и начнется ходъ рыбы, въ ворота заплетовъ ставятся жуки, особеннаго рода меретка, съ гор-

ломъ, натянутая на вѣтвиный остовъ, имѣющій форму кувшина. Ломаная линія заплета позволяетъ разставлять кужи въ ту и другую сторону отверстіями, такъ что съ которой бы стороны ни пошла рыба, она непременно должна попасть въ кужу. Уловъ рыбы въ эти снасти годами бываетъ очень большой; попадають крупныя лещи, чиры, сиги, нельма, язи, щуки и окуни. Малая рыба въ кужахъ, употребляемыхъ въ заплеты, не удерживается, вслѣдствіе рѣдкой вязи меретки, имѣющей ячеи по верху въ квадратъ.

Рыба, разгуливая по заливной водѣ, любитъ въ ясныя, тихіе дни заходить въ заливы, которые называются въ зырянскомъ краѣ курьями. По этимъ курьямъ ставятъ крылены, или крылачи, тоже меретки, съ двумя горлами, имѣющія при входѣ растопыренныя приполки, вродѣ крыльевъ. На текучей водѣ крылена опускается на дно на поводкѣ съ камнемъ. Теченіемъ воды вытягивается и выправляется крылена, какъ ей слѣдуетъ быть, такъ что крылья, натянутыя на большую дугу, будутъ находиться въ стоячемъ положеніи. На тихой водѣ, при слабомъ теченіи, или гдѣ нѣтъ вовсе теченія, какъ, напримѣръ, въ курьяхъ, поводокъ не годится, а употребляются въ дѣло шестики, которыми и притыкается крылена съ хвоста и съ отверстія.

Когда вода пойдетъ на убыль, обрѣжуются берега рѣкъ, зазеленѣютъ свѣжей травкой бугорки поженъ, и еще не отойдетъ время метанія икры, рыба заходитъ въ большія курьи для нереста. Собственно для выпусканія икры и оплодотворенія ея молоками, рыбы вообще любятъ затишья, въ которыхъ бы ихъ мало пугали. Для развитія икры необходима вода, содержащая въ себѣ много воздуха, не слишкомъ глубокая для того, чтобы воздухъ, потребный при развитіи яичекъ, могъ быстро возобновляться, и присутствіе растений, къ которымъ зерна икры могли-бы прилипать. Курьи для этой цѣли оказываются для рыбы самыми при-

вольными мѣстами и она сваливается въ нихъ иногда въ огромномъ количествѣ. Зыряне пользуются этимъ и запирають ее довольно оригинальнымъ способомъ. Для этого выбираютъ такія курьи, которыя къ рѣкѣ имѣють узкія горловины или отверстія въ пять, десять, много пятнадцать сажень. Для запиранія выбирается ведренный день. Въ такіе дни особенно любить гулять рыба и заходить въ тихія воды. Въ нѣсколькихъ лодкахъ направляются Зыряне къ извѣстнымъ курьямъ и везуть съ собою огромные снопы дранокъ — тоненькихъ, узкихъ дощечекъ, перевитыхъ мочальными веревками на подобіе постельниковъ, какіе приготовляются изъ болотнаго тростника. Верхніе концы дранокъ срѣзаны прямо, а нижніе заострены. Подъѣхавши потихоньку къ курьѣ, Зыряне бросаютъ въ средину русла ея снопъ дранокъ, быстро развертываютъ его на обѣ стороны, и курья на нѣсколько минутъ заперта, выходъ рыбѣ изъ нея прегражденъ. Потомъ дранки укрѣпляютъ: сверху поколачиваютъ ихъ обухомъ, и заостренные концы глубоко входятъ въ землю, затѣмъ по ту и другую сторону дранокъ перебрасываютъ съ берега на берегъ слеги черезъ козлы. Какъ только мелкая рыба: окунь, ершь, плотва и сорожнякъ почувствуетъ, что она заперта, сейчасъ-же привалитъ большими стадами къ выходу и начинаетъ тереться около дранокъ. Тутъ ловятъ ее кужами въ огромномъ количествѣ, вялятъ, и изъ этого получается сушь, хорошее подспорье въ продовольствіи Зырянина. Большая рыба ведетъ себя благоразумно: она отходитъ въ хвостъ курьи, разбродится по кустамъ и вообще держится поодаль, пока вода не станетъ сильно сбывать и не подгонитъ ее противъ воли ближе къ запору. Зыряне съ того дня, какъ запрутъ рыбу, учреждаютъ около курьи постоянный караулъ, который и продолжается до окончанія ловли, завершаемой обыкновенно въ одинъ день. Рыбу вылавливаютъ неводами на-

чисто; когда воды останется въ курьѣ немного, это очень легко и удобно сдѣлать. Замѣчательно, что щуки пытаются перескочить черезъ запоръ и иногда имъ это удается. Зыряне рассказываютъ о необыкновенной смѣтливости леща въ попыткахъ освободиться изъ запертой курьи. Онъ подрывается подъ дранки и уходитъ, а если въ самомъ фарватерѣ курьи запоръ сдѣланъ мерёжкой, что иногда бываетъ, то лещъ, подбившись плашмя подъ мерезку, становится потомъ на ребро, поднимая сѣть на столько, что дѣлается свободный выходъ рыбѣ, которая пользуется этою услужливостію леща и стремительно выходитъ изъ курьи.

Зыряне устраиваютъ иногда запоры и на текучей водѣ; это въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разливъ при убыли скатывается съ широкихъ луговъ русломъ одной какой-нибудь рѣчки или крутоберегаго ручья. Устройство запора въ этихъ мѣстахъ бываетъ совершенно особенное: вколачивается поперекъ рѣчки изъ длинныхъ сосновыхъ слегъ рядъ тычекъ. Чтобъ не сваливало запора быстриною, наклонно противъ теченія ставятся къ тычкамъ упоры. На тычки, снабженныя изрѣдка обрѣшетникомъ, распяливается рѣдкая сѣть съ тяжелыми грузилами на нижней тетивѣ, лежащими на самое дно. Такого рода запоръ несравненно лучше еловыхъ драновокъ, связанныхъ въ ширмы. Сѣть съ крутыми ячеями позволяетъ свободно стекать водѣ, и тычки, при значительной быстринѣ, не претерпѣвая сильнаго напора отъ воды, легко выдерживаютъ ея стремленіе, тогда какъ сплошная ширина, съ узкими, самыми незначительными просвѣтами, имѣя болѣе точекъ соприкосновенія съ текучею водою, рѣдко выдерживаетъ ея напоръ, отчего часто разрываются запоры и много уходитъ рыбы. За то мерезка представляетъ неудобство въ случаяхъ смѣлой предприимчивости леща-освободителя.

Годами вылавливаются на хорошихъ мѣстахъ запертой рыбы

до 150 пудовъ изъ одной курьи. Попадается крупная щука, язь, лещъ, сизи, чирь, окуни и изрѣдка нельма. Въ продажу эта рыба идетъ мало; развѣ только ловъ производится въ мѣстностяхъ, лежащихъ неподалеку отъ городовъ, то рыбаки имѣютъ сбытъ ея по розницѣ, копѣйки 2—4 сер. за фунтъ, въ противныхъ обстоятельствахъ — весь уловъ потребляется въ своемъ быту.

При всѣхъ способахъ рыбной ловли: при закидываніи невода, запираньи курьи, при постановкѣ крылачей и кузь — Зыряне необыкновенно старательны; они работаютъ здѣсь съ чрезвычайною энергіею, не щадя живота своего. Подъ сильнымъ вѣтромъ и дождемъ, промокнувши до костей, иззябшій и полуголодный Зырянинъ не отойдетъ отъ невода, пока не окончится ловъ. Женщины переносятъ необыкновенно стойко такія-же трудности. Перебраниваясь съ молодыми парнями, окачивая другъ друга водою, перекидываясь различного рода шуточками и остротами, всегда циничнаго содержанія, молодья бабы и дѣвки смѣло идутъ съ неводомъ въ забродъ, обнажаясь при этомъ довольно безцеремонно.

Когда Зыряне на рыбной ловлѣ сильно проголодаются, они дѣлаютъ перехваточку (закусываютъ) сырою рыбою, выдавивши изъ нея кишки и соскобливши ногтемъ чешую. Непріятно видѣть, какъ живая рыбѣжка бьется и корчится въ зубахъ Зырянина, уписывающаго ее съ великимъ наслажденіемъ.

Курьи, принадлежащія обществу города Устьсысольска и Яренска, отдаются для рыбныхъ ловлей съ торговъ на три года въ арендное содержаніе. Часто арендуютъ ихъ не рыбаки-спеціалисты, а частные любители рыбныхъ ловлей, которые послѣ отдаютъ курьи изъ половины улова настоящимъ рыбакамъ, имѣющимъ всѣ снасти для запора рыбы и невода, и мережи для ловли. При этихъ сдѣлкахъ половинщики-рыбаки нерѣдко надуваютъ арендаторовъ; или

тайкомъ вылавливаютъ рыбу изъ курьи, или устраиваютъ слѣдующее оригинальное приспособленіе: на дно курьи втыкаютъ дугою и крестообразно два толстыхъ ивовыхъ прута. Подъ водою ихъ не видно. При вылавливаніи рыбы неводъ обыкновенно протягиваютъ по курьѣ изъ конца въ конецъ. Какъ только нижняя тетива невода накатится на днѣ на крестообразныя дуги, то сейчасъ-же поднимется по нимъ кверху, и вся крупная рыба останется въ курьѣ; только ту и вытащатъ, которая застрянетъ въ чучѣ, т. е. въ хвостѣ невода. Ловъ незадачливъ, между тѣмъ всѣ приемы и способы лова выполнены передъ лицомъ арендатора, который уѣзжаетъ съ курьи съ большимъ сокрушеніемъ о своей неудачѣ, объясняя ее плохими годами. Послѣ него рыбаки, оставшіеся въ курьѣ, будто-бы для уборки неводовъ и прочихъ рыболовныхъ снастей, сейчасъ-же вновь принимаются неводить, вытащивши конечно ивовыя дуги, и тогда вся крупная рыба достается имъ въ добычу.

Еще не уберется совсѣмъ весенняя вода въ берега, еще по низямъ держится заливная, и мелкіе ивовые кустарники, растущіе по окраинамъ большихъ рѣкъ, только выставятъ изъ-подъ воды свои тоненькія вершинки, опушенныя вербушкою, какъ Зыряне начинаютъ ловить рыбу подольниками. Это самая простая рыболовная снасть, состоящая изъ длинной, тонкой бечевки, на которую навязаны, на разстояніи маховой сажени другъ отъ друга, двѣнадцати-вершковыя поводки, плиски, ссученныя изъ волосъ. На плискахъ находятся небольшіе, остро наточенные крючки. Самые лучшіе крючки Зыряне готовятъ сами изъ обыкновенныхъ швальныхъ иглъ. Продажныя они не уважаютъ, такъ какъ они не выдерживаютъ большой рыбы и разгибаются. На каждомъ подольникѣ — отъ 50—70 крючковъ; бываютъ подольники и въ 100 крючковъ, но съ такими хлопотливо возиться, т. е. по чрезвычайной длинѣ ихъ утомительно выкидывать и вы-

бирать. Къ одному концу подольника привязываютъ камень, къ другому — поплавъ. Снасть эта бросается съ лодки вдоль рѣки, по теченію; на крючки насаживается красный земляной червь. На подольники хорошо ловится: лещъ, язь, чирь, изрѣдка сигъ и даже нельма. Лещи попадаются фунтовъ по семи и даже болѣе. Кромѣ этихъ простыхъ подольниковъ, исключительно назначенныхъ для бѣловой рыбы, зырянскіе рыбаки одновременно кидаютъ еще *щучьи* подольники, устроенные нѣсколько иначе. Щучій подольникъ имѣетъ не болѣе 15 крюковъ, навязанныхъ на толстые, плетеные изъ нитокъ, поводки или на тонкую мѣдную проволоку, скрученную вдвое. Крюки щучьяго подольника вѣрныя, упругіе и весьма большіе, равняющіеся англійскимъ 0. 0.; ихъ обыкновенно дѣлаютъ изъ старыхъ самоловныхъ крюковъ. Для наживки такихъ подольниковъ употребляютъ всякую мелкую рыбѣжку, задѣвая ее осторожно крюкомъ за спинку. Лучшими живцами считаются маленькіе карасики, которые всегда очень бойко ходятъ на крюкъ и долго не засыпаютъ; да и блестящій, золотистый цвѣтъ карася издалека видитъ щука, всегда съ особенною жадностію на него бросающаяся. Щучій подольникъ бросаютъ тоже вдоль рѣки, тоже ближе къ берегу и на тихихъ плёсахъ. Особенно хорошо садится на нихъ щука въ заводяхъ, подъ мысами на спокойномъ теченіи. Нерѣдко случается, что на такой подольникъ вѣрнется хищница, около семи четвертей величиною, фунтовъ 30—35 вѣсомъ, и пойдетъ потѣха! Рыбакъ медленно подводитъ ее къ своему маленькому челноку, а она бьется, мечется то въ ту сторону, то въ другую съ такою силою, что тащитъ нѣкоторое время за собою лодочку, какъ легкій поплавокъ; но, набонецъ, утомляется, тихо подходитъ къ борту, и рыбакъ, приподнявъ за поводокъ лѣвою рукою голову щуки, изо всѣхъ силъ вонзаетъ въ нее правою рукою щучій топоръ, состоящій изъ трехъ или четырехъ толстыхъ желѣзныхъ зубцовъ, вколо-

ченнахъ въ увѣсистую березовую рукоятку. Острые зубцы, снабженные зазубринками, глубоко входятъ въ тѣло щуки, и какъ бы рыба ни была велика, она не сорвется съ топора и становится добычею Зырянина. Ловля на подольники продолжается до Августа мѣсяца, а потомъ коренные рыбаки, живущіе по Вычегдѣ, исключительно начинаютъ заниматься ловлею на самоловы, которая и продолжается до глубокой осени.—Прежде Зыряне не имѣли понятія объ этой ловлѣ, исключительно назначенной для стерлядей, потому что не было въ рѣкахъ сѣверо-двинскаго бассейна этой благородной рыбы. Въ 1845 году, вслѣдствіе уничтоженія шлюзовъ упраздненнаго Екатерининскаго канала, для стерляди открылся свободный путь изъ Камы въ Вычегду, и она вздумала заглянуть на сѣверъ этимъ путемъ и чудесно оклиматизировалась въ здѣшнихъ рѣкахъ, сдѣлавшись несравненно вкуснѣе волжской и камской стерляди. Изъ Вычегды стерлядь быстро пошла въ Двину и поднялась въ Югъ и Сухону. Уже въ 1846-мъ году тетемскіе рыболовы выручали отъ стерлядей въ Тотмѣ и Вологдѣ до 600 руб. сер., продавая отъ 3—7 коп. за фунтъ. На Вычегдѣ у Зырянъ, при появленіи стерлядей, сперва не знали какими снастями ловятъ эту рыбу, и когда какой-то пришлый солдатъ, рыбакъ съ Волги, показалъ устройство самолововъ и примѣнилъ ихъ къ дѣлу, то стерлядь пошла на нихъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что ее продавали въ Усть-сысольскѣ по 2 коп. серебромъ за фунтъ. Можно себѣ вообразить, что стерлядь въ 20 фунтовъ, это будетъ въ аршинъ мѣрою, можно было купить за 40 коп. сер., тогда какъ на Шекснѣ она стоила до 25 руб. сер. и даже болѣе, а въ Петербургѣ — еще дороже. На такую громадную разность въ цѣнности стерлядей первый обратилъ вниманіе Устьсысольскій купецъ Н. А. Поповъ и задумалъ заняться торговлею ими, посредствомъ доставки ихъ въ живомъ видѣ

въ Петербургъ. Для этого онъ устроилъ съ двойнымъ дномъ прорѣзную лодку изъ обыкновеннаго шитика и первую партію стерлядей свелъ въ Петербургъ такъ удачно, что уснуло только нѣсколько штукъ. За первую партію послѣдовала на другой годъ вторая, затѣмъ третья, и такъ каждый годъ, до настоящаго времени, Поповъ продолжаетъ сбывать выгодно стерлядей въ Петербургѣ, покупая ихъ у вычегодскихъ рыбаковъ на вѣсъ и продавая на мѣру. Только цѣнность на стерлядей на мѣстахъ закупокъ значительно измѣнилась съ 1847 года: черезъ десять лѣтъ, въ 1857 году, Зыряне продавали ее по 15 — 20 коп. сер. за фунтъ, нынѣ дошла она до 75 коп.

Интересенъ способъ ловли у Зырянъ сырпомъ или плавательною мережею. Этою снастью начинается ловля съ самой ранней весны и продолжается до поздней осени. Сырпъ — сажень тридцать длины и отъ трехъ до четырехъ сажень ширины; онъ вяжется съ ряжемъ, т. е. съ другою снастью, такъ что вся мережа выходитъ двойною: одна затылочная часть ея частая, а другая, передняя, рѣдкая. Сырпомъ ловятъ очень крупную рыбу и не иначе, какъ въ двухъ лодкахъ, на которыхъ рыбаки держатъ концы мережи. Плаваніе совершается почти такъ-же, какъ и поплавнями на Печорѣ: сырпъ опускается въ воду, нижняя тетева его, снабженная грузилами, идетъ ко дну, верхняя остается близко къ поверхности воды, потому что лодки, разъѣзжаясь другъ отъ друга на всю длину сырпа, натягиваютъ его и затѣмъ ихъ сноситъ теченіемъ внизъ. По движенію мерѣжки въ рукахъ узнается, когда рыба запутается въ сырпъ и тогда его сейчасъ-же выбираютъ, поднимая за верхнюю и нижнюю тетиву вдругъ, причемъ лодки сталкиваются бортами вмѣстѣ. — Сырпъ послѣ невода почти единственная снасть, въ которую попадается вкусная крупная нельма. Особенно добычливъ бываетъ ловъ этою снастью по веснѣ, въ тихія утреннія

зори, когда потонуть въ туманѣ окрестности и паръ дымится отъ воды. Въ такія утра Зыряне множество налавливаютъ рыбы сырномъ, наблюдая при этомъ глубокую тишину, какъ необходимое условіе при ловлѣ всякими плавательными мережами.

Кромѣ описанныхъ способовъ рыбной ловли, существуетъ въ Зырянскомъ краѣ еще множество другихъ, но ограничивающихся незначительною добычею, поэтому и незаслуживающихъ подробнаго описанія. По озерамъ ловятъ щуку, подростковъ и карасей вершами въ заяски и ботальными мережами; въ осеннія темныя и тихія ночи ѣздятъ съ лучемъ и бьютъ рыбу острогою; въ Августѣ мѣсяцѣ, когда щука особенно бываетъ прожорлива, удачно плаваютъ съ дорожкой; по истокамъ и ручьямъ ставятъ хвостуши для мелкаго налима и молей; въ свѣтловидныхъ песчаныхъ рѣчкахъ, выбѣгающихъ изъ глубины темныхъ лѣсовъ припечорья и сѣверодвинскаго бассейна, много ловятъ харьюзовъ въ ботальныя мережи и на удочку. Всѣ эти послѣдніе способы рыбной ловли повсемѣстны: они употребляются въ Россіи съ сѣверныхъ точекъ Архангельской губерніи до южныхъ предѣловъ Оренбургской, и потому мы вдаваться въ описаніе ихъ не станемъ, но скажемъ нѣсколько словъ объ уженьи рыбы въ зырянскомъ краѣ, о такомъ уженьи, которое составляетъ не стяжаніе промысловаго человѣка, не добычу рыбака по ремеслу, но удовольствіе страстнаго любителя — охотника, а ихъ не мало въ зырянскомъ краѣ, особенно между городскимъ населеніемъ.

Выше мы упоминали о курьяхъ или заливахъ, въ которые во время весенняго разлива заходитъ рыба изъ рѣкъ для метанія икры. Такихъ заливовъ по низменнымъ берегамъ Вычегды и Сысолы очень много. Теченіе въ рѣкахъ во время весны, когда вода вровень съ окраинами береговъ, бываетъ очень быстро. Подчасъ на широкомъ водномъ про-

странствѣ разшумится погода, заиграетъ рѣка бѣлыми бара-
нами, которые бьются съ глухимъ шумомъ въ береговые
обрывы; между тѣмъ какъ въ заливахъ, между холмистыми
ихъ берегами, иногда обставленными высокими пихтами и
елями, тихо и покойно бываетъ въ это время; поверхность
воды невозмутима, она лоснится какъ пролитое масло, от-
ражая въ себѣ опрокинувшіяся деревья и глубокой куполь
неба съ быстро несущимися облаками. Въ такомъ заливѣ
привольно для рыбы. Лещи, язи, сига, головли, чирь, сорога
всѣхъ сортовъ, елецъ и даже окунь — заходятъ большими
стадами на спокойную воду курьи и тихо въ ней разгули-
ваютъ. Подойдите осторожно къ такой курьѣ, подкрадитесь
изъ-за кустовъ и наблюдайте: вы увидите, какъ прутья
раkitника, залитаго водою, пошевеливаются, перебираются:
это трется объ нихъ рыба, выбивая изъ себя игру. Вогъ
упалъ на поверхность залива сухой листочекъ, вода разда-
лась въ этомъ мѣстѣ, листочекъ исчезъ: его схватилъ ка-
кой нибудь лещъ или язь, но почувствовавъ несъдобное,
выбросилъ; листочекъ опять всплылъ на томъ-же мѣстѣ.
По временамъ вырѣзываются на поверхности воды круги,
кое-гдѣ слышенъ всплескъ, но тихій, сдержанный. Въ за-
ливѣ рыба ведетъ себя скромно и осторожно; она, какъ
будто, оберегаетъ мѣсто своего размноженія, не то что на
вольной водѣ, гдѣ часто случается видѣть шумные вспле-
ски, а подчасъ и скачки рѣзвящейся рыбы.

Первое съ весны, самое веселое и добычливое уженье
бываетъ въ зырянскомъ краѣ, именно въ такихъ заливахъ.
Обыкновенно для этого выбирается хорошая погода, ясный,
теплый и тихій день, какіе часто случаются въ сѣверномъ
краѣ въ началѣ и около половины Мая. Мѣсто выбирается на
курьѣ уютное и непремѣнно потайное, и притомъ противъ
солнца, чтобъ рыба не только не видала сидящаго на берегу
человѣка, но чтобъ даже тѣнь отъ него не ложилась на воду.

Лучше всего съѣсть за какой нибудь густой кустъ, а если не случится въ удобномъ мѣстѣ природнаго куста, то заранѣе натывать погуще еловыхъ и пихтовыхъ вѣтокъ такъ, чтобы рыбакъ совсѣмъ за ними скрывался. Удочки для ловли на курьѣ должны быть средней длины, легкія, съ крючками № 2-го или 3-го, съ небольшими поплавками, которые-бы ложились на воду безъ шума и всплеска, а свободно и легко. Наживляются крючки въ это время обыкновеннымъ навознымъ червемъ. Рыбакъ, тихо подойдя къ курьѣ и усѣвшись на заранѣе приготовленное мѣсто, осторожно закидываетъ удочки къ кусту ракутника, недалеко отъ берега, подъ нависѣль распустившейся вербы, между вѣтвями которой особенно любитъ гулять рыба во время нереста. Поплавокъ пускается мелко, вершковъ на десять отъ крючка. Спокойно лягутъ поплавки; они неподвижно стоятъ на одномъ мѣстѣ, теченія въ курьѣ нѣтъ, вѣтеръ ихъ не тревожитъ. Рыбакъ зорко наблюдаетъ за ними изъ своей засады. Вотъ поплавокъ пошевелился и тихо, тихо пошелъ въ сторону; пора! подсѣкайте! смѣло, рѣшительно подсѣкайте: это большая рыба, она всегда такъ беретъ въ курьѣ, гдѣ обыкновеннаго клѣва не бываетъ, а бываетъ просто *боръ*, т. е. рыба сразу схватываетъ наживку и тихо идетъ съ нею въ сторону. Послѣ подсѣчки, когда уже добыча на крючкѣ, слышно ея величину и ея породу. Если язь или голавль, то движенія порывисты, бойки. Старайтесь тогда направить рыбу на чистое мѣсто, отвести отъ куста, куда обыкновенно она стремится броситься и гдѣ легко можно потерять и добычу и удочку; если — лещъ, то его сопротивленія плавны и какъ то лѣнны: послѣ двухъ, трехъ всплесковъ онъ ложится на бокъ и идетъ какъ доска. Настоящій охотникъ, опытный рыбакъ, вытаскиваетъ рыбу изъ курьи такимъ образомъ, что и всплесковъ не бываетъ. Онъ не дозволитъ ей и вырваться на поверхность, и тихо, осторожно подведетъ къ берегу, и чтобъ углубить ее, погружаетъ для

этого конецъ удочки въ воду. Такъ дѣйствовать слѣдуетъ для того, чтобъ не набулькать въ курьѣ, не надѣлать на-
праснаго шума: его страшно боится въ это время рыба и ухо-
дить изъ залива въ рѣку. Выудивши на одномъ мѣстѣ боль-
шую рыбу, слѣдуетъ перейти на другое въ той же курьѣ и
удить съ такою же осторожностію; потомъ опять на первое
мѣсто, и такъ при хорошемъ уженьи ловъ можетъ продол-
жаться съ 10 часовъ утра до 4-хъ пополудни. Затѣмъ
рыба перестаетъ брать въ курьѣ. Сознаемъ, что для нетер-
пѣливаго охотника такое уженье мало имѣетъ прелести. Соблю-
деніе чрезмѣрной осторожности и довольно длинныя проме-
жутки между *боромъ* рыбы могутъ не понравиться, но за-
то какіе великолѣпнѣйшіе экземпляры попадають на удочку
въ это время! Язи и головы въ 6—19 фунтовъ, лещи въ
8—12 фунтовъ не рѣдкость, а случается подхватить и
 сига, сидеть иногда лохъ или чирь (*Coregonus nasutus* Pabb)
фунтовъ 15-ти. Ужъ потѣшитъ же онъ, взволнуетъ сердце
рыбака своими смѣлыми бѣшенными скачками. Сколько уси-
лій, терпѣнія, ловкости требуется для того, чтобъ вытащить на
средней толщины лесѣ такую большую рыбу; а вытащили, сколь-
ко наслажденія, сколько торжества... Это можетъ постигнуть
душа только истиннаго рыбака. Оборвала рыба удочку, идите
съ этой курьи на другую: сколько-бы вы ни сидѣли, не выудите
болѣе въ этомъ заливѣ ни одной рыбы въ тотъ день.

Случалось, сидишь тихо надъ удочкою въ своемъ тай-
никѣ, сидишь и ждешь, притаивъ дыханіе, съ замираніемъ
сердца, той секунды, когда рыба поволочетъ наплавокъ.
Испугавшись появленія человѣка, она притихла въ заливѣ.
Но вотъ начинаютъ показываться круги на поверхности
курьи, у противоположнаго берега шевельнулись прутья вер-
бы, вотъ выставилось сперва широкое перо, а за нимъ
горбатая спина леща около самой удочки, вотъ сейчасъ
схватить... но что-то съ шумомъ шлепнулось въ воду

съ высокой ели, растрепавшей свои сучья надъ курьею: это бѣлка спустила еловую шишку. Рѣзвый звѣрекъ съ конца вѣтки весело смотритъ на зеркальную поверхность воды и, увидѣвъ на берегу человѣка, быстро скрывается, а рыба, испуганная нечаяннымъ всплескомъ отъ упавшей шишки опять запала, притаилась; снова нужно ожидать, пока она успокоится и начнетъ гулять. Только пришло все въ порядокъ, только начинаешь выслѣживать снова загулявшую рыбу, вдругъ въ воздухѣ слышенъ рѣзкій свистъ крыльевъ, и пара кряковыхъ утокъ со всего размаха хлестонулась на заливъ, широко раздалась вода, всполыхнула поверхность курьи. Селезень, ярко блистая весеннимъ своимъ опереніемъ, охорашивается, кружится около самки, а та ощищается, купается, встряхиваетъ своими крыльями, бьетъ ими объ воду: ши-ши-ши! озорники, рыбу напугали! Улетѣли утки, и рыба снова затихла и опять нужно дожидаться, пока она успокоится. И такія сцены зачастую случаются при уженьи на курьяхъ. Они досаждаютъ рыбака, беспокоятъ, волнуютъ его, сильно разжигая его страсть, и этимъ-то именно придаютъ тотъ заманчивый, увлекательный, незамѣнимый интересъ, который имѣетъ для истиннаго охотника уженье на курьяхъ.

Когда вода пойдетъ быстро на убыль, рыба уже перестаетъ заходить въ заливъ, и уженье на курьяхъ кончается. Въ запертыхъ курьяхъ рыба не клюетъ; чувствуя себя арестованной, она тревожно ходитъ около затона и ни за что не возьметъ на удочку.

Съ начала Юня возстанавливается хорошій клѣвъ рыбы въ рѣкахъ и большихъ озерахъ зырянскаго края. Уженье производится въ рѣкахъ преимущественно на рака, въ озерахъ — на червя. Какъ рѣчное уженье такъ и озерное совершается обыкновенными способами и приемами, много разъ описанными и съ величайшею подробностію объясненными даровитѣйшимъ патріархомъ нашихъ рыболововъ и охотниковъ — Серг. Тим. Аксаковымъ, въ его безсметрныхъ «За-

пискахъ объ уженъи». Хотя зырянскій край лежитъ совершенно на противоположной точкѣ Россіи — относительно Оренбургскаго, въ которомъ удиль Сергѣй Тимофѣевичъ, но нравы рыбъ этихъ двухъ, далеко другъ отъ друга отстоящихъ, мѣстностей не отличаются рѣзке выдающимися особенностями, и потому устройство удочекъ, наживка на нихъ, время для уженья совершенно сходны съ указанными Аксаковымъ. Но чего нѣтъ въ Оренбургскомъ краѣ, то это — уженья *харьюзовъ* (*hymolis rexleifer*, Agass.).

Въ большія рѣки сѣверо-двинскаго и Печорскаго бассейна вливается безчисленное множество маленькихъ свѣтловодныхъ рѣчекъ. Они вытекаютъ изъ глубины громадныхъ лѣсовъ, мѣстами перекатываясь по переборамъ, мѣстами образуя глубокіе омуты. Рѣчки эти въ свободныхъ плѣсахъ имѣютъ теченіе большею частію быстрое; дно ихъ составляетъ хрящеватый песокъ, усѣянный мелкими камешками. По самымъ краямъ рѣчекъ растетъ густой лѣсъ. Громадныя столѣтнія сосны и ели, подрытыя береговыми отсыпями, склоняются съ обоихъ береговъ надъ ложемъ рѣчки, переплетаются своими вершинами и образуютъ надъ нею, иногда на нѣсколько десятковъ сажень, непроницаемый зеленый сводъ. Въ такихъ то рѣчкахъ водится въ несмѣтномъ количествѣ харьюзъ, чрезвычайно миловидная и вкусная рыба изъ сигаовой породы. Харьюзъ достигаетъ до 3 фун. вѣсомъ. Добыть его изъ глубокихъ омутовъ, заваленныхъ отъ окружающаго лѣса хламомъ и колодинами, невозможно никакими снастями кромѣ удочки. Ловъ харьюза начинается съ половины Іюня и продолжается до Августа. Удятъ эту рыбу на мелкія наплавныя удочки, наживляемые навознымъ червемъ. Для того, чтобы ловъ былъ добычливъ, рыбаки поднимаются на легкихъ своихъ лодочкахъ какъ можно выше по рѣчкѣ, въ лѣсную глушь, на мѣста, рѣдко посѣщаемыя человѣкомъ. Тамъ харьюза больше и онъ крупнѣе.

Черезъ переборы, преграждающіе плаваніе, черезъ лѣсные *заломы*, запруживающіе мѣстами рѣку до того, что едва видно сочащуюся подъ ними воду, легкую лодочку перетаскиваютъ до свободнаго плёса или омута и затѣмъ опять поднимаются на веслахъ до слѣдующей преграды. Такъ случается забираться рыбаку версть за тридцать и болѣе въ глубину лѣса. Прибывъ на мѣсто, гдѣ предполагается учинить уженье харьюзовъ, рыбаки занимаются устройствомъ ночлега: выдергиваютъ лодку изъ воды, оборачиваютъ ее къ верху дномъ, дѣлаютъ шалашъ изъ вѣтвей хвон, разводятъ на берегу огонь и на притыкѣ вѣшаютъ надъ нимъ свой походный котелокъ, въ которомъ готовятъ себѣ кашницу, а если есть съ собою рыба — то уху. Мѣсто для своей стоянки выбираютъ рыбаки непременно сухое, на лужайкѣ, какія часто встрѣчаются по берегамъ лѣсныхъ потоковъ и рѣчекъ. На другой день, едва солнце освѣтитъ верхушки лѣса, рыбаки уже при дѣлѣ. Они размѣстились по берегамъ, гдѣ вода, выходя изъ глубокихъ омутовъ, журчитъ по мелкимъ камешкамъ. Харьюзъ *плавится*, т. е. подымается изъ омутовъ на переборъ и играетъ на мелкой водѣ; тутъ онъ ищетъ себѣ пищи: ловитъ мошку, овода, комара, червячка или жужжелку, упавшую съ лѣса. Красивая рыбка вся на виду: она какъ серебромъ сверкаетъ своею блестящею чешуею. Рыбакъ бросаетъ свою удочку такъ, чтобъ крючекъ съ червякомъ прямо упалъ къ самому харьюзу, который съ жадностію хватаетъ наживку и попадаетъ на удочку. Если харьюзъ плавится далеко отъ берега и удочку нельзя добросить до него, рыбакъ безъ церемоніи забродитъ въ воду, приближается къ харьюзу на такое разстояніе, какое нужно и навѣрняка выуживаетъ рыбу. Харьюзъ рыба смѣлая и жадная. При уженьи ея не соблюдается никакой осторожности, не то что въ курьяхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, рыба боится всякаго шороха. Чѣмъ болѣе солнце

обогрѣваетъ природу, тѣмъ въ большемъ количествѣ появляется харьюзовъ на переборахъ и, наконецъ, они начинаютъ плавиться цѣлыми стадами: тогда успѣвай только закидывать удочку, да таскать рыбу; наконецъ клѣвъ харьюзовъ доходитъ до такой смѣлости, что они хватаютъ насадку положительно на лету и если на удочкѣ два крючка, то рыбакъ начинаетъ таскать безпрестанно по двѣ рыбы вдругъ. Такъ продолжаетъ клевать рыба часовъ до одиннадцати утра. Затѣмъ клѣвъ прекращается, и пора: рука устала, таскавши харьюзовъ, да и выуженную рыбу нужно обдѣлать. Съ собою взяты кадочки и соль: харьюзовъ потрошатъ, чистятъ, пластаютъ и присаливаютъ. Часовъ около пяти снова начинается уженье, но уже не такое добычливое какъ утромъ. Замѣчательно, что харьюзы на одномъ переборѣ бываютъ всѣ одной величины. Если рыбаку показались харьюзы малы, онъ отыскиваетъ другой переборъ съ крупными харьюзами. Въ омутѣ харьюзы не берутъ: свѣтлая вода лѣсныхъ рѣчекъ прозрачна на нѣсколько аршинъ глубины; вы можете видѣть отчетливо разгуливающихъ въ омутѣ харьюзовъ, но сколько-бы ни старались ихъ удить, какъ бы не подставляли имъ подъ самый носъ лакомую насадку на вашемъ крючкѣ, ни одинъ харьюзъ до нея не дотронется. Сначала уженье харьюзовъ покажется весьма занимательнымъ, но затѣмъ слишкомъ безцеремонный клѣвъ, однообразіе добычи, ея необычайное обиліе дѣйствуютъ утомительно на истиннаго охотника, и рыбаки-аматеры недолюбливаютъ такое уженье. Къ тому же во время самаго лучшаго клѣва харьюзовъ, въ концѣ Іюня, въ лѣсныхъ труппахъ зырянскаго края водится великое множество комаровъ, отъ назойливости которыхъ не хватаетъ терпѣнія даже у мѣстныхъ, привычныхъ къ нимъ промышленниковъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

На Шекснѣ.

	СТРАН.
I. Охота пуще неволи	7.
II. Ужение рыбы на Шекснѣ	57.
III. Шуйга	79
IV. Весна и весенняя охота на Шекснѣ	104.

~~~~~

II.

Въ зырянскомъ краѣ.

I. Переселенцы	123.
II. Бѣлый боръ	144.
III. Черныя утки	175.
IV. Ляйкѣджъ	194.
V. Лѣмъ-ю	259.
VI. Щугоръ	304.
VII. Попадья-охотница	357.
VIII. Рыбныя ловли зырянъ	363.

